

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

(V — XV века)

Пособие для учителей

Составители
В. Е. Степанова, А. Я. Шевеленко

«ПРОСВЕЩЕНИЕ»

Москва 1969

Рецензенты:
доктор исторических наук В. Ф. Семенов,
учителя Г. М. Донской и Е. В. Агибалова.

Степанова В. Е. и Шевеленко А. Я.

С-79 История средних веков. Хрестоматия. Пособие для учителей. Сост. В. Е. Степанова, А. Я. Шевеленко. М., «Просвещение», 1969.

335 с.

В хрестоматию включены документы из юридических актов, государственных договоров, сочинений хронистов, путешественников, писем современников и других источников.

Материалы отобраны соответственно школьной программе и сопровождаются комментариями.

6-5
215—68

9 (И)1(07)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение истории тесно связано с использованием документального материала — основного источника наших знаний о прошлом. Поэтому одним из важных методов преподавания истории в школе является работа с историческими документами. Действительно, ознакомление учащихся непосредственно с источниками помогает им как бы приоткрыть дверь в прошлое, познать явления в их первозданном виде, живее ощутить пульс исторического процесса. Преподавание истории во многом теряет ценность, когда оно утрачивает связь с реальным дыханием подлинных документов, в которых отражено свое время и чувствуется ритм эпохи.

Ныне документы (приводимые полностью, отрывки из них либо адаптации) стали неотъемлемой частью методического аппарата всех школьных учебников по истории, изданных у нас после 1962 г., причем объем этих документов соответственно увеличивается, а характер их усложняется от параллели к параллели. Опытные учителя, умело пользуясь документацией, способствуют активизации учебного процесса. Обладая силой яркой доказательности, источники повышают заинтересованность учеников к изучаемому материалу, привлекают их внимание, активизируют восприятие и организуют мышление учащихся, способствуют развитию у них первоначальных приемов самостоятельного анализа исторического текста. Все это обеспечивает более прочное и глубокое усвоение материала.

Знакомя школьников с историческим документом и привлекая их к посильному разбору самого источника, преподаватель постепенно прививает учащимся навыки самостоятельной работы с документом, умение не только разобраться в приводимых фактах, но и сделать обобщения. Ценность такой познавательной работы с документом очевидна. Безусловно, что использование документов на уроке, тем более в классах неполной средней школы, может лишь отдаленно подвести учащихся к постижению элементов исследовательской работы. Поэтому именно от учителя зависит методически правильная постановка вопроса о работе с текстом документа. Некоторые дополнительные и более подробные сведения об этом учитель может почерпнуть в таких

пособиях, как: М. А. Зиновьев. Очерки методики преподавания истории. Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1955; А. А. Вагин и Н. В. Сперанская. Документальный материал на уроках истории. М., 1959; А. И. Стражев. Методика преподавания истории в школе. М., 1964; А. А. Вагин. Методика преподавания истории в средней школе. М., 1968.

Но одним документальным материалом, помещенным в учебнике, учитель в своей работе ограничиваться не может и не должен. Помощь в подборе документов, необходимых для урока и внеклассных занятий, а также в пополнении своих знаний и расширении кругозора окажет хрестоматия. В качестве одной из таких хрестоматий мы и предлагаем вниманию учителя сборник документов по истории средних веков. В отличие от ранее изданных пособий подобного рода, обеспечивавших главным образом изучение истории средних веков в вузе, данная хрестоматия составлена в соответствии со школьной программой. Исключение сделано лишь для некоторых, наиболее существенных вопросов, не предусмотренных школьным курсом. Составители стремились учесть специфику школьного курса истории, его задачи и объем, вследствие чего книга рассчитана прежде всего на учителя. Поэтому здесь подобраны такие исторические документы, которые, с одной стороны, отражают основные черты и этапы развития феодального строя и касаются узловых вопросов истории средних веков, а с другой стороны, достаточно важны, ярки, своеобразны и доходчивы и тем самым могут помочь решить образовательно-воспитательные задачи работы с учащимися.

В первую часть хрестоматии включены различные по происхождению, типу и содержанию документальные материалы, характеризующие последовательно период зарождения и установления феодального строя (раздел I) и частично период развитого феодализма (раздел II) вплоть до учебной темы «Чехия в XIII—XIV вв.» [1]. Структура книги соответствует структуре школьного курса истории средних веков: раздел, глава, тема. В пределах каждого раздела документы расположены по главам, а в пределах глав — по отдельным странам и проблемам в хронологической последовательности.

Как правило, приводимые документы значительно сокращены за счет второстепенных фактов или необязательных деталей. Но

[1] Остальное войдет во вторую часть хрестоматии.

реальный смысл конкретного исторического источника всюду сохранен. Некоторые документы препарированы, хотя в основном и они даны в соответствии с тем источником, откуда заимствованы. Естественно, что работу по адаптированию отдельных документов может продолжать сам учитель с учетом подготовки учащихся тех классов, в которых он преподает. Сложные выражения и термины, встречающиеся в документах, объяснены, кроме тех случаев, когда такое объяснение имеется в учебнике или данные понятия хорошо известны читателю. Количество документов по каждой теме значительно превосходит то, что можно практически использовать на отдельном уроке. Это дает возможность учителю самому отобрать такие источники, которые помогут ему лучше раскрыть тему в зависимости от содержания рассказа, уровня подготовки учащихся и наличия в школе различных наглядных пособий.

Каждой теме предпослан общеметодический текст, в котором дана характеристика очередной группы документов, а в отдельных, важных случаях указаны приемы их использования. И только там, где требуется более развернутое толкование содержания документа (например, при использовании «Салической правды», «Земледельческого закона», «Великой хартии вольностей»), такая характеристика помещена непосредственно перед документом. В большинстве же случаев отдельным документам предпослана краткая источниковедческая справка, в которой приведены биографические сведения об авторе, его социальной принадлежности и охарактеризовано отношение к описываемым событиям, очерчены обстоятельства появления этого источника и его достоверность.

Исключая подробные методические комментарии к документам, составители исходили из того, что приемы работы с источниками очень многообразны, зависят от опыта и умения учителя, от целевой установки и структуры урока, а также от степени подготовленности каждого класса и других условий.

Важную роль в подготовке учителя к уроку играет изучение трудов основоположников марксизма-ленинизма. История Западной и Центральной Европы, Византии и арабов в средние века нашла отражение во многих марксистско-ленинских произведениях, содержащих глубокий анализ сущности общественных отношений. В приводимом ниже списке этих произведений внача-

ле рекомендуются работы, касающиеся всей эпохи феодализма, затем — характеризующие периоды раннефеодальный и развитого феодализма (до темы «Чехия в XIII—XIV вв.»), в соответствии с материалом первой части хрестоматии.

ОБЩИЙ ОТДЕЛ

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, стр. 423—459.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 45—49.

К. Маркс. Капитал, т. 1, гл. 3, 12, 24. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 23, стр. 125—134, 348—381, 725—773; Капитал, т. III, гл. 20, 36, 47. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. 1, стр. 355—370; т. 25, ч. 2, стр. 142—162, 344—379.

К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М, 1940, стр. 1—52.

К. Маркс. Письмо И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 424—427.

К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 29—40, 47—53, 50—57, 121—129, 139—170, 178; т. VI, стр. 45—51, 303—345; т VII, стр 98—100, 147—157, 175—186, 277—279, 319—328, 331—342, 354—359; т. VIII, стр. 26—34, 84—94, 230—267.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 83, 130—178.

Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств Там же, стр. 406—416

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Там же, стр. 287—291, 307—317.

Ф. Энгельс. Юридический социализм. Там же, стр. 495—498.

Ф Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 327—345

Ф. Энгельс. Принципы коммунизма. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 324—325.

Ф. Энгельс. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 298—320.

В. И. Ленин. О государстве Полн. собр. соч., т. 39, стр. 64—84.

В. И Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр 183—185, 199.

В. И. Ленин Карл Маркс. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 57—58.

В. И. Ленин. О конституционных иллюзиях. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 39—41.

В. И. Ленин. Сила и слабость русской революции. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 225—227.

В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 418—419.

Раздел I

Древние германцы. Франкское государство

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, стр. 424—425.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр 20—23, 74.

К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 279—281.

К. Маркс. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. 19, стр. 400—421.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К Маркс и Ф Энгельс. Соч., т. 21, стр. 143, 150—155, 175.

Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 329—338.

Ф. Энгельс. Франкский период. Там же, стр. 495—518.

Ф. Энгельс [О Франции в эпоху феодализма] Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 279—302.

Ф. Энгельс. Заметки о Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 571—572.

Ф. Энгельс. К истории древних германцев К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 19, стр. 442—494.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 105—106, 188—189, 643—645.

Славяне и Византия

К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т V, стр. 23—25, 36—38, 40—44, 79—83.

К. Маркс. Действительно спорный пункт в Турции. К. Маркс и Ф Энгельс. Соч., т. 9, стр. 11 — 15.

К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 42—43, 48.

Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 347—348, 500—501, 506—508.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф Энгельс. Соч., т 21, стр. 61—63

Ф. Энгельс. Юридический социализм. Там же, стр. 495.

Арабы

К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 35—36, 109—121

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 294.

Раздел II

Возникновение и рост средневековых городов

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т.3, стр. 19 — 25, 49 — 61, 77 — 78.

К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 346, 351—352, 363—372, 725—728, 759—760; Капитал, т. III. Соч., т. 25, ч. 1, стр. 355—370; ч. 2, стр. 142—152, 159—162, 344—379, 399, 470—483.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20. стр. 17—18, 106—108, 278—284, 303.

В. И. Ленин. По поводу так называемого вопроса о рынках. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 86—87, 94—95.

В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 21—25, 57—60, 328—341, 358—368.

Крестовые походы

К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 161—174, 184—188, 190—215, 230—232.

Ф. Энгельс. Письмо К. Шмидту от 12 марта 1895 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 484.

Франция и Англия в XI—XV вв.

К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 280—282, 715, 728—729, 748—749.

Ф. Энгельс. Письмо к Ф. Мерингу от 14 июля 1893 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 464—465.

Ф. Энгельс. [О Франции в эпоху феодализма.] Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 279—302.

УСТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ

ГЛАВА I.

Установление феодального строя в Западной и Центральной Европе

•

ТЕМА.

ГЕРМАНЦЫ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Изучая тему «Германцы после падения Западной Римской империи», учитель неоднократно возвращается к характеристике разлагавшегося родового строя у древних германцев. Его пережитки сохранялись у германцев длительное время после завоевания ими империи и их расселения по римским провинциям. Наиболее полное описание черт этого строя в исторически близкое к переселениям время имеется в сочинении Публия Корнелия Тацита (ок. 54—120 гг.) «О происхождении и местожительстве германцев» (или сокращенно «Германия»), написанном около 98 г. За несколько лет до этого Тацит служил наместником в Бельгике и лично встречался с жителями соседних германских районов. Кроме того, он использовал в своем труде рассказы купцов, германских по происхождению рабов, официальные документы пограничной стражи и ряд работ других авторов. Приводим те части сочинения Тацита, в которых говорится о занятиях и общественном строе у германцев. Учитель может использовать эти материалы, чтобы составить себе более полное представление в первую очередь о занятиях германцев и их земледельческой общине.

Следующие документы освещают вопросы о вторжении германцев в Римскую империю и их расселении на ее землях. Отрывок 2 взят из сочинения марсельского священника Сальвиана «О правлении божьем» (ок. 450 г.). Проживая в Галлии, он своими глазами видел упадок римских рабовладельческих порядков и солидарность притесняемого населения провинции с вторгавшимися в нее германцами. Будучи родом из прирейнской области, он наблюдал крах прежних порядков и в городе Трире (отрывок 3 из того же сочинения).

Далее следуют четыре отрывка, иллюстрирующие на примере племени вестготов процесс вторжения германцев в империю и расселения на новых землях. Документ 4 относится к 376 г., когда гунны вторглись из Прикаспия в Причерноморье, изгнав оттуда остготов, а последние потеснили вестготов, которые перешли через низовья Дуная и осели в провинции Мезия (совр. Болгария). Притесняемые римскими властями, они подняли в 378 г. восстание и разбрелись по Фракии и Иллирии (документ 5). Отсюда в начале V в. они вторглись в Италию и осадили Рим (документ 6). Разграбив его в 410 г., вестготы перешли в Южную Галлию и создали свое королевство, отобрав ряд земель у местного населения. То же сделали они в Северной Испании, захваченной

ими во второй половине V в. Порядок раздела ими земель в Галлии и Испании отражен в документе 7.

Наконец, последние два документа позволят учителю составить представление о варварах в Италии. В документе 8 говорится о захвате ее остготами в 488—492 гг. Школьный учебник не упоминает о лангобардах, и ученики порой думают, что Карл Великий в VIII в. захватил Северную Италию у остготов. Поэтому мы приводим также документ 9, освещающий покорение Северной Италии лангобардами в 568—575 гг.

В конце темы изучаются вопросы о хозяйстве и соседской общине у германцев. Для характеристики этих вопросов привлекается «Салическая правда». (Объяснение и текст этого документа см. на стр. 32—42.) Ее титулы XIV и XLI касаются взаимоотношений франков и покоренных жителей Галлии, титул XLV — порядка переселений из одной общины в другую, титул LX — распада рода, титулы о человекоубийстве показывают возникающее социальное неравенство, титулы II—IX, XXII, XXVII свидетельствуют о домашнем хозяйстве в общинах.

1. ТАЦИТ. «О ПРОИСХОЖДЕНИИ И МЕСТОЖИТЕЛЬСТВЕ ГЕРМАНЦЕВ»

... Германцы любят, чтобы скота было много: в этом единственный и самый приятный для них вид богатства. В золоте и серебре боги им отказали, не знаю уж по благосклонности к ним или же потому, что разгневались на них. Я, однако, не утверждаю, что в Германии совсем нет месторождений серебра и золота; но кто их разведывал? Впрочем, германцы и не одержимы такой страстью к обладанию [драгоценными металлами] и к пользованию ими [как другие народы]; у них можно видеть подаренные их послам и старейшинам серебряные сосуды не в меньшем пренебрежении, чем глиняные. Впрочем, ближайшие [к Рейну и Дунаю племена] ценят золото и серебро для употребления в торговле: они ценят некоторые виды наших монет и отдают им предпочтение; живущие же внутри страны пользуются более простой и древней формой торговли, а именно — меновой. Из монет они больше всего одобряют старинные и давно известные — серраты и бигаты[1]; вообще они домогаются больше серебра, чем золота, не из любви к нему, а потому, что при торговле обыкновенными и дешевыми предметами удобнее иметь запас серебряных монет.

Гл. VI. Железа у них тоже немного, как это можно заключить по характеру их наступательного оружия. Они редко пользуются мечами или длинными копьями, а действуют дротиком, или, как они его называют, фрамеей, с узким и коротким железным наконечником, оружием настолько острым и удобным, что одним и тем же дротиком они, смотря по обстоятельствам, сражаются

---

[1] *Серра́ты* — римские серебряные монеты с зазубринами, *бига́ты* — с изображением колесницы, запряженной парой лошадей.

и врукопашную и издали. Даже всадники довольствуются фрамеей и щитом, пехотинцы же пускают и метательные копья, каждый по нескольку штук, причем они, голые или в коротком плаще, мечут их на огромное расстояние. У германцев совсем нет хвастовства роскошью [оружия]; только щиты они расцвечивают изысканнейшими красками. У немногих [имеется] панцирь, а шлем, металлический или кожаный, едва [найдется] у одного или двух. Их лошади не отличаются ни внешней красотой, ни быстротой; да германцы и не научились делать разные эволюции по нашему обычаю; они гонят [своих лошадей] или прямо, или вправо таким сомкнутым кругом, чтобы никто не оставался последним.

Вообще они считают, что пехота сильнее [конницы], и поэтому сражаются смешанными отрядами, вводя в кавалерийское сражение и пехоту, быстротой своей приспособленную к этому и согласованную с конницей; таких пехотинцев выбирают из всей молодежи и ставят их впереди боевой линии. Число их определенное — по сотне из каждого округа; они так и называются у германцев [сотнями]; а то, что раньше действительно обозначало количество, теперь стало названием [отряда] и почетным именем.

Боевой строй [германцев] составляется из клиньев. Отступить, но с тем, чтобы вновь наступать, [у них] считается не трусостью, а благоразумием. Тела своих [убитых и раненых] они уносят с поля битвы даже тогда, когда исход ее сомнителен. Оставить свой щит — особенно позорный поступок: обесчестившему себя таким образом нельзя присутствовать при богослужении или участвовать в народном собрании, и многие, вышедшие живыми из битвы, кончают свою позорную жизнь петлей.

Гл. VII. Королей[1] они выбирают по знатности, а военачальников — по доблести. [При этом] у королей нет неограниченной или произвольной власти, а вожди главенствуют скорее [тем, что являются] примером, чем на основании права приказывать: тем, что они смелы, [выделяются] в бою, сражаются впереди строя и этим возбуждают удивление. Однако казнить, заключать в оковы и подвергать телесному наказанию не позволяется никому, кроме жрецов, да и то не в виде наказания и по приказу вождя, но как бы по повелению бога, который, как они верят, присутствует среди сражающихся: в битву они приносят взятые из рощ священные изображения и значки. Но что является особенным возбудителем их храбрости, это то, что их ту́рмы[2] и клинья[3] представляют собой не случайные скопления людей, а составля-

---

[1] Под королями Тацит подразумевает племенных вождей, лидеров племенной знати.

[2] Кавалерийские отряды.

[3] Отряды пехотинцев.

ются из семейств и родов, а вблизи находятся милые их сердцу существа, и оттуда онн слышат вопли женщин н плач младенцев; для каждого это самые священные свидетелн, самые ценные хвалнтели: свои раны они несут к матерям и женам, а те не боятся счнтать их н осматривать; они же носят сражающимся пищу, а также поощряют их.

Гл. VIII. Рассказывают, что нногда колеблющиеся н расстроенные ряды восстанавлнвались женщинами, благодаря нх неумолчным мольбам и тому, что они подставляли свои грудн [бегущнм] и указывалн на неизбежный плен, которого германцы боятся, особенно для своих женщнн, до такой степени, что крепче связаны бывают своими обязательствами те германскне племена, которые вынуждены в числе своих заложннков давать также знатных девушек.

...Гл. XI. О менее значительных делах совещаются старейшины, о более важных—все, причем те дела, о которых выносит решение народ, [предварительно] обсуждаются старейшинамн. Сходятся в определенные днн, еслн только не произойдет чего-ннбудь неожнданного и внезапного, а именно в новолунне и полнолунне, так как германцы верят, что этн днн являются самыми счастливыми для начала дела. Онн вдут счет времени не по дням, как мы, а по ночам; так онн делают прн уговорах и уведомлениях; они думают, что ночь ведет за собой день. Из свободы у ннх вытекает тот недостаток, что они собнраются не сразу, как бы по чьему-нибудь прнказанню, но у них пропадает два и трн дня из-за медлительности собирающихся. Когда толпе вздумается, они усаживаются вооруженные. Молчание водворяется жрецами, которые тогда имеют право наказывать. Затем выслушивается король или кто-либо нз старейшин, сообразно с его возрастом, знатностью, военной славой, красноречнем, не столько потому, что он имеет власть прнказывать, сколько в силу убедительностн. Еслн мнение не нравится, его отвергают шумным ропотом, а если нравится, то потрясают фрамеями: восхвалять оружием является у них почетнейшнм способом одобрения.

Гл. XII. Перед народным собраннем можно также выступать с обвнненнем и предлагать на разбирательство дела, влекущне за собой смертную казнь. Наказания бывают различны, смотря по преступлению: предателей н перебежчиков вешают на деревьях; трусов и дезертиров, а также оскверннвшнх свое тело топят в грязи и болоте, заваливши сверху хворостом. Эта разница в способах казнн завнсит от того, что, по их понятиям, преступленне надо прн наказании выставлять напоказ, позорные же деяния — прятать. Более легкие проступки также наказываются соответствующим образом: уличенные в ннх штрафуются известным количеством лошадей н скота; часть этой пени уплачивается королю илн племенн, часть — самому нстцу нлн его родичам.

На этих же собраниях производятся также выборы старейшин, которые творят суд по округам и деревням. При каждом из них находится по 100 человек свиты из народа для совета и придания его решениям авторитета.

Гл. XIII. [Германцы] не решают никаких дел, ни общественных, ни частных, иначе, как вооруженные. Но у них не в обычае, чтобы кто-нибудь начал носить оружие раньше, чем племя признает его достойным этого. Тогда кто-нибудь из старейшин, или отец, или сородич в самом народном собрании вручает юноше щит и фрамею; это у них заменяет тогу[1], это является первой почестью юношей: до этого они были членами семьи, теперь стали членами государства[2]. Большая знатность или выдающиеся заслуги отцов доставляют звание вождя даже юношам; прочие присоединяются к более сильным и уже давно испытанным [в боях], и нет никакого стыда состоять в [чьей-нибудь] дружине. Впрочем, и в самой дружине есть степени по решению того [вождя], за которым она следует. Велико бывает соревнование среди дружинников, кому из них занять у своего вождя первое место, и среди [самих] вождей, у кого более многочисленная и удалая дружина. В ней его почет, в ней его сила: быть всегда окруженным большой толпой избранных юношей составляет гордость в мирное время и защиту во время войны. И не только у своего, но и у соседних племен вождь становится знаменитым и славным, если его дружина выдается своей многочисленностью и доблестью: его домогаются посольства, ему шлют дары и часто одна слава его решает исход войны.

Гл. XIV. Во время сражения вождю стыдно быть превзойденным храбростью [своей дружиной], дружине же стыдно не сравняться с вождем; вернуться же живым из боя, в котором пал вождь, — значит на всю жизнь покрыть себя позором и бесчестьем; защищать его, оберегать, а также славе его приписывать свои подвиги — в этом главная присяга [дружинника]: вожди сражаются за победу, дружинники — за вождя. Если племя, в котором они родились, коснеет в долгом мире и праздности, то многие из знатных юношей отправляются к тем племенам, которые в то время ведут какую-нибудь войну, так как этому народу покой противен, да и легче отличиться среди опасностей, а прокормить большую дружину можно только грабежом и войной. Дружинники же от щедрот своего вождя ждут себе и боевого коня, и обагренную кровью победоносную фрамею, а вместо жалованья для них устраиваются пиры, правда не изысканные, но обильные. Средства для такой щедрости и доставляют грабеж

---

[1] У римлян облачение юношей в мужской плащ — тогу — являлось обрядом признания совершеннолетия.

[2] В то время государства у германцев еще не было. Тацит переносит на них римские порядки. Имеется в виду племя.

и война. [Этих людей] легче убедить вызывать на бой врага и получать раны, чем пахать землю и выжидать урожая; даже больше — они считают леностью и малодушием приобретать пóтом то, что можно добыть кровью.

Гл. XV. Когда они не идут на войну, то все свое время проводят частью на охоте, но больше в праздности, предаваясь сну и еде, так что самые сильные и воинственные ничего не делают, предоставляя заботу и о доме, и о пенатах, и о поле женщинам, старикам и вообще самым слабым из своих домочадцев; сами они прозябают [в лени] по удивительному противоречию природы, когда одни и те же люди так любят бездействие и так ненавидят покой.

У [германских] племен существует обычай, чтобы все добровольно приносили вождям некоторое количество скота или земных плодов; это принимается как почетный дар, но в то же время служит для удовлетворения потребностей. [Вожди] особенно радуются дарам соседних племен, присылаемым не от отдельных лиц, а от имени всего племени и состоящим из отборных коней, ценного оружия, фалер [1] и ожерелий; мы научили их принимать также и деньги.

Гл. XVI. Достаточно известно, что германские народы совсем не живут в городах и даже не выносят, чтобы их жилища соприкасались друг с другом; селятся они в отдалении друг от друга и вразброд, [где кому] приглянулся [какой-нибудь] ручей, или поляна, или лес. Деревни они устраивают не по-нашему — в виде соединенных между собой и примыкающих друг к другу строений, но каждый окружает свой дом [определенным] пространством или для предохранения от пожара, или же по неумению строить. У них также нет обыкновения пользоваться [для построек] щебнем и делать черепичные крыши. [Строительный] материал они употребляют необделанным и не заботятся о красивом и радующем глаз виде [построек]. Впрочем некоторые места они обмазывают землей, такой чистой и яркой, что получается впечатление цветного узора. У них в обычае для убежища на зиму и хранения продуктов вырывать подземелья, наваливая сверху много навоза; такие места смягчают суровость холодов, а в случае нашествия неприятеля все открытое разграбляется, спрятанное же и зарытое или остается неизвестным, или ускользает, потому что его надо искать.

...Они играют в кости и, что удивительно, занимаются этим как серьезным делом и трезвые, и с таким азартом и при выигрыше и при проигрыше, что, когда уже ничего не осталось, при самом последнем метании костей играют на свободу и тело. Побежденный добровольно идет в рабство, и, хотя бы он был моложе и

---

[1] Драгоценные бляхи для украшения конской сбруи.

сильнее, дает себя связать и продать. Таково их упорство в дурном деле; сами же они называют это верностью. Такого рода рабов они сбывают с рук продажей, чтобы избавиться от стыда [подобной] победы.

Гл. XXV. Остальными рабами они пользуются не так, как у нас, с распределением служебных обязанностей между ними как дворовой челядью: каждый из рабов распоряжается в своем доме, в своем хозяйстве. Господин только облагает его, подобно колону, известным количеством хлеба, или мелкого скота, или одежды [в виде оброка]; и лишь в этом выражается его обязанность как раба. Все остальные обязанности по дому несут жена и дети [господина].

Раба редко подвергают побоям, заключают в оковы и наказывают принудительными работами; чаще случается, что его убивают, но не в наказание или вследствие строгости, а сгоряча и в порыве гнева, как бы врага, с той только разницей, что такое убийство остается безнаказанным.

Вольноотпущенники немногим выше рабов. Редко они имеют значение в доме и никогда — в государстве, за исключением тех народов, у которых существует королевская власть, где они [иногда] возвышаются над свободными и [даже] над знатными[1]; у других же народов низкое положение вольноотпущенников является доказательством свободы.

Гл. XXVI. Германцы не знают отдачи денег в рост и наращивания процентов; [и таким неведением] они лучше защищены [от этого зла], чем если бы оно было запрещено [законом].

Земля занимается всеми вместе поочередно по числу работников, и вскоре они делят ее между собой по достоинству[2]; дележ облегчается обширностью земельной площади: они каждый год меняют пашню, и [все-таки] еще остается [свободное] поле. Они ведь не борются с [естественным] плодородием почвы и ее размерами при помощи труда — они не разводят фруктовых садов, не отделяют лугов, не орошают огородов; они требуют от земли только [урожая] посеянного [хлеба]. От этого они и год делят не на столько частей, как мы: у них существуют понятия и соответствующие слова для зимы, весны и лета, названия же осени и ее благ[3] они не знают.

«Хрестоматия по истории средних веков». Под ред. С. Д. Сказкина, т. I. М., 1961, стр. 68—85.

[1] Тацит иронически намекает на порядки в рабовладельческих районах Средиземноморья, где вольноотпущенники нередко возвышались в обществе.

[2] Спорное место. Неясно, имеет ли в виду Тацит качество отдельных участков земли или социальное положение людей

[3] Т. е. фруктов.

2. САЛЬВИАН. «О ПРАВЛЕНИИ БОЖЬЕМ»

Теперь я буду говорить о багаудах[1], которые ограблены, поражены, уничтожены дурными и жестокими правителями; потеряв право римской свободы, они утратили также и честь римского имени. И им вменяется в вину их несчастье, мы вменяем им в вину названные бедствия, вменяем в вину имя, которое сами создали; мы называем мятежниками погибших, которых мы сами заставили быть преступными. Что другое создало багаудов, кроме нашей несправедливости и бесчестности правителей, их хищений и грабежей?

... И вот так случилось, что, удушенные и замученные грабежами правителей, они стали варварами, так как им не позволяли быть тем, чем они были раньше; и они принуждены были защищать по крайней мере свою жизнь, после того как увидели, что уже совершенно утратили свободу. И не то же ли самое делается и теперь, что делалось тогда, и не принуждаются ли стать багаудами те, кто до сих пор не были таковыми? Насилием и несправедливостью их заставляют стать таковыми, и препятствует этому только их слабость. Итак, они подобны пленникам под игом врагов: терпят мучения по необходимости, а не по желанию; в душе хотят свободы, а терпят величайшее рабство...

А чего другого могут желать несчастные, которые непрерывно должны нести губительное бремя платежей налогов... которые покидают дома, чтобы не подвергаться мучениям в самих домах, стремятся к изгнанию, чтобы не терпеть мучений? Для них враги более снисходительны, чем сборщики налогов, и действительность доказывает это: они бегут к неприятелю, чтобы избегнуть тяжести взимания налогов. Потом оно [взимание налогов] — хотя тяжело и жестоко — было бы, однако, менее утеснительным и прискорбным, если бы все несли его на одинаковых основаниях. Но крайне возмутительно и преступно то, что общее бремя несут не все; наоборот, налоги богатых гнетут бедняков, и более слабые несут груз более сильных. И единственная причина, по которой они не могут выдержать, это та, что бремя бедных больше, чем их имущество. Им приходится терпеть от двух совершенно различных явлений: от зависти и от бедности. Источник зависти — в их имуществе, источник бедности — в их платежах.

Если посмотреть, что они платят, то подумаешь, что у них избытки; а если посмотреть, что они имеют, то увидишь, что они нуждаются. Можно ли найти меру такой несправедливости? Им приходится выносить платежи богачей и бедность нищих. Это гораздо сильнее того, что я могу выразить словами...

---

[1] *Багáуды* (по-кельтски «бага» — «борьба») — восставшие против римского ига галльские крестьяне. Первые их движения начались в 186 г. н. э. Сальвиан пишет о восстании 435 — 447 гг. в Лугдунской Галлии.

Где в другом месте и у других народов, кроме как у римлян, существуют подобные бедствия?

Франки не знают этого преступления, гунны свободны от них, нет ничего подобного ни у вандалов, ни у готов. В среде готов варвары даже не допускают, чтобы римляне, живущие между ними, терпели это. В результате у всех римлян одно желание, чтобы им не пришлось перейти в римское подданство. Римский плебс там единодушно заявляет о том, чтобы ему было позволено жить по-прежнему с варварами... Итак, наши братья не только совершенно не хотят перебегать от них к нам, но, наоборот, оставляют нас, чтобы перебежать к ним. И я бы только подивился, что не все бедные и нуждающиеся плательщики налогов делают это, если бы не было одной причины, по которой они этого не делают, а именно потому, что они не могут перенести туда свои пожитки, лачуги и семьи...

«Хрестоматия по истории средних веков». Под ред Н. П Грацианского и С. Д Сказкина, т. I. М, 1949, стр 80—81.

3. САЛЬВИАН. «О ПРАВЛЕНИИ БОЖЬЕМ»

...Три раза первый[1] город Галлии был разрушен, три раза служил, так сказать, костром для своих жителей, а пороки после того еще более возросли. Но разрушение не было самым главным злом, которое испытал город; те, которые при этом не погибли, были подавлены нищетой. Кто избежал смерти, тот стонал под бременем бедствия. Одни, покрытые ранами, влачили жалкую жизнь; другие, полуобгорелые, долго чувствовали на себе жестокое последствие обжога. Одни погибали от голода, другие — от наготы; огромное число людей погибло от болезней или от суровости холода. Таким образом, одна и та же смерть являлась в тысяче различных видов. Короче, разрушение одного города было всеобщим несчастием. Я видел и не отказывал в своей помощи тем, которые бедствовали; везде валялись перемешанные трупы мужчин и женщин, нагие, истерзанные, представлявшие печальное зрелище для жителей других городов и брошенные на съедение собакам и птицам. Тяжелый запах от загноившихся мертвых тел увеличивал смертность между живыми; смерть дышала смертью...

М Стасюлевич История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых, т. I. СПб, 1913, стр 99—101.

---

[1] Автор имеет в виду Трир.

4. ИОРДАН. «ГЕТИКА»

Это отрывок из сочинения (551 г.) аланского священника Иордана, в первой половине VI в. служившего чиновником у одного из готских военных вождей. Иордан пользовался трудами ряда римских и готских авторов.

Приключился у вестготов, как это обыкновенно бывает с народом, не обосновавшимся еще твердо на месте, большой голод, и стали знатные их и вожди, управлявшие ими наподобие королей, именно Фритигерн, Алатей и Софрак, озабоченные нуждою, какую испытывало войско, просить помощи у Люпициана и Максимина — дуков[1] римлян. А на какие поступки не побуждает гнусная жажда золота? И вот начали дуки, побуждаемые алчностью, продавать им за большую цену не только мясо овец и быков, но даже дохлых собак и других нечистых животных. Дело дошло до того, что за 1 хлеб или 10 фунтов мяса покупали раба. А когда уже не стало рабов и домашней утвари, алчный торговец стал требовать в обмен за съестные припасы сыновей их, ибо не могли иначе родители обеспечить спасение детей своих: они лучше хотели пожертвовать их свободой, нежели жизнью, так как тот, кто продавался [в рабство], имел надежду, что его будут кормить с милосердием, а тот, кто оставался, должен был умирать [от голода].

Случилось в это тяжелое время, что Люпициан, в качестве предводителя римлян, пригласил короля готов Фритигерна на пир, замыслив против него, как это обнаружилось впоследствии, измену. Но Фритигерн не знал об измене, и когда он, пришедши на пир с немногими из дружины, пировал у римского наместника, он услыхал крики несчастных умиравших, ибо в другой части дома воины дука, по его повелению, пытались перебить его заключенных сотоварищей. И вот когда отчаянные вопли умиравших дошли до ушей насторожившегося Фритигерна, обнаружившего измену, он, обнажив меч, разъяренный, быстро покинул пиршество и, избавив своих от опасности неминуемой смерти, стал возбуждать их на убийство римлян.

Этот день освободил готов от голода и лишил римлян их безопасности. И начали готы уже не как пришельцы и странники, а как римские граждане и господа распоряжаться римскими землевладельцами и держать под своей властью все северные области до Дуная. Узнав о том, император Валент, бывший в Антиохии, поспешил прийти с войском во Фракию. В начавшейся плачевной войне готы остались победителями. Император, раненый, укрылся в одном поместье около Адрианополя, и готы, не зная, что он спрятался в столь жалкой хижине, подложили, как это

---

[1] Полководцы и наместники провинций.

и полагается свирепым неприятелям, огонь и с царской пышностью сожгли императора...

Вестготы, овладев после такой славной победы Фракией и прибрежной Дакией, стали жить там, как на своей родине.

«Хрестоматия», т. I, 1949, стр. 82—83.

5. АММИАН МАРЦЕЛЛИН. «ДЕЯНИЯ»

Отрывок из сочинения «Деяния» (конец IV в.) римского чиновника и офицера Аммиана Марцеллина (ок. 330 — ок. 400), лично наблюдавшего поражения войск империи и успехи вестготов.

Готы расселялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам их земляки или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобилие провианта. Не говоря уже о прирожденной силе дерзости, большой помощью являлось для них то, что со дня на день присоединялось к ним множество земляков из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, кто в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба.

К ним присоединилось много работников золотых приисков, которые не могли сносить тяжесть оброков; они были приняты с единодушного согласия всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомой местности готам, которым они показывали скрытые хлебные магазины, места убежища туземцев и тайники.

Там же, стр. 83—84.

6. ЗОСИМА. «НОВАЯ ИСТОРИЯ»

Отрывок из сочинения византийского автора Зосимы (вторая половина V в.), использовавшего сообщения своих предшественников-современников осады Рима вестготами.

В Риме решают отправить к врагу посольство, которое довело бы до его сведения, что осажденные согласны на мир, но только на сносных условиях. Но они еще более готовы биться, раз римский народ взялся за оружие, вследствие постоянного употребления которого он не страшится и в дальнейшем боевых столкновений. Во главе этого посольства был поставлен Василий, родом испанец, обладавший званием начальника провинции. Как сопровождающее лицо, к нему присоединился Иоанн, бывший когда-то старшим над государевыми писцами, так называемыми трибунами, — лицо, хорошо известное Алариху и предназначенное

на роль посредника между сторонами. Надо заметить, что римляне не знали определенно, тут ли был сам Аларих и сам ли он руководил осадой Рима. Без сомнения, их до некоторой степени утешал распространившийся до того слух, что не Аларих, а другой варварский вождь, бывший сторонником Стилихона, увлек Алариха за собой к городу Риму.

Когда послы прибыли к Алариху, они были смущены тем неведением, в каком столь долго оставался римский народ, и вместе с тем изложили порученное им сенатом дело. Аларих их выслушал, отнесясь с особенным вниманием к сообщению, что римский народ, нося оружие, готов к бою. «Густую траву, — сказал на это Аларих, — легче косить, чем редкую». Произнеся эти слова, Аларих разразился громким смехом по адресу послов. Когда же дело дошло до переговоров о мире, Аларих прибегнул к словам, превосходящим всякую меру варварской заносчивости. Он сказал, что снимет осаду не иначе и не раньше, пока не заберет себе все имеющееся в городе Риме золото и серебро, а кроме того, и всю домашнюю утварь, которую он нашел бы в городе, и, кроме того, рабов из варваров.

Когда он это сказал, один из послов заметил, что если бы Аларих все это отобрал, что же он, в конце концов, оставил бы тем, которые живут в городе Риме? «Жизнь», — ответил Аларих. Получив такой ответ, послы просят, чтобы им было разрешено посоветоваться с осажденными относительно того, что же делать. Добившись перемирия, послы доводят до всеобщего сведения сказанное Аларихом.

Снова шлют к нему послов, и Аларих после весьма длительных разговоров с той и другой стороны согласился на уплату городом Римом 5000 фунтов золота, 30 000 фунтов серебра, 400 тысяч шелковых рубашек, 3000 окрашенных в пурпур овечьих шкур, 3000 фунтов перцу. Так как в городской казне совершенно не было денег, оказалось настоятельно необходимым, чтобы сенаторы, в зависимости от размеров своих имуществ, внесли ему выкупную сумму по разверстке. И хотя Палладию было поручено разверстать взносы по имущественному состоянию каждого сенатора, он не смог целиком собрать всю сумму или потому, что владельцы скрыли некоторую часть, или же потому, что город Рим вследствие непрерывных и корыстолюбивых поборов был доведен до бедности.

...Римляне не только лишили изображения богов их убранства, но и расплавили некоторые золотые и серебряные статуи богов, в числе которых была статуя силы, называемая римлянами «Виртус»[1]. По уничтожении ее, разумеется, исчезли и вся та сила и мужество, которые еще оставались у римлян; с тех пор

[1] Что означает в переводе с латинского «мужество», «сила».

сбылось то, что предсказывали люди, опытные в религиозных делах и дедовских обычаях.

Когда таким образом были собраны деньги на выкуп, нашли уместным отправить посольство к императору (Гонорию), которое посовещалось бы с ним о будущем мире и уведомило бы его, что Аларих хочет получить не только деньги, но и сыновей римской знати в качестве заложников и на этих условиях готов заключить не только мир, но и военный союз с императором и выступить вместе с римлянами в поход против всякого, кто захотел бы проявить по отношению к ним враждебные намерения. Так как государь считал, что мир следует заключить на таких условиях, то варварам были отсчитаны выкупные деньги. А Аларих разрешил горожанам Рима в течение трех дней посещать рынок за стенами города, для чего предоставил им свободу выхода через определенные ворота, также предоставил им возможность подвоза хлеба из гавани.

После того как римские граждане передохнули и, распродав все излишнее, закупили себе предметы первой необходимости или же сменяли их на другие вещи, варвары отошли от Рима и расположились лагерем в нескольких пунктах Тосканы. Что же касается находившихся в Риме рабов, то почти все они изо дня в день бежали из города и присоединялись к варварам, так что скопившаяся у них масса рабов выросла до 40 тысяч.

Там же, стр. 84—86.

7. «ВЕСТГОТСКАЯ ПРАВДА»

«Вестготская правда» была издана около 654 г. королем вестготов Реккесвинтом. Этот сборник законов отражает порядки, существовавшие у вестготов и в предыдущие два столетия.

XI. I. 8. «О разделе земель между готом и римлянином».

Условия раздела земель или леса между готом и римлянином, если доказано, что подобный раздел действительно был осуществлен, никоим образом не должны нарушаться. Не может захватывать или претендовать на что-либо из двух долей гота римлянин, а из трети римлянина — гот, если только ему [готу] не будет что-нибудь пожаловано в результате нашей щедрости. То, что разделено родителями или соседями, потомство не смеет изменять.

X. I. 9. «О лесах, оставленных готом и римлянином неразделенными».

Мы постановляем: «Если гот или римлянин присвоит себе лес, который, возможно, оставался неразделенным, и расчистит его под пашню, то, если осталось еще достаточно леса для того, чтобы компенсировать равноценным участком заинтересо-

ванное лицо, последнее не должно отказываться взять лес; если же не имеется более леса равной ценности для компенсации, то участок, расчищенный под пашню, должен быть разделен».

«Хрестоматия...», т. I, 1961, стр. 563—564.

8. ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ. «ВОЙНА С ГОТАМИ»

Это отрывок из сочинения (553 г.) знаменитого византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского (умер в 562 г.), военного чиновника и придворного в Константинополе.

Приблизительно в это же время[1] поселившиеся еще с разрешения императора (Феодосия I) во Фракии остготы с оружием в руках восстали под начальством Теодориха, получившего в Византии звание патриция и сан консула, против римлян. Умевший хорошо пользоваться обстоятельствами, император Зенон[2] убедил Теодориха отправиться в Италию и, вступив в войну с Одоакром, добыть себе и готам власть над Западной империей. «Ведь достойнее, — говорил он, — для него, тем более что он носит высокое звание сенатора, победив захватчика власти, стать во главе всех римлян и италийцев, чем вступать в столь тяжелую войну с императором». Теодорих, обрадовавшись такому предложению, двинулся на Италию, а за ним последовали и все готы, посадив на повозки детей и жен и нагрузив все домашние вещи, которые они могли взять с собой. Подойдя к берегу Ионийского залива, готы убедились, что, не имея кораблей, они совершенно не могут переправиться на другой берег. Тогда они пошли вдоль берега, собираясь обогнуть этот залив; двигаясь все дальше и дальше, они прошли через пределы тавлантиев и других живших тут племен. Навстречу им вышел Одоакр со своими войсками; он был побежден во многих сражениях, и его войска принуждены были запереться в Равенне — с ними был и Одоакр — и в других наиболее укрепленных местах. Осадив их, готы захватили все остальные укрепления различными способами и в различное время, как им представлялся для этого благоприятный случай. Но крепость Цезену, находившуюся от Равенны на расстоянии 300 стадий[3], и самую Равенну, где находился и Одоакр, они взять не могли, ни заставив их капитулировать, ни решившись на открытый приступ.

Пошел уже третий год с тех пор, как готы с Теодорихом стали осаждать Равенну, и готы уже утомились от этого бесплодного сидения, а бывшие с Одоакром страдали от отсутствия нужного

---

[1] 487 — 488 гг.
[2] В то время император Восточной Римской империи.
[3] Около 55 километров.

продовольствия. Тогда при посредничестве равеннского епископа они заключили между собою договор, в силу которого Теодорих и Одоакр должны были жить в Равенне, пользуясь совершенно одинаковыми правами. И некоторое время они соблюдали эти условия, но потом, говорят, Теодорих, открыв, что Одоакр строит против него козни, коварно пригласил его на пир, убил его[1], а тех из варваров, которые раньше были его врагами и теперь еще уцелели, он привлек на свою сторону и таким образом получил единоличную власть над готами и италийцами. Он не пожелал принять ни знаков достоинства, ни имени римского императора, но продолжал по-прежнему называться именем rex (король) — так обычно варвары называют своих начальников, — подданными же своими он управлял твердо, держа их в подчинении, как это вполне подобает настоящему императору. Он в высшей степени заботился о правосудии и справедливости и непреклонно наблюдал за выполнением законов; он охранял неприкосновенной свою страну от соседних варваров и тем заслужил высшую славу и мудрости, и доблести. Лично он не притеснял и не обижал своих подданных, а если кто другой пытался это сделать, то он не дозволял ему этого, исключая того, что ту часть земли, которую Одоакр дал своим сторонникам, Теодорих тоже распределил между своими готами.

По имени Теодорих был тираном, захватчиком власти, на деле же самым настоящим императором, ничуть не ниже наиболее прославленных, носивших с самого начала этот титул; любовь к нему со стороны готов и италийцев была огромна, не в пример тому, что обычно бывает у людей. Ведь другие, находясь во главе правления, становятся на ту или на другую сторону, и поэтому установившаяся власть нравится тем, кому она в данный момент своими постановлениями доставляет удовольствие, и вызывает к себе нерасположение в том случае, если идет против их желаний. Теодорих умер[2], проправив 37 лет, грозный для всех своих врагов, оставив по себе глубокую печаль у всех своих подданных.

«Хрестоматия», т. I. 1949, стр 91—92

9. ПАВЕЛ ДЬЯКОН. «О ДЕЯНИЯХ ЛАНГОБАРДОВ»

Сочинение «О деяниях лангобардов» было написано в конце VIII в монахом Павлом Варнефридом, по прозвищу Дьякон (ок. 720—800 гг.), историком и придворным поэтом герцога Беневентского. Потом Павел служил Карлу Великому. Труд Павла Дьякона основан на многочисленных работах его предшественников.

---

[1] В 497 г.

[2] В 526 г.

В эти дни многие из знатных римлян были убиты из жадности, остальные были поделены между поселенцами так, чтобы платили лангобардам треть своих плодов (земли) и стали трибутариями...[1]. Лангобардские герцоги на седьмой год после прихода Альбоина[2] и всего племени грабили церкви, убивали священников, разрушали города, истребляли мирных жителей, занятых работой на своих полях, за исключением тех областей, которые Альбоин уже завоевал; большая часть Италии была захвачена и подчинена лангобардам.

...Он [Клеф[3]] многих влиятельных римлян истребил мечом, других изгнал из Италии.

...В это время герцоги в целях восстановления королевской власти уступили в пользу короля половину всех своих владений, с тем чтобы с них мог жить сам король и чтобы за их счет могли прокормиться его дружинники и должностные лица. А зависимое покоренное население было распределено между лангобардскими поселенцами.

«Хрестоматия. .», т. I, 1961, стр 531—532.

ТЕМА.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА У ФРАНКОВ

Предлагаемые по данной теме документы прежде всего отражают основные этапы образования Франкского государства, а также отдельные важные моменты из жизни франкского общества VI—VIII вв

В документах 1—4 конкретно показан процесс объединения франкских земель в единое государство, укрепление королевской власти при Хлодвиге Меровинге (481—511) и такой искусный политический акт Хлодвига, как принятие им христианства. Отрывки из этих документов помогут создать картину возвышения одного из франкских вождей — Хлодвига, ставшего королем, роста его авторитета и усиления власти.

Особое место в теме отводится такому ценному историческому источнику, каким является «Салическая правда» (документ 5). Из документа используются главнейшие титулы и параграфы, что даст возможность познакомить учащихся с различными сторонами жизни франкского общества (подробнее об этом см. в примечаниях к самому документу).

Здесь же приводится эдикт Хильперика[4] (документ 6), интересный в том отношении, что он изменяет порядок наследования земли, который утвержден § 5 титула LIX «Об аллодах» «Салической правды». По новому закону в том случае, если умерший не имел сыновей, земля переходила по наследству его дочери, брату или сестре, но уже не

---

[1] *Трибутарии* — покоренное римское население, которое платило лангобардам оброк в виде части урожая.

[2] Альбоин начал вторжение в 568 г.

[3] *Клеф* (572—574) — король лангобардов.

[4] *Хильперик* (561—584) — внук Хлодвига.

соседям. Таким образом, эдикт Хильперика утверждает частную собственность на землю.

Из других документов, относящихся к VI в., следует остановиться на сообщении Григория Турского о восстании в Лиможе (документ 7). Выступление народа, жестоко подавленное королем, было вызвано усилением налогового гнета. Документ 8 содержит рассказ хрониста о войнах франков с арабами.

1. НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ КОРОЛЯ ФРАНКОВ ХЛОДВИГА

Одним из основных источников для изучения раннего периода Франкского государства является «История франков»[1] Григория Турского (ок. 540—594 гг.) с автобиографией автора (настоящее имя Григория Турского — Григорий Флоренций).

Григорий Турский — писатель, принадлежал к старой галло-римской знати. Родился он в Оверни, получил для своего времени хорошее образование, в 573 г. стал епископом города Тура. Григория Турского называют «отцом французской истории». Это не случайно, ибо его труд является важнейшим источником для изучения истории меровингской эпохи до 591 г. «История франков» включает события, очевидцем которых был ее автор, а также более ранние факты, записанные им по рассказам или по тем произведениям, которые не дошли до наших дней.

Приводимые ниже документы о становлении Франкского государства (1, 2, 3, 4) взяты из второй книги «Истории франков». При их чтении следует учесть, что они были написаны католическим епископом, который соответственно все события воспринимал по-своему, т. е. смотрел на них с религиозной точки зрения. Так, например, человечество Григорий Турский делил на две части: к одной из них он относил ревностных сторонников католической церкви, к другой — ее врагов. Поэтому даже неблаговидные поступки первых, действующих якобы во имя бога, он полностью оправдывал. Другие же у него всегда оказывались виноватыми. Особенно Григорий Турский защищал Хлодвига и не осуждал его явных преступлений, ибо король франков поддерживал и опирался в своих действиях на католическое духовенство. Но как хронист Григорий Турский добросовестно описывал все события и факты из истории франкского общества того периода

Рассказывая в приводимом отрывке о борьбе последнего римского наместника Сиагрия с франками, Григорий Турский называет его королем римлян, подчеркивая тем самым, что Сиагрий был фактически независимым правителем Галлии. Сам факт выдачи Аларихом Сиагрия Хлодвигу говорит уже о силе объединенных франкских племен, которых опасался король вестготов.

Изложенный хронистом и ставший широко известным эпизод с Суассонской чашей свидетельствует об усилении за короткий срок королевской власти у франков. Если вначале Хлодвиг не мог нарушить древний обычай раздела военной добычи, то через год власть его настолько окрепла, что никто уже не посмел и роптать, когда он жестоко расправился с непокорным воином.

---

[1] «История франков в десяти книгах» Григория Турского издана в «Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum», I, 1884—1885.

Гл. 11. 27. После всего этого скончался Хильдерик, и вместо него стал королем сын его Хлодвиг. На пятый год правления его[1] Сиагрий, король римлян, Эгидия сын, пребывал в городе Суассоне, которым некогда владел вышеупомянутый Эгидий. Хлодвиг пошел на него с Рагнахарием, своим родственником, который тоже был королем, и вызвал его на бой. Тот не уклонился и не побоялся сразиться. И вот когда бились друг с другом, Сиагрий, видя поражение [своего] войска, обратил тыл и спешно бежал к королю Алариху в Тулузу. Хлодвиг же послал к Алариху сказать, чтобы выдал его, в противном случае знал бы, что пойдет войною за укрывательство. И вот Аларих, опасаясь, как бы не подвергнуться из-за него гневу франков, — а готам свойственна трусость, — связанного выдал посланным [Хлодвига]. И по прибытии распорядился Хлодвиг заключить его под стражу. А получив королевство его, приказал тайно поразить мечом.

В то время многие церкви были разграблены войском Хлодвига, ибо тогда он погрязал еще в заблуждениях язычества. И вот неприятели похитили из одной церкви вместе с другими церковными украшениями удивительной величины и красоты чашу. А епископ той церкви[2] послал к королю просить, чтобы, если нельзя его церкви получить другие священные сосуды, то по крайней мере получила бы хоть [означенную] чашу. Выслушав эту просьбу, король сказал посланному: «Иди за нами в Суассон, ибо там будет дележ всего, что захвачено. Если мне достанется по жребию тот сосуд, который просит святой отец, я выполню [его просьбу]». И вот, прибывши в Суассон, король сказал, когда сложил посредине всю добычу: «Прошу вас, храбрейшие воители, не откажите дать мне вне дележа хотя бы вот этот сосуд» — он имел в виду вышеупомянутую чашу.

Когда король сказал это, те, у кого был здравый смысл, отвечали: «Все, что мы видим здесь, славный король, принадлежит тебе, как и сами мы подчинены твоему господству. Делай все, что тебе будет угодно, ибо никто не может противиться твоей власти». Когда они так сказали, один легкомысленный, завистливый и вспыльчивый с громким криком поднял секиру и разрубил чашу, промолвив: «Ничего из этого не получишь, кроме того, что полагается тебе по жребию». Все были этим поражены, но король подавил обиду кротостью и терпением. Затаив в груди скрытую рану, он взял чашу и передал ее посланному епископа.

По прошествии года приказал он собраться всему войску с оружием, чтобы показать на Мартовском поле, насколько исправно содержится это оружие. И вот, когда обходил там ряды, подошел к тому, кто разбил чашу, и сказал ему: «Никто не содер-

---

[1] Т. е в 486 г. *(Ред.)*

[2] *Ремигий*, епископ Реймсский. *(Ред.)*.

жит в таком непорядке оружие, как ты, ибо и копье твое, и меч, и секира — все никуда не годится», и, вырвавши у него секиру, бросил ее на землю. А когда тот наклонился, чтобы поднять ее, король, взмахнувши своею секирою, разрубил ему голову: «Так, — сказал он, — ты поступил с чашею в Суассоне». А когда тот умер, велел остальным расходиться по домам, внушив тем большой к себе страх.

Много вел он войн и много одержал побед. На десятый год своего правления пошел войною на тюрингов и подчинил их своей власти.

«Хрестоматия по истории средних веков». Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. I. М., 1953, стр. 103—104.

2. ВОЙНА ФРАНКОВ С ВЕСТГОТАМИ

В 507 г. Хлодвиг начал войну с Аларихом II, стремясь «взять землю вестготов под свою власть». Осуществлению захватнических целей Хлодвига помогала католическая церковь, благословляя его на борьбу с вестготами, которые были арианами, т. е. в глазах католических ортодоксов еретиками. В свою очередь король франков защищал интересы духовенства, запрещая грабежи в их владениях, которыми обычно сопровождался захват чужой территории.

Гл. II.37. И вот король Хлодвиг сказал своим: «Очень мне неприятно, что эти ариане владеют частью Галлии. Пойдем с помощью божией и, одолев их, возьмем землю под власть нашу». Так как речь эта пришлась всем по сердцу, собрав войско, он двинулся к Пуатье. В это время пребывал там Аларих. И так как часть врагов проходила через Турскую территорию, издал из уважения к блаженному Мартину распоряжение, чтобы не брали из области той ничего, кроме травы и воды. Но вот один из войска, разыскав сено некоего бедняка, сказал: «Не распорядился ли король брать только травы и ничего другого? Это же как раз и есть трава. Не нарушим поэтому его предписания, если возьмем ее». И взял силою у бедняка его сено.

Дошел слух об этом поступке до короля, и он тотчас же поразил названного [воина] мечом, сказав: «Как надеяться нам на победу, если мы будем наносить оскорбление блаженному Мартину?» И этого было достаточно, чтобы войско ничего более в этой стране не брало...

Когда затем король прибыл с войском к реке Вьенне, он не знал, в каком месте перейти ее вброд, ибо она разлилась от дождей. И вот ночью молил господа, чтобы удостоил указать ему брод, которым он мог бы перейти [реку]. Когда настало утро, удивительной величины лань, по велению божию, вошла перед ним в реку и перешла ее. Так узнал народ, где ему переправиться.

Когда же король подошел к Пуатье, то еще издали, будучи при шатрах, увидал он огненный столб, который, вышедши из базилики святого Гилярия, как будто двигался на него. Это означало, что с помощью света, изливаемого блаженным исповедником Гилярием, он легче одолеет войско еретиков, против которых названный первосвященник часто сражался за веру. Накрепко приказал [король] всему войску, чтобы ни там, ни в пути никого не грабили и ни у кого не отнимали имущества.

Тем временем король Хлодвиг сразился с Аларихом, королем готов, на полях Вулье, в десяти милях от Пуатье. Эти сражались дротиками, те защищались мечами. Когда готы, по обыкновению обратили тыл, король Хлодвиг, с божьею помощью, одержал победу. Был ему помощником сын Сигиберта Хромого[1], именем Хлодерик. Этот Сигиберт охромел, будучи ранен в колено во время битвы с алеманами у Толбиака. Когда король убил во время бегства готов короля Алариха, внезапно напали на него двое из неприятелей и поразили с двух сторон копьями. Но он спасся благодаря латам и быстроте коня...

Спасшийся при этой битве Амаларик, сын Алариха, убежал в Испанию и с мудростью занял отцовский королевский престол. Хлодвиг же отправил сына своего Теодориха через города Альби и Роде в Овернь, и он подчинил власти своего отца те города от пределов готов до границы бургундов[2]. Аларих правил 22 года, Хлодвиг же, перезимовав в Бордо и взяв из Тулузы все сокровища Алариха, прибыл в Ангулем...

Там же, стр. 105--106.

3. ХЛОДВИГ СТАНОВИТСЯ ЕДИНЫМ КОРОЛЕМ ФРАНКОВ

Настоящий документ ярко рисует облик вероломного Хлодвига. Стремясь стать единым королем всех франков, он предательски уничтожает других вождей, в том числе и своих ближайших родственников. Следует подчеркнуть, что политику Хлодвига одобряла франкская знать, заинтересованная в его завоевательных походах.

Гл. 11. 40, 41, 42. Когда Хлодвиг король пребывал в Париже, послал он тайно к сыну Сигиберта, чтобы сказать ему: «Вот, отец твой стар и хромает на больную ногу. Если он умрет, тебе по праву достанется вместе с нашею дружбою его королевство». Тогда тот, движимый желанием достигнуть этого, замышляет отцеубийство. Когда однажды отец его, выехав из Кельна, переправился через Рейн, чтобы погулять в лесу Буконии, и в полдень уснул в

[1] *Сигиберт Хромой* — король рипуарских франков.
[2] В 508—510 гг. *(Ред.)*

своем шатре, сын его, подослав убийц, убил там отца в уверенности, что завладеет его королевством. Но по правосудию божию сам попал в яму, которую вражески вырыл для своего отца.

Послал он послов к королю Хлодвигу, чтобы известили его о смерти отца, и сказал: «Отец мой скончался, и я владею его сокровищем и его королевством. Приходи ко мне, и я охотно передам тебе из сокровищ его то, что понравится». А Хлодвиг в ответ сказал: «Благодарю тебя за доброе расположение и прошу показать нашим посланным [сокровища], которыми ты будешь потом владеть сам безраздельно». Послы пришли, и он разложил отцовские сокровища. Когда они рассматривали разные [драгоценности], он промолвил: «Вот в этот ящичек мой отец имел обыкновение складывать золотые монеты». «Опусти, — сказали они ему, — руку свою до дна и все исследуй». Когда он сделал это и сильно наклонился [над ящичком], один из послов поднял руку и ударил его секирою в череп. Так этот недостойный испытал ту же участь, какую уготовил отцу.

Когда Хлодвиг узнал об убийстве Сигиберта и его сына, он сам явился туда же[1] и, созвав весь народ тот, сказал: «Послушайте о том, что случилось. Когда я плыл по реке Шельде, Хлодерик, сын моего родича, беспокоил своего отца, говоря, что я хочу убить его. А сам, когда отец удалился в лес Буконию, подослал к нему разбойников и умертвил его. Но когда он разыскивал отцовские сокровища, то тоже погиб, не знаю, кем пораженный. Что до меня, то я в этом деле совсем не участник, так как не могу проливать кровь своих родичей и совершать такое грешное дело. Но раз уж так случилось, вот вам мой совет, которому, если вам угодно, последуйте: обратитесь ко мне, чтобы быть под моей защитою». Услыхав эти слова и одобрив их шумом оружия и криками, подняли Хлодвига на щит и поставили над собой королем...

После этого двинулся против Хararика [короля[2]]. Когда [Хлодвиг] давал битву Сиагрию, этот Хararик, вызванный на помощь Хлодвигу, стоял в отдалении, не помогая ни той, ни другой стороне, но выжидая исхода дела, чтобы завязать дружбу с тем, кому достанется победа. За это досадовал на него Хлодвиг и потому пошел против него, захватил его хитростью вместе с сыном и, связав, остриг обоим волосы. И повелел Хararика поставить священником, а сына его — дьяконом. Когда же Хararик жаловался на свое унижение и плакал, то сын его, как передают, сказал: «Эти листья[3] срезаны с зеленого дерева и не совсем еще высохли. Скоро они оправятся [настолько], что смогут отрасти снова. Пусть так же скоро погибнет тот, кто сделал это».

---

[1] Т. е. в Кёльн — столицу рипуарских франков. *(Ред.)*
[2] *Харáрик* был одним из королей салических франков. *(Ред.)*
[3] Т. е. длинные волосы. *(Ред)*.

Речь эту Хлодвиг понял в том смысле, что они грозятся снова отпустить себе длинные волосы[1] и убить его. Поэтому приказал отрубить им обоим головы. По их смерти приобрел королевство их с сокровищами и народом...

Истребив также многих других королей и своих первых родственников из-за боязни, как бы не отняли у него королевства, он распространил свою власть на всю Галлию. Однако, собрав однажды своих, он, как передают, говорил о родственниках, которых сам же погубил, следующее: «Горе мне, ибо я остался, как странник среди чужих, и не имею родственников, которые могли бы мне подать помощь, если бы случилось несчастье». Но он это говорил не потому, что горевал о их смерти, а по хитрости, рассчитывая, не сможет ли он случайно найти еще кого-нибудь из родственников, чтобы и его лишить жизни.

Там же, стр. 107—109.

4. КРЕЩЕНИЕ ХЛОДВИГА

Принятие Хлодвигом и его дружиной новой религии оформило союз франкского короля с христианской церковью. Оказывая покровительство и раздавая крупные земельные пожалования католической церкви, Хлодвиг использовал ее учение для укрепления своей власти в завоеванных землях.

Гл. II. 31. Тогда королева распорядилась тайно пригласить святого Ремигия, епископа Реймсского, и просила его внушить королю слово спасения. Священник, призвав короля, начал тайно внушать ему, чтобы уверовал в истинного бога, творца неба и земли, и отверг идолов, которые ни ему, ни другим не могут принести пользы. Тот же в ответ сказал: «Я охотно послушался бы тебя, святейший отец, но препятствие в том, что народ, который следует за мной, не потерпит, чтобы были оставлены его боги; все же пойду и поговорю с ним, согласно твоему слову». И вот, когда он сошелся со своими, то прежде, чем начал говорить, весь народ, при содействии могущества божия, в один голос воскликнул: «Отвергаем смертных богов, благочестивый король, и готовы следовать богу бессмертному, о котором Ремигий проповедует».

Возвестили о том епископу, который исполнился великой радости и велел приготовить купель для крещения. Украшаются разноцветными тканями улицы, обряжаются белыми завесами

---

[1] Длинные волосы считались у Меровингов отличительным признаком членов королевского дома. Острижение волос знаменовало исключение из королевской семьи. Наоборот, отпущенные волосы снова символизировали право домогаться королевской власти

церкви, приготовляется баптистерий[1], разливаются благовония, возжигаются благоухающие свечи, весь храм с баптистерием наполняется божественными запахами. Господь удостоил предстоящих такой милостью, что им казалось, будто они находятся среди благорастворений рая. Король просил первосвященника окрестить его первым... И когда вошел в купель, святой божий[2] так изрек вдохновенными своими устами: «Склони выю, укрощенный Сикамбр. Поклоняйся тому, что ты сжигал, и сжигай то, чему поклонялся!»... Из войска же его крестилось больше трех тысяч.

Там же, стр. 104.

5. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ГЕРМАНСКИХ ПЛЕМЕН ПО ВАРВАРСКИМ ПРАВДАМ. «САЛИЧЕСКАЯ ПРАВДА»

Важнейшим источником для изучения истории германских племен являются так называемые варварские правды (Салическая, Тюрингская, Саксонская, Рипуарская и др.). Это судебники, представляющие собой запись (в период с V по XI в.) старинных, сложившихся еще при родовом строе, германских обычаев до тех пор хранившихся в устной традиции. Целью их было установить точные формы судебной процедуры и подробно перечислить штрафы за разные преступления.

Варварские правды включают в себя как обычное старинное народное право германцев, так и королевское законодательство, на котором в какой-то мере сказалось римское влияние. Этим соотношением старого и нового варварские правды сильно отличаются друг от друга. К тому же, каждая из них отражает своеобразие в развитии отдельных германских племен.

Появление судебников было связано с переходом от общинно-родовых отношений к классовому обществу и государственности, когда требовалось ввести твердый правопорядок.

Наиболее типичным и одним из самых древних сборников записей обычного права германцев является «Салическая правда». Она составлена при Хлодвиге в конце V — начале VI в.[3]. Ни в каком другом судебнике так полно и четко не нашло свое отражение древнегерманское право, как в этом памятнике. Римское влияние, сказавшееся на других документах того времени, было здесь чисто внешним. Оно проявилось в основном лишь в том, что «Салическая правда» была за-

---

[1] *Баптисте́рий* — особо устроенное здание для крещения людей. Посреди такого здания (круглого или восьмиугольного) был расположен бассейн для воды. Потребность в баптистериях объяснялась тем, что в период утверждения христианства крестилось огромное количество людей.

[2] Т. е. епископ.

[3] Первоначальный текст «Салической правды» не сохранился, а вопрос о времени ее редакции вызывает споры. По мнению большинства ученых, запись «Салической правды» относится ко времени правления Хлодвига.

Надо иметь в виду, что к основному тексту «Салической правды» позднее были сделаны добавления (VI—VIII вв.).

писана на латинском языке и штрафы перечислялись в ней в римских денежных знаках.

«Салическая правда» отражает процесс развития франкского общества от родового строя к феодальному и усиление королевской власти у франков. Закон этот не имеет строгого плана, отдельные положения его не упорядочены. Например, нередко об одном и том же проступке говорится в нескольких местах, о другом же сказано так, что не создается об этом проступке четкого представления.

Изучение «Салической правды» дает возможность познакомиться со многими сторонами жизни и быта франков, ярко представить их хозяйственный и общественный строй, проследить постепенное изменение у них социальных отношений.

«Салическая правда» указывает на наличие пережитков родового строя у свободных франков. Родственные связи еще имели большое значение в их жизни. Это подтверждает титул XLIV «О рейпусе». Родственники должны были платить или получать особый взнос (рейпус) при выходе замуж вдовы своего сородича. Этот же титул говорит и о распаде большой семьи: вторичное замужество вдовы было тем новшеством, которое нарушало кровнородственные отношения.

О процессе разложения родовых отношений свидетельствует титул LVIII «О горсти земли». В нем видно наметившееся имущественное неравенство среди франков, стремление более зажиточных выйти из родового союза, чтобы не платить штрафы за своих бедных родственников.

Титул LX «О желающих отказаться от родства» одним своим названием подчеркивает такую возможность для франка. Члены рода могли на суде при всех отказаться от уплаты и получения вергельда, от наследства, от соприсяжничества. Тем самым они получали право выхода из большой семьи и образования индивидуальной малой семьи. А титул LXII «О вире за убийство» различает уже состав большой и малой семьи.

Если взять для сравнения титулы XLV «О переселенцах» и XIV «О нападениях или грабежах», то первый указывает на переход франков от родовой общины к соседской, так как в деревню (виллу) уже проникали посторонние люди, правда еще с согласия соседей, т. е. членов общины. Второй титул показывает углубление этого процесса, ибо он лишал уже жителей деревни права сопротивления, когда переселяющийся к ним чужой человек имел на это грамоту от короля.

Ряд титулов «Салической правды» указывает на характер занятий франков. Так «Салическая правда» подробно перечисляет штрафы за кражу различных животных (титулы II—VIII), что, несомненно, указывает на большое значение домашнего скотоводства в жизни древних германцев.

Судебник этот еще не знает частной собственности на землю. Титул LIX «Об аллодах» говорит, что аллод[1] (земля) еще принадлежал всей родовой общине. В § 5 этого титула сказано, что земля переходила по наследству только мужчинам, т. е. братьям умершего (сыновьям

---

[1] В «Салической правде» аллодом обозначалось всякое наследство — движимое, которое понималось как собственность и защищалось законом, и земля, которая лишь позже превращается в частную собственность общинника.

главы большой семьи). В совместном пользовании всей общины находились и леса, пустоши, выгоны, болота, дороги, неподеленные луга (см., например, § 10, 18, 19 титула XXVII). Франки распоряжались этими угодьями на равных началах. В то же время «Салическая правда» указывает на то, что полем, садом или огородом франки пользовались раздельно. Они огораживали свои земельные участки изгородью (см. титул XXXIV «О краже изгороди»). Отдельные параграфы титула XXVII карают за покражу в саду (§ 6), в поле (§ 7, 8, 24, 25); другие титулы присуждают к уплате за поджоги (XVI), потраву (IX) и т. д.

Следующий вопрос, который нашел свое отражение в «Салической правде», был вопрос о социальном расслоении среди франков. Об этом давно начавшемся процессе известно прежде всего из титула XLI «О человекоубийстве скопищем» и LIV «Об убийстве графа», где указаны различные размеры вергельда за убийство просто свободного франка (200 солидов) и королевского дружинника (600 солидов). Упоминает судебник и другую категорию населения — литов[1], жизнь которых защищалась более низким вергельдом. Были у франков и рабы, приравниваемые «Салической правдой» к домашним животным и за убийство которых ущерб возмещался их господину (см. титулы X, XXXV).

Следует отметить, что «Салическая правда» отличает свободных франков от галло-римлян. Жизнь последних ценилась значительно дешевле, хотя за убийство представителей галло-римской знати брался повышенный вергельд.

Титул I. О вызове на суд

§ 1. Если кто будет вызван на суд по законам короля и не явится, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов[2].

Титул II. О краже свиней

§ 1. Если кто украдет поросенка-сосунка и будет уличен, присуждается к уплате 120 денариев, что составляет 3 солида.

§ 3. Если кто воровским образом ударит супоросную свинью и будет уличен, присуждается к уплате 280 денариев, что составляет 7 солидов.

Титул III. О краже рогатых животных

§ 3. Если кто украдет быка или корову с теленком, присуждается к уплате 1400 денариев, что составляет 35 солидов.

---

[1] *Лит* — полусвободный человек.

[2] *Со́лид* — римская золотая монета; солид делится на серебряные денарии. 40 серебряных денариев составляли один солид.

§ 4. Если же кто украдет быка, ведущего стадо и никогда не бывшего под ярмом, присуждается к уплате 1800 денариев, что составляет 45 солидов.

Титул IV. О краже овец

§ 2. Если кто украдет годовалую или двухгодовалую овцу, присуждается к уплате 120 денариев, что составляет 3 солида, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

Титул VI. О краже собак

§ 1. Если кто украдет или убьет охотничью ученую собаку, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов.

Титул VII. О краже птиц

§ 3. Прибавление 2-е. Если кто украдет петуха, присуждается к уплате 120 денариев, что составляет 3 солида, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

Прибавление 3-е. Если кто украдет курицу, присуждается к уплате 120 денариев, что составляет 3 солида, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 4. Если кто украдет гуся и будет уличен, присуждается к уплате 120 денариев, что составляет 3 солида.

Титул VIII. О краже пчел

§ 1. Если кто украдет один улей из-под замка и будет уличен, присуждается к уплате 1800 денариев, что составляет 45 солидов.

Титул IX. О вреде, причиненном ниве или какому-либо огороженному месту

§ 1. Если кто застанет на своей ниве рогатых животных, или лошадь, или какой-нибудь мелкий скот, не должен бить его до изувечения. Если же он сделает это и сознается, обязан возместить стоимость, а изувеченную скотину взять себе. Если же не сознается и будет уличен, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов, не считая стоимости возмещения убытков.

§ 2. Если кто, застав на своей ниве чужой скот без пастуха, загонит его и совсем никому не заявит об этом и если какая-нибудь скотина издохнет, возмещает, как при краже, стоимость и, сверх того, присуждается к уплате 1400 денариев, что составляет 35 солидов.

§ 5. Прибавление 2-е. Если кто-нибудь по вражде или по коварству откроет чужую загородку и впустит скот на ниву, или на луг, или на виноградник, или на какое-нибудь другое обработанное место, то тому, кому принадлежит труд, в случае представления последним улик со свидетелями, он должен возместить вред, и, кроме того, присуждается к уплате 1200 денариев, что составляет 30 солидов.

Титул X. О краже рабов

§ 1. Если кто украдет раба, коня или упряжное животное, присуждается к уплате 1200 денариев, что составляет 30 солидов.

Титул XI. О кражах или взломах, произведенных свободными

§ 1. Если кто из свободных украдет вне дома на 2 денария, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов.

Титул XIII. О похищении свободных

§ 1. Если три человека похитят свободную девушку, они обязаны уплатить по 30 солидов каждый.

§ 6. Если же девушка, которую похитят, окажется под покровительством короля, в таком случае за нарушение «королевского мира» платится 2520 денариев, что составляет 63 солида.

§ 7. Королевский мальчик [раб] или лит, похитившие свободную женщину, повинны смерти.

§ 8. Если же свободная девушка добровольно последует за рабом, она лишается своей свободы.

Титул XIV. О нападениях или грабежах

§ 1. Если кто ограбит свободного человека, напавши на него неожиданно, и будет уличен, присуждается к уплате 63 солидов.

§ 2. Если римлянин ограбит салического варвара, должен применяться вышеуказанный закон.

§ 3. Если же франк ограбит римлянина, присуждается к штрафу в 35 солидов.

§ 4. Если кто-либо, желая переселиться, получит соответствующую грамоту от короля и если он развернет эту грамоту в публичном собрании и кто-нибудь осмелится противиться приказанию короля [ослушник королевской воли], повинен уплатить 200 солидов.

§ 5. Если кто нападет на переселяющегося человека, все, участвовавшие в скопе или нападении, присуждаются к уплате 63 солидов.

Титул XVI. О поджогах

§ 2. Если кто сожжет дом с пристройками и будет уличен, присуждается к уплате 63 солидов.

§ 3. Если кто сожжет амбар или ригу с хлебом, присуждается к уплате 63 солидов.

§ 4. Если кто сожжет хлев со свиньями или стойла с животными и будет уличен, присуждается к уплате 63 солидов, не считая уплаты стоимости и возмещения убытков.

Титул XXII. О кражах на мельнице

§ 1. Если какой-либо свободный человек украдет на мельнице чужой хлеб и будет уличен, уплачивает мельнику 600 денариев, что составляет 15 солидов. Владельцу же хлеба [вор] платит другие 15 солидов.

Добавление 1-е. Если он украдет там железные части, присуждается к уплате 45 солидов.

Титул XXVII. О различных покражах

§ 6. Если кто проникнет в чужой сад с целью покражи, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

§ 7. Если кто проникнет с целью воровства в поле, засаженное репой, бобами, горохом или чечевицей, присуждается к уплате 3 солидов.

§ 8. Если кто похитит с чужого поля лен и увезет его на лошади или на телеге, присуждается к уплате 15 солидов...

§ 10. Если кто выкосит чужой луг, теряет свой труд...

§ 13. Если кто заберется в чужой виноградник красть виноград и будет застигнут, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов.

§ 18. Если кто украдет из чужого леса чужие дрова, присуждается к уплате 3 солидов.

§ 19. Если кто возьмет дерево, помеченное более года назад, в этом нет никакой вины...

§ 21. Если кто украдет невод, трехпетельную или мешкообразную сеть, присуждается к уплате 15 солидов...

§ 24. Если кто запашет чужое поле без позволения хозяина, присуждается к уплате 15 солидов.

§ 25. Если же кто засеет его, присуждается к уплате 45 солидов.

Титул XXXIV. О краже изгороди

§ 2. Если кто проведет по чужому, уже взошедшему полю борону или проедет с телегой не по дороге, присуждается к уплате 3 солидов.

Титул XXXV. Об убийствах и ограблении рабов

§ 1. Если какой-нибудь раб лишит жизни раба, пусть господа разделят меж собою убийцу[1]...

§ 4. Если какой-либо свободный человек ограбит чужого лита и будет уличен, присуждается к уплате 35 солидов.

§ 5 Если чужой раб или лит лишит жизни свободного человека, сам убийца отдается родственникам убитого человека в качестве половины виры, а господин раба уплачивает другую половину виры.

Титул XXXVIII. О конокрадстве

§ 1. Если кто украдет упряженную лошадь и будет уличен, присуждается к уплате... 45 солидов, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков...

§ 3. Если кто украдет племенного жеребца с его стадом в 12 кобыл, присуждается к уплате... 63 солидов, не считая стоимости похищенного и возмещения убытков.

Титул XXXIX. О похитителях рабов

§ 1. Если кто вздумает сманить чужих рабов и будет уличен, присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов.

Титул XLI. О человекоубийстве скопищем

§ 1. Если кто лишит жизни свободного франка или варвара, живущего по Салическому закону, и будет уличен, присуждается к уплате 200 солидов...

§ 3. Если кто лишит жизни человека, состоящего на королевской службе, или свободную женщину, присуждается к уплате 600 солидов...

§ 5. Если кто лишит жизни римлянина — королевского сотрапезника и будет уличен, присуждается к уплате 300 солидов.

§ 6. Если кто лишит жизни римлянина-землевладельца и не королевского сотрапезника, присуждается к уплате 100 солидов.

§ 7. Если кто лишит жизни римлянина, обязанного платить подати, присуждается к уплате 63 солидов.

Титул XLIV. О рейпусе

§ 1. По обычаю следует, что [если] человек, умирая, оставит вдову и кто-нибудь пожелает ее взять, то, прежде чем он всту-

---

[1] Здесь имеется в виду разделение труда раба между господами.

пит с нею в брак, тунгин, или центенарий[1], должен назначить судебное заседание и на этом заседании должен иметь при себе щит, и три человека должны предъявить три иска. И тогда тот, кто хочет взять вдову, должен иметь три равновесных солида и один денарий. И должны быть трое, которые взвесят его солиды; если и после этого будут согласны, он может взять [вдову замуж].

§ 4. Если старше всех окажется племянник, сын сестры, он должен получить рейпус.

§ 5. Если не окажется племянника, рейпус получает старший сын его.

§ 6. Если не окажется и сына племянника, рейпус должен получить сын двоюродной сестры, который происходит из материнского рода.

§ 7. Если не окажется сына двоюродной сестры, рейпус должен получить дядя, брат матери.

§ 8. Если же не окажется дяди, рейпус должен получить брат того, кто раньше имел ее [вдову] женою, впрочем, при том условии, если ему не придется владеть наследством.

§ 9. Если не будет даже брата, рейпус должен получить тот, кто окажется более близким, помимо поименованных, перечисленных поодиночке, согласно степени родства, вплоть до шестого поколения, впрочем, при том условии, если он не получит наследства умершего мужа названной женщины.

§ 10. И уж если не окажется родственников до шестого поколения [включительно], тогда поступает в казну и самый рейпус и тот штраф, который будет присужден в случае тяжбы, возникшей по этому поводу.

Титул XLV. О переселенцах

§ 1. Если кто захочет переселиться в виллу к другому[2] и если один или несколько из жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится переселению, он не будет иметь права там поселиться...

§ 3. Если же переселившемуся в течение двенадцати месяцев не будет представлено никакого протеста, он должен остаться неприкосновенным, как и другие соседи[3].

---

[1] *Тунгин*, или *центенарий*. — выборный человек, глава небольшой административной единицы — сотни. В «Салической правде» выступает как судья, председатель на судебном собрании сотни. Должность тунгина исчезает уже в первой половине VI в., а его судебные функции переходят к королевскому чиновнику — графу и его помощнику.

[2] *Вариант* на другое место.

[3] Титул этот спорный. Для его объяснения надо привлечь текст более позднего происхождения (X в): «Не может человек переселиться, если соседи не выразят своего согласия на пользование травой, водой и дорогой». (Под названием «вилла» здесь имеется в виду деревня)

Титул L. Об обязательстве

§ 1. Если кто, свободный или лит, даст другому обязательство, тот, кому дано обязательство, по истечении 40 ночей или установленного между ними срока должен явиться к его дому в сопровождении свидетелей и с тем, кому надлежит произвести оценку имущества. И если должник не пожелает выплатить по обязательству, он, сверх обозначенного в обязательстве долга, присуждается к уплате 15 солидов...

Титул LII. О займе

§ 1. Если кто даст другому взаймы что-либо из своих вещей и тот не пожелает ему возвратить, он следующим образом должен вызвать его на суд. Со свидетелями пусть он придет к дому того, кому дал взаймы свои вещи, и пусть заявит следующее: «Так как ты не пожелал вернуть мне мои вещи, которые я тебе дал, то в эту ночь ты можешь еще удерживать их, согласно Салическому закону». И пусть назначит ему срок [для возврата]. Если и тогда он не пожелает вернуть, должен еще назначить ему отсрочку на 7 ночей. И по истечении 7 ночей подобным же образом пусть заявит, что он может держать вещи в течение ближайшей ночи, согласно Салическому закону. Если и тогда не пожелает вернуть, то по истечении других 7 ночей пусть подобным же образом придет к нему со свидетелями и пусть просит вернуть то, что ему следует. Если и тогда не пожелает уплатить, пусть назначит ему определенный срок. Если он трижды назначит ему определенный срок, то каждый раз к долгу прибавляется по 120 денариев, т. е. по 3 солида. Если он и тогда не пожелает ни возвратить, ни дать обязательства в уплате, то, сверх долга и тех 9 солидов, которые наросли вследствие трех напоминаний, должник присуждается к уплате 600 денариев, что составляет 15 солидов.

Титул LIII. О выкупе руки от котелка

§ 1. Если кто будет присужден к испытанию посредством котелка с кипящей водой, то стороны могут прийти к соглашению, чтобы присужденный выкупил свою руку и обязался представить соприсяжников. Если проступок окажется таким, за какой в случае улики виновный по закону должен уплатить 15 солидов, он может выкупить свою руку за 3 солида.

Титул LIV. Об убийстве графа

§ 1. Если кто лишит жизни графа, присуждается к уплате 600 солидов [1]...

[1] Жизнь графа, как и любого франка, находящегося на службе короля, защищена тройным вергельдом.

§ 3. Если кто убьет сацебарона[1] — свободного, присуждается к уплате 600 солидов.

Титул LVII. О рахинбургах[2]

§ 1. Если какие-либо из рахинбургов, заседая в судебном собрании и разбирая тяжбу между двумя лицами, откажутся сказать закон, следует, чтобы истец заявил им: «Здесь я призываю вас постановить решение согласно Салическому закону». Если они [снова] откажутся сказать закон, семеро из этих рахинбургов до захода солнца присуждаются к уплате 120 денариев, что составляет 3 солида.

Титул LVIII. О горсти земли

§ 1. Если кто лишит жизни человека и, отдав все имущество, не будет в состоянии уплатить следуемое по закону, он должен представить 12 соприсяжников, [которые поклялись бы в том], что ни на земле, ни под землей он не имеет имущества более того, что уже отдал. И потом он должен войти в свой дом, собрать в горсть из четырех углов земли, стать на пороге, обратившись лицом внутрь дома, и эту землю левой рукой бросать через свои плечи на того, кого он считает своим ближайшим родичем. Если отец и братья уже платили, тогда он должен той же землей бросать на своих, то есть на троих ближайших родичей по матери и по отцу. Потом в [одной] рубашке, без пояса, без обуви, с колом в руке, он должен прыгнуть через плетень, и эти три [родича по матери] должны уплатить половину того, чего не хватает для уплаты следуемой по закону виры. То же должны проделать и три остальные, которые приходятся родичами по отцу. Если же кто из них окажется слишком бедным, чтобы заплатить падающую на него долю, он должен в свою очередь бросить горсть земли на кого-нибудь из более зажиточных, чтобы он уплатил все по закону. Если же и этот не будет иметь чем заплатить все, тогда взявший на поруки убийцу должен представить его в судебное заседание и так потом в течение четырех заседаний должен брать его на поруки. Если же никто не поручится в уплате виры, то есть в возмещении того, что он не заплатил, тогда он должен уплатить виру своею жизнью.

Титул LIX. Об аллодах

§ 1. Если кто умрет и не оставит сыновей и если мать переживет его, пусть она вступит в наследство.

---

[1] *Сацебарóн* — должностное лицо, знаток древних обычаев — защищен тройным вергельдом. В дальнейшем эта должность исчезает.

[2] *Рахинбýрги* — должностные лица, заседающие в суде.

§ 2. Если не окажется матери и если он оставит брата или сестру, пусть вступят в наследство.

§ 3. В том случае, если их не будет, сестра матери пусть вступит в наследство.

Добавление. Если не будет сестры матери, пусть сестры отца вступят в наследство.

§ 4. И если затем окажется кто-нибудь более близкий из этих поколений, он пусть вступит во владение наследством.

§ 5. Земельное же наследство ни в коем случае не должно доставаться женщине, но вся земля пусть поступает мужскому полу, то есть братьям.

Титул LX. О желающем отказаться от родства

§ 1. Он должен явиться на судебное заседание перед лицо тунгина и там сломать над своей головой три палки мерою в локоть. И он должен в судебном заседании разбросать их в четыре стороны и сказать там, что он отказывается от соприсяжничества, от наследства и от всяких счетов с ними. И если потом кто-нибудь из его родственников или будет убит, или умрет, он совершенно не должен участвовать в наследстве или в уплате виры, а наследство его самого должно поступить в казну.

Титул LXII. О вире за убийство.

§ 1. Если будет лишен жизни чей-либо отец, половину виры пусть возьмут его сыновья, а другую половину пусть разделят между собою ближайшие родственники, как со стороны отца, так и со стороны матери[1].

«Салическая правда». Пер. проф. Н П Грацианского, под ред. В. Ф. Семенова. М., 1950, стр. 13—58.

6. ЭДИКТ КОРОЛЯ ХИЛЬПЕРИКА

§ 3. Если кто, имея соседей, оставит после своей смерти сыновей или дочерей, пусть сыновья, пока живы, владеют землею согласно Салическому закону. Если же сыновья вдруг умрут, дочь подобным же образом пусть получит эти земли, как получили бы их сыновья, если бы оставались живы. А если умрет брат, другой же останется в живых, пусть брат получит земли — не соседи. Если же брат, умирая, не оставит живого брата, тогда сестра пусть вступит во владение этой землей.

«Социальная история средневековья» Под ред. Е А. Косминского и А. Д. Удальцова. т. I М. — Л., 1927, стр. 109.

---

[1] Если родственников не окажется, эта часть поступает в казну (тит. LXII, § 2)..

7. ВОССТАНИЕ В ЛИМОЖЕ

Король Хильперик распорядился установить по всему королевству своему новые и обременительные налоги. По этой причине многие, покидая те города[1] и собственные владения, переселялись в другие королевства, предпочитая лучше скитаться там, нежели подвергаться такой опасности. Ибо было постановлено, чтобы каждый землевладелец платил с своей собственной земли по амфоре вина за арпан[2]. Но и другие многие налоги взимались как с земель, так и с рабов — столь высокие, что их нельзя было выплатить. Народ Лиможа, видя обременение такими тяготами, собрался в мартовские календы и хотел умертвить канцлера Марка, которому поручено было собрать эти налоги. И это они, конечно, сделали бы, если бы епископ Ферреол не спас его от угрожавшей опасности. И вот собравшаяся толпа овладела налоговыми списками и сожгла их. Король, сильно разгневанный этим, послав своих уполномоченных, утеснил народ большими штрафами, устрашил пытками и [некоторых] наказал смертью. Рассказывают даже, что аббаты и священники, распростертые на дереве, подверглись разным мучениям, ибо королевские уполномоченные ложно обвинили их в том, что во время восстания они участвовали в сожжении народом податных списков. После того народ подвергся еще более тяжелому обложению.

«Хрестоматия...», т. I, 1953, стр. 122.

8. ВОЙНЫ КАРЛА МАРТЕЛЛА С АРАБАМИ

Об этих войнах рассказывается в «Хронике продолжателей Фредегара», возникшей в VIII в.

Под именем Фредегара известен автор (или авторы) обширной франкской хроники, составленной в VII в. Одна часть этого памятника, доводящая изложение до 584 г., представляет собой летописную компиляцию из произведений римских или франкских авторов более раннего периода, например хроники св. Иеронима, Исидора Севильского, книг Григория Турского и др. Вторая часть памятника состоит из оригинального текста, рассказывающего о событиях с 584 по 642 гг.

Хроника Фредегара имеет большое историческое значение, так как это почти единственный источник для франкской истории первой половины VII в. Автор описывает то, чему сам был свидетелем. В основном это факты из политической жизни Франкского государства.

Хроника Фредегара была доведена до 768 г. другими авторами и известна в истории как «Хроника продолжателей Фредегара».

---

[1] Имеются в виду города, подчиненные Хильперику.

[2] *Арпáн* — земельная мера у франков — квадрат, каждая сторона которого равна 120 футам (примерно 1/10 гектара).

Глава 13. В это время герцог Одон[1] нарушил условия договора. Узнав о том через вестников, Карл-государь, двинув войско, перешел Луару реку, обратил в бегство означенного герцога Одона, взял множество добычи... и возвратился восвояси. Одон же герцог, видя свое поражение и унижение, возбудил для помощи против Карла-государя и народа франков вероломный народ сарацинов. Вышедши с королем своим Абдирамою[2], они переправились через Гаронну и подошли к городу Бордо. Предав пламени церкви, истребив жителей, достигли Пуатье. Сожгли базилику святого Гилярия, о чем жалко говорить, и держали путь к дому блаженнейшего Мартина[3]. Карл-государь отважно выставил против них войско и ринулся в битву. С помощью Христа ниспроверг их шатры, завязал кровавую сечу, короля их Абдираму положил убитым на месте и, разбив войско, поборол их и одолел. И так торжествовал победу над неприятелями...

Глава 20. Тогда снова поднялся сильный народ измаилитов, которых называют теперь искаженно сарацинами. Ворвавшись в реку Рону... означенные сарацины... вступили в сильно укрепленный и расположенный на холмах город Авиньон... и опустошили окрестности. Против них славный муж, герцог Карл, направил в те места с войском брата своего, ревностного мужа, герцога Хильдебранда, вместе с другими герцогами и графами. Они весьма поспешно подошли к городу, разбили шатры... и готовили войско к бою, пока не прибыл воитель Карл, который обложил стены, устроил укрепления и усилил осаду... При криках войска и звуках трубных, с осадными приспособлениями устремляются они на городские укрепления и стены и взбираются на них по канатам. Ворвавшись в город, предают его пламени, берут в плен неприятелей, истребляют, покоряют... и подчиняют их своей власти...

Видя это, старшие по рождению и князья сарацин, которые проживали в те времена в Испании, собрав вражеское войско под предводительством другого короля... идут против Карла и изготовляются к битве. А... победоносный герцог Карл, спешит им навстречу... Когда обе стороны вступили в битву, сарацины, будучи побеждены и побиты и видя, что пал их король, пустились в бегство, обратив тыл. При этом те, кто уцелел, пустились вплавь по морю, чтобы спастись на кораблях, но, сталкиваясь, топили друг друга. Франки же напали на них на судах с дротиками и, потопив в воде, уничтожили. Так франки восторжествовали над неприятелями, взяли великое множество добычи и военного снаряжения, захватили много пленных и, предводимые победоносным герцогом, опустошили область готов. Прославлен-

---

[1] *Одóн* — герцог Аквитании. *(Ред.)*

[2] Имеется в виду арабский наместник в Испании Абд-эр-Раман.

[3] Т. е. к городу Туру. *(Ред.)*

ные города Ним, Агд и Безье они разрушили до основания, предав пламени их стены и укрепления... Поразив силы неприятелей, предводимый во всем Христом... невредимым вернулся [Карл] в свое королевство, в землю франков, оплот его могущества.

Там же, стр 124—125.

ТЕМА.

РОСТ КРУПНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Документы этого раздела освещают процесс роста земельных владений крупных феодалов за счет наделов свободных крестьян-общинников. Последние, лишаясь аллодиальной собственности на землю, превращались не только в поземельно зависимых держателей, но часто теряли и свою личную свободу. Так постепенно утверждалась феодальная земельная собственность.

Три первых документа (1, 2, 3) характеризуют сущность прекарных грамот, на основе которых крестьянин, получивший землю от ее владельца, либо передавший свою землю другому, становился зависимым человеком. За пользование земельным наделом прекарист нес определенные повинности, платил оброк, иногда выполнял барщину. Все эти обязательства точно фиксировались в прекарной грамоте.

Имелись прекарии нескольких видов: прекарий пожалованный (precaria data) — когда свободный крестьянин, потерявший свой надел, обращался к крупному собственнику (светскому или духовному) с просьбой предоставить ему землю в условное держание (в приводимом документе как раз показано, когда прекарист сразу же становился зависимым держателем — колоном); прекарий возвращенный (precaria oblata) — когда свободный крестьянин, попавший в нужду, передавал крупному землевладельцу свою землю и получал ее обратно уже на правах прекариста (часто этот вид прекарной грамоты имел одно значение с престарной грамотой — см. документ 4); прекарий с вознаграждением (precaria remuneratoria) — когда прекарист не только получал обратно свой надел, но ему предоставлялся еще и дополнительный участок.

Прекарий в итоге приводил к потере собственности свободного крестьянина на землю, к увеличению владений феодала.

Документы 5 (а, б, в), 6 и 7 представляют собой отрывки из капитуляриев. Они характерны тем, что раскрывают способы принуждения, которые использовали светские и духовные феодалы, чтобы приумножить свои земельные владения за счет мелких собственников. Последние теряли свою землю и превращались в зависимых людей. Количество свободных землевладельцев, обязанных нести военную службу, уменьшалось. Королевская власть безуспешно пыталась сохранить крестьян свободными, чтобы они могли выполнять военные обязанности. В этой связи будут понятны и те отрывки из капитуляриев, где говорится о «защите» бедняков королевской властью. На основе всех этих документов можно образно показать процесс феодализации франкского общества.

Документы 8, 9 иллюстрируют такой вид зависимости франкских крестьян, который определяется как *коммендация*[1]. В этом случае свободные франкские крестьяне становились в зависимые отношения к феодалам Они вступали под их покровительство, но сохраняли при этом личную свободу Коммендация в итоге приводила к тем же последствиям, что и прекарий, — свободные крестьяне превращались в зависимых.

О различных способах закрепощения ранее свободных общинников говорится в документах 10 и 11. Крестьяне, лишаясь собственности на землю, которая переходила к феодалам, теряли и свою личную свободу.

Документы 12—17 характеризуют положение крепостных крестьян, которых феодалы рассматривали как принадлежность своего владения, наряду с «землями, лугами и водами». Аббаты, епископы и другие крупные землевладельцы имели право обменивать этих крестьян, передавать их друг другу, делить их детей и т. д. Документ 18 характеризует роль государства во внеэкономическом принуждении крестьянства. Последний документ этой темы свидетельствует о наличии в то время лично свободных, но поземельно зависимых крестьян, которые несли определенные повинности, связанные лишь с их земельными держаниями.

1. ПРЕКАРНАЯ ГРАМОТА[2] (Precaria data)

Прекарий (precaria) — дословно «переданное по просьбе» — такое земельное держание, которое давалось в пользование. Прекарная грамота являлась документом, охранявшим права собственника на полученный участок.

Постоянному господину моему такому-то такой-то. Испытывая повседневную нужду, разыскивая повсюду и не будучи в состоянии найти заработка, прибегнул я к благочестию вашего могущества, дабы вы дали мне в качестве прекария земли для обработки в поместье вашем таком-то. Ваше могущество согласилось выполнить мою просьбу... Посему настоящею моею прекарною грамотою обещаюсь никогда никакого противодействия и ущерба вам по отношению означенных земель не наносить, но во всем поступать вам на пользу... Десятины и другие платежи, свойственные колонам, ежегодно вносить обязуюсь... Если же я, забыв условия моей настоящей прекарной грамоты, что-нибудь из обещанного осмелюсь нарушить... вы будете иметь полное право с названных земель меня изгнать и снова распоряжаться ими по своему праву, как должно.

Н Грацианский Западная Европа в средние века Источники социально-экономической истории М —Л , 1925, стр. 36—37

---

[1] *Коммендáция* — от лат слова commendatio — препоручение.

[2] Грамоты регистрировали такие сделки, как прекарные, пожалования короля и др Сборники таких грамот называются *картуля́риями*. Они сберегались в церковных архивах.

2. ПРЕКАРИЙ ВОЗВРАЩЕННЫЙ (Precaria oblata)
(грамота Сен-Галленского монастыря, 838 г.)

Бернвик, милостью Христа аббат монастыря святого Галла. С согласия нашей братии и фогта[1] нашего Пуатона порешили мы вернуть в качестве прекария Вольвину то владение, которое он принес нам в дар в поименованных местах [далее следует семь названий — Вейнфельден и другие], все то, что имеется в тех местах с домами, строениями, рабами, лесами, всем движимым и недвижимым, возделанным и невозделанным, всем, что можно назвать и поименовать и что содержится в его дарственной грамоте; так мы и сделали, и притом с тем условием, чтобы это владение он получил и платил за него ежегодный чинш, то есть два денария. Пусть так же поступает и его законный наследник, если удостоится от бога иметь такового.

«Хрестоматия», т I, 1961, стр 431.

3. ПРЕКАРИЙ С ВОЗНАГРАЖДЕНИЕМ (Precaria remuneratoria)
(Из постановления Синода, 845 г.)

§ 22. Прекарные сделки относительно церковных владений должны совершаться не иначе, как только таким образом: [прекарист] дает [церкви] из собственного имущества, а получает на свое имя соответственного качества церковное имущество в двойном размере, если хочет держать в пользовании собственное и церковное имущество. Если же собственное имущество он с этого времени теряет[2], получает на свое имя из церковных владений в тройном размере, поэтому его следует рассматривать не как дарителя собственного имущества, но как держателя чужого.

Там же, стр 431—432.

4. ПРЕСТАРНАЯ ГРАМОТА

Название грамоты происходит от латинского слова praesto — «предоставляю». Это документ, по которому земля или имущество передавалось в чье-либо пользование. В данном случае собственница земли на основе «добровольного договора» предоставила свой земельный участок монастырю и получила его обратно, но уже на правах только пожизненного пользования.

Сладчайшей женщине такой-то я, аббатиса такая-то.

Так как известно, что ты собственность свою в округе таком-то недавно за монастырем св. Марии утвердила и за это просила

[1] *Фогт* — светское должностное лицо, осуществляющее судебно административные функции над зависимыми от церковных учреждений людьми Призванный быть покровителем крестьян-общинников, фогт на деле подчинял их себе и порой превращал общинные земли в свою собственность

[2] Т. е. не получает его обратно в качестве прекарного держания. *(Ред.)*

у нас и у названного монастыря дачи [тебе] прекария, то вот этою грамотою за тобой утвердили, чтобы пока ты жива, владела бы и держала в пользовании эту землю, но не имела бы права каким бы то ни было образом отчуждать ее, а если бы решилась это сделать, землю бы тотчас же потеряла, и чтобы грамота эта была крепче, руку нашу к ней приложили.

Н. Грацианский. Западная Европа в средние века, стр. 34

5. ОТРЫВКИ ИЗ КАПИТУЛЯРИЕВ [1]

Капитулярии — указы и распоряжения франкских королей в VIII—IX вв. Они касались многих сторон социально-экономической жизни Франкского государства, в частности и вопроса об угнетении крестьян феодалами.

а) Из капитулярия 811 г.

Глава 5. Разузнать [у них[2]] должно, отрекся ли от мира тот, кто владения свои каждодневные всячески приумножать тщится, приманивая блаженством небесного царства, устрашая вечными муками ада и во имя божие богатых и бедняков, несведущих... простецов, лишая имущества, а законных наследников — их наследства, тем самым из-за оскудения их... толкая на позор и злодейства; ибо как бы по необходимости идут на татьбу [3] и на разбой те, у кого отеческое наследство чужим человеком исторгнуто.

Глава 6. А еще разузнать должно, отрекся ли от мира тот, кто, движимый алчностью, чужого имущества жаждет, подкупом побуждает людей к клятвопреступлениям и ложным свидетельствам и не справедливого и богобоязненного попечителя... ищет, но безжалостного, жадного и не останавливающегося перед клятвопреступлением.

б) Из капитулярия 811 г.

Глава 21. Пусть ни епископы, ни аббаты, ни графы, ни викарии и никто другой никоим образом... злыми ухищрениями имущество бедных... ни покупать, ни силою отнимать не осмеливаются.

в) О том, по каким причинам люди, которые должны нести военную службу, отказывают в послушании (капитулярий 811 г.)

Глава 2. Что бедняки жалуются на лишение их собственности; одинаково жалуются и на епископов, и на аббатов, и на их попечителей, на графов и на их сотников.

---

[1] Свое название капитулярии получили от формы изложения, от разделения каждого указа на небольшие параграфы — главы (лат. capitula).

[2] Речь идет о представителях духовенства.

[3] *Татьба* — от слова тать (таить) — кража, похищение.

Глава 3. Показывают, что, если кто отказывается передать свою собственность епископу, аббату, графу или... сотнику, ищут случая, чтобы осудить такого бедняка, а также заставить его идти на войну, и это до тех пор, пока, оскудевши, волею-неволею собственность свою не продаст или не передаст, и те, кто совершит передачу, проживают дома без всякого беспокойства...

Глава 5. Другие же показывают, что тех, кто победнее, притесняют и заставляют идти в поход, а тех, кто имеет что дать, домой отсылают...

Глава 8. Есть еще и такие, которые, оставясь дома, говорят, что и сеньоры их сидят дома, а они не иначе, как с сеньорами своими должны идти, если будет приказание на то от государя императора. Некоторые же по сему случаю коммендируют себя таким сеньорам, о которых они знают, что на войну не отправятся.

Там же, стр 42—44.

6. ИЗ КАПИТУЛЯРИЯ 776 г.

Глава 1. Во-первых, все мы согласно постановили, чтобы обязательственные грамоты, данные некоторыми людьми, закабалившими и себя [самих], и своих жен, сыновей и дочерей в рабство, если будут где найдены, уничтожались и чтобы пребывали свободными, как прежде.

«Хрестоматия . », т I, 1961, стр 435.

7. ЗАКЛАДНАЯ ГРАМОТА ИЗ КАРТУЛЯРИЯ ВЬЕННСКОГО МОНАСТЫРЯ СВ. АНДРЕЯ (начало XI в.)

Во имя Христа я, Арегия, с сыном моим Амальфредом и дочерями моими Аальборгой и Кассоендой закладываем некоему человеку по имени Ротбард, и жене его Аальбурде, и дочерям его, и сыновьям его виноградник с землею, расположенной в Арборате, наше законное достояние, на 3 модия хлеба, а вам владеть этим виноградником до тех пор, пока мы не уплатим этих 3 модиев хлеба. А я, Ротбард, и жена моя, и сыновья, и дочери мои прощаем вам другие 5 модиев на условиях доброго согласия и за то, что вы нам ваш залог охотно оставите или же вернете в течение 4-х лет, считая с настоящего праздника св. Юлиана, эти 3 модия хлеба. А если не вернете, мы взыщем с вас 8 модиев и 8 секстариев.

Н П Грацианский Бургундская деревня в X—XII столетиях М, 1935, стр 68, сноска 1.

8. ТУРСКАЯ ФОРМУЛА № 43 (VIII в.)

Формулы — образцы готовых грамот или актов, на основе которых оформляли передачу земли (купля, продажа, дарение и др.) и осуществляли другие сделки. При заполнении грамоты в нее вносились только имена участников сделки, цифры, даты, названия мест. Форму-

лы являются важным источником при изучении истории Франкского государства, так как отражают наиболее частые для того времени случаи юридической практики. Приведем названия некоторых из сборников формул:

Вестготские формулы, возникшие в первой четверти VI в. в Испании (дополнены во второй половине VII в.).

Формулы Маркульфа, собранные монахом Маркульфом (франкское епископство Мо) около 700 г.

Буржские формулы, появившиеся частично до 721 г., частично при Карле Великом.

Сансские формулы, возникшие в Сансе в первые годы правления Карла Великого.

Турские формулы, появившиеся в Туре в VIII в.

О том, кто коммендируется под властью другого

Высокому господину такому-то я, такой-то. Всем достоверно известно, что я не имею чем кормиться и одеваться. По сему я просил благочестие ваше, и вышло мне ваше разрешение отдаться и коммендироваться под ваше покровительство; так я и сделал, именно на условии, чтобы вы помогали мне и снабжали меня пищею и одеждою, сообразно тому как я буду служить и угождать вам; и пока я буду жив, должен буду нести вам службу и послушание свободного человека и не буду иметь права выйти из-под вашей власти покровительства, но останусь под вашей властью и охраною все дни моей жизни. Между нами условлено, что если один из нас захочет нарушить настоящее соглашение, уплатит другой стороне столько-то солидов, и соглашение это навсегда останется неизменным. Условлено также, что они напишут, утвердят и подпишут две одинакового содержания грамоты настоящего акта, что ими и сделано.

«Хрестоматия ..», т. I, 1961, стр. 433.

9. ПРЕДПИСАНИЕ

... Да будет ведомо, что мы этого человека, именем такого-то... по своей надобности к нам явившегося, принимаем... под наше покровительство и защиту. Посему предписываем и повелеваем, чтобы ни вы, ни подчиненные ваши не осмеливались этого человека... вопреки справедливости, беспокоить и обижать или какой-либо вред ему за то, что он у нас был, наносить; но пусть, как и прочие верные наши и принятые под нашу защиту... со всем своим достоянием... и людьми своими... пребывает в спокойствии. Если же кто пойдет наперекор настоящему нашему предписанию и осмелится упомянутого такого-то незаконно и не по праву, а также за то, что он у нас был, беспокоить, пусть знает, что перед нашим лицом по этому делу должен будет предстать, ответ нам за свою дерзость... держать и штраф сообразно качеству

проступка уплатить. Если же возникнет против него и людей его, под его законною охраною состоящих, такое судебное дело, какое на месте не может быть решено без нанесения ему большого и несправедливого ущерба, пусть будет отложено и перенесено в наше присутствие, и перед нами... получит окончательное решение по закону.

Н. Грацианский. Западная Европа в средние века, стр. 60.

10. КАБАЛЬНАЯ ГРАМОТА
(Сансская формула № 4, конец VIII в.)

Господину брату моему такому-то. Всем ведомо, что крайняя бедность и тяжкие заботы меня постигли, и совсем не имею, чем жить и одеваться. Поэтому, по просьбе моей, ты в величайшей нужде моей не отказал вручить мне из своих денег столько-то солидов; а у меня совсем нечем выплатить эти солиды. Поэтому я просил совершить и утвердить закабаление тебе моей свободной личности, чтобы отныне вы имели полную свободу делать со мной все, что вы полномочены делать со своими прирожденными рабами, именно: продавать, выменивать, подвергать наказанию. Если же — чего, я уверен, не будет — я или кто-либо из наследников моих, или кто-либо другой решится оспаривать это закабаление, пусть внесет тебе и казне штраф во столько-то унций золота; настоящая же кабала пусть остается неизменной.

«Социальная история средневековья», т. I, стр. 180—181.

11. ВОТ ПРОДАЖА, ЕСЛИ КТО САМ ПРОДАЕТ СЕБЯ

Господину моему такому-то и супруге его такой-то я, такой-то. Так как попутал меня грех и я совершил кражу ваших вещей и не иначе, как закабаливши полную мою свободу вам в рабство, могу дать вам удовлетворение,—вот я без всякого принуждения и приказания, но вполне добровольно закабаляю себя за этот грех в рабство. Я должен получить от вас цену, как мною установлено, столько-то солидов, а вы отныне будете иметь полную власть делать со мной все, что угодно, как с прочими подвластными вам рабами. Если же я сам, или кто из моих родственников, или же кто из посторонних решится противодействовать этой продаже, которая совершена по моей просьбе, добровольно, пусть внесет тебе и казне штраф столько-то солидов... а эта продажа пусть остается неизменной.

Там же, стр. 181.

12. ИЗ ГРАМОТЫ КОНЦА XI в.

Вот аллоды... кои состоят в вечном владении аббатов [следует перечисление этих аллодов], с их принадлежностями, имен-

но — мужчинами и женщинами крепостного состояния, землями, обрабатываемыми и необрабатываемыми, лесами, лугами и водами.

«Хрестоматия», т. I, 1953, стр. 220

13. ГРАМОТА О ПЕРЕДАЧЕ СЕБЯ КЛЮНИЙСКОМУ МОНАСТЫРЮ (887 г.)

Во имя божье, отдача и запись [о том], как в присутствии некоих добрых мужей, кои настоящую запись и отдачу скрепили, пришел в Анвиль, в публичное собрание, при всем народе и славном муже Теутбольде-графе, человек именем Бертерий, и там в их присутствии была моя просьба, а ваша определила воля, [и] не по неволе, не по принуждению, не по обману, но вольной моей волею надел я ремень себе на шею и в руки и во власть Алиарда и жены его Эрменгарды полностью отдал свое [свободное] состояние согласно римскому праву, гласящему, что каждый свободный человек свое [свободное] состояние возвышать и умалять волен; и вот от настоящего дня и со мною самим и с потомством моим и вы и наследники ваши можете делать все, что угодно, [именно]: владеть, продавать, дарить и на волю отпускать. Если же я — или сам по себе, или же по совету злых людей — замыслю уйти из-под вашего рабства[1], вы или уполномоченные ваши можете меня задерживать и наказывать так же, как и прочих прирожденных рабов ваших. Вот свидетели (названо 14 имен).

«Социальная история средневековья», т. I, стр. 183

14. ДАРСТВЕННАЯ ГРАМОТА (968—971 гг.)

Святой Маконской церкви св. Винцента, возведенной внутри стен города Макона, во главе которой стоит епископ Адон. Я, Адалелин, с моими сыновьями Констанцием, Эрменардом, Рагнардом и моей дочерью Адилой даруем самих себя, вместе с нашим имуществом и нашим аллодом, господу, св. Винценту и несущим там службу каноникам. Аллод же расположен в Маконском округе, в Верейском поле, в селении Аванак, с жилыми строениями, виноградниками, лугами, полями, лесами, водами стоячими и текучими, входами и выходами и со всем, что к нему относится; дарим мы это на таких условиях, чтобы ежегодно на праздник св. Винцента мы платили бы чинш в 6 денариев, а после нашей кончины каноники св. Винцента пусть делают с аллодом все, что захотят. А кто попытается воспротивиться, заплатит 5 унций золота.

«Хрестоматия», т. I, 1961, стр. 493—494

[1] Имеется в виду *серваж* — особенно тяжелая форма крепостной зависимости западноевропейского крестьянина, когда чаще всего он и поземельно, и лично зависел от феодала

15. ОТРЫВОК ИЗ ГРАМОТЫ 1064 г.

Бедняк, некий Арнальд... отдал в крепостную зависимость себя и сыновей своих... и при передаче себя и сыновей своих в руки названного аббата промолвил: «Господин, вот я отдаю тебе в крепостную зависимость себя самого и сыновей своих, чтобы отныне и навеки и я сам, и сыновья мои, и все потомство их пребывали в крепостной зависимости от бога, св. Марии и монахов этого [святого] места»... Выразили на то свое согласие и сыновья его — Ингельгерий, Бернард и Райнельм, передавшие себя со своим потомством в руки аббата как крепостные.

«Хрестоматия », т. I, 1953, стр 220.

16. ОБ ОБМЕНЕ ЛИЧНО ЗАВИСИМЫХ КРЕСТЬЯН

Вильгельм, божьею милостью епископ Парижский, всем, кто увидит настоящую грамоту... Да будет ведомо... что Бавдрик Рыжий, сын покойного Дюранда, лично зависимый человек капитула, сочетался браком с Изабеллою, дочерью Лаврентия... лично зависимою нашей женщиною, а Аврик, сын Гуго, наш лично зависимый человек, пожелал сочетаться браком с Констанцией, дочерью покойного Дюранда, лично зависимою женщиной капитула. Ввиду этого... было заключено соглашение... между нами и упомянутым капитулом о том, чтобы названные Бавдрик и Изабелла со всем их потомством... были лично зависимыми людьми Парижского капитула... Аврик же и Констанция со всем их потомством были лично зависимыми людьми нашими...

Там же, стр 220—221.

17. СОГЛАШЕНИЕ О РАЗДЕЛЕ ДЕТЕЙ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН

Я, Маврикий, божьею милостью епископ Парижский, извещаю всех настоящих и будущих о том, что был спор между канониками св. Маркелла и Гирольдом из Витриака по поводу того, что он взял замуж нашу крепостную, будучи сам из челяди св. Маркелла. Сверх того, означенные каноники изъявили притязание на некую землю и виноградники, каковые означенный Гирольд получил от отца и от матери. В конце концов спор этот, перенесенный в наше присутствие, решен в том смысле, чтобы из сыновей Гирольда — как тех, которые родились, так и тех, которые родятся, — нам принадлежал первый, каноникам же — второй, нам — третий, а им — четвертый... Наследство же Гирольда и жены его должно быть соответствующим образом поделено между ними, как между братьями.

Там же, стр 221.

18. ИМПЕРСКИЙ КАПИТУЛЯРИЙ (996—1002 гг.)

Возникла необходимость в постановлении, поскольку в нашей империи князья светского и духовного сословия, люди богатые и небогатые, большие и небольшие, ссылаются и давно уже жалуются на то, что им не повинуются должным образом их собственные сервы. Одни из последних считают себя свободными вследствие того, что их господа, как это часто случается, не могут доказать их сервильного состояния, из которого эти люди пытаются выйти неправедным образом и при помощи лживых уверений. Другие же стараются подняться до свободного состояния, используя то обстоятельство, что их господа, обремененные, как это бывает, различными заботами, в течение длительного времени не обращали на них внимания и эти люди не принуждались к несению обычных повинностей или хотя бы к уплате чинша в качестве памятного свидетельства о сервильных повинностях. И вот по этой-то причине эти люди называют себя свободными и заявляют, что они живут как свободные лица на основе закона и обычая, поскольку на них очень недолго лежали сервильные обязанности. А посему угодно Нашему Величеству постановить:

1. Если серв, стремясь к свободе, назовет себя свободным, пусть будет дозволено его господину, коль скоро покажется ему это лучшим, если затруднится он доказать сервильное состояние того человека, разрешить спор поединком, либо лично, или через выставленного им бойца. И пусть будет дозволено серву выставить человека взамен себя, если болезнь или возраст помешают ему сражаться.

2. А чтобы серв вследствие какой-либо поблажки не скрылся, постановляем мы нашим эдиктом с соизволения господа... чтобы каждый серв для точного выявления его сервильного состояния тотчас, как настанут декабрьские календы, платил 1 денарий государственной чеканки своему господину или его слуге, предназначенному для того.

3. Сыновья же и дочери сервов пусть начинают платить подобным же образом указанный чинш в напоминание о сервильном состоянии с 25-летнего возраста. И пусть никогда не уничтожается сервильное состояние значительной протяженностью во времени [при неуплате чинша].

4. ...Церковному серву не дозволяется как-либо выходить из сервильного состояния, если только его не захотят освободить сами главы церкви. Итак, мы запрещаем любым способом освобождать церковных сервов и повелеваем возвратить в сервильное состояние и под власть церкви тех, кто каким-либо образом стал свободным.

«Хрестоматия...», т. 1, 1961, стр. 509—510.

19. ЛИЧНО СВОБОДНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ГРАМОТА НАЧАЛА XII в.

Этою грамотою настоящих и будущих уведомляем о том, что Вильгельм пожертвовал нам — монахам св. Петра Шартрского — для владения, обработки и заселения лес... из своего феода. Мы же, монахи, для защиты и охраны поселенцев этой земли разрешили ему взимать с тех из них, кои осядут на этой земле и будут обрабатывать ее с плугом и волами, ежегодно в третий день рождества господня... по секстарию[1] овса, каплуну и денарию; с прочих же — по мине овса, каплуну и денарию... Разрешили мы также господину Вильгельму в случае, если он законную дочь свою захочет выдать замуж или если зáмок приобретает, взимать с поселенцев земли той талью[2], однако лишь через посредство приора св. Романа; равным образом для выкупа себя из плена можно взимать ему талью. Также, если он пожелает сам со всею роднею своею участвовать в походе короля или графа, людей земли той может вести за собой в качестве телохранителей, если захочет; но без его личного участия людям земли той никак [в поход] не ходить. Согласился он, чтобы от прочих повинностей, кои он обычно взимает на земле своей и с людей своих, [означенные поселенцы] были совершенно свободны.

«Хрестоматия ..», т. I, 1953, стр. 222.

ТЕМА.

ОБРАЗОВАНИЕ ФРАНКСКОЙ ИМПЕРИИ И ЕЕ РАСПАД

Главное содержание этой темы составляет формирование феодального государства в период деятельности Карла Великого. Ей посвящено пять документов. Документ 1 освещает общий характер управления каролингским государством и роль королевской власти. Документ 2 характеризует методы исполнения королевских распоряжений на местах. Документы 3—4 посвящены завоевательной политике Карла в Саксонии. Завоеваний в Испании касается документ 4. Наконец, документ 5 позволяет проследить основные внешнеполитические мероприятия Карла от начала его единоличного правления в 771 г. до образования Франкской империи.

Следующие вопросы темы — образование Франкской империи в 800 г. и ее распад. Они освещаются тремя документами (6—8): свидетельством о провозглашении империи, официальным политическим размежеванием зарождавшихся французской, немецкой и итальянской народностей; публичным признанием краха раннефеодальной империи.

---

[1] *Секстáрий* — мера сыпучих тел и жидкостей, равная $^1/_{16}$ модия. *Мóдий* приблизительно равнялся $52^1/_5$ литра.

[2] *Талья́* — внеочередной побор, взимаемый в средневековой Франции.

1. ГИНКМАР. «ОБ УПРАВЛЕНИИ ДВОРЦОМ И КОРОЛЕВСТВОМ»

«Об управлении дворцом и королевством» (882 г.) — это трактат Реймсского архиепископа Гинкмара, который использовал труды времен Карла Великого и дополнил их материалами середины IX столетия. Трактату присущ ярко выраженный феодальный характер: видно, что свободные рядовые франки, ранее принимавшие участие в народных собраниях, теперь окончательно утратили былую роль и более не участвуют в решении общегосударственных вопросов.

29. ... В то время обычай был таков, что не чаще, чем дважды в год, проводились два собрания: одно, когда давались предписания, (касающиеся) положения всего королевства на текущий год, и предписанное не могло изменяться никакими событиями, кроме крайней необходимости, в которой будет равно находиться все королевство. На это собрание съезжались все вообще магнаты, как церковные, так и светские, — старшие для предложения решения, низшие для присоединения к предложению. Иногда (низшие магнаты съезжались), чтобы вместе обсудить и утвердить (свои решения) не по соизволению (старших), а по собственному разумению и суждению. В остальном же (съезжались) для дачи сообща подарков.

30. Другое собрание проводилось только с высшими и знатнейшими советниками. (На этом собрании) начинали обсуждаться дела уже будущего года, если почему-либо представлялось нечто такое, в отношении чего необходимо было, предварительно обсудив, предписать, заблаговременно решить или принять меры. Например, если маркграфами[1] в какой-либо части королевства была оказана (кому-либо) до такого-то времени помощь, то что должно быть сделано после оказания помощи — возобновлять ли (ее) или прекратить; равным образом, если отдельным частям (государства) угрожали смуты, если беспорядки из одной части неизбежно должны были переброситься в другие или дать себя (там) почувствовать, то, сообразуясь с тем, что требовалось для мира, чтобы распорядились о наведении порядка (силами) из других частей. И когда таким образом на совете этих высших подробно рассматривали, что нужно было в будущем сделать или как распорядиться, то после того как состоялось решение, это принятое решение должно было сохраняться до ближайшего следующего общего собрания втайне от всех других (лиц), как если бы решения не было и (оно) никем не обсуждалось, чтобы, если нужно было предпринять что-либо как внутри, так и вне королевства, никто, узнав заранее (об этом) и пожелав разрушить или сделать бесполезным (предпринятое) или некоторыми злокоз-

[1] *Маркгра́ф* — граф пограничной области, обладавший высокими военными полномочиями.

ненными ухищрениями затруднить выполнение, — никоим образом не мог сделать это. Если же на самом собрании требовалось (предпринять) что-нибудь для удовлетворения других высших или (принять меры) для того, чтобы не только усмирить, но и поднять дух народа, и если это совершенно не было предварительно рассмотрено, оно теперь заново (решилось) по совету и с согласия (магнатов); (и вот так) ... достигался порядок...

34. Вышеупомянутым знатным, а также вельможам королевства, чтобы не казалось (им), что они созываются без достаточных оснований, как в том, так и в другом указанном собрании, предлагалось по уполномочию короля на обсуждение и рассмотрение в форме обозначенных и расположенных в определенном порядке глав то, что исходило по божьему внушению от самого короля или что было сообщено ему из разных мест в особенности после их отъезда (с предшествующего собрания). Занявшись этим, (они заседали) иногда в течение одного дня, иногда двух, иногда даже трех дней или более, смотря по важности дела, выслушивая (предложенное на рассмотрение) от направленных (к ним) для этого вышеуказанных дворцовых слуг, расспрашивая (их) о том, что казалось (неясным), получая ответы. Никто из посторонних не допускался (к ним) до тех пор, пока каждое в отдельности законченное (обсуждением) дело не докладывали достославному государю, (передав) на его священное благоусмотрение, и какое бы решение он по мудрости, данной ему от бога, ни выбрал, тому все следовали...

35. Пока же это происходило в отсутствие короля, сам король был занят с остальным народом, принимая подарки, приветствуя знатных, разговаривая с теми, кого давно не видел, проявляя серьезность со старшими, шутя с молодыми, (а также) занимаясь и другими подобными делами, как духовными, так и светскими; все же, всякий раз, когда бы собравшиеся отдельно ни выражали желание, чтобы (король) пришел к ним, а также пробыл с ними столько времени, сколько им хотелось, он приходил к ним, и они совершенно свободно докладывали, как они считают необходимым решить отдельные (вопросы), и откровенно рассказывали, какие между ними возникли по тому или иному поводу разногласия, споры или дружеские пререкания. Следует упомянуть, что если была ясная погода, то собирались под открытым небом, если же нет, то в разных отдельных помещениях, где с удобством, и те, кто собирался особо, и прочий народ могли бы заседать отдельно, но прежде всего (нужно было обеспечить), чтобы другие низшие лица никоим образом (там) не присутствовали... Оба же приемных (помещения) для высших были так разделены на две (части), чтобы прежде всего все епископы, аббаты или подобные наиболее почетные клирики могли собраться, не смешиваясь совершенно со светскими лицами; равным образом графы и подобные им знатнейшие начинали рано утром

собираться соответственно их почету отдельно от прочего народа, пока не наступало время (заседать). Тогда упомянутые знатные приглашались — обычно клирики в свою, а светские в свою установленную курию[1], где им с одинаковым почетом были приготовлены кресла. Отделенные от прочих, они были властны заседать то вместе, то раздельно, смотря по характеру дел, подлежащих их рассмотрению, духовные ли, светские лица, или смешанные. Равным образом от них зависело призвать кого угодно, чтобы узнать что-либо или расследовать (с тем, что) после того, как сведения были получены, тот удалился бы. Вот что (известно) о тех (делах), которые им предлагались королем для обсуждения.

36. Другое, к чему стремился король, это расспрашивать о том, что достойное донесения или нового обсуждения приносил с собой каждый из той части королевства, откуда прибыл, потому что им (участникам собрания) не только позволялось, но и строго внушалось (поручалось), чтобы каждый старательнейше разузнавал (обо всем), пока не вернется снова (на собрание), как в пределах, так и за пределами королевства, разведывал не только через своих, но и чужих, как через друзей, так и через врагов, не будучи очень придирчивым к лицу, через которого разведывается. (Король расспрашивал), нет ли волнений среди народа в какой-либо части области или (отдаленном) углу королевства, какова причина волнений, не ропщет ли народ и не раздаются ли какие-нибудь ненадлежащие толки, о чем необходимо было бы поговорить на общем совете, и о прочем, тому подобном; о внешних же (делах) — не хочет ли какой-либо покоренный народ восстать или восставший — покориться, не замышляет ли еще (народ) пограничный каких-либо козней против королевства, не проявляется ли что-либо в этом роде. И во всем том, что грозило какою-либо опасностью, особенно выявлялось, в связи с чем возникало то или другое.

«Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы» Под ред В М Корецкого М, 1961, стр 54—58

2. КАПИТУЛЯРИЙ О СВЕРШЕНИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ (811—813 гг.)

4. Чтобы никто не присуждался в судебном присутствии сотника ни к смерти, ни к потере свободы, ни к выдаче имущества или рабов, но чтобы такие дела разбирались в присутствии графа или наших посланцев.

5. Чтобы наши посланцы тщательно расследовали и составляли опись — каждый в своей области, — что каждый имеет из бенефициев, или скольких людей, имеющих двор в данном бенефиции.

---

[1] Официальное заседание, собрание.

6. Каковы условия данных бенефициев или кто из своего бенефиция приобрел или устроил себе аллод.

7. Чтобы вносились в опись не только бенефиции епископов, аббатов, аббатис и графов или наших вассалов, но также и наши земли, дабы мы могли знать, сколько мы также имеем из нашей (собственности) в области миссии каждого (посланца).

8. Желаем, чтобы ради отправления правосудия, которое по сей час осталось не выполненным со стороны графов, посланцы наши исполняли свою миссию только по четыре месяца в году — зимой в январе, весной в апреле, летом в июле, осенью в октябре. В прочие же месяца каждый граф да имеет свое судебное присутствие и да свершает правосудие. А посланцы наши да имеют свои судебные присутствия четыре раза в год, по одному месяцу, в четырех местах, совместно с теми графами, с которыми это будет согласовано, чтобы они смогли собраться в данном месте.

9. Чтобы означенный посланец все, что он найдет в означенной области миссии сделанным иначе, нежели (велит) наш приказ, не только приказывал исправить это, но и докладывал нам данное дело, в каком виде он его нашел.

13. А посланцы наши должны сделать так, чтобы народ наш снова обещал нам верность, согласно давно уже введенному обыкновению. И пусть они расскажут и растолкуют тем людям, как они соблюдать должны сию присягу и верность нам.

Там же, стр 40—41.

3. КАПИТУЛЯРИЙ ОБ ОБЛАСТЯХ САКСОНИИ

Этот капитулярий был принят между 775 и 790 гг.

1. Решено всеми, чтобы церкви Христовы, которые строятся теперь в Саксонии во имя истинного Бога, пользовались бо́льшим, отнюдь не меньшим почетом, чем каким пользовались прежде идольские капища...

3. Кто ворвется в церковь силою, или возьмет оттуда что-либо силою или тайком, или сожжет самую церковь, — да будет казнен смертью...

5. Подобным образом подлежит смертной казни всякий, убивший епископа, пресвитера или диакона...

7. Кто сожжет по языческому обряду тело умершего и обратит в пепел его кости, — будет казнен смертью.

8. Кто из племени саксонского будет впредь уклоняться от крещения, не явится для совершения над ним этого таинства, желая оставаться в языческой вере, — будет казнен смертью ..

11. Подлежит смертной казни всякий, кто нарушит верность государю королю...

13. Так же будет наказан и тот, кто убьет своего господина или госпожу.

Там же, стр 33—34.

4. ЭЙНГАРД. «ЖИЗНЬ КАРЛА ВЕЛИКОГО»

«Жизнь Карла Великого» Эйнгарда (ок. 768—840 гг.) — это биография, составленная монахом, входившим при Карле в состав его литературной Академии. При следующем императоре, Людовике Благочестивом, он стал государственным секретарем, а потом воспитателем королевича Лотаря и тогда же написал данную биографию, хвалебно пристрастную к Карлу и необъективную по отношению к его противникам. Приводим отдельные главы сочинения.

Гл. 7. ...Не было войны более затяжной, жестокой и тяжкой для народа франкского, чем война с саксами. Ибо саксы, как почти все народы, населяющие Германию, жестокие по природе, преданные служители демонов, супротивники веры нашей, не считали зазорным осквернять и преступать законы божеские и человеческие. Были и другие причины, которые ежедневно расстраивали мир: наши и их границы почти всюду соприкасались, притом на ровном месте — за исключением немногих местностей, где либо большие леса, либо горные хребты, определенно разграничивали земли обоих; на ровных-то местах и происходили бесправные взаимные убийства, грабежи и пожары. Всем этим франки настолько были ожесточены, что сочли необходимым не платить им тем же, а прямо начать с ними войну.

И вот началась против них война, которая велась с великим взаимным ожесточением, но с бо́льшим все же вредом для саксов, чем для франков, целых тридцать три[1] года. Могла бы она кончиться и скорее, если бы не вероломство саксов. Трудно сосчитать, сколько раз они были побеждены и сдавались на милость нашего государя, обещали исполнять все по приказу, немедленно давали требуемых заложников, принимали отправляемых к ним посланцев; не раз бывали настолько укрощены и замирены, что даже обещали бросить служение демонам и подчиниться христианской вере. Но насколько они иногда бывали готовы исполнять все это, настолько же они всегда бывали склонны и нарушать...

Никогда государь не давал им безнаказанно совершать подобное, мстя им за измену и карая по заслугам, либо сам приводя войско, либо посылая его со своими графами. Наконец, раздавив всех, кто то и дело восставал, и окончательно подчинив их, он перевел десять тысяч человек, живших по обе стороны Эльбы, подняв их вместе с женами и детьми, и всячески распределил их по всей Галлии и Германии. Известно, что эта война, тянувшаяся столько лет, закончилась на следующих условиях, предложенных государем и принятых ими: отречься от служения демонам, бросить дедовские обряды, принять таинства и обряды христиан-

---

[1] 772 — 804 гг.

ской веры и, слившись с франками, образовать с ними один народ...

Гл. 9. В то время, когда шла упорная и почти беспрерывная борьба с саксами, Карл, расставив гарнизоны в надлежащих пограничных местах, пошел на Испанию с возможно бо́льшими силами. Он перевалил через Пиренейские горы, все города и крепости по пути его сдались, и он уже возвращался со здравым-невредимым войском; и только в самих Пиренеях, на возвратном пути, ему пришлось несколько испытать баскское вероломство. Именно, когда войско шло растянутой линией, насколько позволяла теснота ущелья, баски, устроив засаду на вершине горы... напав сверху, сбили... (арьергард)... В этом сражении со многими прочими погибли Эггигард, начальник государева стола, Ансельм, пфальцграф, и Роланд, начальник Бретонского рубежа. И это деяние до сих пор не могло быть отомщено, ибо враг, по свершении сего, так рассеялся, что нельзя было даже узнать, где искать его...

Гл. 23. Он носил национальную одежду, т. е. франкскую. На теле льняную рубаху. А исподние надевал льняные. Поверх — тунику, обшитую шелковой каймой, и штаны. Голени стягивал онучами, а ступни — башмаками. Плечи и грудь зимой он защищал накидкой из шкур выдры и соболя. Поверх всего—голубой плащ. Всегда он был опоясан мечом с золотою или серебряною рукоятью и перевязью. Изредка носил он и меч с самоцветными камнями, однако лишь при особых празднествах или на приеме иностранных посольств... На празднествах он выступал в златотканой одежде, в обуви с самоцветными камнями, плащ застегивал золотой пряжкой, корона из золота и драгоценных камней украшала его чело.

«Средневековье в его памятниках». Под ред. Д. Н. Егорова. М., 1913, стр. 24,25, 28.

5. ЛОРШСКИЕ АННАЛЫ

Анналами назывались в средневековой Западной Европе летописи. Они отмечали из года в год (по-латыни «год» — annus) важнейшие государственные события, а писались обычно в монастырях. Ниже идут погодные записи из «Лоршских анналов». Одна их редакция составлена в Лоршском монастыре, другая с целью возвеличения королевской власти — при дворе, где были внесены желательные уточнения. Эти анналы охватывают 741—829 гг.

772. Король Карл был с войсками в Саксонии и разрушил их святыню, которая называлась Ирминсул [1].

773. Карл-король был в провинции Италии.

---

[1] Священное дерево.

774. В июне франки взяли город Тичино и увели с собою во Францию пленного короля Дезидерия; и завоевал король Карл королевство лангобардов и дошел до самого Рима. А правили лангобарды, как они сами говорят, 214 лет.

775. Был король Карл с войсками в Саксонии, опустошил ее, принеся ей большие разрушения, и завоевал крепости, называемые Эресбург и Сигибург, и поставил там гарнизон.

776. Король Карл отправился в Италию и захватил крепости, оставшиеся (незахваченными)... И, вернувшись оттуда, завоевал большую часть Саксонии; и обратились саксы к вере Христа, и было крещено их бесчисленное множество.

777. Карл собрал франков на великое собрание в Саксонии в Падерборне, и было там крещено великое множество язычников-саксов.

778. Король Карл был с войском в Испании и завоевал город Памплону; и пришел к нему Абитаурус, король сарацин, и передал города, которыми владел, и дал ему в заложники брата своего и дочь. И оттуда отправился господин король к Сарагоссе, и здесь пришел к нему Абинларби, другой сарацинский король, которого (Карл) приказал отправить во Францию. А пока господин король был в тех краях, вероломный род саксов, нарушив верность, вышел из своих пределов, прошел войной до реки Рейна, все сжигая и опустошая и совершенно ничего не оставляя на своем пути. Поэтому франки, вернувшись, преследовали их до реки Эдер, и саксы, принужденные тут к сражению, обратились в бегство, и многие из них были убиты; франки же с божьей помощью оказались победителями.

Умер аббат (Горза) Гундоланд. А в Италии в городе Тревизо и в прочих близлежащих от него городах было великое землетрясение, от этого землетрясения многие строения и даже церкви были разрушены, а многие люди погибли — так в некоей вилле за одну только ночь погибло 48 человек.

779. Господин король Карл снова пришел в Саксонию, дошел до Везера, и усмиренные саксы принесли клятву (верности) и дали заложников. Скончался (фульдский) аббат Стурм. Великий глад и мор были во Франции, а господин король пребывал в Вормсе.

780. Господин король Карл отправился с войском в Саксонию и дошел до великой реки Эльбы, и все саксы подчинились ему, и взял он различных заложников, как свободных, так и литов; и разделил он эту страну меж епископами, священниками и аббатами, с тем чтобы они крестили здесь и проповедовали; а также уверовало огромное множество язычников венедов и фризов. Вернувшись оттуда, (Карл) направился в Италию, оставив в Вормсе сыновей своих — Пипина и Карла.

781. Король Карл отправился в Рим, и там был крещен сын его, который назывался Карломаном, но которого папа переиме-

новал в Пипина и помазал на царство в Италии, а брата его Людовика — в Аквитании. И там же Хротруда, дочь короля (Карла), была обручена с императором Константином (VI). И вернулся король во Францию и в городе Вормсе востретился с Тассилоном[1] и созвал Великое собрание (conventum) франков, то есть Великое поле (Magis campum).

782. И созвал король Карл Великое собрание своего войска в Саксонии в Липпшпринге и установил над ней графов из числа знатнейших саксов. А когда узнал, что они снова отпали от веры и собрались во главе с Видукиндом для мятежа он вернулся в Саксонию, опустошил ее и огромное множество саксов поразил своим грозным мечом.

783. Скончалась королева Хильдегарда[2], скончалась Берта. После этого господин король с великим войском отправился в Саксонию, и началась война с восставшими (саксами), и со стороны саксов были убиты многие тысячи, и снова началась война, и франки сражались с саксами и милостью Христовой одержали победу; и были со стороны саксов убиты многие тысячи, еще больше, чем прежде. И милостью божьей победитель вернулся во Францию и взял в жены Фастраду, (которую) и сделал королевой. И стояла такая страшная жара, что многие люди скончались от этого зноя.

784. И снова Карл направился в Саксонию с войском, которое разделил на две части... И было сильное наводнение.

785. Король Карл пребывал в Саксонии в Эресбурге с рождества Христова до июня месяца и заново построил там укрепление, а также воздвиг базилику. И заключил мир в Падерборне между франками и саксами; и только тогда перешел реку Везер и достиг Барденгау. Подчинившись ему, саксы вновь приняли христианство, которое ранее отвергли. После того как мир был установлен и мятежи прекратились, король вернулся домой. Видукинд же, зачинатель всех зол и вдохновитель козней, пришел со своими приверженцами во дворец Аттиньи и был там крещен.

...788. Тассилон явился к господину королю Карлу в Ингельгейм, и было здесь заключено соглашение между франками и другими народами, которые пребывали под их властью. И франки вспомнили о злоумышлениях и кознях, которые замышляли против них сам Тассилон, и жена его совместно с теми народами, как христианами, так и язычниками, которые окружают франков; а соучастники Тассилона и его доверенные лица рассказывали в его присутствии о его умыслах, и он ничего не мог отрицать. Тогда его приговорили достойным смерти. Однако король, движимый состраданием к нему, не хотел его убивать, но по

[1] *Тассило́н*— последний герцог Баварский (748 — 788).
[2] *Хильдега́рда* — жена Карла Великого.

просьбе его самого сделал клириком и сослал в монастырь. Сам же господин король отправился в Баварию в Регенсбург, и туда пришли к нему бавары и дали ему заложников. И наведя порядок в этой стране, король вернулся во Францию.

789. Тогда король Карл снова через Саксонию пошел к славянам, которые называются вильцы, и вожди той земли вместе с князем их Драговитом вышли ему навстречу и, прося мира, передали все свои земли под власть Карла, короля франков. И после того как выданы были заложники и они (славяне) передали себя (под власть франков), король вернулся во Францию...

791. Итак, король Карл был в Вормсе и здесь справлял пасху. А в то время когда короли обычно выступают в поход, он двинул свои бесчисленные войска против высокомернейшего народа аваров; войско свое он разделил на три части: сам он через Баварию вступил в пределы гуннов по южному берегу Дуная; другое войско, состоявшее из рипуарских франков, фризов, саксов и тюрингов, двинулось по другой стороне Дуная. По Дунаю же двигались войска на судах, чтобы таким образом король со своим войском мог господствовать на обоих берегах реки; и так вступали они в ту землю: одни — по одному берегу, другие — по другому, в середине же — войска на судах. И господь так устрашил их (аваров), что при виде короля никто не осмелился сопротивляться: стоило ему или войску его подойти где-либо ко рвам или какому-нибудь укреплению, построенному в горах, на реках или в лесу, как они или немедленно сдавались, или погибали, или обращались в бегство. В это время войско его, которое сын его, Пипин, привел из Италии, вступило в Иллирик, а оттуда — в Паннонию, и они опустошили здесь все и сжигали так же, как это делал король в той стране, где находился. Когда же король Карл увидел, что в стране аваров никто не осмеливается ему сопротивляться, он обошел эту землю в течение 52 дней, опустошая все и сжигая. И привезли они оттуда добычу без меры и числа, а также пленных — женщин, мужчин и детей — в бесчисленном множестве. И в походе том почил блаженной памяти Энгильрамн, архиепископ Мецский, а также умер Синдберт, епископ (Регенсбурга). А король Карл вернулся в Баварию и здесь зимовал.

792. В тот год король пребывал в Баварии и справлял пасху в Регенсбурге. Но в предыдущее лето саксы, решив, что аварский народ должен одержать победу над христианами, обнаружили то, что до сих пор таили в сердцах своих; подобно псу, который возвращается на блевотину свою, вернулись они к язычеству, которое ранее отвергли и, отвернувшись от христианства, обманув бога и господина короля, который оказал им множество милостей, объединились с окружавшими их языческими народами. Отправив послов своих к аварам, они пытались восстать — прежде всего против бога, а затем и против короля и христиан; все

церкви, которые были в их пределах, они опустошили, разрушили и сожгли и, выгнав епископов и священников, которые были над ними поставлены, одних схватили, других убили и вновь вернулись полностью к поклонению идолам. В тот же год был раскрыт заговор, который замыслил Пипин, сын короля, рожденный от наложницы по имени Химильтруда, против жизни короля и его сыновей, рожденных от законной жены: он хотел убить короля и их (сыновей его), чтобы сам он (Пипин) правил подобно Абимелеху в дни судей израилевых, который на одном камне убил братьев своих, семьдесят мужей и царствовал вместо Гедеона, отца своего, коварно, однако же, и недолго. Карл-король, когда узнал о заговоре Пипина и его приверженцев, созвал в Регенсбурге собрание франков и других своих верных и всего христианского народа, который пришел с королем; самого Пипина и тех, кто вместе с ним участвовал в этом замысле, приговорили одновременно к лишению имущества и жизни. По отношению к некоторым это было исполнено. Что же касается Пипина, сына, которого король не хотел убивать, франки вынесли приговор, согласно которому он должен был посвятить себя служению богу. Что и было сделано: король послал его, уже ставшего клириком, в монастырь, и по-прежнему там пребывал...

794. ...Явился Тассилон, примирился там с господином королем и, отказавшись от всей той власти, которой обладал в Баварии, передал ее господину королю; а также умерла там королева Фастрада. И король оттуда снова пошел в Саксонию, и саксы вышли ему навстречу в Эресбург, снова обещая принять христианство, и, как часто это делали, принесли клятвы; в то время король опять поверил им и установил им священников; и двинулся король во Францию и пребывал в Аахенском дворце.

795. В то время господин король справлял пасху в Аахенском дворце, и саксы, как обычно, нарушили верность; а именно, когда господин король пожелал идти на другие народы, они (саксы) и сами к нему не пришли и не прислали помощи, как он велел. Тогда, вновь изведав их неверность, король двинулся на них со своим войском; тогда часть (саксов) мирно вышла ему навстречу из Саксонии и вместе с ним отправилась в поход на подмогу ему, и король с войском своим направился к Эльбе; другая же часть (саксов), живущая вокруг приэльбских болот и в Вигмодии, к нему вовсе не пришла. Король же, пребывая в Барденгау, взял такое множество заложников, какого никто еще никогда не брал ни в правление его самого, ни в правление его отца, ни вообще в правление франкских королей. И тогда все к нему явились, за исключением вышеупомянутых и тех, кто жил по ту сторону Эльбы; эти не явились к нему потому, что убили князя ободритов Вицина и не верили поэтому, что могут рассчитывать на его милость. Все же остальные явились к нему с миром, обещая выполнить его приказания; и вновь господин ко-

роль поверил им и, сохраняя свою клятву, никого по воле своей не предал смерти.

796. В то лето король Карл отправил своего сына Пипина с теми (войсками), которые были с ним в Италии, а также с баварами и с некоторой частью алеманнов в пределы аваров, и Пипин, соединившись с теми, кого отец послал ему на помощь, перешел Дунай, достиг со своим войском того места, где обычно пребывали баварские короли со своими князьями и которое на нашем языке называется Ринг. Здесь он нашел и отправил своему отцу множество сокровищ, сам же после этого с войском своим и великими сокровищами аваров отправился во Францию. В тот год король Карл пребывал в Саксонии с двумя своими сыновьями, а именно Карлом и Людовиком, он обошел саксонские земли, где были мятежи, сжигая все и опустошая, и привел оттуда пленных мужчин, женщин и детей, а также добычу в неисчислимом множестве. А третье войско свое король Карл в то же лето отправил в сарацинские пределы (во главе) со своими посланцами, которые вели себя здесь так же; опустошили они ту землю и вернулись с миром к королю Карлу на собрание в Аахене.

797. Снова в тот год пошел Карл в Саксонию и достиг округа, который называется Вигмодия, где была построена их крепость, и, разрушив эту крепость, вступил с войском в тот округ, все опустошая в нем и сжигая. И туда снова пришли к нему саксы со всех концов (Саксонии), и король взял у них, а равно и у фризов, заложников, сколько пожелал, и вернулся во Францию. А спустя несколько недель вновь вступил в Саксонию и здесь провел зиму, а остановился он близ того места, где Тимелла впадает в Везер, и (место это) назвал Геристеллус [1], так как воины его построили здесь свои жилища, где и жили.

798. В тот год король Карл был в Саксонии и зимовал в Геристеллус-Новус, здесь же справлял и пасху... И в то же лето отправился с войском в Барденгау, и все они (саксы) отдались под власть его, и он взял там их вождей, кого хотел, и заложников, сколько пожелал; и вновь славяне наши, которых называют ободриты, во главе с посланцами господина короля поднялись на тех саксов, которые живут на северном берегу Эльбы, опустошили владения их и сожгли; саксы же те объединились, и меж ними произошла жестокая битва, и, несмотря на то что ободриты те были язычниками, им помогала вера христиан, и господина короля, и они одержали победу над саксами и убили в этом сражении саксов 2901; и пришли те славяне в северную Тюрингию к господину королю, и почтил их господин король, чего они в высшей степени заслуживали; отсюда господин король отправился во Францию и взял с собою, кого хотел, из числа саксов, а кого хотел, отпустил; он направился в Аахен, где и зимовал.

[1] *Геристеллус* — лагерь.

799. ...Карл в тот год вступил в Саксонию... захватил множество саксов с их женами и детьми, расселив их в различных областях своего государства, а землю их разделил между своими верными, а именно между епископами, священниками, графами и другими вассалами своими, и построил он там в Падерборне церковь удивительной величины, и приказал ее освятить, и после этого вернулся с миром в Аахенский дворец, и там пребывал.

«Хрестоматия.», т I, 1961, стр. 459—464, 466—469

6. ЛОРШСКИЕ АННАЛЫ

801. Так как в стране греков прекратилась династия императоров и власть над ними была в руках женщины, апостолическому Льву[1] и всем святым отцам, присутствовавшим на том соборе, а также и остальным христианам стало ясно, что Карл, король франков, который владеет самим Римом, где всегда пребывали императоры, а также обладает и другими владениями в Италии, Галлии и Германии, должен именоваться императором. ...Король Карл не хотел отказывать их просьбам, но... в то же рождество... принял титул императора вместе с посвящением от господина папы Льва. И прежде всего он призвал святую римскую церковь оставить прежние раздоры и прийти к миру и согласию, и там справлял пасху. И в то же лето направил стопы свои в область Равенны, чтобы вершить здесь суд и установить мир, а отсюда отправился домой, во Францию.

Там же, стр 469—470

7. СТРАСБУРГСКАЯ КЛЯТВА

Еще в 817 г. империя, оставшаяся после Карла Великого, была разделена на части, а за императором Людовиком Благочестивым сохранилась лишь номинальная верховная власть. Начались новые разделы, смуты и междоусобицы, в которых приняли участие сыновья императора, причем все отчетливее выделялись французская, германская и итальянская области, имевшие своих королей. В 842 г. король Людовик, владевший территориями к востоку от Рейна, и король Карл, обладавший землями к западу от Мозеля, поклялись в Страсбурге противостоять козням Лотаря, владевшего Италией и некоторыми другими областями. Небольшие внутренние части текста их клятвы — это первые в истории письменные источники на романском (древнефранцузском) и тевтонском (древненемецком) языках. Событие воспроизведено в «Четырех книгах истории» внука Карла Великого, графа Нитгарда (ок 790—843 гг.). Первым важным последствием клятвы двух королей явился Верденский договор 843 г, узаконивший распад империи.

Книга 3. 5. Таким образом, Людовик и Карл сошлись 14 февраля (842 г.) в городе, известном прежде под именем Аргентурии (т. е. Аргенторат), а ныне его называют обыкновенно Страс-

---

[1] Лев III, папа римский (795—816).

бургом, и дали друг другу торжественную клятву, как она читается ниже, Людовик на романском языке, а Карл на тевтонском. Но прежде нежели была произнесена клятва, они сказали речь собравшемуся народу, один по-немецки, а другой по-романски. Людовик начал, как старший, и говорил так: «Вы знаете, как часто преследовал Лотарь этого моего брата, по смерти отца, и как он старался окончательно погубить его... Он был побежден, и его приверженцы рассеялись, куда могли. Но побуждаемые братскою любовью и из жалости к христианскому народу, мы не хотели его истребить; как прежде, так и теперь мы убеждали предоставить каждому свое право. Он не хотел, однако, подчиняться... и продолжал враждовать против меня и моего брата и опустошать наши земли огнем, грабежом и убийством. Поэтому мы, доведенные, наконец, до крайности, сошлись вместе и определили в вашем присутствии произнести клятву, чтобы вы не могли сомневаться в нашей верности и братской любви. И все это мы делаем руководимые не беззаконными страстями, но желанием... обеспечить благосостояние нашего государства. Если же я — чего упаси Боже — попытаюсь нарушить клятву, данную мною брату, то каждый из вас освобождается от повиновения и присяги, которую вы мне дали». Когда и Карл повторил те же самые слова на романском языке, Людовик, как старший, первый произнес клятву в следующих выражениях: «Ради Божьей любви и ради христианского народа и нашего общего спасения, от сего дня и впредь насколько Бог даст мне смысла и силы, так буду защищать этого моего брата Карла и, помогая ему, и всякими другими способами, как то должно поправде защищать брата, с тем чтобы и он мне сделал то же самое, и с Лотарем не вступлю никогда ни в какие сношения, которые, заведомо, будут вредны этому моему брату Карлу». Когда же кончил Людовик, Карл произнес подобную же клятву на тевтонском языке. Клятва же, которую произнесли войска, каждое на своем языке, выражалась на романском языке следующим образом: «Если Людовик клятву, которой он своему брату Карлу клялся, сохранит, а Карл, мой государь, со своей стороны того не сдержит, а я не буду в состоянии его удержать и в том ему воспрепятствовать, то никакой помощи против Людовика не окажу ему».

М. Стасюлевич. История средних веков, т. II. Пг., 1915, стр. 172-174.

8. ФЛОР ЛИОНСКИЙ. «ЖАЛОБА О РАЗДЕЛЕ ИМПЕРИИ»

Так называется ода, написанная в середине IX в. Флором, дьяконом Лионской епархиальной церкви.

...Франкская нация блистала в глазах всего мира. Иностранные королевства — греки, варвары и сенат Лациума — посыла-

ли к ней посольства. Племя Ромула, сам Рим — мать королевства — были подчинены этой нации: там ее глава, сильный поддержкой Христа, получил свою диадему, как апостолический дар... Но теперь, придя в упадок, эта великая держава утратила сразу и свой блеск и наименование империи; государство, недавно еще единое, разделено на три части, и никого уже нельзя считать императором; вместо государя — маленькие правители, вместо государства — один только кусочек. Общее благо перестало существовать, всякий занимается своими собственными интересами: думают о чем угодно, одного только бога забыли. Пастыри божьи, привыкшие собираться, не могут больше при таком разделе государства устраивать свои синоды, нет больше собрания народного, нет законов, тщетно вздумало бы прибыть посольство туда, где нет двора. Что же сталось с соседними народами на Дунае, на Рейне, на Роне, на Луаре и на По? Все они, издревле объединенные узами согласия, в настоящее время, когда союз порван, будут раздираемы печальными раздорами... В то время как империя разрывается на клочья, люди веселятся и называют миром такой порядок вещей, который не обеспечивает ни одного из благ мира.

«Хрестоматия ..», т. I, 1961, стр. 501.

ТЕМА.

ФЕОДАЛЬНОЕ ПОМЕСТЬЕ

Документы этой темы подтверждают, что в VIII—IX вв. во Франкском государстве происходит переворот в поземельных отношениях, который привел к окончательному господству феодальной собственности на землю. Вместо свободной крестьянской общины появилось феодальное поместье, которое делилось на две части — усадьбу феодала с барской землей и деревню с наделами зависимого крестьянства.

Как следует из приводимых источников, феодалы, кроме обычных повинностей, обременяли своих крестьян всевозможными поборами. Они посягали не только на имущество, но и на личность земледельца, проявляя по отношению к нему произвол и насилие. Это доводило крестьян до полного разорения, часто вынуждая их к бегству.

В документах 1 и 2 речь идет о поместье каролингской эпохи. На основе этих документов можно конкретно показать, что же представляла собой крупная феодальная вотчина. Из документа 2 мы узнаем о крестьянских наделах (держаниях) и связанных с ними повинностях. Документ констатирует, что не вся еще деревня в то время была закрепощена данным поместьем, и подтверждает тот факт, что в раннефеодальную эпоху поместье не представляло территориально единого целого, а могло иметь зависимые от него крестьянские наделы во многих деревнях.

Документы 3, 4, 5 раскрывают то беззаконие, которое творили феодалы и их слуги в отношении крестьян, показывают усиление феодальной эксплуатации, выразившееся в умножении сеньориальных повинностей и требовании новых поборов. Все это приводило не только к разорению крестьян, которые были беззащитны перед произволом и насилием феодалов, но и к их закрепощению.

1. КАПИТУЛЯРИЙ О ПОМЕСТЬЯХ

По мнению ряда исследователей, Капитулярий о поместьях был издан в начале IX в. Карлом Великим. Однако существует и такая точка зрения, что он составлен сыном Карла Великого Людовиком Благочестивым, королем Аквитании.

Капитулярий о поместьях — это указ или инструкция управляющим теми имениями, которые находились в непосредственном ведении королевского двора и служили для удовлетворения нужд королевского дома. В капитулярии содержится подробное предписание, как надлежит вести хозяйство в поместьях. Из капитулярия следует, что хозяйство в королевском поместье в то время носило в основном натуральный характер. Даже для короля основным источником дохода служили его имения, и он был заинтересован в образцовом ведении своего хозяйства. Не удивительно поэтому, что существовали такие подробные инструкции.

Капитулярий, таким образом, знакомит нас с подробным устройством крупной каролингской вотчины и является важнейшим источником для ее изучения.

1. Желаем, чтобы поместья наши, коим мы определили обслуживать наши собственные нужды, всецело служили нам, а не другим людям.

2. Чтобы с людьми нашими хорошо обращались и чтобы никто не доводил их до разорения.

3. Чтобы не смели управляющие ставить людей наших на свою службу, требуя от них барщины, рубки [лесного] материала и других работ в свою пользу; пусть также не принимают от них каких-либо даров — ни коня, ни быка, ни коровы, ни свиньи, ни барана, ни поросенка, ни ягненка, ни чего-либо другого, за исключением тыкв, продуктов садоводства, яблок, кур и яиц.

4. Если люди наши учинят нам какой-либо вред воровством или другими проступками, пусть то полностью возместят; кроме того, по закону пусть получат наказание бичеванием, исключая человекоубийства и поджога, за что следует штраф... А свободные люди, проживающие в наших фисках[1] или поместьях наших, если в чем провинятся, пусть отвечают каждый по их закону; и что уплатят в качестве штрафа, пусть идет нам, будет ли то скот или иное.

---

[1] *Фиск* — комплекс государственных построек и земель В фиск могло входить несколько поместий. Каждым фиском ведал отдельный управляющий.

5. Когда управляющие наши должны выполнять наши работы — посев или пахоту, сбор жатвы, сена или винограда, — каждый во время работы всюду пусть тщательно смотрит и дает распоряжения, как надо вести дело, чтобы было хорошо и исправно. Если же будет в отсутствии или куда-либо не сможет пойти [сам], доброго посланца из людей наших или другого верного человека пусть нарядит для присмотра за нашим делом, чтобы было хорошо выполнено...

7. Пусть каждый управляющий службу[1] свою полностью справляет, как ему будет [о том] объявлено...

8. Чтобы управляющие наши приняли наши виноградники, кои в их ведении, и хорошо за ними ухаживали; самое же вино сливали в сосуды и тщательно смотрели, чтобы никак не попортилось; другое же вино — простое — пусть покупают, чтобы снабжать им поместья государевы. Если же будет закуплено такого вина более, чем надо послать для снабжения наших поместий, нам о том сообщать, а мы известим, какова будет о нем наша воля. А отводки от виноградников наших посылать для нашей надобности. Оброк с наших поместий, которые должны [платить] вином, отправлять в наши погреба.

9. Желаем, чтобы каждый управляющий в своем округе имел такие же меры — модии, секстарии, ситулы по 8 секстариев и коробья, какие и мы имеем во дворце нашем...

11. Чтобы никто из управляющих постоем у людей наших и в лесах [наших] никоим образом не пользовался ни для себя, ни для собак своих.

12. Чтобы никто из управляющих не делал своим вассалом заложника нашего в нашем поместье...

18. Чтобы при мельницах наших имели кур и гусей, смотря по тому, какая мельница; и чем больше, тем лучше.

19. При житницах наших в главных поместьях содержать не менее 100 кур и не менее 30 гусей. А при хуторах кур содержать не менее 50, гусей же не менее 12.

20. Каждый управляющий пусть заботится о том, чтобы продукты в течение всего года в изобилии к [господскому] двору притекали; кроме того, пусть осматривает их по очереди трижды, четырежды и более.

21. Каждый управляющий пусть держит при [господских] дворах наших рыбные садки, где они ранее были; и если может их умножить, пусть умножает, а где ранее их не было, теперь же могут быть, пусть вновь устраивает...

---

[1] *Служба управляющего,* о которой упоминается в капитулярии, — термин для обозначения особой повинности самого управляющего, который должен поставлять для королевского стола продукты из своего округа в течение определенного времени.

23. В каждом поместье нашем управляющие пусть содержат как можно больше хлевов для коров, свиней, овец, коз и козлов, и никак без этого нельзя обходиться...

24. Каждый управляющий, когда ему надо поставить что-либо к нашему столу, должен быть ответственным за то, чтобы все поставляемое им было в хорошем и отличном состоянии, а также самым добросовестным образом и чисто приготовлено...

31. Пусть ежегодно отделяют и то, что надо выдавать живущим на [господском] иждивении [провендариям][1] и в женских помещениях, и своевременно полностью пусть раздают, не забывая извещать нас о том, на какое дело это пошло и откуда взято.

32. Пусть каждый управляющий заботится о том, чтобы всегда иметь добрые и первосортные семена, покупая ли их или [доставая] как-нибудь по-другому...

34. Со всяким тщанием наблюдать должно, чтобы все изготовляемое или совершаемое руками, именно: сало, вяленое мясо, окорока, свежепросоленное мясо, вино виноградное, уксус, вино ягодное, вино вареное, заготовленная впрок рыба, горчица, сыр, масло, солод, пиво, мед-напиток, мед натуральный, воск и мука — все это делалось и изготовлялось с величайшей опрятностью...

36. Чтобы леса и заповедные чащи наши хорошо охранялись; и если где окажется удобное место для расчистки, расчищали бы и полям зарастать лесом не давали; а где должны быть леса, никак не допускать их вырубать и губить; зверей же в заповедных чащах наших тщательно блюсти; заботиться также о соколах и ястребах для нашего дела; и оброки, следуемые за это[2], тщательно собирать. Управляющие, а также старосты и люди их, если будут гонять свиней на выпас в наш лес, пусть сами первые платят положенную десятину, подавая тем добрый пример, чтобы потом и прочие люди их десятину платили полностью.

37. Поля и заимки наши обрабатывать и луга наши своевременно охранять.

38. Чтобы всегда имели достаточно откормленных гусей и откормленных кур для наших надобностей...

40. Чтобы каждый управляющий все непременно содержал в наших поместьях, ради достоинства их, особенных птиц: павлинов, фазанов, уток, голубей, куропаток и горлиц.

41. Чтобы постройки в наших [господских] дворах и ограды, их окружающие, хорошо охранялись и чтобы хлева, кухни, хлебопекарни и давильни обставлялись со тщанием, дабы служащие наши могли отправлять там свои обязанности прилично и с большой опрятностью.

---

[1] *Провендáрии* — лица, которые повседневно работали в поместье. Они не имели своих наделов и потому состояли на полном господском иждивении.

[2] Т. е. очевидно, за пользование лесами. (*Ред.*)

42. В покоях каждого поместья иметь постельные покрывала, перины, подушки, простыни, столовые скатерти, ковры на лавки, посуду медную, оловянную, железную и деревянную, таганы, цепи, крючья, струги, топоры, то есть колуны, сверла, то есть буравы, ножи и всякую утварь, чтобы не было надобности где-нибудь просить ее или занимать. И иметь [управляющим] на своей ответственности бранные доспехи, которые берут на войну, чтобы были в исправности и по возвращении снова сдавались в покои.

43. Женским помещениям нашим во время, как установлено, давать материал для работы, именно: лен, шерсть, вайду, алую и красную краски, гребни для чесания шерсти, ворсянку, мыло, жиры, сосуды и прочую мелочь, которая нужна там.

44. Из постного ежегодно две части посылать для нашего стола, именно: овощи, рыбу, сыр, масло, мед, горчицу, уксус, пшено, просо, зелень сушеную и свежую, редьку и еще репу, воск, мыло и прочую мелочь; а о том, что останется, как мы сказали, с описью нам сообщать, и никоим образом от этого не уклоняться, как раньше делали, ибо по этим двум частям нам желательно знать о той третьей, которая осталась.

45. Чтобы каждый управляющий имел в своем ведении добрых мастеров, именно: кузнецов, серебряных и золотых дел мастеров, сапожников, токарей, плотников, оружейников, рыболовов, птицеловов, мыловаров, пивоваров, то есть тех, кто сведущ в изготовлении пива, яблочных, грушевых и других разных напитков, хлебопеков, которые изготовляли бы для наших потребностей пшеничный хлеб, людей, хорошо умеющих плести тенета для охоты и сети для рыбной ловли и ловли птиц, а также и других служащих, перечислять которых было бы долго...

48. Чтобы давильни в поместьях наших хорошо были устроены; и о том должны заботиться управляющие, чтобы виноград наш никто давить ногами не смел, но все должно быть опрятно и по чести...

52. Желаем, чтобы разным людям из крепостных и рабов наших или свободных, проживающих в наших фисках и поместьях, [управляющие] творили полный и правый суд, как каждому полагается.

54. Пусть каждый управляющий смотрит за тем, чтобы люди наши хорошо работали и не шатались бы праздно по рынкам.

55. Желаем, чтобы управляющие все, что дадут, израсходуют и отделят на наши нужды, распоряжались записывать в одном списке, а все, что истратят сами, — в другом; и особым списком нас извещали бы о том, что будет в остатке...

62. Пусть управляющие наши ежегодно к рождеству господню раздельно, ясно и по порядку нас извещают о всех наших доходах, чтобы мы могли знать, что и сколько мы имеем по отдельным статьям, именно: сколько [вспахано] быками, на кото-

рых работают наши погонщики... сколько [поступило] поросят, сколько оброков, сколько по долговым обязательствам и штрафов по суду, сколько за дичь, ловленную в [заповедных] чащах наших без нашего разрешения, сколько за разные проступки, сколько с мельниц, сколько с лесов, сколько с полей, сколько с мостов и судов, сколько с свободных людей и сотен, обслуживающих нужды нашего фиска, сколько с рынков, сколько с виноградников и с тех, кто платит вином, сколько сена, сколько дров и факелов, сколько тесу и другого [лесного] материала, сколько с пустошей, сколько овощей, сколько пшена и проса, сколько шерсти, льна и конопли, сколько плодов с деревьев, сколько орехов и орешков, сколько с привитых деревьев разного рода, сколько с садов, сколько с репных гряд, сколько с рыбных садков, сколько кож, сколько мехов и рогов, сколько меда и воска, сколько сала, жиров и мыла, сколько вина ягодного, вина вареного, медов-напитков и уксуса, сколько пива, вина виноградного — нового и старого, зерна нового и старого, сколько кур, яиц и гусей, сколько от рыболовов, кузнецов, оружейников и сапожников, от выделывателей квашней и сундучников, сколько от токарей и седельников, сколько от слесарей, от рудников железных и свинцовых, сколько с тяглых людей, сколько жеребчиков и кобылок...

64. Чтобы бастерны — повозки наши, которые идут на войну, хорошо были сделаны и верхи их хорошо были бы покрыты кожами...

70. Желаем, чтобы в садах имели всякие травы [и овощи], именно [дальше перечисляется 73 названия растений].

О деревьях желаем, чтобы были яблони, груши и сливы разных сортов, рябина, кизиль, каштаны, персиковые и айвовые деревья, орешник, миндальные, тутовые, лавровые деревья, пинии, фиговые деревья, грецкий орешник, вишни разных сортов. Названия яблонь: сладкие и покислей, все зимние сорта и те, которые надо есть прямо с дерева, и яровые сорта. Зимних сортов груш три и четыре, послаще, и те, которые надо варить, и поздние сорта.

Конец государеву капитулярию.

Н Грацианский Западная Европа в средние века, стр 62—69

2. ИЗ СЕН-ЖЕРМЕНСКОГО ПОЛИПТИКА
(начало IX в.)

Сен-Жерменский полиптик — опись земельных владений монастыря Сен-Жермена (св. Германа) близ Парижа, составленная аббатом Ирминоном. Ценность его состоит в том, что он содержит подробные сведения о церковных поместьях. Полностью полиптик не сохранился, уцелело лишь 25 описей отдельных владений.

Исходя из этого источника, мы можем судить о крестьянских наделах (мансах) и тех повинностях, которые несли их держатели. Мансы делились на формально свободные, литские и рабские. С каждого из них (в том числе и со «свободного») взимались определенные поборы. Причем, как следует из документа, «свободный» крестьянин мог держать рабский манс, а колон или раб — свободный манс и нести только такие повинности, которые лежали на данном мансе.

а) Глава VIII. Из описания фиска[1] Новигент

1. Имеется в Новигенте господский манс с домом и прочими постройками в довольном количестве.

Имеется там пахотной земли три поля, содержащих 55 бонуариев[2], и можно посеять [там] пшеницы модиев[3].

Имеется там виноградника 41 $^{1}/_{2}$ арипеннов, можно собрать с них вина 300 модиев.

Имеется там лугу 43 арипенна; можно собрать с них сена 120 возов.

Имеется там леса, как считается, всего в окружности 15 лейв, может прокормиться там 1000 свиней.

Имеется там мельница 1, с которой идет чинш зерном 30 модиев.

2. Имеется там церковь 1. Тянет к оной церкви свободный манс 1; содержит пахотной земли 6 бонуариев, виноградника 1 арипенн, лугу 2 $^{1}/_{2}$ арипенна.

3. Вульфард — колон и жена его, свободная, именем Эрмоара; при них детей трое (перечислены поименно). Держит 1 свободный манс, содержащий пахотной земли 11 бонуариев, виноградника 2 арипенна, лугу 3$^{1}/_{2}$ арипенна. Платит военного сбора 10 модиев вина, за выпас 3 модия, поросенка 1 стоимостью в 1 солид. Пашет под озимое 6 пертик, под яровое 3 пертики. [Справляет] полевую барщину, рубку леса, подводную повинность, ручные работы, сколько ему прикажут. Кур 3, яиц 15. Возит вино, когда ему прикажут. Дранней 100. Убирает на лугу 1 арипенн.

4. Бертульф — лит и жена его, колона, именем Гизоберга, люди св. Германа; при них детей трое [перечислены]. Держит 1$^{1}/_{2}$ свободных манса, содержащих пахотной земли 3$^{1}/_{2}$ бонуария, виноградника 2 арипенна, лугу 3 арипенна. Платит так же.

6. Герульф — колон и жена его, колона, именем Сакса, люди св. Германа. Держит 1 свободный манс, содержащий пахотной

---

[1] *Фиском* названо отдельное владение.

[2] *Бонуáрий, арипéнн, пéртика* — земельные меры. В бонуарии (около десятины) 10 арипеннов или 50 пертик. Арипенн — десятая часть бонуария. Пертика, как иногда считают, $^{1}/_{50}$ бонуария (большая пертика), или $^{1}/_{50}$ арипенна (малая пертика).

[3] Не указано сколько. *(Ред.)*

земли $2^1/_2$ бонуария, виноградника $1^1/_2$ арипенна. Пашет под озимое 4 пертики, под яровое 2 пертики. Прочее платит, как Вульфард.

7. Годехар — колон св. Германа; при нем детей двое (перечислены). Держит 1 свободный манс, содержащий пахотной земли 7 бонуариев, виноградника $1^1/_4$ арипенна, лугу 5 арипеннов. Платит так же.

б) Из главы XIII
О тех, кто платит денарии с литских мансов

§ 39. Эрмольд — колон и братья его (названы 4 имени), люди св. Германа. И Ансард — колон и жена его, колона, именем Инграда, люди св. Германа. Сын его Герольд. Оба живут в Кумби. Держат один литский манс, содержащий пахотной земли $16^1/_2$ бонуариев, луга 6 бонуариев. Платят сообща военного сбора 2 солида и прочее, как держатели свободных мансов, кроме одного солида военного сбора.

в) О рабских мансах

§ 64. Автлемар — раб и жена его, колона, именем Адальберта, люди св. Германа. Сын их Рагенульф. Живет в Nova Villa. Держит половину рабского манса, содержащую пахотной земли 3 бонуария, луга 2 арипенна. Платит в качестве военного сбора 1 барана, 4 денария поголовного обложения, 100 фунтов железа, драней 50, тесин 50, клепок 6, обручей 3, хмелю 2 секстария, факелов 7. Ежегодно вспахивает 6 пертик. Справляет подводную повинность. Огораживает тыном 1 пертику господского двора и 4 пертики поля. Кур 3, яиц 15... Несет караул на господском дворе и другие службы, какие понадобятся.

«Социальная история средневековья», т. I, стр. 131—134, 136, 142, 145.

3. ИЗ ГРАМОТЫ 1122 г.

Суть бо [фогты] утеснили бедных и, как волки вечернею порою подстерегают овец, так и они... каждодневно строят козни, чтобы расхищать их скудное имущество...

Там же, стр 221.

4. ИЗ ЛЕТОПИСИ АББАТСТВА МУРИ
(в Швейцарии)

Жил некогда в Волене могучий вельможа, именем Гунтранн, множество владений в разных местах имевший и на имущество соседей своих жадно взиравший. Некие свободные люди, про-

жившие в одном селении, в чаянии, что он будет [к ним] добрым и милостивым, передали ему свои земли и сделались его чиншевиками, с условием, чтобы под покровительством и защитою его пребывать в безопасности. Он же, возрадовшись и замысливши злое, стал утеснять их: сперва одолевал просьбами, потом, пользуясь широкою своею властью, приказал отправлять для него [разные] службы, как будто бы они были его крепостные .. именно — утеснял их полевыми работами, уборкою сена и прочим по своему произволу... не будучи в состоянии сопротивляться, с неохотою выполняли они то, что им приказывали.

Тем временем король[1] прибыл в Солёр, пришли туда и поименованные поселяне, с жалобами на незаконное их утеснение. Но в столь многочисленном сборище вельмож, а также по причине грубости их речи не дошли до государя эти жалобы. Не в добрый час пришли они туда, ни с чем и вернулись обратно...

Там же, стр 222.

5. ИЗ ПИСЬМА КЛЮНИЙСКОГО АББАТА ПЕТРА ДОСТОПОЧТЕННОГО (XII в.)

Всем ведомо, как светские сеньоры утесняют своих несвободных крестьян — мужчин и женщин. Не довольствуясь обычными их повинностями, они постоянно и без милосердия изъявляют притязание на самое их имущество вместе с их личностью и на самую их личность вместе с имуществом. И вот, сверх положенного, они трижды, четырежды и сколько им вздумается раз в году добро их расхищают, бесчисленными службами их утесняют и тяжкое и невыносимое бремя на них налагают, так что большинство вынуждено покидать собственную землю и убегать на чужбину. Но что хуже всего, они не боятся продавать за презренные деньги тех самых людей...

«Хрестоматия», т I, 1953 стр 222.

6. ПОВИННОСТИ КЭРЛОВ В ВОТЧИНЕ ХЭРСТБОРН[2]

Здесь записаны повинности, которые кэрлы[3] должны исполнять в Хэрстборне. Прежде всего с каждой гайды[4] они должны платить 40 пенсов ко дню осеннего равноденствия и давать 6 церковных мер пива, 3 секстария пшеницы для белого хлеба и вспахивать 3 акра в свое собственное время[5], и засевать их соб-

[1] Речь идет о короле Генрихе III, который возложил на себя корону Бургундии в 1038 г Попытка крестьян обратиться к нему с жалобой не имела успеха. Свободная деревня Мури была закрепощена соседним графом.

[2] Опись относится, видимо, к X в

[3] *Кэрл* — свободный общинник.

[4] *Гайда* — земельный надел общинника в Англии. Средняя величина гайды — 120 акров пахотной земли (1 акр равен 0,4 *га*).

[5] Т. е. время, свободное от барщины.

ственными семенами, и в свое собственное время доставить [снятый урожай] в амбар, и давать три фунта ячменя в качестве гафоля[1], и пол-акра сажать в качестве гафоля, в собственное время, и сложить урожай в скирды, и нарубить 4 подводы дров в качестве гафоля, и сложить их штабелями в собственное время, и соорудить 16 ярдов ограды в качестве гафоля в собственное время, и на пасху давать 2 овец с двумя ягнятами, причем 2 молодых овцы могут заменить одну взрослую, и они обязаны мыть овец и стричь их в свое собственное время. И каждую неделю они должны исполнять такую работу, какую им будет приказано делать, исключая 3 недели: одну — в середине зимы, другую — на пасху и третью — в канун праздника вознесения.

«Хрестоматия ..», т. I, 1961, стр 643—644.

7. ЧИНШИ С ВЛАДЕНИЙ РЕЙМССКОЙ ЦЕРКВИ св. РЕМИГИЯ В КОНЦЕ X в.

Чинш с селения Конхизы. Ежегодно 20 солидов, 9 денариев и 1 обол. На праздник св. Мартина — 4 ливра и 3 солида. С селения Сарты — 3 солида. В марте месяце — 5 солидов поголовного налога. К Рождеству Господню — 10 солидов. Приношения: 25 кур, к каждой по 10 яиц. С держателей участков — 25 с половиной модиев овса и 12 с половиной модиев ржи.

Чинш с селения Хенгезбак. В мае месяце — 6 с половиной солидов, а на следующий год — 10 солидов и 10 денариев. В августе месяце — 23 солида, 4 денария и 1 обол. На праздник св. Мартина—2 ливра без 12 денариев на 5 солидов поголовного налога. На праздник св. Ремигия—2 солида и 4 денария. К Рождеству Господню—8 солидов и 4 денария подношений. С держателей участков — 6 с половиной модиев ржи, 13 модиев овса и 13 кур, к каждой по 10 яиц...

Там же, стр 495

ТЕМА.

ПОВИННОСТИ, ЖИЗНЬ И БЫТ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН

Изучение этой темы начинается с рассмотрения вопроса о власти феодалов над крестьянами. Эта власть на протяжении всей эпохи средневековья не оставалась одинаковой, а менялась от столетия к столетию и от страны к стране. Наиболее характерные ее черты выражались во внеэкономическом принуждении, т. е. в прямом насилии над крестьянином. После IX в. такие формы принуждения стали в Западной Европе преобладающими. Документ 1 говорит о телесных

[1] *Гафоль* — подать, которая взималась натурой.

наказаниях зависимых земледельцев. В документе 2 рассказывается о дарении феодалом крепостного человека. Документ 3 — это небольшая картинка тогдашней жизни· крестьяне попытались стать свободными, а феодальный суд в поместье восстановил их крепостное состояние. Документ 4 свидетельствует, что феодал, если он хотел, мог освободить крепостного человека. Документ 5 характеризует феодальную точку зрения на власть над крепостными вообще.

Второй вопрос, изучаемый в данной теме, — как крестьяне жили и трудились. Мы освещаем его пятью документами (6—10). Документ 6 свидетельствует о повседневных обязанностях зависимого земледельца. Следующий характеризует эти обязанности на протяжении всего года. В документе 8 описывается, как феодалы распоряжались судьбой крепостных, которые хотели жениться, и имуществом умерших крестьян. В двух дальнейших рассказывается о голодовках. Довольно частые в ту эпоху, они сильнее всего поражали бедных земледельцев.

Третий вопрос данной темы — борьба крестьян с феодальным гнетом. Первый из трех приводимых по этому вопросу документов показывает, как феодальное государство стремилось расстроить сплоченность угнетаемых и предотвратить восстания. Следующий документ описывает одно из крестьянских восстаний. Последний рассказывает, как простонародье попыталось покончить с феодальными междоусобицами, от которых оно страдало гораздо больше самих феодалов.

1. СУАССОНСКИЙ КАПИТУЛЯРИЙ

Приводим часть этого постановления, принятого в городе Суассоне (как показывает само название) королем западнофранкским Карлом Лысым в 853 г.

Пусть с колонов, которые уже были наказаны или должны быть наказаны бичами за растрату (господского) движимого имущества, не взыскивается никакого иного возмещения убытков...

Там же, стр 497.

2. ДАРСТВЕННАЯ ГРАМОТА

Эта дарственная грамота в 941 г. была вручена бургундским графом монастырю как свидетельство о дарении земель вместе с крепостными людьми, которые ее обрабатывают. Такие грамоты веками хранились в монастырских архивах, подтверждая зависимое положение далеких потомков тех людей, которые когда-то были подарены, проданы за деньги или уступлены в обмен на имущество.

Я, Леотальд, божьей милостью граф, и супруга моя Берта из любви к богу... дарим названному божьему дому[1] некоторые наши земли, находящиеся в Лионском округе, в селении Монг-Гу-

[1] Маконской церкви св. Винцента.

дин: это 5 колонских владений со всем, что к ним принадлежит, полями, лугами, виноградниками, дворами, строениями, водами стоячими и текучими и всем прочим, что там было или будет нами приобретено, и с живущими там сервами, оставляя за собой лишь лес, а из этого леса дарим участок. Имена сервов, которых мы там дарим: Архинад со своей женою и детьми, Иоанн с женою и детьми, Тевтфред с женою и детьми, Айрард с женою и детьми.

Там же, стр., 497—498.

3. ГРАМОТА ИЗ ЗАСЕДАНИЯ ВОТЧИННОЙ КУРИИ

Когда сложился класс крепостных, их судьбу решали уже не столько короли в рамках всей страны, сколько каждый феодал в своем поместье. Почти все спорные дела разбирались в суде такого феодала — вотчинной курии. Ниже описано заседание подобной курии (847 г.) в одном из селений, принадлежавших Реймсскому монастырю св. Ремигия. Грамота с описанием заседания включена в сборник текстов о владениях этого монастыря — Реймсский полиптик.

Вот запись о манципиях [1] св. Ремигия, восстановленных в их состоянии по приговору скабинов [2] на заседании посланцев архиепископа Гинкмара.

По распоряжению архиепископа Гинкмара прибыли в селение Курт Агуцнор его посланцы: священник, глава школы св. Реймской церкви Сиглоард и вассал указанного епископа, знатный муж Додилон. Когда они заседали в судилище, справляя правосудие монастыря св. Ремигия, а также названного сеньора, услышали они заявление о тех манципиях, имена которых следуют ниже, и об их происхождении, а именно: что они по справедливости должны быть крепостными, поскольку их бабки Берта и Авила были куплены за господские деньги. Тогда вышеназванные посланцы, как только это услышали, исследовали тщательно данное дело. И вот имена тех присутствовавших там лиц, которые были опрошены: Гримольд, Варинхер, Левтхад, Остральд, Аделард, дочь Хильдиарда Ивойя. А эти, отвечая, сказали: «Дело обстоит не так, поскольку мы от рождения свободные». Тут упомянутые посланцы спросили, есть ли там кто-либо, кто знает истину в этом деле и хотел бы ее установить. Тогда выступили старейшие свидетели, имена которых: Хардиер, Тедик, Одельмар, Сорульф, Гизинбранд, Гифард, Тевдерик. Они засвидетельствовали, что по происхождению те лица являются приобретенными за господские

---

[1] *Манципии* — в древности рабы, позднее крепостные.

[2] *Скабины*, или *эшевены*, или *шеффены*, — это судебные заседатели, некогда выносившие решения в народном суде, а теперь привлекаемые к службе в вотчинной курии.

деньги и что они по справедливости и закону должны быть крепостными, а никак не свободными. И спросили посланцы тех людей, говорят ли свидетели о них правду. Тут те, видя и признавая очевидную истину дела, тотчас сознались и по постановлению скабинов, имена которых Геймфрид, Урсольд, Фредерик, Урсиавд, Хродерав, Херльхер, Ратберт, Гизлехард, — восстановили крепостное состояние, в течение многих дней несправедливо утаивавшееся и не соблюдавшееся. Решено в Курт Агуциор, в третьи иды мая, в судилище, на 6-й год правления славного короля Карла (Лысого) и на третий год правления архиепископа Гинкмара в святом месте Реймсском (25 подписей). Подписавшиеся свидетели удостоверяют также, что Тевтберт и Блитхельм по происхождению суть крепостные и по постановлению в том же судилище скабинов, имена которых написаны выше, они восстанавливают свое крепостничество.

Там же, стр. 489—490.

4. ГРАМОТА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕПОСТНЫХ

Нижеследующая грамота от начала X в. свидетельствует, как мелкий церковный феодал, крепостные которого, вероятно, плохо работали, освобождает их вместе с земельными наделами, остающимися все же у церкви в верховной собственности. Такое освобождение порой практиковалось для того, чтобы заставить зависимых людей работать на феодала не за страх, а за совесть.

Вот я, дьякон, во имя божие делаю некоторых моих сервов франками[1] и дарю им из моих земель то, что находится в Маконском округе, вблизи городских стен у верхней крепости. Это один дворик с жилым строением, граничащим на востоке с землей Юдэи, на юге — с городской стеной, на западе — с землей церкви св. Марии, на севере — с общественной дорогой. Внутри этих пределов дарю я вам все, чтобы держали вы все это в течение своей жизни, а после вашей кончины отошло бы все это к церкви св. Винцента. А если кто-нибудь захочет нарушить предоставленную им свободу, уплатит 4 золотых ливра.

Там же, стр. 499.

5. СЕМЬ ПАРТИД

Приводим отрывки из свода феодальных законов, известного под названием «Семь партид» (т. е. 7 частей), составленного в 1256—1265 гг. при короле Леона и Кастилии (Испания) Альфонсе X и утвержденного при короле Альфонсе XI в 1348 г. Этот свод наглядно свидетельствует о власти феодалов над крепостным крестьянством.

---

[1] В то время синоним свободного человека.

Закон VI. Какую власть сеньоры имеют над крепостными

Сеньор имеет полную власть над своим крепостным, чтобы делать с ним все, что захочет. Но при всем этом, он не должен ни убивать его, ни оскорблять, даже если для этого будет повод, за исключением приказа местного судьи; и не должен ни ранить его, ни морить его голодом, разве только если застанет его со своей женой или с дочерью или если крепостной сделает другое преступление, подобное этому. В таком случае сеньор может его убить. Затем постановляем, что, если кто-либо будет так жесток со своими крепостными, что будет морить их голодом, или ранит их, или повергнет их в такие бедствия, что они не смогут терпеть их, то в таких случаях крепостные могут пожаловаться судье. И он, по своей должности, обязан выяснить истину, так ли это; и если найдет, что это правда, то он должен продать их и возместить их стоимость сеньору. И он должен сделать это так, чтобы они никогда не смогли вернуться под власть того, по чьей вине он их продал.

Титул XXII. О свободе

Естественно, что все существа на Земле любят свободу и желают ее, а тем более люди, которые имеют ясное понимание всего сущего, а главным образом те, кто имеет благородное сердце. Итак, если в предыдущем титуле мы говорили о крепостничестве, то здесь мы хотим сказать о свободе. И показать, что это такое, и кто может дать ее. и кому, и каким образом; и какое право сеньор имеет над личностью и над имуществом того, кто был его крепостным и кому он затем дал вольную. И по каким причинам он может потерять это право.

Закон I.
Что такое свобода, и кто ее может дать, и кому, и каким образом

Свобода — это естественная способность человека делать все, что он захочет, если только сила или право закона или фуэро[1] не запрещают ему этого. И эту свободу сеньор может дать своему крепостному в церкви, или вне ее; или перед судьей, или в другом месте; или в завещании, или без завещания, или посредством письма. Но он должен делать это сам, а не через поверенного, разве только если прикажет сделать это тем, кто относится к его предкам или потомкам по прямой линии его рода. Однако необходимо, если он освобождает крепостного через письмо или перед своими друзьями, чтобы он делал это в присутствии пяти свидетелей. И если он хочет дать крепостному вольную в своем заве-

[1] Обычай.

щании, то он не может это сделать, если сеньор, который освобождает, не достиг четырнадцати лет. И если он его хочет освободить другим образом: письмом или перед свидетелями, или перед друзьями, то может это сделать, если сеньору нет двадцати лет; разве только, если тот, кого он хочет освободить, является его сыном, или его дочерью от какой-либо своей крепостной; или если это его отец, или мать, или брат, или сестра; или его учитель, который дал ему образование; или его воспитатель, или воспитательница, которая его вырастила; или его воспитанник, или воспитанница; или его молочный брат; или если это крепостной, избавивший своего сеньора от смерти или от дурной молвы; или если хотел освободить кого-либо из своих крепостных, дабы сделать его своим поверенным с целью собирать налоги вне суда, причем крепостному должно исполниться, по крайней мере, семнадцать лет; или если освобождает свою крепостную, чтобы жениться на ней. Но в этом случае он должен поклясться, что именно поэтому ее освобождает и что женится на ней в течение шести месяцев. Итак, доказав любой из этих фактов перед судьей, человек моложе двадцати лет и старше семнадцати может спокойно освободить своего крепостного, делая это пока что с разрешения своего опекуна.

«Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы», стр. 483—485.

6. ПРАВИЛА ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ ЛИЦ

Это отрывок из наставления, написанного неизвестным автором в Англии между 1000 и 1025 гг. для владельцев поместий.

Обязанности генеата[1]

Обязанности генеата различны в зависимости от того, как они установлены [обычаями] данного поместья; в некоторых он должен платить оброк и ежегодно [давать] одну свинью в возмещение за право выпаса, [нести ездовую повинность] верхом, упряжкой [конем] и подводой, возить тяжести, работать [на барщине], кормить господина [глафорда], и жать и косить [сено], забивать ограды для зверей, ставить силки, строить и огораживать укрепления, проводить новые дороги, платить церковные десятины [подати] и милостыню, нести личную охрану [глафорда], сторожить лошадей, быть посланцем, как на близкие, так и на дальние [расстояния], куда бы ему ни было указано.

Там же, стр. 94.

---

[1] Зависимый человек.

7. Э. ЛЕ ГОЗ. «ПОЭМА О ВЕРСОНСКИХ ВИЛЛАНАХ»

Между 1240 и 1250 гг. крестьяне селения Версон, зависевшие от монастыря св. Михаила в Нормандии, возмутились. Пытаясь «образумить» их, служилый человек монастыря и дворянин Эсту ле Гоз написал «Поэму о версонских вилланах». Здесь помещен отрывок из нее

Вилланы должны возить камень — без споров и сопротивления. В нем что ни день, то нужда. И на печах и на мельницах. Вилланы постоянно повинны службой. Строится ли дом — они должны подавать каменщикам камень и цемент. Все это делает каждый виллан, кроме Осбера Пенеля, который придумал скверное новшество: вилланы выбрали его своим вожаком (да умрут они за это в стыде!) и сделали его ходатаем, чтобы обобрать сеньора. Не устроили ли они того с рядом других знатных? Да, они это проделывают постоянно.

Первая работа в году — к иванову дню. Вилланы должны косить луга, сгребать и собирать сено в копны и складывать его стогами на лугах, а потом везти на барский двор, куда укажут. Бордарии же уберут сено в сарай. Эту работу делают они постоянно.

Затем должны они чистить мельничные канавы, каждый приходит со своей лопатой, с лопатой же на шее идут они выгребать сухой и жидкий навоз. Такую работу делает виллан.

Но вот наступает август, а с ним новая работа (ее-то им только недоставало!). Они обязаны барщиной, и ее не следует забывать. Вилланы должны жать хлеб, собирать и связывать его в снопы, складывать скирдами среди поля и отвозить немедленно к амбарам. Эту службу несут они с детства, как несли ее предки. Так работают они на сеньора. Если их земли подлежат шампáру[1], то никогда не свезти им с полей своих снопов: идут они искать сборщика и приводят его с великой неохотой; если виллан погрешит против установленного счета, то сборщик пристыдит его и наложит большой штраф, если он ему чего недодал. И вот наружает он шампар на свою двуколку, не смея скинуть ни единого снопа, везет к амбару общего шампара. Его же собственный урожай остается под дождем и ветром, и виллан тоскует о своем хлебе, который лежит на поле, где терпит всяческий ущерб! И вот подъезжает он к амбару, где берут с него штраф, если он потерял хоть один сноп, упавший с воза в поле или на дороге. Привязывает он своих лошадей, но им не дадут ни крошки корму; а если увидит его меряльщик, то он также сумеет огорчить виллана, требуя с него вина. Немало приходится платить тому, над кем висят три или четыре приказчика: один принимает, другой разгружает, третий ведет к мерялыци-

[1] Оброк в виде части урожая.

ку — бедняку же одни слезы! Сдав хлеб, виллан, наконец, уходит (давно не знал он такой радости!), кляня на своем наречии того, кто наградил его такой судьбой, а потому и допустил над ним такое измывательство.

А потом подходит время ярмарки «на лугу» и сентябрьский богородичный день, когда надо нести поросят. Если у виллана восемь поросят, то он берет двух наилучших, один для сеньора, который, конечно, не возьмет того, что похуже! А сверх того, надо приложить по денье за каждого поросенка из оставшихся. Все это должен платить виллан. Затем наступает день святого Дионисия. Тут вилланы хватаются за голову — ведь им надо вносить чинш[1], и они в страхе. А вот подходит срок уплаты за огораживание — ведь вилланы держат большие изгороди. Если виллан уже давно обрабатывает свое поле, то все же он не может и не смеет обнести его изгородью, прежде чем внесет пошлину сеньору и получит его согласие. Но на земле, с которой уплачивается шампар, виллан не смеет ни положить камня для ограды, ни возвести стену или другое ограждение. Еще об одном хочу сказать вам. Виллан не может продать свою землю без того, чтобы сеньор не получил тринадцатой доли цены. Затем они опять повинны барщиной. Когда они распахали землю, то идут за зерном в амбар, сеют и боронят. На долю каждого приходится один акр. После этого они должны нести лепешку к «вотчинному» андрееву дню, что бывает за три недели до рождества. Она предназначается для господского стола. К рождеству надо сдавать кур, в случае, если они недостаточно хороши и нежны, приказчик заберет в залог виллана. Затем идет пивная повинность: ячмень и пшеница с каждого. Ну-ка, заставляйте их платить! Полностью должны они рассчитаться! Ступайте, забирайте их лошадей, уводите коров и телят, удерживайте их залоги по всем дворам. Пригоняйте побольше, ничего не оставляйте им в подарок!

Если виллан выдает дочь замуж, за пределы сеньории, то сеньор получает пошлину — «кюлаж». Затем приходит вербное воскресенье, богом установленный праздник, когда нужно везти сеньору пошлину на овец, так как с вилланов по наследству требуется эта повинность. Если они не смогут уплатить в срок, то тем самым они передают себя на милость сеньора. На пасху вилланы опять повинны барщиной. Когда вилланы вспашут землю, идут они в амбар за зерном, сеют и боронят. Каждый обрабатывает один акр под ячмень. После этого надо ехать в кузницу подковывать лошадей, потому что пора отправляться за дровами в лес.

...Затем следует повозная повинность, ведь ежегодно они возили хлеб в Домжан. И тут немало издевались над ними. Вил-

[1] Оброк.

ланы еще облагаются одним картье[1] пшеницы. Кроме того, на них лежит обязанность молоть на мельнице сеньора. Если виллан не рассчитался с мельником, как ему полагается, то мельник возьмет свое на зерне, отмеряя его такой мерою, что возместит свой помол; лопаткой загребет себе муки так, что полной мерой останется едва половина, и еще прихватит горсточку. Но вот виллан получил свою часть и спешит идти домой без шума и драки. Но тут наступает самое худшее — виллан должен заплатить еще и за выпечку своего хлеба. Жена виллана отправляется к сеньориальной печи и исправно платит свой форнаж[2], приносит лепешку и подмогу, но пекарша, надменная и важная, ворчит, а пекарь недоволен и бранится, говоря, что он не получил, сколько ему полагается. Он клянется господними зубами, что печь будет истоплена плохо и что не придется есть хорошего хлеба — он будет непропеченным.

«Хрестоматия по истории средних веков». Под ред Н П Грацианского и С Д. Сказкина, т. II М, 1950, стр 47—49.

8. ГРАМОТА О МОНАСТЫРСКИХ КРЕСТЬЯНАХ

Это грамота из картулярия Больеского аббатства в Лимузене (Средняя Франция) от начала XI в.

Пусть люди, сидящие на землях монастыря св. Петра, не берут себе чужих женщин, со стороны, пока в самой усадьбе можно будет найти женщин, с которыми они смогут заключить брак. Равным образом пусть поступают так и женщины, пока в усадьбе можно будет найти мужчин, с которыми можно по закону заключить брак. И если управляющий или староста нарушат это постановление по злому умыслу, то согласно закону они возместят это аббату или начальнику; по закону это составляет 60 солидов. А если это сделает селянин без их разрешения, то он возместит по своему закону, а чужой мужчина или чужая женщина будут возвращены на ту территорию, где их выбрали без разрешения. Если мужчина или женщина из нашей усадьбы умрет, не оставив сына, или дочери, или вообще любого наследника, который смог бы платить сеньорам чинш, то на погребение покойнику пойдет то, что дадут на него священники монастыря блаж. Петра из милости или даст староста по своему усмотрению; а все прочее, что останется, заберут управляющие, и пусть они тщательно берегут это, пока не дойдет имущество до начальника, и пусть будет в наличии все, что они найдут, пока это следует к начальнику, а затем это делится на 3 части: две части отходят к монастырю блаж. Петра, третья часть делится между управля-

---

[1] Четверть *большой меры.*

[2] *Форнáж* — печной сбор, плата за выпечку хлеба.

ющим и старостой. А если тот покойник оставит наследников, то и в этом случае имущество пусть сохранится таким, как его разделят и как о нем решат.

«Хрестоматия...», т. I, 1961, стр 500.

9. АННАЛЫ САНССКОЙ ЦЕРКВИ

Сообщение о голодовке в 868 г. Помещено в «Анналах Санской церкви св. Колумбы» (Центральная Франция).

Комета появилась к 29 января и стояла около 25 дней сначала у хвоста Малой Медведицы, а потом прошла она почти до Треугольника. И возникли в тот год голод и неслыханная смертность почти по всему государству франков, а особенно по Аквитании и Бургундии, так что из-за множества умирающих некому было хоронить. В городе Сан найдено было в один день 56 мертвых. В эту невзгоду в том же округе нашлись мужчины и женщины, которые — о, злодейство! — убивали и ели других людей. Ибо в местечке Пон де Шерюн некто, пустив на постой именитую женщину, убил ее, разрубил на куски, посолил и сварил в пищу себе и своим детям. В том же городе одна женщина сделала то же с неким юношей. И в разных местах, как гласит молва, от голодной нужды делали то же.

Там же, стр 481.

10. «ХРОНИКА» РАУЛЯ ГЛАБЕРА

Рауль Глабер (985 — ок. 1047) — бургундский монах — получил хорошее образование. Странствуя всю свою жизнь по многочисленным монастырям Франции и Италии, он многое видел, многим интересовался. В своем труде «Пять книг историй своего времени» («Хроника») Рауль Глабер излагает важнейшие события из истории Франции с начала X в. Несмотря на то что автор очень суеверен и рассказывает о всевозможных бедствиях и предчувствиях и допускает искажения фактов, в его книгах имеются уникальные подробности, касающиеся исторических событий в X—XI вв.

В следующем году голод по всей Земле стал усиливаться и гибель угрожала почти всему роду человеческому. В погоде наступило такое безвременье, что нельзя было найти дней, подходящих для посева или удобных для уборки хлеба, вследствие того что поля были залиты водой... Непрерывными дождями вся земля была залита до того, что в течение трех лет нельзя было найти борозды, годной для посева. А по времени жатвы сорные травы и проклятый куколь покрыли поверхность всех полей. Мера семян, где они хорошо всходили, давала секстарий[1], а с

[1] $^1/_6$ часть меры.

секстария получалась едва горсть... Когда переели весь скот и птицу и голод стал сильнее теснить людей, они стали пожирать мертвечину и другие неслыханные вещи. Чтобы избежать грозящей смерти, некоторые выкапывали лесные коренья и собирали водоросли... То, о чем раньше и слышать редко приходилось, — к тому побуждал теперь бешеный голод: люди пожирали мясо людей. На путников нападали те, кто был посильнее, делили их на части и, изжарив на огне, пожирали. Многие, гонимые голодом, переходили с места на место. Их принимали на ночлег, ночью душили, и хозяева употребляли их в пищу. Некоторые, показав детям яблоко или яйцо и отведя их в уединенное место, убивали и пожирали. Во многих местах тела, вырытые из земли, тоже шли на утоление голода... Тогда в этих местах стали пробовать то, о чем раньше никто никогда и не слыхивал. Многие вырывали белую землю вроде глины и из этой смеси пекли себе хлебы, чтобы хоть так спастись от голодной смерти. В этом была их последняя надежда на спасение, но и она оказалась тщетной. Ибо лица их бледнели и худели, у большинства кожа пухла и натягивалась. Самый голос у этих людей делался так слаб, что напоминал собою писк издыхающих птиц.

Там же, стр. 482.

11. ДИДЕНГОФСКИЙ КАПИТУЛЯРИЙ

В связи с массовым закрепощением крестьян, в начале IX столетия усилились их волнения. При Карле Великом и его преемниках были приняты многочисленные постановления против бунтовавших крестьян. Капитулярий 810—811 гг. угрожал вооруженным крепостным, собиравшим свои ополчения. Капитулярий «О делах, разбираемых с епископами и аббатами» от 811 г. был направлен против заговоров вооруженных лиц. Капитулярий 821 г. требовал от сеньоров препятствовать их крепостным бороться с господами и т. д. Примерно в тот же период был принят Диденгофский капитулярий, часть которого приводится ниже.

Относительно заговоров, кто бы ни осмелился их составить и какой бы клятвой те заговоры ни скреплялись, мы выносим тройное решение. Во-первых, где бы в результате этого ни было содеяно зло, виновники сделанного казнятся, помощники же их наказываются поодиночке, отдельно один от другого, бичами и им вырываются ноздри. Если же не будет содеяно зло, то они все равным образом наказываются бичами и поочередно вырывают друг у друга волосы. Если же какой-нибудь заговор будет скреплен приложением правой руки, то если это свободные люди, пусть они поклянутся с правдивыми свидетелями, что сделали это не во зло, а не смогут этого сделать, — наказываются по своему закону. Если же будут сервы, то наказываются бичами.

«Из истории средневековой Европы», М., 1957, стр. 169—170.

12. ГИЙОМ ЖЮМЬЕЖСКИЙ. «ИСТОРИЯ НОРМАННОВ»

Около 1070 г. монах из Нормандии Гийом Жюмьежский написал хронику «История норманнов», посвященную истории местного герцогства. Восстание, о котором он говорит, произошло на рубеже X—XI в. в этом герцогстве.

Зародился в начале его [нормандского герцога Ричарда] юности некий рассадник губительного раздора в Нормандском герцогстве. Ибо крестьяне повсеместно стали устраивать по разным графствам Нормандского отечества многие сборища и постановляли жить по своей воле, дабы и лесными угодьями, и водными благами пользоваться по своим законам, не стесняясь никакими запрещениями ранее установленного права. И, чтобы утвердить эти решения, на каждом собрании неистовствующего народа выбирали они по два уполномоченных, которые вынесли бы определения их на утверждение всеобщего собрания внутри страны. Когда узнал об этом герцог, он тотчас же направил против них графа Рауля со многими рыцарями, чтобы они прекратили сельскую дерзость и крестьянское сообщество. И вот он без замедления тайно взял всех [крестьянских] уполномоченных вместе с некоторыми другими и, отрубив им руки и ноги, отослал искалеченными к единомышленникам, дабы эти удержали их от таких [затей] и своим примером вразумили их, чтобы те не испытали еще худшей участи. Вразумленные таким образом крестьяне поспешили прекратить сборища и вернулись к своим плугам.

«Хрестоматия .», т. I, 1961, стр. **500—501.**

13. АНОНИМНАЯ ЮЖНОФРАНЦУЗСКАЯ ХРОНИКА

Это отрывок из хроники, составленной в XIII в. неизвестным автором из монастыря возле города Монрежо. Описываемые события относятся к 1185 г.

Возникло около Пюи, города Аквитании, безумное неистовство людей с капюшонами («капуцинаты»), начало которого, как говорят, следующее. С давних времен был обычай собираться окрестным сеньорам ежегодно в городе Пюи, что и сделало данный город известным и славным. Они собирались здесь ежегодно в половине августа не по какой-либо иной причине, а лишь чтобы показать свой гонор и свою щедрость... И тянулось за толпой сеньоров множество купцов. Граждане обогащались благодаря большому съезду, обогащалась церковь дарами прибывающих. В это время по всей Аквитании господствовала проклятая язва рутариев, арагонцев, басков, брабантцев и других наемников, которые, бродя по этим местам, опустошали их, точно сильная буря.

Вследствие этой заразы жители Пюи могли лишь оплакивать потерю своих торжеств, ибо никто не отваживался показаться вне укрепленных мест. И вот некий каноник из Пюи, посоветовавшись с неким юношей, который слыл мудрым, внушил некоему простаку, по имени Дуранд, что ему явилась приснодева[1] богородица Мария в час утренний, в церкви, и велела ему нечто провозгласить; а кто не убоится нарушить сие, в тот же год умрет позорной и внезапной смертью. Был же Дуранд человек большой простоты, по ремеслу плотник, преданный богу, сколь возможно для мирянина. Ему и явился тот обманщик-юноша в желтом блистающем наряде, в короне из сверкающих каменьев и сказал, что он — благодатная Дева. Рано утром, когда весть об этом распространилась по городу, каждый, высунув язык, бежал узнать приказания богоматери. Тогда вышеуказанный каноник, хитростью и лукавством которого добрый и простой человек тот был обманут, выступил вместо него, повелевая народу исполнить то, что он раньше надумал. Говорил он, что всеблагая заступница исхлопотала у всемогущего сына своего мир для всего мира; а кто мир этот нарушит или не признает его, умрет смертью. ...Прибавил он также, что преблагая Мария повелела всем своим друзьям соединиться клятвенно против врагов мира, т. е. против наемников и знати, не соблюдающих мира.

И случилось вскоре, когда разнеслась весть об этом, что из всей Аквитании, Гаскони, Прованса люди разного чина и положения... точно по некоему внушению, возгорелись ревностью и приняли мир, который считали ниспосланным с неба. Кто же не желал принять капюшон их со значком и надписью, того встречали враждебно и преследовали, как врага мира. Кто же принимал капюшон и значок, вкупался в их общество за 12 денариев чеканки Пюи. Получилась же у них в течение двух месяцев казна в 400 000 ливров. Содрогалась окружная знать и не смогла требовать от своих людей что-либо сверх законного, не решалась на них налагать поборы и тальи помимо положенного. ...И дошел глупый и невоздержанный народ до такого крайнего безумия, что повелел графам и виконтам, а также и другим сеньорам оказывать своим подданным более милости, чем следует, иначе-де они почувствуют его гнев.

«Средневековье в его памятниках», стр. 239—241.

[1] Вечная дева (старосл.).

ТЕМА.

ЖИЗНЬ И БЫТ ФЕОДАЛОВ

Документ 1 посвящен взаимоотношениям феодалов с верховной центральной властью. Документ 2 касается отношений между двумя феодалами — сеньором и его вассалом. Документ 3 освещает порядок наследования феодальных земель по степеням родства. Документы 4 и 5 рассказывают о способах решения спора между двумя рыцарями — сначала при помощи старинного испытания огнем, водой и железом, а позднее при помощи поединка. Документы 6 и 7 — это своеобразные феодальные гимны, свидетельствующие о мировоззрении класса угнетателей. Документ 8 описывает нападение грабителя-рыцаря на купцов, 9— на чужих крестьян, 10— на собственного сеньора. Наконец, документ 11 характеризует усилия центральной власти, пытавшейся утихомирить феодальные междоусобицы.

1. БАСНЯ О ЛЬВЕ И ЛИСИЦЕ

Эта басня — один из самых ранних образцов так называемого «животного» эпоса средневековой Европы. Она характеризует в аллегорической форме взаимоотношения различных феодальных кругов, соперничающих у королевского трона. Стихотворение было сложено между серединой VIII и серединой IX в. на территории Франкской империи.

Слух пробежал по Земле, что лев заболел и свалился:
Дни свои в замке родном
Он доживает с трудом.
Только печальная весть облетела звериное царство,
Будто бы терпит король
Невыносимую боль,—
С плачем сбегаются все, отовсюду врачей созывая,
Чтоб не лишиться им зря
Власти такого царя
Были и буйволы там, и телом огромные туры,
Тут же и бык подошел,
С ним же и жилистый вол.
Барс прибежал расписной, от него не отстали и вепри,
Мул по тому же пути
Не поленился прийти.
Там же вместе сошлись и гордые рогом олени,
С ними сохатый пришел,
Следом явился козел.
Блещет клыками медведь Прижался к кунице смиренно
Кролик, что нравом не зол.
Пташку торопит орел
Волки спешили туда, и быстро сбиралися овцы,
К стаду курчавых ягнят
Толпы примкнули щенят.
Только лисицы одной незаметно в ватаге огромной:
Не захотела прибыть,
Чтобы царю услужить.
Басня гласит, что медведь над всеми свой голос возвысил
(Мыслил себя отличить,
Вскорости льва заменить):

«Мощный, великий король и сеющий благо властитель!
С милостью слух преклони,
Выслушай речи мои
Пусть, справедливейший царь, и эта толпа им внимает
Здесь, под державой твоей,
Вместе живущих зверей.
Что за безумье лисой овладело? И как это можно,
Чтоб столь ничтожный зверек
Злобу такую сберег?
Ведь короля, кого мы сошлись навестить всем народом,
Не пожелала узреть!
Это попомним мы впредь
Подлинно, сколь велика в лисице предерзостность духа!
Злейших за это она
Пыток отведать должна»
Кончил медведь говорить, и лев возгласил к окружавшим:
«Тотчас злодейку поимать,
Скорой кончине предать!»
Единодушно народ до звезд возвышает свой голос,
Все повелителя суд
Мудрый и праведный чтут
Слышит об этом лиса и всячески крутит мозгами,
Ворох готовя проказ,
Ей помогавших не раз.
Вот набирает она изорванной обуви груду,
На́ плечи ношу валит,
К царскому стану спешит.
Лев же, завидев ее, скрежещет клыками угрюмо
С нею, царапая трон,
Мыслит расправится он
Перед собраньем вельмож лису государь вопрошает:
«Что на плечах ты несешь?
В чем оправданье найдешь?»
Долго всем телом дрожа и точно справляясь со страхом,
Речь начинает она,
Хитрости дивной полна:
«Благочестивейший царь, великий и непобедимый,
Выслушай, очень прошу,
То, что тебе я скажу.
Странствуя многие дни, вот столько сапог я стоптала,
Всюду по свету ища,
Где только можно, врача,
Чтоб исцеленье принес от горькой царевой болезни
И облегчил, наконец,
Наших страданья сердец
Лекаря все же с трудом преславного я отыскала.
Только не смею сказать,
Как он велел поступать»
Царь возгласил: «Говори, о сладчайшая наша лисица!
Слово врача безо лжи
Нам поскорей доложи».
Тут отвечала лиса, не забывшая злобы медведя:
«Выслушать, царь, возмоги
Лепет покорной слуги.
Если бы только могли завернуть тебя в шкуру медвежью,
Сразу исчез бы недуг,
Сила вернулась бы вдруг».

Вмиг по приказу царя на земле растянули медведя:
Стая недавних друзей
Шкуру сдирает скорей.
Лишь захворавшего льва окутали свежею шкурой,
Болести тяжкое зло
Будто рукою сняло.
Ну, а лиса, увидав медведя с ободранной тушей,
Снова душой весела,
Слово сквозь смех изрекла:
«Где же, красавчик-медведь, меховая ваша тиара?
Где ваша прежняя стать?
Плохо без шубы гулять?»
Эти созвучья тебе твой нижайший слуга преподносит.
Только глупцу невдомек,
В чем этой басни урок.

За основу взят текст из «Хрестоматии по зарубежной литературе средних веков». Сост Б И Пуришев, Р. О Шор М., 1953, стр 21—23

2. СЕМЬ ПАРТИД

Пояснение к тексту см. выше, стр. 81.

Закон V
Когда вассал обязан целовать руку сеньору и когда нет

Вассал должен целовать руку сеньору, становясь его вассалом. И также должен делать это, когда его посвящают в рыцари, после того как ему надели шпагу. То же самое должен делать после того, как он попрощался с сеньором. И также в каждом из этих случаев вассал должен целовать руку знатному человеку, согласно обычаю Испании; в других же случаях нет. Однако королю как знатные люди, так и другие его вассалы обязаны целовать руку в тех случаях, о которых говорилось выше. И также должны ему целовать ее всякий раз когда он переходит из одного места в другое, и они выходят принять его и всякий раз, когда снова возвращается в свой дом или хочет покинуть его, чтобы идти в другое место; и когда дает им что-нибудь или обещает оказать им благодеяние или милость. И они обязаны целовать руку королю по двум причинам. Первая — по предписанной природой обязанности, которая возложена на них в отношениях с королем. И вторая — ввиду признания ими власти, которую он над ними имеет.

«Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы», стр 491—492

3. САКСОНСКОЕ ЗЕРЦАЛО

«Саксонское зерцало» — это сборник германских феодальных законов. Он был составлен между 1224 и 1230 гг. магдебургским судебным заседателем Эйке фон Репгов.

Статья 3

§ 3. Далее заметим, где родство начинается и где оно кончается: в голове находятся муж и жена, которые соединены законным браком. Место шеи занимают дети, если они полнородные, происходят от того же отца и той же матери. Неполнородных [единокровных или единоутробных] отодвигают в следующую часть тела. Если, однако, два брата женятся на двух сестрах, а третий брат на сторонней женщине, то их дети все же равны при получении наследства, если они равного рождения. Дети полнородных братьев находятся там, где плечи сходятся с руками; равным образом и дети сестер. Эта первая степень родства, которую причисляют к родным, — дети братьев и дети сестер. В локтевом суставе находится вторая [степень родства]. В запястье третья. В первом суставе среднего пальца —четвертая. Во втором суставе — пятая. В третьем суставе среднего пальца шестая степень родства. На седьмом месте находится ноготь, а не сустав, поэтому здесь кончается родство, и его называют ногтевым родством. Те, которые находятся между головой и ногтем и могут причислить себя к одинаковому месту родства, получают наследство в равной доле. Кто может причислить себя к более близкому родству, тот прежде получает наследство. Родство кончается на седьмой ступени для наследования.

Там же, стр. 353—354.

4. ЗАКОН ОБ ОРДАЛИИ

Ордалией назывался «суд божий», когда суеверные средневековые люди решали, кто прав, а кто виноват, подвергая тяжущихся лиц физическим испытаниям, а потом смотрели, «что́ показал бог». Приводим отрывки из Закона об ордалии, принятого в Англии (X в.).

1 в. А если (ордалия) будет производиться водой, то пусть она будет разогрета до степени кипения, причем котел должен быть железный или медный, свинцовый или глиняный.

2. А если обвинение простое, то рука, чтобы (взять) камень, должна быть опущена в кипящий котел до запястья, а если оно тройное, то до локтя.

5. А обвиняемый пусть выпьет освященной воды и затем пусть будет окроплена его рука, которою он должен нести ордалию [железо], и так да приступит (к испытанию).

5, 1. 9 отмеренных шагов должны быть разделены на 3 части, по 3 (шага) в каждой: на первый знак у столба (испытуемый) должен стать своей правой ногой: на второй — левой; затем поставить правую ногу на третий знак и, бросив железо, поспешить к святому алтарю.

5, 2. И (его) рука должна быть запечатана и на третий день обследована, является ли она под этой печатью виновной или чистой.

Там же, стр. 91—92.

5. ИЗ «САКСОНСКОГО ЗЕРЦАЛА»

Это часть статьи регламентирует рыцарский поединок в случае спора по какому-либо вопросу. Победитель объявлялся правым, побежденный — проигравшим тяжбу.

Статья 63

§ 3. Каждый может отказаться от поединка с тем, кто низшего по сравнению с ним рождения. Тому, кто выше стоит по рождению, нижестоящий не может отказать в поединке по мотивам высшего рождения, если только тот его вызвал. Отказаться далее от поединка можно, если вызов последовал после полудня, разве только вызов был начат раньше. Судья должен позаботиться о щите и мече для того, кого обвиняют, если он в том нуждается. Далее кто-либо может воспрепятствовать поединку между его родственниками, если они оба являются его родственниками, и если он может присягнуть на реликвии сам-семь в том, что они близкие родственники, что они по закону не могут друг с другом сражаться.

§ 4. Судья должен дать двух посланцев каждому из тех, которые должны сражаться, и они должны следить за тем, чтобы те были вооружены по правильному обычаю. Кожаной и полотняной одежды они могут надеть столько, сколько они хотят. Голова и ноги спереди должны быть обнажены, а на руках они могут иметь лишь тонкие перчатки; обнаженный меч в руках и один подпоясанный или два — это предоставляется их свободному выбору; круглый щит в другой руке, на котором допускается только дерево и кожа, кроме оковки, которая может быть из железа; кафтан без рукавов поверх нижней одежды. Мир должен быть обеспечен на поле под страхом смертной казни, чтобы никто не мешал их поединку. Каждому из них судья должен дать человека, который имеет палку. Они ни в коем случае не должны мешать, кроме как если один из них упадет, тогда он должен простереть между ними (сражающимися) палку; то же (должен сделать), если один из них будет ранен или будет просить о палке, — этого он не может сделать, если он не имеет разрешения от судьи. После того как на поле установлен мир, они должны по закону испросить поле, которое судья им должен предоставить. Они должны снять с ножен наконечники, ибо они имеют разрешение от судьи. Оба они должны вооруженными предстать перед судьею и присягнуть; один — что обвинение, которое он предъ-

явил ответчику правильное, и другой — что он невиновен, что бог ему поможет в их поединке. Когда они впервые сходятся, к солнцу они должны быть поставлены в равном положении. Если будет побежден тот, против кого жалуются, то его будут судить, если же он победит, то его освобождают от штрафа и возмещения.

Там же, стр. 361—363.

6—7. СИРВЕНТЫ Б. де БОРНА

Барон Бертран де Борн (1140—1215) прослыл одним из самых знаменитых трубадуров средневековой Франции. Он типичный феодал, любитель войн, грабительских набегов и стычек, певец рыцарских обычаев, чванный вельможа, презиравший горожан и крестьян. Особенно известны его сирвенты — песни на сатирические или политические темы. Ниже следуют две из них.

Первая сирвента

Люблю я видеть, как народ,
Отрядом воинским гоним,
Бежит, спасая скарб и скот,
А войско следует за ним,
И, радуясь душою,
Смотрю, как замок осажден,
Как приступом берется он,
Иль вижу над рекою
Ряды построенных полков,
Укрытые за тын и ров.
И также люб тот рыцарь мне,
Что, первым ринувшись вперед,
Бесстрашно мчится на коне
И войску бодрость придает
Отвагой удалою.
Лишь только битва закипит,
Пусть каждый вслед за ним спешит,
Рискуя головою:
Достоин тот похвальных слов,
Кто и разить и пасть готов!

Дробятся шлемы и щиты
Ударом палиц и мечей.
Редеют воинов ряды,
И много мечется коней,
Не сдержанных уздою.
Кто соблюдает честь свою,
Быть должен одержим в бою
Заботою одною —
Побольше размозжить голов.
А страха нет для храбрецов!
Жизнь в мире мне не дорога:
Не любо есть мне, пить и спать.
Люблю я крикам «На врага!»
И ржанию коней внимать
Пред схваткой боевою;
Мне любы крики «Помоги!»,
Когда сшибаются враги
И бьются меж собою,
И средь поломанных древков
Мне любо видеть мертвецов.

«Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков», стр. 133—134.

Вторая сирвента

Мужики, что злы и грубы,
На дворянство точат зубы,
Только нищими мне любы!
Любо видеть мне народ
Голодающим, раздетым,
Страждущим, не обогретым!
Пусть мне милая солжет,
Ежели солгал я в этом!
Нрав свиньи мужик имеет,
Жить пристойно не умеет,

Если же разбогатеет,
То безумствовать начнет.
Чтоб вилланы не жирели,
Чтоб лишения терпели,
Надобно из года в год
Всех держать их в черном теле.
Кто своих вилланов холит,
Их ни в чем не обездолит
И им головы позволит
Задирать,— безумен тот.
Ведь виллан, коль укрепится,
Коль в достатке утвердится,
В злости равных не найдет,—
Все разрушить он стремится.
Если причинят виллану
Вред, увечье или рану,
Я его жалеть не стану,—
Недостоин он забот.
Если кто о нем хлопочет,
Он тому помочь не хочет,
Хоть немножко, в свой черед,
Злобой он себя порочит.
Люд нахальный, нерадивый,
Подлый, скаредный и лживый,
Вероломный и кичливый!
Кто грехи его сочтет?
Он Адаму подражает,
Божью волю презирает,
Заповедей не блюдет.
Пусть господь их покарает!

Там же, стр. 135.

8. КЛЮНИЙСКАЯ ГРАМОТА

Грамота из картулярия Клюнийского монастыря (Средняя Франция) от 1076 г. Текст ее см. на стр. 204.

9. КАРТУЛЯРИЙ ВЕРДЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Это отрывок XI в. из картулярия Верденского монастыря св. Михаила (Восточная Франция).

Граф Райнальд хищнический сбор денег, в простонародье называемый тальей, первый ввел на земле нашей; людей (наших) заключил в темницу и пытками вымогал их имущество; вынуждал их на собственный их счет укреплять замки. Часто на земле нашей проживал и не на свои средства, а на средства бедняков жил, (так что) в конце концов земля наша более, чем его собственная, всячески отягощена была поборами в его пользу. Тиранство это ныне здравствующему сыну своему Райнальду он оставил, признавшись, впрочем, публично перед ним в том, что все это вершил не по праву. Этот же настолько превзошел в коварстве отца, что люди наши, коим не под силу выносить его притеснения, земли наши впусте оставляют, те же из них, кои остаются на месте, следуемое нам с них платить или не могут, или же не желают и одного его только боятся, одному ему только служат...

«Хрестоматия...», т. I, 1961, стр. 492.

10. ИЗ РЫЦАРСКОГО БЫТА

Рассказ, датируемый 1248 г. и повествующий о феодальных распрях в Австрии. Ведется от имени сеньора, которого обидели его вассалы, нарушившие обычаи.

Причинили мне беду и обиду те двое, которых я сейчас назову. Один из них был рыцарь Пильгрим, старинный наш вассал,

не мало послужил он мне, благоволил и я ему, часто бывал он у меня, и мы вместе пировали. Другой — Вейнгольд, я его тоже искренне любил; много с ним было смеху: мужчина он был преогромный; телом неуклюжий, всегда хитроумен в речах, а в душе своей один бог ведал, какую таил измену. ...Я отдыхал у себя, когда те подъехали к воротам Фрауэнбурга. Челядь моя приветствовала их, как полагается; они поблагодарили по благородному, ласково, и рыцарь Пильгрим сказал: «скажите-ка, что делает мой господин?» А мои отвечали: «господин лег соснуть». Тогда он сказал: «Что за лень! подите и попросите-ка его встать, желаю с ним немедленно поговорить». Постельничий мой пришел ко мне и известил меня. Я тут же встал, вышел к ним и принял их задушевно; а одет я был в штаны, льняную рубаху, меховую безрукавку и плащ. Я обнял обоих и сказал: «разлюбезные друзья, привет вам во господе», взял их за руку и подвел их к красивой скамье под балдахином. Гостеприимства ради я велел подать выпить и спросил их: «а есть вы хотите?» «Кто спрашивает, знать, угощать не хочет», — ответил Пильгрим. Принесли нам еды, меду и вина. Ели мы и веселились довольно.

И вот начал рыцарь Пильгрим: «Господин мой, не устроить ли нам сегодня к вечеру соколиной охоты?» — «Нет, ради бани на сегодня откажусь». И сказал тогда вероломный: «Ну, сделайте это ради меня, премного вам буду благодарен. Захватили мы с собой двух кречетов и надеялись здесь поохотиться». Тогда я сказал: «Друг, если я могу вам этим услужить, то сейчас же поеду с вами». И вот я велел объявить своим людям, чтобы они вывели в поле и собак, и птицу. Так и отослал своих, и лишь немногие остались со мною, но и тех Пильгрим разогнал, посылая их то за одним, то за другим. Когда я остался наедине с ним, он мигнул своим оруженосцам; из них двое стояли наготове и подошли теперь к моей башне. Вейнгольд же и Пильгрим вскочили, выхватили ножи, набросились на меня и нанесли мне три раны, а Пильгрим обмотал мне шею моей же безрукавкой и плащом и поволок меня к моей башне. Я громко и жалостно взывал: «Горе, горе! что я вам сделал? ради создателя, пощадите мою жизнь!»

Слуг своих они до того оставили при воротах, а теперь те осмелились ворваться в дом и выгнали оттуда всех моих людей, какие только были там. Жена моя подбежала ко мне и воскликнула: «Батюшки, что же это такое!» Тогда те вероломные сказали: «Коли дорога вам честь ваша, государыня, уходите-ка сейчас за ворота, там найдете вы своих людей, с ними и убирайтесь. Нам же нужен он и все его добро, не то пришел его последний час». Посмотрела она, сердечная, на меня со слезами, я же сказал: «Уходите скорей, ибо дорога ваша честь, и не пребывайте долее со мною». И пошла она с детьми к воротам. «Государыня, оставьте-ка у нас своего сына», — сказал ей Пильгрим, схватил

у нее ребенка и отобрал у женщины одежду и драгоценности; все это он взял вопреки рыцарскому обычаю, а их выгнал за ворота; сын же мой остался со мной.

И пришлось жене моей и челяди поневоле уйти, и отправились они в скорбях прямым путем в Лихтенштейн. Скоро разнеслась весть по всей округе, и немедля собралось друзей моих сотни две с половиной, а то и больше. И вот юденбургские друзья мои быстро снарядились и подступили к Фрауэнбургу, не на радость мне, ибо я из-за этого чуть жизни не лишился. Как только они подошли к бургу, взял меня Пильгрим, вывел на балкон и сказал: «коли хотите сохранить свою жизнь, так велите им убраться». И накинул он мне веревку на шею и воскликнул: «Вот я вас сейчас повешу с балкона, прямо перед ними, чтобы у них прошла охота идти на нас приступом. Мне же они ничуть не страшны». Жалостно возопил я тогда к своим друзьям: «Что вы делаете, безумцы, убить вы меня хотите! Не освободить вам меня таким образом из этой беды! Подойдете вы — конец мне, а с ними вы все равно ничего не поделаете». И грозил я, и умолял, пока они не ушли, оставив меня в плену. Великую скорбь претерпел я в эту ночь, не раз мне грозили смертью, как только рассветет. С наступлением дня стал я готовиться к смерти. Пошарил я, нет ли в башне, где меня держали, хлеба; я нашел несколько крох, со слезами подобрал их.

...Тут вошел ко мне Пильгрим, грозя меня убить. «А коли хотите еще пожить, сказывайте, сколько дадите». Я ответил: «даю вам все, что есть у меня, и что я когда-либо смогу добыть. Как ни был он злобен, слова эти помогли, и я был спасен; видно, он думал: возьму его добро, а затем все-таки натешусь над ним. И велел он приковать меня к тяжелой-претяжелой цепи, и тяжко потянулись отныне дни мои.

...В плену я пробыл год и три недели. Много я пережил жуткого, не раз смерть стояла предо мной; сколько раз тот в гневе своем бросался на меня с ножом или мечом и едва не убивал меня.

...Впоследствии я выкупил свой бург; какой ценою, — умолчу, лучше поговорю о чем-нибудь повеселее.

«Средиевековье в его памятниках», стр. 63—65.

11. МОГУНТИНСКИЙ ИМПЕРСКИЙ МИР

Это постановление под названием «Могунтинский имперский мир» было подписано в 1103 г. императором Священной Римской империи германской нации Генрихом V. Оно является первым из серии так называемых «земских миров», направленных против феодальных междоусобиц в этой империи.

Император Генрих в Майнце скрепил своей рукой и установил... Также руку приложили архиепископы и епископы. Принес присягу сын короля и первые люди всего королевства, герцоги, маркграфы, графы и очень многие другие... Принесли присягу на мир церквам, клирикам, монахам, мирянам, как-то купцам, женщинам, не похищать их насилием.

...Присяга такова: никто да не нападет на чей-либо дом, не разоряет пожаром, не захватывает из-за денег, не ранит, не бьет, не убивает. А кто сделает это, теряет глаза или руку. Если кто его будет защищать, понесет то же наказание. Если убежит в замок, то присягнувшие миру, обложив его, через 3 дня воюют его. Если кто уйдет от кары, то бенефиций, если таковой у него есть, отбирается сеньором, а вотчина отходит к его родственникам. Если кто украдет на 5 солидов или больше, теряет глаза или руку. Если украдет меньше, чем на 5 солидов, лишится волос, будет сечен розгами и отдаст украденное; и если трижды произведет такое воровство или грабеж, теряет глаза или руку. Если в дороге встретится тебе твой враг и ты можешь вредить ему, вреди; если убежит в чей-либо дом или двор, пусть останется невредим.

«Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы», стр. 321—322.

ТЕМА.

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В этот отдел включены два вида документов. Одни (1—3) характеризуют наличие в IX—XI вв. феодальной раздробленности в Западной Европе, показывают, насколько обычным явлением были в то время междоусобные войны, от которых больше всего страдали крестьяне. Феодальный разбой доводил крестьян до страшных бедствий, полностью разорял их хозяйство. Другие документы (4—7) говорят об организации класса феодалов, о феодальной иерархии, которая помогала феодалам эксплуатировать крестьян и подавлять их восстания, о вассально-ленных отношениях внутри господствующего класса, о девизах средневековых сеньоров (документ 12).

В документах 8—11 речь идет об иммунитете, сущность которого состояла в том, что королевская власть специальными пожалованиями (особыми королевскими грамотами) предоставляла крупным землевладельцам право самим осуществлять на определенной территории судебные, административные, полицейские и другие функции. (Иммунитет включал и территорию, на которую распространялось пожалование.) Тем самым феодалы сосредоточивали в своих руках сильную политическую власть, используя ее для внеэкономического принуждения и окончательного закрепощения крестьян. Но надо иметь в виду, что иммунист не был при Каролингах полным хозяином на своей территории и не мог судить крупных уголовных преступников.

1. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФЕОДАЛЬНЫМ ВОЙНАМ

Из «Хроники» Рауля Глабера

Книга IV, глава 5. В 1000-й год от страстей христовых[1]... епископы, аббаты и другие преданные делу святой веры мужи всякого звания стали созывать собрания церковных соборов, прежде всего в областях Аквитании. Провинции Арля, Лиона и всей Бургундии, до крайних пределов Франции, следовали этому примеру. Издавались по всем епархиям распоряжения, чтобы прелаты и магнаты королевства собирались в определенных местах на соборы для установления мира и поддержания веры При оповещении [о том] с радостью сходился во множестве весь народ — великие, средние и малые. Все ожидали решения пастырей церкви, дабы подчиниться ему с не меньшим послушанием, как если бы голос, провозглашенный с небес, посылал на землю оповещение людям; ибо страшила всех память о бедствиях минувшего времени[2], и боялись, что не в состоянии будут воспользоваться обилием грядущего урожая.

Постановления соборов, расписанные по главам, содержали не только то, что запрещалось совершать, но также и благочестивые обеты, которые решили принести в дар всемогущему господу. Важнейшим из них было постановление о соблюдении нерушимого мира; гласило оно, что каждому человеку ...можно ходить без оружия; похитителя же или захватчика чужого имущества по всей строгости закона либо имения лишать, либо подвергать тягчайшим телесным наказаниям. А святые места по всем церковным областям чтить и оказывать им особое уважение; если бы виновный искал там убежища, можно ему выходить без обиды, за исключением нарушителей постановлений, касающихся сохранения настоящего мира; таковым же, даже если бы их схватывали у подножья алтаря, не избегать наказаний за преступления. А всем клирикам, монахам, монахиням, также тем, кои вместе с ними по стране путешествуют, ни от кого не терпеть никакого насилия... Постановления этих всех [присутствовавших] зажигали столь великим воодушевлением, что когда епископы поднимали жезлы свои к небу, они с простертыми к господу дланями единодушно взывали: «мир, мир, мир...»

Книга V, глава 1. В то время, по внушению благодати божией, сначала в областях Аквитании, а потом постепенно и по всей территории Галлии стали из-за страха и любви божией утверждать следующее соглашение: чтобы с вечера среды и до утра понедельника не дерзал никто из смертных ни отнимать что-либо у кого бы то ни было силою, ни удовлетворять свое мщение ка-

---

[1] В 1033 г.

[2] Глабер имеет в виду голод 1027 г., страшное описание которого он нам оставил.

кому-либо врагу, ни даже требовать залога от поручителя. Тому же, кто осмелился бы нарушать это общественное постановление, либо платиться жизнью, либо быть отторженному от общества христианского и изгнанному из родины. Всем было угодно ... именовать [это соглашение] божьим перемирием...

«Социальная история средневековья», т. 1, стр. 249—250.

2. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ТЮЛЮЖСКОГО СОБОРА 1046 г. «О БОЖЬЕМ МИРЕ»

1. Вот мир, учрежденный епископами, аббатами, графами, виконтами и другими богобоязненными магнатами всей епархии[1], именно: отныне и впредь да не дерзает никто силою врываться в церковь, церковную ограду, кладбище и жилище, кои есть и будут около церкви, на протяжении тридцати церковных шагов в окружности.

2. Мы не ставим под охрану этого [мира] церквей, в коих устроены или будут устроены замки; относительно же церквей, в коих грабители и тати сложили награбленное и похищенное и из коих отправляются они на преступное дело... повелеваем, чтобы и эти церкви были безопасны, доколе не поступят жалобы на преступное дело епископу или ... каноникам... Если же епископ или ... каноники ... разберут дело преступника и вынесут приговор, а он подчиниться этому приговору не пожелает, тогда... и самому ему, и имуществу его безопасностью в означенной церкви не пользоваться. Если же кто вторгнется в церковь по иному делу или учинит там какое-либо зло другим людям, помимо вышеназванных преступников, или же если нанесет ущерб тому, что отстоит от этой церкви на расстоянии 30 церковных шагов в окружности, повинен уплатить пени за святотатство и вдвойне истцу за учиненное преступление.

3. Определили также, чтобы никто не дерзал нападать на невооруженных клириков, монахов или монахинь и обиду им или какое-либо зло учинять. Никто да не дерзает причинять вред общинам каноников, монахов или монахинь, а также землям и владениям, коими церкви нашей епархии, невооруженные клирики, монахи и монахини пользуются... А если кто сделает это, вдвойне им обязан дать возмездие...

5. Никто да не дерзает сжигать или разрушать жилища крестьян или клириков, а также голубятни их и сараи. Крестьянина, крестьянку, невооруженных клириков, монахов или монахинь никто да не смеет убивать, ранить, увечить, схватывать и подвергать наказанию иначе, как за вину их... и, однако, лишь после су-

[1] Т. е. Нарбонской.

дебного разбирательства... Одежд, плугов и кирок у крестьян не отнимать... Оливковых деревьев не сжигать и их плодов не губить.

«Хрестоматия...», т. I, 1953, стр. 238—240.

3. ИЗ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ЛЮДОВИКА ТОЛСТОГО (XII в.)

Священный долг королей — мощною рукой обуздывать дерзость тиранов, кои раздирают страну бесконечными войнами, тешатся грабежами, бедный люд губят, церкви разоряют и столь предаются неистовству, что если давать ему волю, оно зажигает их все большею и большею яростью. ...Пример тому — Томас Марль, человек отчаянный... Дьявол ему сопутствовал, как бывает это с безумцами, коих успехи неизменно приводят их к гибели. В то время когда Людовик [король] был занят ...войнами, он, не страшась... разорял и, как хищный волк, пожирал округа Ланский, Реймсский и Амьенский, не давая при этом ни малейшей пощады ни клиру, ни народу. Все истреблял, все губил, даже два лучших селения у монастыря св. Иоанна Ланского отнял. Неприступные замки — Креси и Ножан, как если бы они были его собственные, достойными удивления валами и высочайшими башнями укрепил и, сделавши из них как бы гнездо драконов и вертеп разбойников, всю почти округу немилосердно предавал грабежу и пожару. Измученная его неистовством, собралась церковь Галиканская на общем соборе в Бовэ, дабы произвести... постановление об осуждении... Епископ... поразил этого тирана-насильника мечом блаженного Петра, т. е. общим церковным отлучением, и по единодушному приговору заочно лишил его, как гнусного злодея и врага, имени христианского, рыцарского пояса и всех феодов. По просьбе и жалобам великого собора сего король немедленно двинул против него свое войско... направился король к крепчайшему замку Креси и внезапно захватил его могучею рукою своих воинов...

Одержавши эту победу... направился король к другому замку — Ножан... разрушил это адское и преступное место...

«Социальная история средневековья», т. 1, стр. 248—249.

4. ОТРЫВКИ ИЗ «КНИГИ ФЕОДОВ» — ЛОМБАРДСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ПРАВА, ПРИНЯТОГО В ГЕРМАНИИ В КАЧЕСТВЕ ЗАКОНОВ

О тех, кто может давать феод и кто нет. Как феод получается и как удерживается

Так как мы собираемся вести речь о феодах, рассмотрим сперва, кто может давать феод. А давать феод могут: архиепископ, епископ, аббат, аббатисса... если право давать феод было у них исстари. Также могут давать феод: герцог, маркграф, граф...

§ 1. Рассмотрев лица, рассмотрим, каково было начало феодов. В отдаленнейшее время зависело от власти господ, когда им будет угодно отобрать вещь, данную ими в феод. После этого пришли к тому, что феод был неотъемлем только год. Затем установилось, что феод держался в течение всей жизни вассала. Но так как феод не переходил к сыновьям по праву наследования, то дальше пришли к тому, что он стал переходить к сыновьям, а именно к тому из них, за которым сеньор хотел укрепить бенефиций. Ныне же установилось, так что он переходит одинаково ко всем.

§ 2. Когда же Конрад отправился в Рим [1], вассалы, состоявшие на его службе, просили, чтобы он обнародованием особого закона соизволил передавать феод внукам по сыну и чтобы по смерти брата, умершего без законного наследника, брат наследовал бенефиций, находившийся в руках их отца...

§ 4. Вот что надо заметить: хотя дочери по законам наследуют отцам, как мужской пол, однако они устраняются от наследования феода. Равным образом и сыновья их, если не будет особо оговорено, что наследование распространяется и на них...

Каким образом утрачивается феод

Теперь посмотрим, как феод утрачивается. Если сеньор будет сражаться в открытом бою, а вассал покинет его в самом бою не мертвого и не смертельно раненного, то вассал лишается феода.

§ 1. ...Равным образом, если нападет на сеньора или замок его, зная, что там находится сеньор или жена сеньора. Равно, если убьет его брата или племянника, то есть братнего сына.

О природе феода

Природа феода такова, что если государь инвестировал каким-либо феодом... то он не может лишить их феодов без вины.

Об отчуждении феода

Если вассал захочет произвести отчуждение части своего феода до половины, без разрешения сеньора, он волен сделать это. Дальше половины он идти не может, согласно справедливому и правому обычаю, иначе он теряет феод, а сделка его будет недействительной.

Что такое инвеститура

Инвеститурой называется собственное владение. Обычно же инвеститурой зовут, когда копье или что-либо другое вещественное передается господином феода со словами, что он дает инвеституру...

[1] В 1027 г. Конрад II отправился в Рим короноваться императором.

Какова первая причина потери бенефиция

Первая причина потери бенефиция такова: если вассал через год и день после смерти сеньора все еще не явится с обещанием верности и просьбой об инвеституре к наследнику своего сеньора, то, как неблагодарный, он теряет бенефиций. И наоборот, если сеньор жив, а умрет вассал и сын его в течение того же времени не позаботится о получении инвеституры, он теряет бенефиций...

«Средневековье в его памятниках», стр. 56—60.

5. ИЗ КАРТУЛЯРИЕВ

Вот феоды Парижского епископа, которые при Одоне, епископе (1197—1208), держали нижеперечисленные [лица]

...Жан де Масси — ближний вассал Парижского епископа, с сохранением, [однако], верности королю, за десятину с Масси и за все десятины, какие держит от него кто-либо другой, а также за все то, что он имеет... Держатель этого феода должен ходить по вызову епископа в поход с содержанием от епископа.

Эренбурга, супруга Рено-рыцаря, держит от Парижского епископа в качестве феода земли... и несет службу дачей коней...

Матвей, сеньор Монморанси, вассал Парижского епископа, как полагается за феод, держит от него весь бург св. Маркелла и св. Дионисия... Должен получать инвеституру через золотое кольцо. И должен [ставить] двух рыцарей для отправления их в поход, с содержанием от епископа...

«Социальная история средневековья», т. 1, стр. 227.

6. КЛЯТВА ФЕОДАЛА

Вот запись о клятве, какую принес Раймонд-Беренжер [виконт Нарбонны], сын Герсенды, Бернару виконту [Альби и Нима], сыну Ренгарды.

Впредь от настоящего часа я, Раймонд, сын Герсенды, не обману Бернара виконта, сына Ренгарды, ни в том, что касается его жизни, ни в том, что касается членов его тела, и не лишу его жизни, и не захвачу в плен, и ни один мужчина и ни одна женщина по моему совету и моему умышлению [не сделает этого]. И не отниму у тебя ни городов твоих, ни замков, ни феодов твоих, какие имеешь и впредь с моею помощью приобрести сможешь... И если кто-либо из мужчин или женщин это сделает, я, Раймонд... буду твоим помощником по чести и без коварства в тот самый час, как ты призовешь меня сам или через своих уполномоченных...

«Хрестоматия...», т. I, 1953, стр. 229.

7. ИЗ КНИГИ ЖАНА ИБЕЛИНА

При завоевании Палестины крестоносцами здесь в конце XI в. было установлено феодальное право, схожее с тем, которое существовало во Франции. Это право было записано в «Иерусалимских ассизах» — судебнике, где подробно перечислялись права сеньоров и обязанности вассалов. Ассизы при отвоевании Иерусалима Саладином бесследно исчезли. Однако сами феодальные обычаи по устной традиции передавались из поколения в поколение. Они продолжали действовать в некоторых палестинских городах и в Кипрском королевстве, а в XIII в. были собраны и записаны юристами.

Одной из таких записей и является книга кипрского юриста Жана Ибелина, в которой с наибольшей достоверностью и полнотой были зафиксированы феодальные порядки Иерусалимского королевства. Следует только отметить, что трактат Жана Ибелина тоже был утерян и вновь восстановлен в Кипрском королевстве в XIV в., частично по устной традиции, частично по спискам. До нас эти записи дошли уже в той редакции, которая была осуществлена венецианцами, завоевателями Кипра. Они восстановили книгу Жана Ибелина по тем спискам, которые им удалось разыскать, и сохранили этот текст в своих архивах.

Ясно, что первоначальные «Иерусалимские ассизы» претерпели большие изменения, так как их много правили и дополняли.

Глава CXCV
Как надлежит вступать в вассальную зависимость от верховного сеньора королевства и как от того, кто не есть верховный сеньор: чем обязан вассал своему сеньору в силу признания от него вассальной зависимости

Когда кто — мужчина или женщина — вступает в вассальную зависимость от верховного сеньора королевства, он должен стать перед ним на колени, соединить свои руки и, вложив их в руки сеньора, сказать ему: «Сир, вот я становлюсь вашим ближайшим вассалом за такой-то феод, — и назвать феод, за который признает свою вассальную зависимость, — и вот я обещаю вам защищать и оберегать вас против всех людей, какие [только] будут жить и умрут». А сеньор в ответ ему должен сказать: «Принимаю вас в вассальную зависимость с соблюдением верности богу и мне при условии ненарушения прав моих». И должен облобызать его в уста в ознаменование верности. Но если тот, кто делается вассалом верховного сеньора, как это изложено выше, раньше признал свою вассальную зависимость от другого сеньора — мужчины или женщины, вассала или невассала верховного сеньора, — он должен при вступлении в [новую] вассальную зависимость оговорить свою верность ему, ибо никто, вступив уже раз в вассальную зависимость, не может потом стать вассалом другого, не оговорив верности своему первому сеньору и не испросивши на то у него разрешения; иначе он нарушит верность

тому, вассалом которого он сделался ранее. И всякий, кто становится вассалом... другого, помимо верховного сеньора, должен вступать в вассальную зависимость точно таким же образом, как выше сказано, но он не должен быть ему ближним вассалом, ибо никто не может признавать более одной ближней вассальной зависимости. А так как все вассалы вассалов верховного сеньора королевства должны в силу ассизы быть ему ближними вассалами... нельзя, не нарушая верности ему, признавать ближнюю вассальную зависимость еще от кого-либо другого. И каждый вассал, будь то мужчина или женщина, должен... защищать и оберегать своего сеньора против всех...

Глава CXCVI. Здесь говорится о том, как и чем обязан сеньор своему вассалу, которого он принял в вассальную зависимость

Сеньор не должен ни лично, ни через других налагать руку на особу и на феод своего вассала иначе, как по разбирательству и с ведома курии. И обязан он, как мне кажется, соблюдать по отношению к своему вассалу, в силу верности между ними, все то вышеизложенное, что вассал обязан соблюдать по отношению к сеньору; ибо между сеньором и вассалом нет ничего, кроме верности, и эту верность должны они тщательно и обоюдно блюсти при всех вышеназванных обстоятельствах...

Глава CCXI. Как и по каким причинам тот, кто состоит в вассальной зависимости от многих сеньоров, может поднять оружие против своего сеньора, не нарушая по отношению к нему своей верности

Если кто состоит в вассальной зависимости от многих сеньоров, можно ему, не нарушая верности, при всех обстоятельствах и всякими способами помогать первому своему сеньору против всех этих других, ибо стал он вассалом других с сохранением верности первому. Точно таким же образом может он помогать и каждому из прочих сеньоров, не затрагивая, однако, первого и не затрагивая тех, чьим вассалом он стал раньше того, кому желает оказывать помощь...[1]

Глава. CCXVI. Какие службы лежат на тех, кто обязан лично служить сеньору; кому они обязаны служить и в каком месте

Вот службы... которыми обязаны вассалы перед своим сеньором, коему должны они лично служить за данные им феоды, когда посылает он им оповещение лично или через других, как то

[1] В дальнейшем детально регулируются правила участия вассалов в войнах их сеньоров.

полагается. Должны они идти служить, по его вызову, конно и оружно во всех местах королевства, куда он позовет их... и оставаться на службе [сроком] до одного года... И тот, кто обязан служить лично с рыцарем или слугою, должен нести службу по всему королевству... если оповещение ему было сделано правильно.

Там же, стр. 230—234.

8. ИЗ ФОРМУЛ МАРКУЛЬФА (VIII в.)

...По просьбе епископа такого-то, ради снискания себе награды в вечной жизни, пожаловали мы ему благодеяние, состоящее в том, что в пределы поместий церкви этого епископа как тех, которые она в наше время имеет пожалованными нами или кем-либо иным, так равно и тех, кои милосердие божие в дальнейшем соизволит передать в собственность этого святого места, не смеет входить ни одно государево должностное лицо для слушания судебных дел или взыскания каких-либо судебных штрафов, но сам епископ и преемники его, во имя божие, в силу полного иммунитета, пусть владеют всеми означенными правами...

Постановляем посему, чтобы ни вы, ни помощники и преемники ваши и никакое лицо, облеченное властью, ни в какое время не осмеливалось входить на землю церкви... ни для слушания судебных дел, ни для взыскания штрафов по каким-либо судебным решениям, ни для пользования постоем и продовольствием, ни для задержания поручителей. И все, что могла бы получить там казна с свободных или несвободных и иных людей, проживающих на землях... церковных, пусть навеки поступает на лампады означенной церкви.

Там же, стр. 155.

9. ИЗ ГЕРИСТАЛЬСКОГО КАПИТУЛЯРИЯ (779 г.)

Глава 9. (Лангобардская версия.) Разбойников с иммунитетной территории должностные лица и фогты иммунитетов должны представлять на графский суд, когда им о том будет объявлено. И если скажет [фогт], что не может представить разбойника, он должен поклясться, что не может представить после того, как ему предъявлено требование (он должен также поклясться), что он не вступал в соглашение с разбойником для оттягивания суда и не удалял его от себя... в целях такого оттягивания. А также должен поклясться, что добровольно, если сможет, представит этого разбойника для суда. Кто этого не сделает, теряет бенефиций и должность.

Там же, стр 155—156.

2. Если кто причинит какой-либо ущерб иммунитетным правам, должен уплатить 600 солидов...

Если же какой-либо человек совершит покражу, убийство или какое-либо другое преступление и сбежит затем на территорию иммунитета, то граф должен предложить епископу, аббату, наместнику их или какому-либо другому лицу, их заменяющему, выдать ему виновного. Если кто из них возразит против этого и не пожелает того выдать, то должен быть на первый раз присужден к уплате 15 солидов; если не пожелает выдать того на повторные требования, должен быть присужден к уплате 30 солидов; если же не пожелает согласиться выдать его по третьему требованию, то должен быть принужден к возмещению всего того убытка, который причинил виновный, а сам граф должен иметь дозволение явиться [на территорию иммунитета] и разыскивать виновного всюду, где его можно найти.

Если же на первое требование графа [о выдаче виновного] последует ответ, что какой-то виновный был на территории иммунитета, но [затем] сбежал с нее, то, заявивши это, должен тотчас же принести клятву в том, что не содействовал ему в побеге в целях уклонения от правосудия, и пусть граф будет этим удовлетворен.

Если же кто-либо попытается оказать графу при входе его на территорию иммунитета сопротивление скопом, то граф должен донести об этом королю, и тот человек должен быть на королевском суде присужден к уплате 600 солидов, наподобие того, как уплатить ту же сумму в 600 солидов должен человек, причинивший ущерб иммунитетным правам.

«Социальная история средневековья», т. I, стр. 201.

11. ГРАМОТА КОРОЛЯ МЕРСИИ[1] БУРГРЕДА
Глостерскому монастырю св. Петра (862 г.)

...Пусть никто из светских служащих или других людей, кроме служащих этого монастыря, не смеет под каким-либо предлогом отправлять свои служебные функции в пределах этой территории, за исключением случаев, когда совершено преступление, караемое смертью...

«Хрестоматия...», т. I, 1961, стр. 647.

---

[1] *Мерсия* — англо-саксонское королевство в Британии, основанное англами в 585 г. (занимало территорию в Средней Англии). Просуществовало до 829 г.

Иногда в виде игры слов, например, девиз графов Немур Савойских (de Savoie):

Иду своей дорогой.
Suivant sa Voye.

Часто в виде гордых заявлений, например, девиз Филиппа Доброго, герцога Бургундского

Другим не стану.

Или Шарля де Кроу:

Я удержусь.

Девиз его отца, Филиппа де Кроу:

Я добьюсь.

Девиз баронов Куси:

Я не король и не князь, я барон Куси.

Девиз Роганов:

Королем быть не могу, герцогом — не
соблаговолю; я — Роган.

«Средневековье в его памятниках», стр. 62.

ТЕМА.

СЛАВЯНЕ В VI—X вв.

Учитель прежде всего касается здесь вопроса о расселении славян в VI в. Приводим одно из немногочисленных сохранившихся известий об этом процессе.

Второй вопрос темы — занятия славян и разложение у них родового строя Этот процесс характеризуется здесь четырьмя документами (2—5), каждый из которых содержит разносторонние сведения об образе жизни славян в VI, VII, IX и X столетиях. Таким образом, создается возможность показать славянское общество в развитии

Третьим вопросом темы является борьба западных славян с агрессией германских феодалов. Документ 6 свидетельствует о племенной разрозненности у славян, облегчившей германским феодалам их вторжения и завоевания. Документ 7 описывает, как протекала самая агрессия. В документе 8 отображены гибель славянского князя и утверждение захватчиков в чужих землях.

Последний вопрос темы — возникновение государств у славян. Отображение этого длительного процесса, охватывавшего столетия, невозможно найти в каком-то одном документе. Поэтому мы приводим отдельные исторические свидетельства, регистрирующие образование Чешского и Польского королевств и характеризующие деятельность их первых правителей (документы 9 и 10).

1. ИОРДАН. «ГЕТИКА»

Пояснение см. выше, стр. 19.

III, 34—35. От истока реки Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венедов. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако главным образом они именуются склавинами и антами.

Склавины живут от города Новиетуна[1] и озера, которое именуется Мурсианским[2], до Данастра, а на севере до Вислы. Место городов занимают у них болота и леса... Анты же, храбрейшие из них, живя на изгибе Понта, простираются от Данастра до Данапра. Реки эти отстоят друг от друга на много дневных походов.

«Хрестоматия », т. I, 1961, стр. 288.

2. ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ. «ВОЙНА С ГОТАМИ»

Пояснение см. выше, стр. 23.

III, 14. ...Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, стянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной

---

[1] Точное местонахождение *Новиету́на* неизвестно. Вероятно, город лежал на Дунае.

[2] *Мурсиа́нское озеро* — предположительно, одно из озер, находящихся близ Дуная.

силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные. Образ жизни у них, как у массагетов, грубый, без всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но по существу они не плохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы. И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племени называли спорами (рассеянными), думаю потому, что они жили, занимая страну «рассеянно», отдельными поселками. Поэтому-то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть берега Истра, по ту стороны реки.

Там же, стр. 293—294.

3. ПСЕВДО-МАВРИКИЙ. «СТРАТЕГИКОН»

В 582—602 гг. Византией правил император Маврикий. Неизвестный нам его современник, условно называемый Псевдо-Маврикий, написал трактат о военном искусстве — «Стратегикон». Поскольку в то время Византия часто воевала со славянами, в трактат попало много сведений о военном деле у славян и их образе жизни.

XI, 5. Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам относятся они ласково и, оказывая им знаки своего расположения (при переходе их) из одного места в другое, охраняют их в случае надобности, так что, если бы оказалось, что, по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний претерпел (какой-либо) ущерб, принимавший его раньше начинает войну (против виновного), считая долгом чести отомстить за чужеземца. Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там, (где они находятся), на положении свободных и друзей.

У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы. Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь.

Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер; устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей. Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую.

Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются (засадами), внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью изобретая много (разнообразных способов). Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто некоторые из числа остающихся дома, будучи застигнуты внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, доходящие до поверхности воды, а сами, лежа навзничь на дне (реки), дышат с помощью их; и это они могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их (присутствии). А если случится, что камыши бывают видимы снаружи, неопытные люди считают их растущими в воде, лица же, знакомые (с этой уловкою) и распознающие камыш по его обрезу и (занимаемому им) положению, пронзают камышами глотки (лежащих) или вырывают камыши и тем самым заставляют (лежащих) вынырнуть из воды, так как они не в состоянии дольше оставаться в воде.

Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые (с места на место). Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим, если раненый не примет раньше противоядия или (не воспользуется) другими вспомогательными средствами, известными опытным врачам, или тотчас же не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространился по остальной части тела.

Не имея над собой главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя, не способны сражаться в правильной битве, показываться на открытых и ровных местах. Если и случится, что они отважились идти на бой, они во время его с криком слегка продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдержат их крика и дрогнут, то они сильно наступают; в противном же случае обращаются в бегство.. Находя большую помощь в лесах, они направляются к ним, так как среди теснин они умеют отлично сражаться. Часто несомую добычу они бросают как бы под влиянием замешательства и бегут в леса, а затем, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред.

...Но нападение на (славян) следует производить главным образом в зимнее время; тогда деревья стоят обнаженными, и за ними нельзя скрываться с таким удобством, (как летом). На снегу тогда остаются заметными следы убегающих; запасов у них мало, сами они, можно сказать, обнаженные, да и реки вследствие сковывающего их льда легко проходимы.

Там же, стр 294—296

4. ОПИСАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ОБЛАСТЕЙ

Если предыдущие два документа касались южных славян, то два следующих описывают западных славян Один из них заимствован из «Описания славянских областей», составленного между 866 и 890 гг. каким-то монахом, географом, путешественником или, возможно, в прошлом купцом, проживавшим в Баварии (Южная Германия).

Описание городов и областей. лежащих к северу от Дуная. Ближе всего к пределам Дании находятся те, которых называют северными ободритами. Их область, имеющая пятьдесят три города, разделена между их князьями. У вильцев — четыре области и девяносто пять городов. Глиняне — народ, имеющий семь городов Поблизости находятся те которые называются бетеничи, мильчане и моричане, имеющие одиннадцать городов. Рядом с ними гаволяне, имеющие восемь городов Рядом с ними находится область сербов, в которой много племен и которая имеет пятьдесят городов. Рядом с ними гломачи, имеющие четырнадцать городов. У чехов пятнадцать городов. Моравы имеют одиннадцать. Болгары, область которых огромна и народ велик, имеют только пять городов... Есть еще народ, который называется меречанами: они имеют тридцать городов. Таковы области, которые граничат с нашими пределами.

Там же, стр. 310.

5. АДАМ БРЕМЕНСКИЙ. «ДЕЯНИЯ ПЕРВОСВЯЩЕННИКОВ ГАМБУРГСКОЙ ЦЕРКВИ»

Около 1075 г. приближенный епископа Гамбургского Адам, монах Бременский, написал «Деяния первосвященников Гамбургской церкви», где им дана история Германии и соседних районов с VIII по XI в, основанная на подлинных документах эпохи. Приводимый отрывок относится к X—XI столетиям.

II. XXI. Славия — это очень обширная область Германии, населена винулами, которые некогда назывались вандалами. Славия в десять раз больше нашей Саксонии, если причислять к ней чехов и живущих по ту сторону Одры поляков, которые не отличаются от жителей Славии ни своей внешностью, ни языком. Эта страна, очень богатая людьми, оружием и плодами, со всех сторон окружена крепкими естественными границами, образованными горами, покрытыми лесом и реками. В ширину, то есть с юга на север, страна эта простирается от реки Лабы (Эльбы) до Скифского (Балтийского) моря. Длина же представляется настолько значительной, что, начинаясь от нашей Гамбургской епархии, простирается через необозримые просторы вплоть до Баварии, Венгрии и Греции. Славянских народов существует

много. Среди них наиболее западные — это вагры, живущие на границе с трансальбингами. Их город, лежащий у моря, Старград. Затем следуют ободриты, которых теперь называют ререгами, и их город Валеград (Мекленбург). К востоку от нас (т. е от Гамбурга) живут полабы, город которых называется Ратибором (Рацибургом). За ними глиняне и варны. Дальше следуют хижане и чрезпеняне, которые отделяются от доленчан и ратареи рекой Пеной и городом Дымином. (Хижане и чрезпеняне живут к северу от реки Пены, доленчане и ратари — к югу Эти четыре народа по причине их храбрости называют вильцами или лютичами — добавление средневекового комментатора.) Там предел Гамбургской епархии. Есть еще и другие славянские племена, которые живут между Лабой и Одрой: гаволяне по реке Гавале, дочане, любушане, волыняне, и стодоране, и многие другие, из всех них самыми могущественными являются ратари, живущие в центре. Их город — всемирно известная Ретра — седалище идолослужения, там построен огромный храм в честь демонов, главный из которых Радигость. Изображение его сделано из золота, ложе из пурпура. Самый город имеет девять ворот и окружен со всех сторон глубоким озером, через которое построен для перехода бревенчатый мост, но через него разрешается проходить только идущим ради жертвоприношения или вопрошения оракула... Говорят, что от Гамбурга до храма четыре дня пути...

IV. XVIII. Три острова должны быть выделены среди тех островов, которые лежат обращенными к славянской земле. Первый из них называется Фембре. Он расположен против области вагров так, что его, как и остров Лаланд, можно увидеть из Старграда. Второй остров расположен напротив вильцев: им владеют руяне, очень храброе славянское племя, без решения которого, сообразно с законом, не предпринимаются никакие общественные постановления Их боятся, поскольку они находятся в тесных сношениях с богами, или, скорее, демонами, которым они воздают больше почитания, чем остальным. Оба эти острова полны пиратами и кровожадными разбойниками, которые не щадят никого из проплывающих мимо. Всех пленников, которых обычно продают, они убивают. Третий остров называется Семландией и находится поблизости от русских и поляков. Он населен сембами, или пруссами, очень человеколюбивыми и самоотверженными людьми, которые всегда стремятся на помощь к тем, кто подвергается опасности в море или нападению пиратов.

Описание города Волыни

II XXII. За землей лютичей, которые также называются вильцами, находится Одра, самая многоводная река славянской земли. Там, где Одра впадает в Скифское море, лежит знаменитей-

ший город Волынь, отличный порт, посещаемый греками и варварами, живущими вокруг. О славе этого города, о котором много всего рассказывают, а часто и неправдоподобное, необходимо поведать кое-что достойное внимания. Волынь — самый большой из всех городов Европы. В нем живут славяне вместе с другими народами, греками и варварами. Даже и прибывающие туда саксы получают равные права с местными жителями, если только, оставаясь там, не выставляют напоказ своей христианской веры. Все в этом городе еще преданы губительным языческим обрядам. Что же касается нравов и гостеприимства, то нельзя найти народа более честного и радушного. В этом городе, полном товарами всех народов, ничто не представляется роскошным или редким.

...Из Волыни за короткий срок на гребном судне добираются до города Дымина, который лежит недалеко от устья реки Пены, (там поблизости) живут и руяне; оттуда до области Семландии, принадлежащей пруссам, расстояние такое, что из Гамбурга, или же от реки Лабы в семь дней достигают Волыни, путешествуя сухим путем; если же хочешь ехать морем, то нужно в Шлезвиге или Старграде сесть на корабль, также попадешь в Волынь. Пустившись на парусах из Волыни, на четырнадцатый день прибудешь в Новгород, который лежит на Руси, где столица Киев, соперница Константинопольского скипетра, краса и слава Греции [1].

Там же, стр. 311—313.

6—8. ГЕЛЬМОЛЬД. «СЛАВЯНСКАЯ ХРОНИКА»

Католический поп Гельмольд (ок. 1125 — после 1177) был направлен миссионером к западным славянам. Свою хронику он написал между 1172 и 1177 гг.

Отрывок 1

I, 21. В те дни возникло большое волнение в восточной области славян, которые были разделены междоусобной войной. Существует четыре народа, называющиеся лютичами или вильцами и состоящие из хижан и чрезпенян, живущих к северу от реки Пены, и ратарей с доленчанами, находящимися к югу от Пены. Между ними разгорелся громкий спор о силе и могуществе. Ратари и доленчане по причине древности своего города и известности своего храма, в котором выставлено изображение Радигостя, хотели править над остальными, приписывая себе честь особенной знатности на том основании, что к ним приходили от

---

[1] В данном случае автор подразумевает под Грецией все те страны, которые исповедовали христианство по православному обряду, заимствованному у византийских греков.

всех славянских народов за ответом оракула и ради ежегодных жертвоприношений. Чрезпеняне и хижане отказались подчиниться и, напротив, постановили оружием защищать свою свободу.

«Хрестоматия ..», т. 1, 1949, стр. 48.

Отрывок 2

В то время Восточной Славией владел маркграф Адальберт, по прозвищу Медведь. Он подчинил своей власти всю землю бризан, стодеран и многих других племен, обитавших между Гавелой и Эльбой, и обуздал мятежи их. В конце концов, так как славян становилось все меньше и меньше, послал он [приглашения]... в прирейнские местности, а также к тем, кто обитал у океана и терпел от натиска моря, именно к голландцам, зеландцам и фландрцам, вывел оттуда множество народа и поселил его в славянских городах и местечках. Много также споспешествовал он приходу колонистов в епископства Бранденбургское и Гавельбергское, вследствие чего умножались церкви и очень возросли церковные десятины. Также и южные берега Эльбы... всю болотистую и равнинную землю, именуемую Белезем и Маршинер, начали в то время населять выходцы из Голландии, завладевшие весьма многими городами и местечками до самых пределов Чехии[1]. ... Славяне везде поражены и подверглись изгнанию. И пришли от края океана сильные и многолюдные племена, которые захватили славянские земли, воздвигали города и церкви в богатстве превыше всякого чаяния.

«Хрестоматия по истории средних веков». Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. II, ч. I. М., 1938, стр. 97.

Отрывок 3

I, 87. Герцог Генрих вторгся с огромным войском в землю славян и опустошил ее огнем и мечом. Видя силу герцога, Никлот поджег все свои крепости, т. е. Илов, Мекленбург, Зверин, и Дубин, чтобы предотвратить опасность осады. Удержал у себя только одну крепость Вурле, расположенную на реке Варнаве, около своей области Кичин[2]. Через несколько дней славяне вышли оттуда и, выследив войско герцога, убили из засады неосторожных. Итак, однажды, когда войско находилось поблизости от Мекленбурга, сыновья Никлота, Прибыслав и Вартислав, совершили вылазку, чтобы причинить врагам вред, и убили некоторых из ла-

---

[1] Сообщение Гельмольда о том, что главную роль в колонизации славянских земель играли голландцы, весьма спорно.

[2] Область *Кичин* — земля, принадлежавшая племени кичан, или иначе хижан.

геря, вышедших достать продовольствие. Но храбрейшие из войска устремились вслед за ними, захватили многих, и герцог велел их повесить. Сыновья же Никлота, потеряв коней и лучших воинов, вернулись к отцу. Он им сказал. «Я, по крайней мере, думал, что вскормил мужей, но они более способны к бегству, чем даже женщины. Поэтому я сам сделаю вылазку и попробую, нельзя ли большего сделать». И Никлот вышел с группой избранных воинов и поставил засаду в потаенном месте подле самого войска. В то время вышли из лагеря слуги, чтобы достать корм для лошадей, и приблизились к засаде. Но среди слуг находились также и воины, числом шестьдесят человек; у всех под верхним платьем были одеты кольчуги. Не заметив этого, Никлот бросился на своем быстроногом коне в гущу врагов, стремясь поразить кого-либо. Но копье попало в кольчугу и, ударив впустую, отскочило назад. Он хотел вернуться к своим, но внезапно был окружен и убит. Никто из славян не оказал ему помощи. Его голову распознали и принесли в лагерь; и многие дивились, что великий муж с божьей помощью из всех своих только один был убит. Тогда его сыновья, услышавши о смерти отца, подожгли Вурле и скрылись в леса, а свои семьи переправили на корабли. Герцог, опустошивший всю землю, начал восстанавливать Зверин и укреплять замок. Там поставил он с войском некоего знатного и воинственного мужа по имени Гунцелин. После этого сыновья Никлота вошли в милость к герцогу, и он отдал им Вурле и всю область. Затем герцог разделил землю ободритов во владение своим воинам.

Там же, стр. 102

9. «ХРОНИКА» РЕГИНОНА

Между 906 и 915 гг. прюмский аббат Регинон из Лотарингии написал хронику, доведенную до начала X в

Год 890. Король Арнульф[1] уступил Святополку, королю моравских славян, королевство чехов, которые до тех пор имели над собой князя из собственной династии и племени и соблюдали франкскому королю обещанную верность и нерушимую дружбу... Шаг этот послужил началом огромного возмущения и привел к их отпадению, так как, с одной стороны, чехи перестали соблюдать эту верность, а с другой — Святополк, поняв вскоре, что благодаря присоединению второго княжества сильно возросло его могущество, в пылу гордости выступил против Арнульфа.

---

[1] Немецкий король, в 896—899 гг. император Священной Римской империи.

Год 894. В это время умер Святополк, король моравских славян, мудрейший и умнейший человек среди своего народа. Княжеством овладели его сыновья...

«Хрестоматия», т. I, 1961, стр 322—323.

10. АНОНИМ ГАЛЛ. «ХРОНИКА ПОЛЯКОВ»

Около 1113 г. неизвестный нам чиновник польского князя Болеслава III Кривоустого, условно называемый Аноним Галл, написал «Хронику поляков». Приводим отрывки о событиях X—XI в

Со стороны Аквилона Польша является северной частью земли, населенной славянскими народами; она имеет соседями с востока Русь, с юга — Венгрию, с юго-запада — Моравию и Чехию, с запада — Данию и Саксонию. Со стороны Северного, или Амфитрионального[1], моря соседями Польши являются три страны, населенные дикими языческими народами: Селе́нция[2], Поморье и Пруссия, с которыми князь польский постоянно борется, стремясь обратить их в истинную веру...

За ними, как бы в объятиях Амфитриона, находятся другие языческие народы и необитаемые острова, где лежит вечный снег и лед. Так, земля славянская делится на севере на свои составные части, тянется от сарматов, которые называются и гетами, до Дании и Саксонии, от Фракии через Венгрию, некогда захваченную гуннами, называемыми также венграми, спускаясь через Каринтию, кончается у Баварии; на юге же возле Средиземного моря, отклоняясь от Эпира, через Далмацию, Хорватию и Истрию ограничена пределами Адриатического моря и отделяется от Италии там, где находится Венеция и Аквилея. Страна эта, хотя и очень лесиста, однако изобилует золотом и серебром, хлебом и мясом, рыбой и медом, больше всего ей следует отдать предпочтение перед другими народами в том, что она, будучи окружена столькими вышеупомянутыми народами, и христианскими и языческими, действующими как вместе, так и в одиночку, и, подвергаясь нападению с их стороны, никогда, однако, не была никем полностью покорена. Это край, где воздух целителен, пашня плодородна, леса изобилуют медом, воды — рыбой, воины бесстрашны, крестьяне трудолюбивы, кони выносливы, земли пригодны к пашне, коровы дают много молока, а овцы — много шерсти...

Гл. 5. Мешко[3], достигнув княжеской власти, стал чаще нападать на народы, живущие вокруг. Он все еще находился в столь великом заблуждении язычества, что по обычаю того времени имел семь жен. Наконец, он потребовал себе в жены право-

---

[1] Балтийское море.

[2] Вероятно, имеется в виду страна лютичей.

[3] Иначе — *Мечислав I* (960—992).

верную христианку из Чехии, по имени Дубровка. Но она отказалась выйти за него замуж, пока он не откажется от своего порочного обычая и не пообещает ей стать христианином. Когда же он объявил, что намерен отказаться от обычаев язычества и принять священное учение христианской веры, она (Дубровка) въехала в Польшу с большой свитой светских и духовных лиц, но, однако, не сочеталась с ним браком до тех пор, пока он, постепенно и тщательно наблюдая за обычаями христианской религии и за деятельностью священного клира, не отказался от заблуждений язычества и не склонился к лону матери-церкви.

...Гл. 6. Итак, князь Мешко первый из поляков благодаря благочестивой жене своей достиг благодати крещения. К славе и хвале его достаточным основанием служит то, что в его время и благодаря ему свет истины озарил с высоты все королевство Польское. От этой же благословенной женщины у него родился славнейший Болеслав[1], который после его смерти мужественно управлял королевством и так возрос по милости бога в доблести и мощи, что, как я вправе сказать, своей храбростью озолотил всю Польшу. Кто же способен достойно рассказать о его славных подвигах или битвах с соседними народами, не говоря уже о том, чтобы описать это и передать памяти потомства? Разве он не подчинил Моравию и Богемию, занял в Праге княжеский престол и отдал его своим наместникам? Кто, как не он, часто побеждал в сражении венгров и всю страну их, вплоть до Дуная, подчинил своей власти? Неукротимых же саксов он подчинил с такой доблестью, что определил границы Польши железным столбом по реке Сале в центре их страны. Нужно ли перечислять победы и триумфы над языческими народами, которых, как известно, он как бы попирал ногами?.. Увидев его славу, мощь и богатство, римский император воскликнул с восхищением: «Клянусь короной моей империи, все, что я вижу, превосходит то, что я слышал». По совету своих магнатов в присутствии всех он прибавил: «Не подобает называть столь великого мужа князем или графом, как одного из сановников, но должно возвести его на королевский трон и со славой увенчать короной». И сняв со своей головы императорскую корону, он возложил ее в знак дружбы на голову Болеслава и подарил ему в качестве знаменательного дара гвоздь с креста господня и пику св. Маврикия, за что Болеслав со своей стороны подарил ему руку св. Адальберта. Мало того, Оттон уступил ему и его потомкам все права империи в отношении церковных почетных должностей в самой Польше или в других уже завоеванных им варварских странах, а также в тех, которые еще предстояло завоевать. Договор этот утвердил папа Сильвестр привилегией святой римской церкви.

Там же, стр 326—329.

---

[1] *Болеслав I Храбрый* (992—1025).

ГЛАВА II.

Установление феодального строя в Восточной Римской (Византийской) империи

•

ТЕМА.

ЗАСЕЛЕНИЕ СЛАВЯНАМИ ЗЕМЕЛЬ ВИЗАНТИИ

Приводим документы, касающиеся славянской колонизации Балкан. Вторжениям славянских племен на Балканы посвящены четыре документа. Они охватывают события VI—VIII вв., когда население Балкан постепенно ославянилось.

Развитие феодальных отношений на славянизированных Балканах привело к возникновению у южных славян их государств. Поэтому следующие документы касаются трех главных южнославянских областей — Болгарии, Сербии и Хорватии.

1. ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ. «ВОЙНА С ГОТАМИ»

Пояснение см. выше, стр. 23.

III, 29. Приблизительно в это время войско славян, перейдя реку Истр, произвело ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна, убивая и обращая в рабство всех попадавшихся навстречу, не разбирая пола и возраста и грабя ценности. Даже многие укрепления, бывшие тут и в прежнее время казавшиеся сильными, так как их никто не защищал, славянам удалось взять; они разбрелись по всем окрестным местам, совершенно свободно производя опустошения. Начальники Иллирии с пятнадцатитысячным войском следовали за ними, но подойти к неприятелю близко они нигде не решались.

III, 40. ...В это время славяне, которые перед тем оказались в пределах владений императора, как я только что рассказывал, и другие, немного позднее перешедшие через Истр и соединившиеся с прежними, получили полную возможность беспрепятственно вторгаться в пределы империи...

Разделившись на три части, эти варвары причинили всей Европе неслыханные бедствия, грабя эти местности не просто случайными набегами, но зимуя здесь, как бы в собственной земле, не боясь неприятеля. Позднее император послал против них отборное войско... Это войско захватило часть варваров около Адрианополя, города, который лежит посреди Фракии, на рас-

стоянии пяти дней пути от Византии. Дальше уже варвары двинуться не могли: ведь они имели с собой бесчисленную добычу из людей, всякого скота и ценностей. Оставаясь там, они решили вступить с врагами в открытый бой, но собирались сделать это так, чтобы те даже и не предчувствовали, что они этого хотят. Славяне стояли лагерем на горе, которая тут возвышалась, римляне — на равнине, немного поодаль. Так как уже прошло много времени, как они сидели так друг против друга, то римские воины стали выражать нетерпение и позволять себе недопустимые поступки, упрекая вождей, что вот они, как начальники римского войска, имеют для себя продовольствие в изобилии, а не обращают внимания на солдат, мучимых недостатком в предметах первой необходимости, и не хотят вступить с врагами в бой. Под их давлением военачальники начали сражение. Произошел сильный бой, и римляне были разбиты наголову. Здесь погибло много прекрасных воинов; военачальники, которым грозила близкая опасность попасть в руки врагов с остатками армии, с трудом спаслись бегством, кто куда мог. Варвары захватили знамя Константина и, не обращая внимания на римское войско, двинулись дальше. Они получили возможность ограбить местность, так называемую Астику, с древнейших времен не подвергавшуюся разграблению, и поэтому им удалось получить отсюда большую добычу. Таким образом, опустошив большую область, варвары подошли к «Длинным стенам», которые отстоят от Византии немногим больше одного дня пути.

Там же, стр. 289—290.

2. ИОАНН ЭФЕССКИЙ. «ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ»

Сирийский историк Иоанн из Эфеса (умер в 585 г.) в своей «Церковной истории» поместил сведения о славянах, служащие как бы продолжением данных, имеющихся в документе 1.

Следует учитывать при изучении документа неприязнь Иоанна к вторгающимся в Византию варварам.

В третий год после смерти императора Юстина, в царствование императора Тиверия[1], вышел проклятый народ славян и прошел всю Элладу, области Фессалоники и всю Фракию. Они захватили много городов и крепостей, опустошили, сожгли, полонили и подчинили себе область и поселились в ней свободно, без страха, как в своей собственной. Так было в течение лет четырех, пока император был занят войной с персами и все свои войска посылал на восток. Поэтому они, расположившись на этой земле, поселились на ней и широко раскинулись, пока бог им попускал.

---

[1] *Тиверий II* (578 — 582).

Они уничтожали, жгли и брали в полон до самой внешней стены и захватили много тысяч царских табунов и всяких других. И до сего времени[1]... они расположились и живут спокойно в ромейских областях без забот и страха. Они берут в плен, убивают, сжигают; они разбогатели, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия и обучены воевать более, чем ромеи.

«Сборник документов по социально-экономической истории Византии», М., 1951, стр 82.

3. СКАЗАНИЕ О ЧУДЕСАХ св. ДМИТРИЯ

В начале VII в. каким-то монахом из Солуни (современные Салоники) было написано «Сказание о чудесах св. Дмитрия». Оно как бы продолжает рассказ о славянах, начатый в двух предыдущих источниках.

Поднялся народ славянский, бесчисленное множество из другувитов, сагудатов, велегезитов, веунитов, верзитов и прочих племен. Научившись делать лодки из одного дерева и снарядив их для плавания по морю, они опустошили всю Фессалию и расположенные кругом нее и Эллады острова, еще же и Кикладские острова и всю Ахею, Эпир и большую часть Иллирика и часть Азии и сделали необитаемыми многие города и области. Составив общее решение идти на христолюбивый сей город, чтобы и его разорять, как и другие города, они пригнали в приморское место выдолбленные из цельного дерева лодки, которых было бесчисленное количество, прочие же в неизмеримом числе окружили богохранимый сей город с востока, севера и запада и со всех сторон, имея при себе свои семьи с хозяйством в том намерении, чтобы по взятии города поселиться в нем... Всему славянскому народу условлено было сразу и неожиданно напасть на стену. Находившиеся на судах славяне позаботились защитить их сверху досками и покрыть так называемыми вирсами (кожами), дабы, когда лодки подойдут к стене, сделать неуязвимыми гребцов со стороны тех, которые будут со стен бросать камни или пускать стрелы.

«Хрестоматия..», т. 1, 1961, стр. 291—292.

4. ГЕОРГИЙ АМАРТОЛ. «ХРОНИКА»

Между 842 и 867 гг. византийский монах Георгий Амартол составил хронику, охватывавшую события в Византии с IV до середины IX в. События, описываемые в приводимом здесь отрывке, относятся к концу VII столетия.

---

[1] 584 г. н. э.

После Константина[1] царствовал в течение десяти лет его сын Юстиниан[2]. Выступив в поход в западные области (империи), он отразил огромные полчища славян, встречая одних из них войною, а других — словом Отобрав из них тридцать тысяч и сделав воинами, он назвал их примерным войском. Итак, вооружив их, приблизив к себе и доверившись их храбрости и союзу с ними, он пишет сарацинам, что не скрепляет письменно уже согласованного между ромеями и сарацинами мира. Взяв затем эту примерную (а вернее — неверную) рать и прочие войска, он ушел к Севастополю[3]. Приходившие в город сарацины предупреждали императора не отвергать того, что было согласовано с (взаимными) клятвами, ибо сам бог станет тогда судьею и мстителем за них. (Но) император решительно не принял дела мира и выстроился для битвы. Сарацины, разумеется, тотчас порвав уже написанную хартию мира и нацепив ее на острие копья, устремились против ромеев. И когда произошло столкновение (противников), двадцать тысяч из тех славян перешло к сарацинам. Поэтому ромеи потерпели сильное поражение и бесчисленное их (множество) было перебито. Справедливость и победа перешли к неприятелям, поучая (нас) никогда не преступать божественной клятвы, хотя бы она была дана врагам и неверным. Император же, прибыв как беглец к побережью Левката[4], уничтожил остальные десять тысяч славян вместе с их женами и детьми. Поэтому сарацины, еще более осмелев с тех пор, сильно разоряли Романию, имея с собою и двадцать тысяч перебежавших на их сторону славян.

Там же, стр 340—341

5. КОНСТАНТИН МАНАССИЯ. «ВСЕМИРНАЯ ХРОНИКА»

В XII столетии византиец Константин Манассия написал «Всемирную хронику». Через два века ее перевели на болгарский язык, причем переводчик дополнил ее своими примечаниями, основанными на древних болгарских летописях. Приводим некоторые из этих дополнений.

(При описании царствования императора Анастасия, 491—518 гг.) При Анастасии-царе начали болгары (славяне) занимать землю эту, перейдя у Бдина, и прежде начали занимать нижнюю землю Охридскую, а потом эту всю.

(При описании царствования императора Константина Бородатого, 668—685 гг.) При этом Константине-царе пришли бол-

---

[1] *Константин IV* (668 — 685)
[2] *Юстиниан II* (685 — 695, 705 — 711),
[3] Город в Киликии (Малая Азия).
[4] Мыс в Никомидии (Малая Азия).

гары (тюрки) через Дунай и, разбив греков, отняли землю эту, в ней же живут и доныне. Прежде же земля эта называлась Мизией.

...(При описании царствования императора Льва, сына Константина, 775 — 780 гг.) При этом Льве был князем болгар Кардам.

(При описании царствования императора Никифора, 802—811 гг.) Этот Никифор-царь отправился в поход на Болгарскую землю при князе Круме и сначала победил его и похитил его богатства. Потом же Крум собрался со своими, оставшимися от поражения, напал ночью на царя и не только разбил греков, но и самому царю отрубил голову, и ковал ее в серебро, и наливал в нее вино, давая болгарам пить.

(При описании царствования императора Михаила Рангави, 811—813 гг.) При этом царе князь Крум продолжал битву под Одрином[1] и разбил его, и сам царь едва спасся бегством. Болгары же взяли все богатства царя и греков...

(При описании царствования императора Михаила, сына Феофилова, 842—867 гг.) При этом Михаиле-царе и при матери его крестились болгары.

(При описании царствования Льва Премудрого, сына Василия Македонянина, 886 — 911 гг.) Этот Лев-царь из неприязни к Симеону, царю болгар, неоднократно наносившему поражения войску его, призвал мадьяр, которые разбили его и взяли в плен болгар, а он (Симеон) заперся в Доростоле[2]. Симеон же снова воевал с мадьярами, взял их землю, а самих разбил и, возвратившись оттуда, вел войну против греков и победил их.

(В царствование императора Константина VII, 911—959 гг.) При этом Константине-царе Симеон, царь болгарский, вошел с миром в Царьград, и получил благословение от патриарха, и обедал с царем и с ним. Выйдя оттуда, он начал покорять и в войне дважды победил греков.

(При описании царствования императора Романа Лакапина, 920—944 гг.) При этом царе Романе болгарский царь Симеон много раз доходил со своим войском до Царьграда, зажег даже царский дворец, овладел Одрином и при этом царе умер.

(При описании царствования императора Никифора Фоки, 963—969 гг.) При этом Никифоре-царе завоевали руссы Болгарскую землю два раза в два года, так как царь Никифор просил Святослава (пойти) на них (болгар).

(При описании царствования императора Василия II, сына императора Романа, 975—1025 гг.) Этот Василий-царь разбил Самуила, царя болгарского, дважды и занял Бдин, и Плиску, и Великую Преславу и Малую, и многие другие города. Также и

---

[1] Адрианополь.
[2] Силистрия.

Скопле было передано ему Романом, сыном царя Петра, который владел им по повелению царя Самуила, потому что царство болгар простиралось до Ахрида, и до Драча, и далее. Этот царь Василий нанес болгарам тяжелые поражения. Победив царя Самуила, он ослепил 15 тысяч болгар, оставив на каждые сто человек по одному человеку с одним глазом, и отправил их к Самуилу. Увидев их, он умер от яда. С этого Василия Болгарское царство находилось под властью греческой даже и до Асеня, первого царя болгар.

«Хрестоматия...», т. II, 1950, стр.180—184.

6. СВИДЕТЕЛЬСТВО ВИЛЬГЕЛЬМА ТИРСКОГО

Немецкий архидиакон Вильгельм из Трира описывает под 1168 г. жизнь сербских горцев. Это отрывок из епископской хроники, заимствованный из какого-то византийского хронографа.

В это время император Мануил находился в Сербии. Это — гористая и поросшая лесами, труднодоступная страна, лежащая посредине между Далмацией, Угрией и Иллириком. Сербы возмутились, надеясь на теснины путей, ведущих к ним, и на непроходимость своей страны. Это народ необразованный, без всякой дисциплины, обитатель гор и лесов, незнакомый с земледелием; сербы богаты стадами домашнего и вьючного скота, молоком, сыром, маслом, мясом разных животных, медом и воском. Они имеют правителей, называемых жупанами, иногда служат императору, а иногда, выходя из гор и лесов, опустошают всю окрестную страну.

Там же, стр. 197.

7. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. «ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЕЙ»

Византийский император Константин VII Багрянородный в 948—952 гг. написал трактат «Об управлении империей», иначе называемый «О народах». Одним из описываемых им народов как раз и являются хорваты, другим — сербы.

Гл. 30. ...Издавна Далмация начиналась от пределов Диррахия, а именно от Антивара, и доходила до гор Истрии, в ширину же она тянулась до реки Дуная. Все это пространство состояло под властью ромеев... Завоевана же она была славянскими племенами таким образом... (Авары) покорили всю Далматию и поселились в ней. Только одни города Приморья не подпали под их власть, но остались за ромеями, потому что средства к жизни дает им море. Итак, видя, что земля эта прекрасна, авары поселились в ней. Хорваты же жили тогда за Баварией, где теперь живут белохорваты. Отделившись от них, один род,

а именно 5 братьев: Клукас, Ловел, Косенц, Мухло и Хорват — и две сестры — Туга и Вуга — со своим народом пришли в Далматию и нашли авар, владевших этой землей. Повоевав между собой несколько лет, хорваты одолели и истребили часть авар, а других заставили покориться. И так, с тех пор страна эта оставалась за хорватами... От хорватов, которые пришли в Далматию, некоторая часть отделилась и заняла Иллирик и Паннонию. Они имели своего князя, независимого, дружески сносившегося с князем Хорватии. Некоторое время и далматинские хорваты подчинялись франкам, как встарь, когда жили в своей стране. Но франки были так жестоки к ним, что истребляли грудных детей хорватов, кидая их собакам. Не имея сил терпеть это от франков, хорваты отложились от них, умертвив и князей, ими поставленных. Поэтому на них было двинуто большое войско из Франкии, и после семи лет борьбы хорваты едва-едва одержали верх и уничтожили всех франков и их начальника, именем Коцилина...

Гл. 31. Князь Хорватии с самого начала, т. е. с правления императора Ираклия, был подчинен императору ромеев, но никогда не был подвластен князю Болгарии. И никогда болгарин не ходил войной на хорватов. Только князь Болгарии Михаил-Борис пошел воевать с ними, но не имел никакого успеха и заключил с ними мир, при утверждении которого он одарил хорватов и получил подарки также от них. И никогда хорваты не платили дань болгарам, но часто из дружбы одни другим подарки... Крещеная Хорватия выставляет конницы до 60 000, пехоты до 100 000, до 800 сагин и до 100 кундур[1]. Сагины вмещают в себя по 40 человек, кундуры же (бо́льшие) по 20, а меньшие по 10 человек... Великая же Хорватия, называемая также Белою, до сих пор остается некрещеной, как и соседние с ней сербы. Они выставляют меньше конницы и пехоты, чем прежняя Хорватия, потому что их слишком часто грабят франки, турки и печенеги. У них нет ни сагин, ни кундур, ни торговых судов, потому что море далеко: от моря до них 30 дней пути, а море, до которого доходят в 30 дней, есть так называемое Черное.

Гл. 32. Должно знать, что сербы происходят от некрещеных сербов, называемых также белыми, живущими за Туркией (Венгрией) в земле, называемой ими Бойки. С ними граничит Франкия, а также и Великая Хорватия, некрещеная, которая называется также Белой. Там первоначально жили и эти самые сербы. Когда два брата наследовали после отца управление Сербией, то один из них, взяв половину народа, прибег к Ираклию, императору ромеев. Приняв его, император дал (ему) для жительства земли в области Фессалоники: Сервию, которая с тех пор и получила это название. ...По прошествии некоторого времени эти сербы задумали вернуться восвояси, и император отпустил

[1] *Сагины* и *кунду́ры* — морские боевые ладьи.

их. Но перейдя реку Дунай, они передумали и обратились к императору Ираклию через посредство Стратига, который тогда начальствовал над Белградом, прося отвести им для жительства другую землю. А так как теперешняя Сербия и Пагания и так называемая Земля захлумлян, и Тервуния, и Земля каналитов были под властью императора ромеев, но стояли опустошенные аварами, (так как те оттуда выгнали римлян, населяющих теперь Далматию и Диррахий), то император поселил этих сербов в этих землях... Когда Болгария находилась под властью ромеев, скончался тот сербский князь, который прибег к императору, и по наследству получил власть его сын, потом внук и так далее, князья из его рода.

«Хрестоматия . », т. I. 1961, стр. 303—305

ТЕМА.

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВИЗАНТИИ (VII—XI вв.)

Собранные по данной теме документы характеризуют процесс становления феодального способа производства в Византийской империи.

Большое значение имеет приводимый нами «Земледельческий закон» (документ 1), так как он дает возможность понять предпосылки и пути развития феодальных отношений в византийской деревне (подробнее см. в примечаниях к самому документу).

С «Земледельческим законом» тесно связан и другой законодательный сборник — «Эклога» (документ 2), изданный императорами-иконоборцами Львом III и Константином V в 726 г. Этот судебник обращается к тем, кто исполняет закон, с призывом не презирать нищего и не бояться обличить сильного, требует праведного суда в отношении знати и простого народа, вводит бесплатный суд и обличает взятки, устанавливает жалованье судьям и другим служащим по судебным делам.

Появление «Эклоги» было продиктовано необходимостью облегчить положение составлявших войско мелких земельных собственников, от которых зависела защита Византийской империи от внешней опасности.

Документ 3 посвящен такому крестьянскому движению против феодального землевладения и закрепощения крестьян, каким являлось восстание под руководством Фомы Славянина (821—823). Документ позволяет судить о размахе восстания, охватившего большую часть Малой Азии и вобравшего в себя массу недовольных из разных слоев населения — и крестьян, и рабов, и воинов, и горожан. (Оно было подавлено лишь после того, как болгарский царь направил свои войска на защиту Константинополя.) Однако надо иметь в виду необъективный характер документа. Автор его видит в восстании только одни теневые стороны и весьма враждебно настроен к вождю этого движения.

Документы (новеллы) 4—8 характеризуют процесс усиления феодальной знати Византии за счет земель мелких свободных земледельцев, доведенных всевозможными поборами до полного разорения. Они

свидетельствуют о том, что динаты[1], используя свое экономическое и политическое превосходство, вымогали и захватывали у сельских общинников их земельные наделы и сосредоточивали в своих руках огромные богатства.

Новеллы позволяют понять смысл изданных императорами Македонской династии законодательных актов, появление которых было продиктовано не сочувствием к бедным общинникам, а стремлением сохранить в деревне слой мелких собственников, выступающих в качестве воинов и налогоплательщиков. Но уже одно то, что новеллы периодически повторялись, говорит об их бессилии приостановить рост владений сильных людей. Эти указы императоров вступали в противоречие с начавшейся феодализацией Византии. Из документов следует, что византийское крестьянство частично было еще свободно, но ему уже грозило закрепощение.

1. «ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ЗАКОН»

Памятник этот, появление которого ученые относят к VIII в., представляет собой, как и «Салическая правда», сборник законодательных постановлений, на основе которых регулировались отношения внутри сельской византийской общины. Он отразил те изменения, которые произошли в балканской части Византийской империи после вторжения на ее территорию славянских племен, принесших с собой и возродивших в стране свободную сельскую общину.

«Земледельческий закон» отчетливо характеризует византийскую общину, ее социальный состав, процесс расслоения, виды эксплуатации, быт общинников, технику сельского хозяйства. Он подтверждает наличие в византийской деревне лично свободных земледельцев и общинных отношений.

По документу можно установить, что пахотная земля находилась в частичном владении общинников. Последние могли обменять свои участки (см. пункт 3 закона) или сдать их в аренду (см. пункты 9—10). Но продать свои земельные наделы крестьяне, видимо, не могли. Во всяком случае в законе об этом не упоминается. Пункт 21 говорит об отсутствии сложившейся собственности на землю, ибо владелец земельного надела не имел права разрушить дом, построенный на его участке посторонним человеком.

Из «Земледельческого закона» следует, что леса, луга, выгоны и другие угодья находились в совместном пользовании общинников. Например, в пунктах 78—79 указывается, что после уборки урожая земельные участки сообща использовались под пастбища.

Но в византийской деревне уже наблюдалось имущественное расслоение. Среди общинников выделяются зажиточные крестьяне, прибирающие к рукам земельные участки своих соседей, увеличивается число бедняков, появляются и наемные работники. В законе упоминается об отдаче десятого снопа земледателю (см. пункт 10), об обработке обедневшим крестьянином чужого поля или виноградника исполу (см. пункты 12, 13), об использовании для работы живого тягла, принадлежащего другому лицу (см. пункт 37).

---

[1] *Динáт* — буквально «могущественный», «властитель». Динатами называли служилую и церковную знать.

1. Земледельцу, возделывающему свое поле, следует быть справедливым и не переступать межи соседа; если же кто-либо переступит и умалит долю соседа своего, то, если он сделал это во время распашки нови, лишается своей нови, если же он сделал это нарушение во время посева, то лишается и посева, и пашни, и урожая переступивший границу земледелец...

3. Если договорились друг с другом два земледельца перед двумя или тремя свидетелями обменяться землями и договорились бы окончательно, пусть остается их обмен законным, прочным и непоколебимым...

9. Если земледелец-мортит[1] сжал без ведома земледавца и собрал снопы его, то, как вор, будет лишен всех своих плодов.

10. Доля мортита — девять снопов; доля же земледавца [т. е. землевладельца] — один сноп. Разделивший иначе да будет проклят богом...

12. Если земледелец возьмет землю, чтобы засеять исполу, и к требуемому времени не распашет нови, но разбросает семя по поверхности, пусть ничего не получит из плодов, потому что, обманув, надсмеялся над хозяином земли.

13. Если земледелец взял у какого-либо обедневшего земледельца виноградник для обработки исполу и не обрезал его, как полагается, не окопал и не обнес его частоколом, пусть не получит ничего из плодов...

21. Если бы земледелец построил дом или посадил виноградник на чужой пустоши и со временем вернулись бы хозяева ее, то они не имеют права разрушить дом или вырыть виноградники, но должны взять равноценный участок, где бы ни захотели. Если же отказался бы поселившийся или посадивший на чужом и не дал бы равноценного участка, то имеет право хозяин участка и виноградник вырыть и дом разрушить...

34. Если захвачен наемный пастух доящим скот тайком от хозяина его и продающим [молоко], пусть будет избит и лишен своей наемной платы...

37. Если кто-либо возьмет быка для работы и бык издохнет, то пусть обследуют сведущие люди [судьи]; и если он издох на той работе, для которой его спрашивали,— пусть будет не оштрафован [взявший быка]. Если же издох на другой работе, то пусть отдает вполне здорового быка...

41. Если кто-либо украдет быка или осла и будет уличен, отдаст его и все сработанное им...

44. Если кто-либо захватит в чаще леса быка, зарежет его и присвоит тушу его, то карается отсечением руки...

---

[1] *Мóрта* — арендная плата, равная $^1/_{10}$ урожая; *мортúт* — арендатор, уплачивающий морту хозяину земли.

46. Если какой-либо раб, желая совершить ночью кражу, угонит из загона овец и если они погибнут или будут съедены дикими зверями, то пусть будет казнен... как убийца...

59. Срубающий чужие плодоносные виноградные лозы или вырывающий [с корнем] подвергнется отсечению руки и ответит за убыток...

61. Входящие в чужие виноградники и смоковничные рощи ради потребления [плодов] будут безнаказанны. Если же ради покражи — будут высечены и лишены одежд...

64. Бросающие в гумно или стога огонь из вражеской мести пусть будут преданы сожжению...

66. Разрушающие чужие дома самовольно или делающие непригодной ограду, намереваясь огородить или построить свои, пусть подвергнутся отсечению руки...

79. Если кто-либо снял урожай в своем винограднике и в то время, когда на многих полях плоды еще не сняты, приведет свой скот, то получит 30 плетей и отдаст возмещение за ущерб потерпевшему...

81. Если кто-либо живущий в селении определил, что общинная земля [букв.: общее место] пригодна для сооружения мельницы, и займет ее и если затем после окончания сооружения сельская община [в вариантах: члены общины] заявит хозяину мельницы, что он присвоил себе общинную землю [букв.: общее место], пусть отдадут ему все причитающиеся платежи за издержки по устройству и станут сотоварищами с прежде сделавшим.

«Сборник документов по социально-экономической истории Византии», стр. 103—108.

2. ИЗ «ЭКЛОГИ»

Тех, которые поставлены исполнять закон, мы убеждаем и заклинаем воздерживаться от всяких человеческих страстей, но от здравого помысла выносить решения, не презирать нищего, не бояться обличить могучего, поступающего несправедливо... Сие да разумеют и сообразно с этим пусть поступают те, кои приставлены нашим благочестием судить тяжбы и которым вручены правильные меры благочестивых наших законов...

С этим мы надеемся восстановить древнее правосудие в государстве...

Так как господь Иисус Христос сказал: «Не судите на лица, но праведный суд судите», то справедливо воздерживаться от всякого взимания поборов. Всячески стараясь покончить злое стяжание, мы решили давать жалованье из нашей священной казны славнейшему квестору и писцам или секретарям и всем служащим по делам судебным с тем, чтобы они уже не брали ни с кого, кто судится у них.

«Хрестоматия », т. I, 1953, стр. 198—199.

3. ВОССТАНИЕ ФОМЫ СЛАВЯНИНА

О восстании Фомы Славянина приводятся два отрывка. Первый взят из анонимного «Продолжателя Феофана» — хроники в шести книгах, охватывающей период с 813 по 961 г. В этом отрывке говорится о характере и размахе восстания.

Второй отрывок взят из «Истории царств» Иосифа Генесия, который описывает период с 813 по 886 г. Этот отрывок повествует о поражении восстания после длительной борьбы и гибели Фомы Славянина.

1. В то время начавшаяся на Востоке междоусобная война наполнила вселенную разнообразными несчастиями и сократила число людей, так как отцы вооружились против сыновей, братья против своих единоутробных и друг против своего наилучшего друга. Зачинщиком всего этого был Фома, о котором сообщаются двоякого рода сведения... Одни, которым и я верю, на основании некоторых письменных документов говорят, что Фома происходит от незнатных и бедных родителей, притом славян, каковых часто можно было встретить на Востоке[1]. Погибая с голоду и ища себе счастья, он убежал в наш великий город... [Затем] он убежал к агарянам [арабам], и у них, заслужив их доверие соответственными делами в течение многих лет... сделался предводителем воинского отряда, вооружился против христиан и пообещал арабам покорить царство римлян под их руку. А чтобы, оказавшись среди римлян, не иметь препятствий и сделать всех своими соучастниками и готовыми рисковать жизнью за него, он выдавал себя за Константина, сына Ценны... А так как большие размеры предприятий и розовые надежды на успех требовали участия помощника в делах, то Фома усыновил себе приемного сына, которому дал достаточное войско и которого назвал Константином.

Другие же говорят, что именно этот Фома некогда был с Ворданием и был удостоен почестей от Льва, сделавшегося царем. Он командовал федератами и находился в Анатолийском округе [феме], когда услышал, что Михаил убил Льва; желая отомстить за смерть Льва (в то же время следуя своему личному чувству нерасположения к Михаилу, с молодых лет у них были нелады друг с другом)... Фома подымает против Михаила руку, имея на своей стороне людей всех возрастов, способных владеть копьем. Михаила ненавидели все и потому, что он принадлежал к злой ереси афинган[2], и потому, что, обладая заплетающимся языком, имел репутацию человека трусливого и изнеженного, а особенно потому, что и душа у него была такая же, как язык;

---

[1] У Генесия Фоме приписывается то скифское (стр 32), под которым можно понимать славянское, то армянское (стр. 8) происхождение, у других же хронистов X в. он назван ромеем

[2] *Афингáне* — все еще не вполне разгаданная секта в Малой Азии.

народ относился к нему с отвращением и считал его бременем для себя. Фома же, хотя и хромой и варвар по происхождению, имел почтенную седину и особенно был любим за то, что доступность и шутливая веселость, как это любит солдатская масса, были ему свойственны с юных лет, да и в физической доблести он не уступал никому. Итак, Фома, привлекши на свою сторону сборщиков казенных податей и постаравшись щедрыми раздачами подчинить себе массы, сделался из малого великим; ибо всех тех, кто имел охоту к перевороту и обогащению, он приводил на свою сторону убеждением и дружбой, а на всех тех, кто на собственном опыте узнал бедствия междоусобной войны, он действовал силой и не допускающим рассуждений приказом. Поэтому-то междоусобные войны и стали поить землю не водой, а кровью, прорываясь, как какие-нибудь Нильские пороги. Поэтому и рабы против господ, и воин против офицера... подняли разящую руку, и вся, можно сказать, Азия стонала под тяжестью несчастий, ибо одни города из страха передались Фоме, другие же, часто оказывая ему сопротивление и сохраняя верность царю, все-таки подчинились ему впоследствии под влиянием убийств и пленения граждан. На стороне Фомы оказалась (почти) вся Азия... Узнав об этом, агаряне сильно обрадовались и, воспользовавшись случаем, стали грабить беспрепятственно и без страха все области и острова.

Фома, опасаясь, как бы безнаказанность этих набегов не вызвала бунта в его собственном войске, принял военные меры к прекращению их и подтвердил заключенный ранее с арабами договор о том, что он подчинит им все царство римлян. Затем Фома коронуется и тогдашним патриархом антиохийским Иаковом провозглашается самодержцем: он собирает большое войско не только из соседних нам агарян, но даже и далеких от нас египтян, индийцев, персов, ассирийцев, армян, халдов, иверов, зихов, кавиров... Окружив себя ими и со всех сторон защитив, Фома счел за лучшее при новых порядках переменить имя и усыновить себе помощника.

«Хрестоматия..», т. I, 1953, стр 201—203

2. Мятежник, имея внутри города[1] недостаточно всадников, чтобы производить вылазки против врагов, часто беспорядочно высылал их против него. Но эти несчастные при этом больше страдали, чем добивались успеха.

Император же не подводил к городу осадных машин, опасаясь, как бы не убить кого-либо из прочих единоверцев и чтобы не показать скифам, как можно брать с помощью машин ромейские города; он знал, что голод и осада победят тирана.

И в самом деле. По прошествии длительного времени тиран стал испытывать нужду в необходимых для жизни средствах и

[1] Аркадиополь.

поэтому освободил город от всех лиц, бесполезных по возрасту и полу. Затем он стал уговаривать пробовать есть туши погибших от голода лошадей, испускавшие зловоние; а затем дошло до того, что стали есть шкуры и другие кожи. И, наконец, одни стали потихоньку пробираться через ворота, другие — через стены, привязываясь веревками, третьи сбрасывались на землю, разбиваясь, и обещали соблюдать верность императору. Были и такие, которым удалось получить прощение и приют у Анастасия, самозванного сына тирана, к которому они добрались и который оставался в городе Визе, рассчитывая с их помощью вести войну с императором, чтобы предоставить мятежнику путем сражения возможность более легкого бегства.

Но когда император подошел к находившимся в городе с речью, клятвенно обещая предать забвению прегрешения против него, они восстали против тирании и, схватив тирана, отвели его к императору. Император с радостью попрал его шею ногами и приказал отнять у него обе руки, ноги и, сверх того, посадить его на кол. Несчастный, терпя мучения, воззвал громко: «Смилосердствуйся надо мной, о истинный император». Когда же он был спрошен императором — есть ли у него тайные единомышленники, разделяющие его безумие, он быстро указал ложно на многих из друзей императора. Но Иоанн... из патрикиев, возразил на слова тирана, сказав императору, что не следует о друзьях верить врагам. И вот тиран так несчастно закончил жизнь уже в середине октября месяца. Сразу же и те, которые были в Визе, после того как они узнали о гибели мятежника, связали руки и ноги Анастасию и привели его к императору; Анастасий был присужден к той же каре, что и его самозванный отец.

«Сборник документов по социально-экономической истории Византии», стр 119—120.

4. ИЗ НОВЕЛЛЫ 934 г. ИМПЕРАТОРА РОМАНА I ЛАКАПИНА (919—944) ПРОТИВ ДИНАТОВ О ПРАВЕ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОЙ ПОКУПКИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ОДНОСЕЛЬЧАНАМИ

Новелла Романа I, подтверждая его закон от 922 г., призвана была защитить земли общинников от посягательств знатных. Она запрещала производить продажу или отчуждение земельных участков в пользу тех лиц, которые не принадлежали к данной сельской общине, и объявляла недействительной произведенную во время голода 927 г. скупку земли динатами у бедных. Новелла была издана после ряда восстаний неимущих слоев населения.

...Если вследствие каких-либо обстоятельств представится необходимость или появится собственное желание у владельца продать всю свою землю или часть ее, то пусть покупка будет предложена жителям того же селения или соседних полей или селений. Мы постановляем это не из ненависти или зависти к силь-

ным, но из благорасположения к бедным, ради их защиты и ради общего блага. Ибо те, которые получили от бога власть и возвысились над толпой славой и богатством, т. е. вместо того чтобы, как это следовало бы, взять на себя попечение о бедных, смотрят на них как на свою добычу и досадуют, что не могут поскорее схватить ее... Итак, пусть никто впредь из высших и низших чинов гражданских, военных и церковных — ни сам собой, ни при помощи какого-либо посредствующего лица — не осмеливается вступить посредством покупки, дара или каким другим путем в какое-либо селение или деревню, покупая его земли в целом или хотя бы даже часть, так как всякое такого рода приобретение будет считаться недействительным и самое имущество со всяки-ми улучшениями — подлежащим безвозмездному возврату прежним владельцам или их наследникам или же, в случае неимения таковых, жителям того же самого селения или имения...[1]

Злоупотребление властью со стороны таких лиц, являющихся в села со множеством мистиев[2], рабов и всякого рода спутников, не только увеличивает тяготы бедных и ведет за собой восстания, преследования, барщину, притеснения, вымогательства, но, как это поймет каждый способный прямо смотреть на вещи, служит к непосредственному и немалому государственному ущербу и вреду. Потому что именно крестьянское землевладение удовлетворяет двум существенным государственным потребностям, внося казенные подати и исполняя воинскую повинность. То и другое должно будет сократиться, если сократится число крестьян... Недавнее общественное бедствие[3], наведенное на нас изменчивостью времен или, скорее, посланное нам в наказание за наши грехи, для многих было только удобным случаем для собственного обогащения. Вместо того чтобы проявить по отношению к бедным, страдающим от голода, человеколюбие или сострадание, они спешили деньгами, или хлебом, или какими-либо другими выдачами купить по дешевой цене земельные участки несчастных. Они обнаружили большую жестокость, чем сама постигшая бедных горькая нужда...

Итак, кто из знатных, находящихся под вышеуказанным запрещением, после 1-го индикта[4], т. е. после начала или конца голода, завладел целиком или частично участками в селах, получив обратно уплаченную ими цену, должны быть удалены оттуда или первоначальными владельцами, или их наследниками и родственниками, а за отсутствием их — соучастниками в уплате повинностей или целой общиной.

Там же, стр. 157—159.

---

[1] Здесь новелла перечисляет чиновных и сановных лиц, светских и духовных, притесняющих бедных.

[2] Наемные работники, часто оказывавшиеся в положении несвободных.

[3] Неурожаи и голод 927 и последующих годов.

[4] *Индикт* — период в 15 лет, здесь имеется в виду 928 г.

5. ИЗ НОВЕЛЛЫ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА VII (913—959) О ВОИНСКИХ УЧАСТКАХ

Окруженная сильными врагами, Византийская империя нуждалась в боеспособной армии. Между тем многие владельцы воинских участков разорялись и не могли нести воинскую повинность. Поэтому указ предписывает закрепить за воинами их наделы как материальную основу их существования. Земельные участки воинов, согласно установленным нормам, должны были иметь определенную ценность, и их нельзя было продавать.

Как в теле голова, так в государстве войска: от того или иного состояния их неизбежно меняется все, и кто не прилагает большой заботы о них, тот грешит против собственного благополучия, если только можно считать общее благо своим, а так как с течением времени имущества воинов, дававшие им средства к существованию и жизни, расстроились, то наше царство привело их в лучшее положение в интересах общей пользы.

1. Итак, мы постановляем уже раньше неписанным обычаем утвержденное: именно, что воинам нельзя продавать имения, с которых они отправляют воинскую службу, но для каждой службы должно сохраняться недвижимое имущество в 4 литры для всадников... Итак, если такое недвижимое владение имеют люди, внесенные в список той или другой военной службы, то они и должны сохранять неотчуждаемым участок и передавать его наследникам каким угодно законным путем, но вместе с лежащей на нем повинностью. Воинский участок не может быть передан ни по наследству, ни по завещанию лицам, характер или положение которых несовместимы с военной службой, т. е. лицам сановным.

Если же имение при переходе по наследству подвергается разделу на неравные доли, то обязанность должна распределяться сообразно с количеством земли, какое получит каждый, т. е. владельцы должны складываться и сообща ставить одного вооруженного человека.

Там же, стр 160—161.

6. НОВЕЛЛА ИМПЕРАТОРА НИКИФОРА II ФОКИ. 964 г.

О том, чтобы не строились новые монастыри и богадельни и чтобы богоугодные дома не расширяли своих имений

Новелла запрещает передавать земли монастырям, церквам и священникам, а также основывать новые церковные учреждения. Издание этого закона было продиктовано защитой светских феодалов, поскольку рост земельных богатств церкви нарушал их интересы.

Наблюдая теперь совершающееся в монастырях и других священных домах и замечая явную болезнь (так я называю жадность), которая в них обнаруживается, я не могу придумать, каким врачеванием может быть исправлено зло и каким наказанием я должен преследовать безмерное любостяжание. Кто из святых отцов учил этому и каким внушениям они следуют, дошедшие до такого излишества и до такого безумия? Каждый день они стараются приобретать тысячи плефров[1] земли, строят роскошные здания, разводят превышающие всякое число табуны лошадей, стада волов, верблюдов и другого скота, обращая на это всю заботу своей души, так что монашество уже ничем не отличается от мирской жизни со всеми ее суетными заботами...

Когда я посмотрю на тех, которые дают обет монашеской жизни и переменой одежды как бы знаменуют свое отречение от мира, и вижу, как они обращают в ложь свои обеты и как противоречат поведением своему постригу, то я не знаю, не следует ли скорее назвать все это пустым театральным представлением, придуманным для осмеяния имени христова. Не апостольская это заповедь, не отеческое предание — приобретение многоплефровых громадных поместий и множество забот о плодовых деревьях. Это не соответствует строгим требованиям добродетельной жизни, но скорее есть дело телесной нужды, причем более духовное уступает место более мирскому: нужда и потребность с течением времени обратились в неумеренность, как обыкновенно все дурное, начавшись от малых начал и источников, превращается потом в большое зло...

Вследствие этого, желая с корнем вырвать зло этого славолюбия, мы повелеваем, чтобы желающие быть благочестивыми и совершать дела пользы и человеколюбия следовали заповедям Христа и, продавая имение, раздавали цену его нищим... Если же есть между ними такие, которые из любви к прекрасному и высокому... хотят устраивать монастыри, странноприимные и сиротские дома, то никто им в этом не будет препятствовать...

Внушая и постановляя все это, я знаю, что для многих слова мои покажутся тяжкими и несогласными с их образом мыслей. Но я о том не забочусь, так как, по апостолу Павлу, я хочу угождать не людям, а богу... Кто имеет ум и смысл и привык смотреть не на одну только поверхность, но способен идти далее и проникает в глубь вещей, для того будет ясно, что мы произнесли решение, полезное для всего общества.

«Хрестоматия ..», т. I, 1953, стр. 205—207.

---

[1] *Плефр* — около 930 кв. метров.

7. ИЗ НОВЕЛЛЫ ИМПЕРАТОРА ВАСИЛИЯ II БОЛГАРОБОЙЦЫ (996 г.). «ОБ ОТМЕНЕ СОРОКАЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ»

Новелла Василия II, отмечая факт сосредоточения земель в руках богатых, предписывает возвратить законным владельцам отнятые у них участки без учета срока давности их приобретения и без всякого вознаграждения. Тем самым отменялись права властелей, основанные на 40-летней давности [1].

Новелла преследовала те же цели сохранения свободного крестьянского землевладения. Она подрывала экономическую мощь властелей, опасность которых для себя прекрасно понимал император Василий II.

С тех пор как мы получили самодержавную власть и принялись разбирать дела между богатыми и бедными, мы увидели, что властели, страдая страстью приобретения, находят явное поощрение своей страсти в сорокалетней давности и стараются то посредством подарков, то посредством имеющейся у них силы миновать как-нибудь этот срок и затем получить уже полное право собственности над тем, что они вымогательством приобрели от бедных. Желая исправить уже происшедшее зло и поставить в должные границы нынешних властелей и воспрепятствовать будущим следовать по тому же пути, мы издаем настоящий закон, после которого они будут знать, что уже не найдут в этой сорокалетней давности никакой помощи, но что чужое будет отбираемо не только у них самих, но и у детей их или у тех, кому они оставят свое имущество... Совершенно ясно, что только в таком случае будут обеспечены интересы бедного, если ему предоставлено будет право, сколько бы ни прошло времени, беспрепятственно отыскивать и получать обратно свою собственность. Если мы этого не сделаем, то мы дадим обидчику повод говорить: «Я теперь благоденствую, и бедный не может со мной тягаться; если же и мой сын будет благоденствовать и в таком нашем благосостоянии пройдет все определенное законом время, то приобретенное нами превратится в неотъемлемое наше достояние, и, значит, корыстолюбие мне полезно».

Явный пример тому — род Малеинов и род Фокадов. Ибо патриций Константин Малеин, а потом сын его, были властелями и в продолжение ста или даже 120 лет пользовались благосостоянием. А Фокады еще большее время, так как их дед, потом отец, а затем сыновья этого последнего сохраняли, можно сказать, беспрерывно до нашего времени свое преобладание...

Вследствие того настоящим законом определяем: имения, приобретенные властелями в сельских общинах до первого за-

---

[1] По закону 967 г Никифора Фоки за властелями (крупными землевладельцами) по истечении 40-летней давности закреплялись земли, приобретенные ими у крестьян до голода 927 г. Этот закон брал крупных землевладельцев под защиту.

коноположения Романа Старшего [т. е. ранее 928 г.], если притом приобретение может быть доказано письменными документами или достаточными свидетелями, должны оставаться собственностью властелей, подлежащей законной охране, как это установлено и в старых законах. Письменные документы и достаточные свидетельские показания должны быть предоставляемы для того, чтобы властели, по своей хитрой изворотливости, не стали выставлять свои недавно приобретенные имения принадлежащими им с давнего времени тоже на основании письменных актов. А с тех пор [с 928 г.] и до настоящего времени... (996 г.) и далее впредь... давность уж не имеет никакого значения, и ни в каком случае действие ее не может быть направляемо против бедных, когда они имеют спор с богатыми...

«Сборник документов по социально-экономической истории Византии», стр 163—164.

8. ДИНАТЫ (IX в.)

Гл. 73. Скажу, как он[1] выполнил и вознаградил тех, кто оказал услугу императору, когда он находился еще в скромном состоянии, как он не забыл о них и их просьбах в дни своей славы. К ним относится прежде всего настоятель монастыря... и госпожа Даниэлида из Пелопоннеса, которым он воздал свыше их ожиданий.

Что касается... [Даниэлиды], то... она имела пламенное желание увидеть императора и ... через его благодеяния и ласковый прием достигнуть больших почестей. С соизволения императора она торжественно, с большой свитой, в сопровождении большого количества слуг прибыла в столицу. Она не могла, а может быть и не хотела ехать ни в экипаже, ни на лошади, изнеженная роскошью вследствие большого богатства. Поэтому, возлежа на носилках, она приказала нести себя в столицу тремстам отобранным для этого сильным юношам. Партия в десять человек несла носилки; поочередно они сменяли друг друга. Так был совершен путь от Пелопоннеса до столицы. Прием ей был устроен в Магнаврском дворце, как это обычно делают императоры ромеев только тогда, когда намереваются принять кого-либо из знатнейших и начальствующих лиц чужеземных народов. Ей был устроен императором исключительно торжественный и блестящий прием. Она, со своей стороны, принесла ему такие дары, какие до этого никогда ни один из царей чужеземных народов не приносил императору ромеев. Среди них было пятьсот рабов, из которых сто красивейших — евнухи ... Были также ею подарены сто женщин-ткачих, сто разноцветных сидонских материй... двести прекрасных льняных хамалий и другие ткани, тоньше паутин-

[1] *Император Василий.*

ных нитей, так что каждый отрез подобной ткани можно было поместить внутри тростниковой палки, и таких сто, а затем много разнообразных дорогих золотых и серебряных сосудов...

Она щедро присоединила к перечисленным дарам не малую часть Пелопоннеса, которой владела на правах собственности, и охотно отдала сыну и императору. Пробыв в великом этом городе столько времени, сколько ей хотелось ... она вернулась в собственную землю, как некая госпожа и царица над тамошними жителями. В то время строился ... прекраснейший и чтимый храм ... Измерив его внутреннее пространство, женщина эта велела выткать и прислала громадные ковры, достойные удивления своей величиной и красотой, чтобы покрыть весь пол, составленный из различных ценных камней наподобие мозаичного, в подражание красоте и разнообразию цветов павлина. И затем ежегодно, пока жил император, она посылала дары не меньше принесенных...

[Дальше в документе говорится, что, умирая, Даниэлида завещала все свое состояние императору и просила его прислать поверенного, чтобы переписать ее имущество.]

[Поверенный], посланный выполнить все, что желала и требовала старуха, прибыв в город Навпакт, узнал от ... ее внука, что она уже покинула эту жизнь. Придя в дом ее и взяв в руки экземпляр завещания, он сделал все сообразно ее воле и распоряжению. Нашел огромное количество золота в чеканной монете и прочего имущества в золотых и серебряных сосудах, одеждах, меди, рабах, скоте, в размерах, превышающих всякое частное богатство и почти не уступающих богатству владетельных особ...

Императору, как наследнику, кроме прочего имущества, она оставила восемьдесят имений.

Там же, стр. 167, 168.

ТЕМА.

КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ

1. ОПИСАНИЕ АЛЕКСАНДРИИ

Отрывок взят из памятника «Полное описание мира» (350 г.). Автор, купец, побывавший в Александрии, рассказывает о жизни этого крупнейшего торгового и культурного центра Средиземноморья, в котором процветали философия, медицина и другие науки.

§ 35. Александрия — город весьма большой, замечательный по расположению, изобилующий всяким добром и богатством продуктов. [Город этот] питается рыбой из трех источников, чего не имеют другие провинции, — речной, озерной и морской рыбой. В нем изобилуют пряности, ароматы и другие варварские товары, так как за Фиваидой имеются народы индусские, и Алек-

сандрия, получая все, стоит над всем. Богам там преданно поклоняются, там находится храм Сераписа, единственное, невиданное зрелище в мире; нигде в мире нельзя найти ни такого здания, ни расположения храма, ни ритуала...

§ 36. Ко всем своим преимуществам Александрия имеет еще одно — то, что не производится нигде, кроме Александрии и ее области, без чего ни правосудие, ни частные дела не могут осуществляться и без чего самая природа человеческая не может существовать. Что же это, что нами так восхваляется? Папирус, который выделывает Александрия и рассылает по всему миру и всем предоставляет этот полезный товар, которым она одна из всех городов и провинций обладает, но без зависти предоставляет свое добро [другим]. Она обладает больше прочих провинций благами Нила. Река Нил, растекаясь летом, орошает всю землю и приготовляет ее к посеву, жители ее засевают и получают большое благословение: на одну меру сто, сто двадцать мер. И так земля дает каждый год и приносит пользу и другим провинциям. Ибо Константинополь Фракийский большей частью кормится ею [Александрией]; подобным же образом и восточные области, которые не могут быть удовлетворены другими провинциями, а только божественным Египтом...

Там же, стр 19.

2. РОСКОШЬ СТОЛИЦЫ

Дни проходили, и наступил день, когда намеревались окрестить нового царя Феодосия. Весь город был в венках и украшен шелком... и парчой... и всяческими другими украшениями, так что невозможно описать красоту города. Также можно было видеть, как сменялись волнующиеся толпы жителей в разнообразных и разноцветных одеждах. Моих возможностей недостает, чтобы описать великолепие того украшения, а это следует предоставить искусным в слове.

Там же. стр 21.

3. ПРИДВОРНЫЙ ЦЕРЕМОНИАЛ

Прием Лиутпранда, посла итальянского короля Беренгара, в Константинополе в 949 г.

Автор документа рассказывает о том торжественном и пышном церемониале, к которому прибегали византийские императоры при приеме иностранных послов, чтобы создать у них представление о мощи империи и тем самым подкрепить свой авторитет.

В Константинополе к императорскому дворцу непосредственно примыкает зала изумительного великолепия и красоты, у греков называемая Магнавра или Золотая палата. Император Константин велел привести ее в порядок для приема прибывших од-

новременно со мной послов испанского халифа и Лиутфреда, богатого купца из Майнца, который тогда был послан германским императором. Перед троном императора стояло медное, но позолоченное дерево, ветви которого наполняли разного рода птицы, сделанные из бронзы и также позолоченные. Птицы издавали каждая свою особую мелодию, а сиденье императора было устроено так искусно, что сначала оно казалось низким, почти на уровне земли, затем несколько более высоким и, наконец, висящим в воздухе. Колоссальный трон окружали, в виде стражи, медные или деревянные, но во всяком случае позолоченные львы, которые бешено били своими хвостами землю, открывали пасть, двигали языком и издавали громкий рев. Я оперся на плечи двух евнухов и так был приведен непосредственно перед его императорское величество. При моем появлении заревели львы, и птицы запели каждая свою мелодию. Я же не испытал ни страха, ни удивления, так как еще раньше был осведомлен некоторыми знатоками о всех этих вещах. После того как я, согласно обычаю, в третий раз преклонился перед императором, приветствуя его, я поднял голову и увидел императора в совершенно другой одежде почти у потолка залы, в то время как только что видел его на троне на небольшой высоте от земли. Я не мог понять, как это произошло: должно быть, он был поднят наверх посредством машины. Он не произнес ни слова, а если бы и хотел произнести, то такой перерыв церемониала считался бы в высшей степени неприличным. О жизни и здоровье Беренгара меня спросил логофет. Ответив ему по обычаю, я покинул залу аудиенции и отправился назад в свою гостиницу.

«Очерки по истории Византии», вып. II, СПб., 1912, стр. 41—42.

4. ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ ВЕНИАМИНА ИЗ ТУДЕЛЫ, ПОСЕТИВШЕГО КОНСТАНТИНОПОЛЬ В ДЕКАБРЕ 1171 г.

К этому документу следует подходить критически. Несмотря на то что торговля и ремесло по-прежнему процветали в Византийской империи, ее население не могло быть так богато, как описывает автор.

Константинополь — столица всей земли ... греков. И там резиденция императора Мануила. Двенадцать князей-правителей под властью его, и у каждого есть дворец в Константинополе, также есть у них замки и города, и они правят всей страной. А во главе их правитель эпарх, второй — великий доместик, третий — владыка, четвертый — великий дука, пятый — великий эконом, и прочие ... Окружность города Константинополя равна 18 милям. Половина города окружена морем, а другая — сушей. Он расположен между двумя рукавами моря или величайших водных по-

токов, из которых один вытекает из Руссии, второй из Испании. Сюда приходят купцы из земли Вавилонской из Месопотамии, Персии, Мидии, всех царств земли Египетской, из земли Ханаанской [Палестины], Руссии, Венгрии, земли печенегов, Хазарии, Ломбардии и Испании. В него стекаются для торговли со всех стран, морем и сухим путем, это шумный город; нет подобного ему ни в одной стране, за исключением Багдада, этого величайшего города, который принадлежит измаильтянам. Там есть храм святой Софии, и там живет греческий папа, потому что они не подчиняются римскому папе. В этой церкви столько алтарей, сколько в году дней. Его богатства без числа, в него ежегодно приносят дань с двух больших островов и находящихся там замков и городов. Ни в одном из храмов мира нельзя встретить богатства, подобного этому. Внутри храма колонны и лампады из золота и серебра в таком количестве, что человек не может сосчитать. Там возле стены дворца есть место развлечения царя, называемое ипподромом. Ежегодно в день рождества Иисуса царь устраивает там великие зрелища. В присутствии царя и царицы даются представления (при помощи волшебства и без него), выводятся всевозможные люди. Выводят львов, леопардов, медведей и диких ослов одних на других и обычно также птиц, и ни в одной земле нельзя видеть подобного увеселения.

Царь Мануил построил большой дворец для своей резиденции на берегу моря, помимо тех, что были построены его предками, названный Влахерны. Стены и колонны он покрыл золотом и серебром и изобразил на них как бывшие до него сражения, так и те, в которых сам участвовал. Он устроил престол из золота и украсил драгоценными камнями; над ним на золотой цепи висит золотая корона над самым сиденьем, находящимся под ней. И в ней жемчужины такой цены, которую человек не может определить, свет от этих жемчужин так силен, что делает излишним ночное освещение. Никто не сможет перечислить сооружения, которые там находятся. Со всей греческой земли ежегодно приносят сюда подать, башни наполняются золотом, шелковыми и пурпуровыми тканями, и ни в одной стране не найдешь таких зданий и с такими богатствами.

Говорят, что доходы одного этого города со сдачи в наем лавок и рынков и от пошлины с торговцев, прибывающих морем и сухим путем, доходят ежедневно до 20 тысяч золотых монет. Населяющие эту страну греки очень богаты золотом и жемчугом, ходят разодетыми в шелковые платья, вышитые золотом, ездят на конях, подобно княжеским детям.

Эта страна обширна и изобилует всеми плодами, а также хлебом, мясом и вином, так что ни одна страна не сравняется с ней по богатству. Жители знакомы со всей греческой литературой, живут спокойно и счастливо.

Для войны с турецким султаном они нанимают военных лю-

дей из различных народов, так как у них нет военного мужества: они подобны женщинам, у которых отсутствует сила военного сопротивления.

«Сборник документов по социально-экономической истории Византии», стр 213—214.

5. «КНИГА ЭПАРХА»[1]

«Книга эпарха» — ценнейший памятник Византии IX — начала X в. Это сборник постановлений, относящихся к ремесленным и торговым корпорациям Константинополя. В книге говорится о серебрениках (ювелиры), банкирах (менялы), торговцах различными товарами, хлебопеках, трактирщиках, подрядчиках и др. Документ знакомит с организацией, жизнью и бытом торговцев и ремесленников Византии. Здесь приводятся лишь отдельные положения из этого памятника.

I. О табуллариях (нотариусах)

§ 1. Кто желает быть принятым в число табуллариев, тот должен быть избран голосованием и подвергнут испытанию... чтобы определить, обладает ли он необходимыми познаниями в законах, владеет ли он искусством письма в большей мере, чем другие, к тому же не болтлив ли он, не заносчив ли ... требуется, чтобы он был также благочестивым по нраву, чистым в помышлениях, образованным, рассудительным, владел бы правильной речью и умел точно выражать мысли, чтобы, таким образом, он мог бы легко отличить подлоги в документах и двусмысленные выражения, вводимые в текст соглашений с целью обмана. И если кто-либо будет уличен, что при приеме в корпорацию обошел требуемые законом условия и постановления, то несут ответственность также и те, кто за него свидетельствовал.

II. Об аргиропратах (серебрениках, то есть ювелирах)

1. Мы постановляем, чтобы аргиропратам было позволено, когда их к этому пригласят, покупать те товары, которые относятся к их профессии, как золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни. Они не могут покупать ни медь, ни льняные ткани и вообще товары, торговля которыми принадлежит другим. Если же они желают купить что-либо для собственного употребления, то в этом пусть не встречают препятствия.

2. Они не должны, во вред продающим, показать цену продаваемого выше или ниже должного, но давать справедливую оценку. Если в этом деле кто-либо действует недобросовестно, он платит покупателю сумму, равную произведенной им оценке..

5. Кто подделывает нечеканное серебро, чтобы пускать его в работу и продавать, будет наказан отсечением руки.

---

[1] *Эпáрх* — высший чиновник, своего рода градоначальник Константинополя, ведавший судом, политикой, ремеслами и торговлей города.

VII. О катартариях (ремесленниках, очищающих шелк-сырец и производящих пряжу)

§ 1. Те, которые очищают шелк, могут покупать шелк-сырец, привозимый из-за границы, лишь в количестве, какое могут обработать; если же будут уличены в том, что продают его в необработанном виде или же, тайно входя в соглашение с богатым лицом, покупают и закладывают сырец, будут подвергнуты ударам плетьми, остриженю волос и лишены права заниматься ремеслом...

§ 5. Катартарии, желающие покупать шелк-сырец для обработки, должны сначала записаться у эпарха, притом (представить свидетельские показания), что они не являются рабами, не слишком бедны и не имеют о себе дурную славу, но что они принадлежат к числу почтенных людей. Это делается, чтобы шелк-сырец не распылялся по слишком мелким частям, чтобы не расходился по неизвестным путям использования и чтобы не попадал в руки людей посторонних и неучтенных.

§ 6. Если же кто из катартариев будет уличен в том, что в кабаке пропивает сырец, или же что он совершает противозаконное, или же если это болтливый человек, ругающийся «лошадиной бранью», и смутьян, такой катартарий будет подвергнут побоям и с позором изгнан из коллегии, чтобы не распродавал (шелка-сырца).

XXII. О лицах, берущих на себя выполнение работы, т. е. столярах, лепщиках по гипсу, работниках по мрамору, слесарях, малярах и остальных

§ 1. Лица ручного труда, т. е. столяры, работники по мрамору и гипсу и прочие, не должны бросать ту работу, о которой условились и за которую получили задаток; они не имеют права переходить на другую работу, пока полностью не закончат первую. Если же произойдет остановка в работе вследствие недостатка материала или по недобросовестности работодателя, когда работнику не будет предоставляться все необходимое для окончания дела, тогда работник, какой бы он ни был специальности, должен сделать словесное заявление лично работодателю или же послать ему засвидетельственное сообщение. Если же тот медлит с разрешением дела, то надлежит пожаловаться эпарху, и тогда, после расследования им дела, работник может приняться за другую работу...

§ 4. Те, кто возводит стены, внутренние арки... должны использовать все меры предосторожности и всю свою опытность, чтобы фундамент не оказался непрочным или чтобы постройка не получилась кривобокой или с неравными сторонами. Если зда-

ние обрушится в течение десяти лет не вследствие господнего гнева, то строитель должен восстановить это здание на собственные средства ...

«Византийская Книга эпарха». Пер М Ю. Сюзюмова М, 1962, стр. 45—71.

6. ШЕЛК В ВИЗАНТИИ

Отрывок из книги Прокопия Кесарийского «Война с готами»

В это время некоторые монахи, придя из Индии, узнали, что царь Юстиниан озабочен тем, чтобы римляне больше не покупали шелк-сырец от персов: явившись к царю, обещали устроить дело с шелком так, что римляне на будущее время не станут больше покупать его у своих врагов персов или у другого какого-либо народа. Ибо они провели долгое время в стране, называемой Сиринда, где много проживает индийских племен, и здесь точно разузнали, каким путем возможно производить шелк в земле римлян. На расспросы царя, верны ли эти слова, монахи говорили, что шелк производят черви; сама природа учит их этому и заставляет работать. Перенести этих червей сюда живыми невозможно, но перенести их зародыши совершенно легко; яйца этих червей бесчисленны. Эти яйца, много времени спустя после их зарождения, люди покрывают навозом и, согрев их достаточное время, оживляют. Царь убеждает монахов делом подкрепить их слова, пообещав богато одарить их. Они, побывав опять в Сиринде, перенесли в Византию яйца и, обратив их в червей тем способом, какой выше указан, выкормили их листьями тутового дерева. И с этих пор они установили производство шелка-сырца в стране римлян.

«Хрестоматия ..», т. I, 1953, стр 189—190

7. ЯРМАРКА В ФЕССАЛОНИКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.

Празднество в честь Димитрия здесь (в Фессалонике[1]) играет такую же роль, как в Афинах Панафинеи и у Милетян Панионии. У македонян это важнейшее празднество. Сюда стекается не только множество людей из этого племени и этой земли, но сюда отовсюду собираются эллины, затем различные племена мизян, обитающие вплоть до Дуная и до границы скифов, жители Кампании, Италии, Иберии, Лузитании и страны кельтов по ту сторону Альп, и, короче сказать, все берега океана посылают к мученику благочестивых поклонников и просителей. Так велика его слава повсеместно по всей Европе. Я же, как каппадокиец,

[1] *Ныне г. Салоники.*

живущий за границей, никогда раньше не участвовавший в празднестве и знавший о нем только понаслышке, решил устроиться так, чтобы видеть перед глазами все зрелище и чтобы ничто не ускользнуло от моего взора. Ради этого я поместился на господствующей над местом праздника возвышенности и, усевшись там, мог рассматривать все не спеша. Здесь мне представилось следующее зрелище: палатки с товарами были разбиты ровными рядами друг против друга. Образованные таким образом длинные улицы давали достаточно простора для проходящих по ним толп людей. Глядя на их густоту и порядок расположения, можно было бы сказать, что это линии, проводимые шнуром на дальнее расстояние с противоположных точек. Поперек к ним примыкали другие ряды палаток... И это было поистине замечательное зрелище. То, что в действительности было двумя рядами палаток, вследствие густоты их расположения и правильного порядка, напоминало зрителю одно живое существо. Казалось... переулки представлялись его щетинками...

Если же ты спросишь меня, мой любопытный друг, что было внутри лавок, когда я позднее спустился с возвышенности, чтобы рассмотреть все поближе, то представь себе все виды товаров, все, что может быть изготовлено мужской и женской рукой из тканей и пряжи; все, что привозится из Беотии и Пелопоннеса, и все, что торговые суда привозят эллинам из Италии. Но много товаров доставляет и Финикия, и Египет, Испания, и Геркулесовы столпы, где изготовляются лучшие ковры... Эвксинский же Понт посылает свои произведения сначала в Византию и тем способствует со своей стороны торжественности великого праздника, так как оттуда товары во множестве доставляются сюда лошадьми и мулами. Все это я увидел, когда спустился. Но когда я сидел еще на своем холме, я удивлялся разнообразию и множеству животных, и их смешанный рев оглушал мои уши: лошади ржали, быки ревели, овцы блеяли, свиньи визжали, а собаки лаяли, так как и они сопровождают своих хозяев, защищая их от волков и воров.

«Сборник документов по социально-экономической истории Византии», стр. 212—213.

ГЛАВА III.

Арабы в VI—XI вв.

ТЕМА.

АРАБСКИЕ ПЛЕМЕНА В VI — VII вв. И ИХ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Это очень сложная тема, включающая также рассказ об исламе и о святынях в Мекке. История Мекки проходит через тему дважды — в вопросе о торговых путях и в вопросе о возникновении мусульманства. Поэтому первый документ посвящен именно ей. Здесь содержатся также сведения о занятиях населения и природе Аравии. Спор Мухаммеда с приверженцами доисламской религии отражен в документе 2. Он свидетельствует, что «посланник аллаха» воздействовал на слушателей отнюдь не доводами логики и разума, а прямой проповедью возможного счастья, столь не хватавшего обездоленным.

Документ 3 показывает, что распространение ислама среди арабов шло не безболезненно и сопровождалось столкновениями. О сравнительно льготных условиях жизни для лиц, перешедших в ислам, по сравнению с испытывавшимся ими прежде гнетом повествует документ 4.

В документе 5 приведены отдельные главы из корана. Таким образом, последние четыре документа иллюстрируют один и тот же вопрос, наиболее трудный в теме, — о возникновении и распространении мусульманства.

1. ИБН-ХОСРОВ. «САФАР-НАМЭ»

Это отрывок из сочинения таджикско-персидского поэта ибн-Хосрова (полное имя: Абу-Муин Насир ибн-Хусрау ибн-Харис) «Сафар-намэ» («Книга о путешествии»). Выдающийся литератор своего времени, он совершил в 1045—1052 гг. паломничество в Мекку, после чего описал встречавшиеся ему по дороге города и страны.

Мекка

...Это город, лежащий на краю пустыни; земля там влажная и покрыта солончаками. Проточная вода есть, но ее мало. Там есть плантации финиковых пальм.

...От Мекки до Медины 100 фарсахов [1], но дорога каменистая, и мы шли восемь дней. В воскресенье 24 мая 1047 г. мы вступили в Мекку и остановились около ворот Баб-ас-Сафа. В тот год в Мекке был недород и четыре мена [2] хлеба продавали за один

[1] *Фарса́х* — расстояние, проезжаемое на спокойно идущем муле за час.
[2] *Мен* — неопределенная мера веса на 1 сумку.

нишапурский динар. Муджавиры[1] покинули Мекку, и ниоткуда не прибыло паломников.

...Этот год из Магриба[2] прибыл огромный караван, и, когда он возвращался обратно, бедуины у ворот благородного города Медины потребовали с паломников уплаты денег за право свободного проезда. Между ними началась схватка, было убито более 2000 магрибинцев.

У самого подножия Мервэ есть базар, где 20 лавок друг против друга: все они заняты цирульниками, которые бреют головы паломникам.

...Я подсчитал, что в Мекке коренных жителей тысячи две, не больше. Все остальные, около 500 человек, — приезжие и муджавиры. В тот год там был недород, 16 мен пшеницы стоили один магрибинский динар, и много народу покинуло город.

В Мекке были дома для жителей каждого города: Хорасана, Мавераннахра, Ирака и других областей, но большая часть их разрушилась и лежала в развалинах.

Багдадские халифы выстроили там много богоугодных заведений и красивых зданий, но в то время, когда я был там, некоторые из них развалились, а другие обращены в частную собственность.

...Климат в Мекке чрезвычайно жаркий. В конце января я видел там свежие огурцы, бадренги и баклажаны... В конце марта старого календаря поспел виноград, его начали привозить из деревень в город и продавать на базарах. В середине апреля появились в обилии дыни, все плоды там есть даже зимой и никогда не прекращаются.

«Хрестоматия...», т. II, 1963, стр. 238—239.

2—3. ИБН-ИСХАК. «ЖИТИЕ ПОСЛАННИКА БОЖЬЕГО»

Два нижеследующих отрывка заимствованы из книги «Житие посланника божьего» — наиболее ранней биографии Мухаммеда, написанной на основе народных преданий в середине VIII в. арабом ибн-Исхаком. В IX в. биография подверглась переработке и была дополнена новыми подробностями, возвеличивающими Мухаммеда.

Отрывок I

Ислам стал распространяться в Мекке среди мужчин и женщин из курейшитских родов. Курейшиты[3] же заключали в тюрь-

---

[1] *Муджавиры* — здесь употреблено в смысле «прорицатели», «истолкователи воли аллаха».

[2] *Магриб* — западные арабские страны Северной Африки (в настоящее время — Марокко, Алжир, Тунис).

[3] *Курейшиты* — племя в Хиджазе, которому принадлежали ключи от Каабы.

му тех мусульман, над которыми они имели власть, и отвращали от веры того, кого могли.

Затем знатные курейшиты всех племен собрались после заката солнца у задней стороны Каабы. Они сказали друг другу: «Пошлем за Мухаммедом: поговорим с ним и поспорим, насколько это будет в наших силах». Они послали сказать ему, что, мол, предводители твоего народа собрались, чтобы поговорить с тобой: так приходи к ним. Мухаммед пришел поспешно, думая, что они хотят послушать проповедь его; а он все время стремится к этому, желая обратить их в истинную веру и скорбя о заблуждениях их. Когда он сел с ними, они сказали ему: «Мухаммед, мы послали за тобой, чтобы поговорить с тобой. Мы не знаем никого из арабов, кто бы навлек на свой народ то, что ты навлек на свой народ; ты поносил отцов наших, унижал веру нашу, хулил богов наших, называл безрассудным благоразумие наше и внес раскол в общину нашу. Не осталось ни одного скверного поступка, который ты не совершил бы по отношению к нам. Если ты принес новую веру только для того, чтобы добиться богатства, то мы соберем тебе из наших богатств столько, что ты будешь самым богатым из нас; если же ты добиваешься почета среди нас, то мы сделаем тебя господином нашим; если же ты хочешь власти, то мы сделаем тебя властелином над нами; если же тебя одолел тот, что приходит к тебе в виде призрака, которого ты видишь, то мы расточим наши богатства в поисках лекарства для тебя и приложим все старания, чтобы вылечить тебя».

Мухаммед сказал им: «Я не то, что вы говорите. То, что я принес, я принес не для того, чтобы добиваться богатств ваших, почета среди вас или власти над вами. Но аллах послал меня к вам посланником, ниспослал мне книгу[1] и приказал мне быть для вас благовестником и предостерегателем. Я сообщил вам послания господа моего и наставлял вас; если вы примете от меня то, что я принес вам, то это будет счастье ваше в этой жизни и в будущей; если же отвергнете меня, то я потерплю ради дела аллаха, пока аллах не рассудит между мной и вами».

Они сказали. «Мухаммед! Если ты не принимаешь от нас ничего из того, что мы предлагаем тебе, то ты знаешь, что нет ни одного народа, который жил бы в более тесной, маловодной и трудной для существования стране, чем наша. Так попроси господа твоего, который послал тебя, во имя твоего посланничества, чтобы он удалил от нас эти горы, которые стесняют нас, и чтобы он распростер страну нашу, и чтобы он провел по ней реки, подобные рекам Сирии и Ирака, и чтобы он прислал к нам умерших предков наших, и чтобы был среди тех, кого он пришлет, Кусай-ибн-Киляб; это был правдивый старец; мы спросим их относительно того, что ты говоришь: правда это или ложь?

---

[1] Коран.

Если они признают тебя и ты сделаешь то, о чем мы просим тебя, то и мы признаем тебя и твое звание у аллаха — что он послал тебя посланником, как ты говоришь».

Он сказал им: «Не для этого я послан к вам. Я принес вам от аллаха то, с чем он послал меня. Я уже сообщил вам то, с чем я был послан к вам. Если вы примете его, то оно будет счастьем вашим в этой жизни и в будущей; если же отвергнете меня, то я потерплю ради дела аллаха, пока аллах не рассудит между мной и вами».

Они сказали: «Если ты не сделал этого для нас, то позаботься о себе: попроси господа твоего, чтобы он послал к тебе ангела, который подтвердил бы истинность того, что ты говоришь, и который попросил бы с нами за тебя; попроси его, чтобы он создал для тебя сады, замки и сокровища из золота и серебра, которыми он избавил бы тебя от очевидной нужды; ведь мы видим, как ты ходишь по рынкам и снискиваешь себе пропитание, как и мы снискиваем его. Если аллах обогатит тебя, то мы признаем твое достоинство и звание у господа твоего, что ты действительно посланник, как ты утверждаешь».

Мухаммед сказал им: «Я не сделаю этого, и я не таков, чтобы просить господа моего об этом, и я не послан к вам с этим. Но аллах послал меня благовестником и предостерегателем. Если примете, что я принес вам, то это будет счастьем вашим в этой жизни и в будущей; если же отвергнете меня, то я потерплю ради дела аллаха, пока аллах не рассудит между мной и вами».

Они сказали: «Обрушь на нас небо кусками, так как ты утверждал, что господь твой сделает это, если захочет. Мы не уверуем в тебя иначе, как если ты сделаешь это».

Мухаммед сказал: «Это во власти аллаха, если захочет сделать, то сделает».

Они сказали: «Мухаммед! Твой господь не знал, что мы будем беседовать с тобой и спрашивать тебя о том, о чем мы спрашиваем тебя, и требовать от тебя то, что мы требуем. Иначе он явился бы тебе и научил бы тебя, как спорить с нами, и сообщил бы тебе, что он сделает с нами за то, что мы не приняли от тебя то, что ты принес. Нам известно, что этому обучает тебя некий человек из Иемамы, по имени Рахман. Клянемся аллахом, мы никогда не уверуем в Рахмана. Мы высказались перед тобою, Мухаммед. Клянемся аллахом, мы не оставим тебя и твои оскорбления, пока мы не погубим тебя или ты не погубишь нас».

Один из них сказал: «Мы поклоняемся ангелам, а они — дочери аллаха». Другой сказал: «Мы не уверуем в тебя, пока ты не приведешь аллаха и ангелов в качестве поручителей».

Когда они сказали это Мухаммеду, он встал и встал вместе с ним Адаллах-ибн-Абу-Омейя, а он был сыном тетки его, и

сказал ему: «Мухаммед! Твой народ сделал тебе предложение, и ты не принял его. Затем они просили доказательств, чтобы узнать твое положение у аллаха, признать тебя и последовать за тобой, и ты не сделал. Затем они просили, чтобы ты позаботился о себе, из чего они узнали бы твое превосходство над ними и твое положение у аллаха, и ты не сделал. Затем они просили, чтобы ты ускорил напасти, которые устрашили бы их, и ты не сделал. Клянусь аллахом, я ни за что не уверую в тебя, пока ты не соорудишь лестницу на небо и не поднимешься по ней, а я буду смотреть, как ты пойдешь по ней; затем ты принесешь расписку, а с ней 4 ангела, которые засвидетельствуют, что ты тот, за кого ты выдаешь себя. Клянусь аллахом, если бы ты не сделал этого, не думаю, чтобы я признал тебя». Затем он удалился от Мухаммеда.

«Хрестоматия ..», т. I, 1919, стр. 247—250.

Отрывок II

Затем люди обращались в ислам толпами из мужчин и женщин, так что распространилась слава об исламе по Мекке и рассуждали о нем. Затем аллах приказал своему посланнику возвестить то, что пришло к нему, сообщить людям о своем посланничестве и призывать к нему. Прошло 3 года с тех пор, как Мухаммед скрывал посланничество свое и держал его в тайне до тех пор, пока аллах повелел о выявлении его.

Сподвижники Мухаммеда уходили в ущелья, чтобы молиться, они скрывались для молитвы. И вот когда Сад-ибн-Абу-Ваккас с группой сподвижников Мухаммеда был в одном из ущелий Мекки, застала их группа многобожников, а они молились. Те стали порицать и порочить их, пока не вступили в драку с ними. Это была первая кровь, пролитая в исламе.

Там же, стр. 247.

4. РАССКАЗ ИБН-САДА

Отрывок из повествования ибн-Сада, потомка одного из первых сподвижников Мухаммеда. Это сочинение дошло до нас в позднем пересказе, но его данные подтверждаются другими источниками той эпохи.

И написал посол божий племени Бану Дженба... Вас не будут обижать и не будут притеснять, так как посол божий будет защищать вас так же, как и самого себя, ибо ваши наряды, и все имеющиеся у вас рабы, и ваши лошади, и ваше оружие принадлежат послу божьему, за исключением того, что оставит вам посол божий или посол посла божия; кроме того, вы обязаны выдать $^1/_4$ урожая ваших пальм и $^1/_4$ вашего рыбного улова и $^1/_4$ того, что выпрядут ваши женщины, а затем вы освобождаетесь от всякой поголовной подати или натуральной повинности.

И если вы будете слушаться и повиноваться, то посол божий обязуется оказать почет достойному из вас и простить того из вас, кто поступит дурно.

Там же, стр. 252.

5. ИЗ КОРАНА

Коран (араб. — «чтение») — священная книга мусульман (как библия у христиан), которая состоит из рассказов, поучений, правил, законов и т. д., сообщенных якобы Мухаммеду аллахом. Коран написан на классическом арабском языке, имеет 114 глав (сур), расположенных без всякой внутренней связи (без учета содержания и хронологического порядка).

В коране нашли отражение как общественные, так и политические отношения, сложившиеся на арабских землях к VII в. В главах корана защищается частная собственность, деление общества на тех, кто имеет власть и кто должен повиноваться, говорится об организации войска, о разделе военной добычи.

Глава 8, стих 1. Они спросят тебя о **добыче**; скажи: добыча в распоряжении бога и его посланника...

Глава 8, стих 42. Знайте, что из всего, что ни берете вы в добычу, пятая часть богу, посланнику и родственникам его, сиротам, бедным путешественникам...

Глава 9, стих 123. Нет надобности верующим выходить в поход всем: из каждого колена их выходил бы какой-либо отряд, для того чтобы им учиться делам благочестия и чтобы наставлять народ свой.

Глава 43, стих 31. Мы раздаем... жизненные потребности в этой дольней жизни, возвышаем одних над другими в степенях, так что одни из них держат других подвластными себе невольниками.

«Коран». Законодательная книга мохаммеданского вероучения. Казань, 1877, стр. 149, 153, 420.

ТЕМА.

ЗАВОЕВАНИЯ АРАБОВ. АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ И ЕГО РАСПАД

Для данной темы отобраны документы, рассказывающие о завоевательных походах арабов, о создании обширного Арабского халифата, объединившего под своим господством ряд византийских и иранских территорий на Ближнем и Среднем Востоке и Северной Африке, об организации управления в захваченных областях, о податях и различных налогах, взимаемых с покоренного населения, о классовой борьбе и народных восстаниях, вспыхнувших в халифате и явившихся одной из главных причин его гибели. Все эти документы взяты из сочинений арабских историков и географов.

Первый документ посвящен арабским походам. В приводимых отрывках (а, б, в) этого документа говорится, что со многими городами арабы заключали договоры, которые гарантировали их жителям личную свободу, неприкосновенность их имущества и их церквей при условии признания власти завоевателей и уплаты налога. Здесь же подчеркивается та роль, которую играло православное духовенство, способствуя сдаче городов арабам и обусловливая эту сдачу благоприятными для жителей городов и церкви условиями [1].

Сообщая о битве при Ярмуке, источник противопоставляет арабское войско византийскому, подчеркивая тот интересный факт, что румы [2] вынуждены были приковывать себя друг к другу цепями, чтобы не помышлять о бегстве, в то время как арабы, в том числе и женщины-мусульманки, сражались с ожесточением.

Это дает нам возможность объясинть причины побед арабского войска. Из этого же отрывка видно, на чьей стороне находились местные жители, радостно встречающие мусульман и не желающие возвращаться в свое «прежнее состояние».

В документе 2 приводятся факты о частичных послаблениях первых халифов местному населению, чтобы привлечь его на свою сторону. В документе 3 того же автора подтверждается уже известный факт, что с побежденным населением (зиммиями) арабы-завоеватели подписывали мирные договоры, сохраняя за христианами свободу вероисповедания и оставляя им их храмы и церкви. Церковнослужители предпочитали заключать подобные соглашения с «неверными», чтобы оставить за собой принадлежавшие им владения.

В документе приводится интересный эпизод о том, как при отступлении полководец Абу-Убейда [1] возвращает сирийцам собранные с них подати, и передается то впечатление, которое этот поступок произвел на местное население.

Интересен также факт переписки Абу-Убейды с халифом Омаром, о котором говорится в том же отрывке. Халиф одобряет тактику своего полководца, обеспечившую ему сочувствие местного населения, и советует Абу-Убейде справедливо относиться к христианам, дабы привлечь их на свою сторону. В этом сказалась дальновидная и заранее продуманная политика арабских завоевателей, которые ценой временных уступок пытались обеспечить себе поддержку подданных халифата, с тем чтобы в дальнейшем обрушить на них всю тяжесть налогового бремени и полностью подчинить их своей власти.

Документ 4 (отрывки а, б, в из источника) подтверждает, в какое тяжелое и неполноправное положение было поставлено немусульманское население завоеванных арабами территорий после того, как эти завоевания были окончены.

Из документа 5 также следует, что арабы, завершив завоевательные походы и подчинив своему господству немусульманское население, превратили его в неполноправных граждан халифата, всячески унижали их и разжигали среди них религиозную рознь.

---

[1] Покоренное арабами население — лично свободное, но политически неполноправное — составило особую категорию людей, получивших название зиммиев.

[2] *Румами* арабы называли византийцев.

[3] *Абу-Убейда* — начальник арабских военных отрядов в Сирии.

Документ 6 свидетельствует, что Омар не одобрял излишеств своих приближенных, считая, что роскошь ведет к отступничеству от традиций бедуинов. Он надеялся сохранить среди арабов старинные нравы, присущие кочевому народу.

Но не надо забывать, что Омар, подобно другим халифам, последовательно выражал интересы господствующих арабских верхов. Известно, что в дальнейшем, в новых условиях огромного халифата, где арабы господствовали среди других народов, они уже не сохранили свой первоначальный облик.

В документе 7 (отрывки а, б, в) фиксируются различные виды налогообложения населения в Арабском халифате, в частности поголовная подать и харадж [1].

Три отрывка (а, б, в) документа 8, повествующие о классовой борьбе, отмечают не только широкий размах народных восстаний в халифате, но и продолжительность их, требования участников движения, указывают на причины народного недовольства.

1. АРАБСКИЕ ПОХОДЫ

Одним из важнейших источников по истории арабских походов является «Книга завоевания стран» Ахмеда ибн-Яхья Белазури (дата рождения неизвестна, умер в 892 г.).

Белазури — перс по национальности — выдающийся арабский историк раннего средневековья. Он родился в Багдаде, много путешествовал, свои труды писал на арабском языке.

В «Книге завоевания стран» Белазури рассказывает не только о военных походах и сражениях арабов, завоевавших к 640 г. всю Палестину и Сирию, но и затрагивает вопросы экономического положения захваченных ими стран.

а) Завоевания в Сирии

Зейд, отправляясь в путь, получил от Мухаммеда следующие наставления: требуй от врагов, чтобы они приняли ислам и либо переселились в Медину, — в таком случае они будут иметь права и обязанности выселившихся, — либо остались в своей стране, и в таком случае они, подобно арабам-мусульманам, будут находиться под властью бога, но не будут получать доли в добыче, за исключением случая, когда они будут участвовать в походе. Если они не хотят принять ислам, то требуй от них уплаты поголовной подати. Если они и на это не согласятся, то вступай в бой. Заключай мирные договоры не от имени бога и его посла, но от твоего имени и от имени твоего отца и твоих товарищей; таким образом, грех не столь велик, если вы не будете в состоянии соблюсти их...

Мухаммед провожал уходивших воинов до Прощальной Высоты, где остановился и приказал им напоследок рубить меча-

[1] *Хара́дж* — поземельная подать.

ми высокомерные плешивые головы, отшельников же оставлять в покое, не убивать ни женщин, ни детей, ни стариков, не срубать деревьев и не разрушать домов.

Говорят, что Абу-Бекр [1] ...заблагорассудил послать войска в Сирию и написал жителям Мекки, ат-Таифа, Йемена и всем арабам в Недждe и в Хиджазе, побуждая их отправиться на священную войну и соблазняя их ею и добычей, которую они возьмут от румов. И поспешили к нему люди, одни, — стремясь заслужить благоволение божие, другие, — желая получить земные блага, и пришли в Медину со всех сторон.

б) Завоевание города Дамаска и земли дамасской

Говорят, что мусульмане, после окончания сражения с собравшимися против них при ал-Мердже, простояли пятнадцать ночей. Затем они вернулись к стенам Дамаска 16-го мухаррема 14-го года [2], завоевали ал-Гуту [3] и ее церкви. И укрепились жители города и закрыли ворота его. И остановился Халид-ибн-ал-Валид против ворот... с пятью тысячами, данными ему Абу-Убейдой. ...Тот монастырь, при котором остановился Халид, был назван монастырем Халида... И епископ, доставивший Халиду припасы в начале его военных действий, часто становился на стене, для него вызывали Халида, и, когда он приходил, епископ приветствовал его и беседовал с ним. Однажды епископ сказал ему: «О Абу-Сулейман! ваше торжество приближается; у меня есть данное тобою обещание; так заключи со мной мирный договор касательно этого города». И потребовал Халид чернила и бумагу и написал:

«Во имя бога всемилостивого и всемилосердного! Вот что дал Халид-ибн-ал-Валид жителям Дамаска, когда вступил в него: он дал им неприкосновенность их жизни, их имущества, их церквей и стены их города. Ни один из их домов не будет разрушен и не будет занят. Это им обеспечивается клятвой перед богом и от имени пророка его и наместников и всех верующих; им [дамаскинцам] ничего не сделают, кроме добра, если они уплатят поголовную подать».

Затем некто из людей, близких к этому епископу, пришел однажды ночью к Халиду и известил его, что в эту ночь у жителей города праздник, что они будут заняты, что ворота Баб-аш-Шаркий завалены каменьем и оставлены без охраны, и посоветовал ему достать лестницу. И принесли ему люди, принадлежавшие к числу обитателей монастыря, который был поблизости его лагеря, две лестницы, с помощью которых толпа мусульман подня-

---

[1] *Абу-Бекр* (632 — 634) — халиф.
[2] 11 марта 635 г.
[3] Окрестности Дамаска.

лась на стену и спустилась к воротам, при которых были только один или два человека. И мусульмане совокупными усилиями отворили ворота; это случилось при восходе солнца...

в) Битва при Ярмуке

...Говорят, что Ираклий[1] собрал многочисленное войско, состоящее из румов, сирийцев, жителей ал-Джейры и Армении, числом в двести тысяч и поставил во главе его одного из своих приближенных... Ираклий намеревался воевать против мусульман, а если они будут побеждены, то будет прекрасно, а в противном случае он решился уйти в страну румов и остаться в Константинополе. Мусульмане собрались и медленно придвинулись к румам, и они вступили при Ярмуке в самый жестокий и страшный бой. Ярмук — река, и было в этот день мусульман двадцать четыре тысячи. Румы и их приверженцы приковали себя в тот день друг к другу цепями, чтобы им нечего было думать о бегстве. И бог истребил их в числе семидесяти тысяч, и бежали их разбитые остатки и укрылись в Палестине, Антиохии, Халебе[2], ал-Джезире и Армении. В битве при Ярмуке принимали также участие женщины-мусульманки, сражаясь с ожесточением... И говорят, что Ираклий, получив известие о битве при Ярмуке и об ожесточенном бое мусульман с войском его, бежал из Антиохии в Константинополь и, проходя пограничным ущельем, сказал: «Прощай, о Сурия! Какая это прекрасная страна для врага нашего!» — намекая на Сирию и ее прекрасные пастбища. Битва при Ярмуке произошла в раджебе 15 года[3]...

Мне сообщили, что когда Ираклий собрал свои войска против мусульман и мусульмане узнали, что румы приближаются к ним перед битвой при Ярмуке, то возвратили жителям Химса тот хaрадж, который взяли с них, и сказали: «Нам не до того, чтобы помогать вам и защищать вас, распоряжайтесь, как хотите». И сказали жители Химса: «Ваше правление и ваша справедливость нравятся нам больше, чем та несправедливость и те обиды, которым мы подвергались; с вашим правителем мы наверное отстоим наш город от войска ираклиева». И они заперли ворота свои и поставили у них стражу. Таким же образом поступили христиане и евреи, жители тех городов, которые заключили мирные договоры с мусульманами. Они сказали: «Если румы и их приверженцы одержат верх над мусульманами, мы возвратимся в наше прежнее состояние; в противном же случае мы останемся в нашем настоящем положении, пока мусульмане будут в большом числе». И когда бог обратил в бегство неверую-

---

[1] *Ираклий* (610 — 640) — византийский император.
[2] Алеппо.
[3] 19 августа — 7 сентября 636 г.

щих и превознес мусульман, они, жители городов, открыли свои города и вызвали музыкантов, играющих на тимпанах, предались увеселениям и уплатили хараадж.

Ал-Белазури. Книга завоевания стран. В кн.: Н. А. Медников. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. Приложения II (1). СПб., 1897, стр. 15—18, 42—43, 55—57, 71—75, 86—87.

2. ОМАР В ИЕРУСАЛИМЕ

Отрывок взят из «Книги хараджей» («Китаб-ал-харадж» — «Книга о поземельной подати») Абу-Юсуфа Якуб ибн-Ибрахима (731—798) — последователя Абу-Ханифы, основателя одной из четырех правоверных юридических школ. Абу-Юсуф прославился как выдающийся законодатель, первым получивший титул верховного судьи в Багдаде. Его перу принадлежит несколько трактатов юридического характера и упомянутая «Книга хараджей». Последняя является прекрасным источником для знакомства с аграрными отношениями, сложившимися в Арабском государстве. Это единственное сочинение Абу-Юсуфа, сохранившееся до нашего времени.

Это есть грамота от Омара жителям города Иерусалима в том, что гарантируется им неприкосновенность их крова, и их детей, и их имущества, и их церквей, и что они не будут разрушены, ниже обитаемы...

Омару открыли ворота города, и он вошел и воссел во дворе церкви Воскресенья. Когда настало время молиться, он сказал патриарху Софронию: «Я хочу помолиться». Тот ответил: «Повелитель верующих, помолись на том месте, где находишься». Омар ответил: «Здесь я не буду молиться».

Тогда патриарх привел его в церковь Константина и положил ему циновку в середине церкви. Омар сказал: «Нет, и здесь я не буду молиться». И вышел Омар на лестницу, и помолился один на лестнице. И затем сказал Софронию: «О патриарх, ты знаешь, почему я не помолился внутри этой церкви?» Тот ответил: «Не знаю, о повелитель верующих!» Тогда Омар сказал: «Если бы я помолился внутри этой церкви, то эта церковь пропала бы для тебя, ушла бы из твоих рук и мусульмане после меня отняли бы ее от тебя, говоря при этом: «Здесь помолился Омар». Но принеси мне бумагу, и я напишу тебе указ». И написал Омар указ, чтобы ни один мусульманин не молился на этой лестнице иначе, как в одиночку, и чтобы на ней не собирались на молитву...

Абу-Юсуф. Книга хараджей. В кн.: Н. А. Медников. Указ. соч. Приложения II (3), стр. 1324—1325.

3. ОТНОШЕНИЕ АРАБСКИХ ВЛАСТЕЙ К ЗАВОЕВАННОМУ НАСЕЛЕНИЮ СИРИИ

Что касается твоего вопроса, повелитель правоверных, о положении зиммиев о том, как были оставлены их храмы и церкви в городах и столицах, а не разрушены, когда мусульмане завоевали их, и как позволили им выносить кресты во время праздников их, то дело в том, что между мусульманами и зиммиями был заключен мирный договор с условием уплаты поголовной подати, и города были сданы с условием, чтобы ни храмы, ни церкви их не разрушались ни в пределах города, ни вне его, чтобы им была дарована жизнь, чтобы мусульмане сражались за них и защищали их против тех врагов, которые будут обижать их, и чтобы они могли выносить кресты во время праздников их...

...Когда же зиммии увидели, как *честно* соблюдают мусульмане данные ими обещания и как они хорошо обращаются с ними, то *они* стали жестокими противниками врагов мусульман и помощниками мусульман против врагов их. Жители каждого города, заключавшего мирный договор с мусульманами, послали от себя людей раздобыть известия о румах, об их царе и о том, что они хотят предпринять.

...И пришли к жителям каждого города посланные ими и сообщили им, что румы собрали такую армию, какой еще не видывали...

...Абу-Убейда и мусульмане сочли свое положение опасным. Тогда Абу-Убейда написал каждому наместнику из назначенных им в тех городах, с которыми он заключил мирный договор, приказывая им *возвратить* зиммиям собранные с них поголовную подать и харадж и предписал сказать им: «Мы *возвращаем* вам ваши деньги потому, что до нас дошли сведения о собранных против нас войсках, вы же выговорили у нас, что мы защищаем вас, а так как мы не в состоянии сделать это, то возвращаем вам то, что взяли с вас. Мы будем придерживаться заключенных с вами и написанных между нами условий, если бог дарует нам победу над врагом». Когда же мусульмане сказали им это и возвратили им деньги, которые были собраны с них, то зиммии сказали: «Да вернет вас бог к нам и да дарует вам победу над ними! Если бы на вашем месте были румы, они не возвратили бы нам ровно ничего и взяли бы то, что осталось у нас, не оставив нам ничего».

...И столкнулись мусульмане и *многобожники* и вступили в ожесточенный бой. С обеих сторон было множество убитых. Затем бог помог мусульманам против многобожников и обратил их в бегство.

Запрос Омару и ответ халифа своему полководцу Абу-Убейде

...И написал Абу-Убейда Омару о бегстве многобожников, о том, что бог доставил добычу мусульманам, о мирном договоре, заключенном с зиммиями, о просьбе мусульман разделить между

ними города, население их, землю и находящиеся на ней деревья и посевы, и о том, что он отказал им в этом, пока не написал об этом Омару, и тот не отпишет ему своего мнения.

Тогда Омар написал ему... утверди то, что дал тебе бог в добычу, в руках тех, кто взял ее; наложи на зиммиев поголовную подать[1] по мере сил их; ты разделишь ее между мусульманами, а зиммии будут возделывать землю, ибо они более знакомы с ней и лучше обрабатывают ее...

Так обложи их поголовной податью, не позволяй уводить их в плен и запрети мусульманам поступать с ними несправедливо, наносить им вред и поедать их имущество, за исключением случаев, когда это разрешается, и честно соблюдай те условия, о которых ты договоришься с ними в числе всего того, что ты пожаловал им.

Там же стр 1318—1325

4. МЕРЫ АРАБСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ ПРОТИВ ЗИММИЕВ

Документы приводятся из сочинения Ибн-ан-Наккаша, жившего в XIV в. в Каире и известного как проповедник, юрист и знаток преданий. Он издавал фетвы — юридические заключения по различным вопросам права. Оставил после себя несколько сочинений, в том числе и комментарий к корану.

У Ибн-ан-Наккаша имеются подробные сведения о положении завоеванного арабами населения. Надо только иметь в виду, что сочинения его написаны в более позднее время, спустя несколько столетий после смерти Мухаммеда и завоевания арабами Сирии, проникнуты недоброжелательством к христианам и поэтому вызывают сомнения в добросовестности автора.

а) Один из правителей Омара написал ему, испрашивая у него указания относительно принятия неверных на службу... Омар отвечал: не позволяйте неверующим вмешиваться в ваши дела...

Кроме того, он написал своим наместникам: если у кого есть писец-христианин, то он не должен ни жить в его обществе, ни питать к нему любви, ни позволять ему садиться рядом с ним... так как ни пророк божий, ни его заместитель халиф не приказывали принимать зиммиев на службу...

У самого Омара был раб, которому он однажды сказал: прими мусульманство, чтобы я мог принять тебя на службу, так как нам запрещено принимать на службу неверных. Раб отказался, и Омар отпустил его на волю, сказав: ступай, куда хочешь.

б) Ал-Мутеваккиль[2] издал указ, в котором приказывал христианам и евреям носить отныне платье желтое; не носить белого платья, дабы не походить на мусульман; стремена иметь дере-

---

[1] Поголовная подать — *джизия.*

[2] Халиф.

вянные; разрушить заново построенные храмы, удвоить поголовную подать; не позволять им входить в мусульманские бани... не брать себе мусульман для личных услуг...

в) ...Мы написали Омару... от христиан (города) такого-то: когда вы пришли воевать против нас, мы просили у вас пощады для самих себя, для детей наших, имуществ наших... и обязались перед вами: не строить заново ни в наших городах, ни в окрестностях их ни монастырей, ни церквей... не препятствовать ни одному мусульманину останавливаться в наших церквах ни днем, ни ночью... принимать на три ночи проходящих мимо нас мусульман и кормить их... не обучать наших детей Корану... не препятствовать никому из наших родственников, если он захочет принять ислам; оказывать уважение мусульманам и вставать с места, когда они пожелают сесть; не носить ничего похожего на их платья... или сандалии... не именоваться их прозвищами... не носить мечей, не приобретать никакого оружия... не продавать вин... не изменять нашего костюма, где бы мы ни оказались; подпоясываться кушаками; не носить открыто наших крестов... не брать себе рабов, которые достались на долю мусульман, не заглядывать в жилища мусульман... не бить ни одного мусульманина... а если кто-либо из христиан ударит намеренно мусульманина, то для него действие договора прекращается.

Об Омаре передают следующее: зиммий кольнул заостренной палкой мула, на котором сидела мусульманка; она упала... Омар приказал распять его на этом же месте, прибавив: мы ведь заключали с ними договор с условием, чтобы они платили поголовную подать и унижаясь.

Н. А. Медников. Указ. соч. Приложения II (3), стр. 1349—1350, 1362—1377.

5. АЛ-ТАБАРИ ОБ УНИЖЕНИИ ЗИММИЕВ

Ал-Табари Абу-Джафар (838—923) — один из выдающихся арабоязычных историографов, юрист, перс по происхождению. Родился в городе Амуле, славился как знаток корана. Ал-Табари написал многотомную арабскую летопись «История пророков и царей», где собраны материалы из сочинений различных авторов. В эту огромную сводную работу вошли библейские мифы, история Мухаммеда и халифата, полулегендарные известия об иранских царях и др.

В этом году (849—850 н. э.) ал-Мутеваккиль приказал заставить всех христиан: надевать тайлесаны[1] желтые и кушаки, ездить на седлах с деревянными стременами, приделывать два шарика к задней части седла, приделывать две пуговицы к калансуве[2], если кто ее носит, причем эта калансува должна отли-

[1] *Тайлеса́н* — шарф, которым обертывают голову и шею.
[2] *Калансу́ва* — коническая шапка.

чаться по цвету от калансувы, носимой мусульманами, нашивать на платье две заплаты, какие бывают на платьях их рабов, отличные по цвету от того верхнего платья, на которое они будут нашиты, причем одна должна быть спереди, на груди, а другая сзади, на спине, величиной же они должны быть в четыре пальца, цвета желтого. Если же кто из них носит чалму, то чалма его должна быть желтого цвета.

И приказал, чтобы те их женщины, которые выйдут на прогулку, гуляли бы не иначе, как одетые в желтый изар [1].

Там же, Приложения II (1), стр. 243.

6. ОСУЖДЕНИЕ РОСКОШИ ХАЛИФОМ ОМАРОМ

Документ приводится из книги «Совершенная история» Ибн-ал-Асира, известного арабского историка, жившего в XIII в. Конечно, ал-Асир, как и другие арабские историографы последующих поколений, идеализировал Омара, представляя его деятелем, достойным подражания. Это объясняется тем, что Омар отличался скромностью, умеренностью, пренебрегал комфортом и беззаветно служил интересам ислама.

Омар предписал начальникам джундов съехаться к нему в ал-Джабию в назначенный им день с легкими отрядами, оставив наместников своих над своими округами. Они встретили его в виду ал-Джабии. Сначала к нему подъехали Язид и Абу-Убейда, затем Халид на лошадях, покрытых парчой и шелком.

Тогда Омар спешился, взял камни и стал кидать в них, говоря: «Как скоро вы отказались от прежних своих взглядов! Меня ли вы встречаете в таких нарядах? Избаловались же вы за 2 года! Если бы вы явились в таком виде во главе сотен, я бы вас заменил другими». Они ответили: «Повелитель верующих, не суди нас по внешности, мы не расстаемся с оружием!»

«Хрестоматия...», т. I, 1953, стр. 274.

7. НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В АРАБСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

а) Обложение поголовной податью и хараджем

Обложение поголовной и поземельной податью последовательно и всесторонне рассмотрено Ал-Мавердием, писателем-юристом, скончавшимся за 42 года до взятия Иерусалима крестоносцами.

Ал-Мавердий — один из знаменитых законоведов того времени — жил в Басре и Багдаде. Написал несколько сочинений и книгу о теории государственного устройства, откуда и заимствован нижеприведенный отрывок.

[1] *Изáр* — кусок ткани, заменяющий юбку.

Поголовная подать и харадж — два права, дарованные богом мусульманам по отношению к многобожникам...

Оба налога взимаются с многобожника в знак его унижения и презренности... Доставляемые обоими налогами суммы рассматриваются как военная добыча и тратятся на тех, кто имеет право на нее...

Что касается поголовной подати [джизья], то она налагается поголовно и название ее происходит от слова «джеза» (вознаграждение, плата)... так что мы взимаем ее с них [зиммиев] в знак унижения их; или же вознаграждение [нас] за дарование им пощады, так что взимаем ее с них по снисхождению.

Н А Медников Указ соч Приложения II (3), стр 1329—1330

б) Налог с города Дамаска

Дамаск сдался с условием уступки победителям половины всего — денег и имущества — и уплаты одного динара с каждой головы. Мусульмане разделили добычу; воины Халида получили такую же долю, как и воины остальных предводителей. Было положено взимать с земель тех, кто останется на условиях заключенного мира, по джерибу с каждого джериба земли. Принадлежавшее царям и тем, кто удалился с ними, было обращено в казенную собственность.

Н А Медников Указ. соч Приложения II (1), стр 188—189.

в) Глава об ушуре[1]

(Абу-Юсуф. Из «Книги хараджей»)

Абу-Юсуф сказал: Что касается ушура, то я думаю, что его взимание ты[2] должен поручить людям благочестивым и религиозным, которым ты прикажешь, чтобы они не нарушали закона в обращении с народом, не чинили несправедливости, не брали больше положенного и приноравливались к правилам, которые мы им предписали. Потом ты осведомишься об их делах, об их обращении с теми, кто проходил мимо них, не нарушили ли они того, что им было приказано. Если они совершили это, ты устранишь их, накажешь и взыщешь с них сумму, определяемую по твоему усмотрению, в пользу тех, с которыми они поступили несправедливо или у которых взяли больше положенного. И напротив, если они будут сообразовываться с тем, что им было приказано, и устранять несправедливость по отношению к муслимам

---

[1] *Ушýр* — налог, взимаемый в пользу халифата с имущества, предназначенного для продажи

[2] Абу-Юсуф обращается к халифу Харуну ар-Рашиду (786 — 809). *(Ред)*

и союзникам, ты оставишь их на местах и окажешь им благодеяния...

Когда мимо сборщика ушура проходит муслим с крупным рогатым скотом, или овцами, или верблюдами и скажет, что они не предназначены для продажи, то он должен в этом поклясться, и если он это сделает, то с него достаточно.

Так же бывает и тогда, когда муслим, пронося мимо сборщика продукты, скажет: «Это из моих посевов», и тогда, когда он, пронося финики, скажет: «Они с моих финиковых пальм»,— с них не взимается ушур. Он взимается только с предметов, приобретенных с целью продажи. Люди зиммы в таком же положении...

«Хрестоматия...», т. I, 1961, стр 215—217

8. КЛАССОВАЯ БОРЬБА И НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ В АРАБСКОМ ХАЛИФАТЕ

а) Восстание Абу-Харба

Отрывок взят из «Истории...» Ал-Табари

К событиям этого года (227-го хиджры, т. е. 21 октября 841г.—9 октября 842 г. н. э.) относится появление в Палестине Абу-Харба... и его восстание против правительства...

Причиной восстания Абу-Харба против правительства было следующее обстоятельство; во время отсутствия Абу-Харба один солдат захотел остановиться в его доме, в котором находилась или жена, или сестра Абу-Харба. Она не хотела пустить его, и он ударил ее своей плетью. Она подняла руку для защиты, удар пришелся по руке, и на ней остался след его. Когда Абу-Харб вернулся домой, она заплакала, пожаловалась на поступок солдата и показала ему оставшийся на руке след удара.

Тогда Абу-Харб взял свой меч, подошел к солдату, не ожидавшему нападения, и зарубил его до смерти. Затем он бежал, окутав свое лицо покрывалом, чтобы его не узнали, и пришел на одну из гор урдуннских. Правительство стало разыскивать его, но никто не мог сказать, куда он девался. Днем Абу-Харб выходил и, надев покрывало, садился на той горе, которая служила ему убежищем. Заметившие его подходили к нему, и он увещевал их жить по правде и бороться против кривды, говорил о правительстве и о его обращении с народом и порицал его. Он не переставал так действовать, пока не примкнуло к нему некоторое количество земледельцев, жителей этого округа и поселян... Когда у него набралось много сторонников и последователей из людей вышесказанного класса, он занялся пропагандой среди местной знати, и на его сторону перешло немало вождей йеменитов, между прочим некто Ибн-Бейхас, человек влиятельный среди йеменитов, и двое других дамаскинцев. Известие об этом

дошло до ал-Мутасима[1] в то время, когда он был болен той болезнью, которая свела его в могилу. Он послал против Абу-Харба Раджа-ибн-Эйюба... с тысячью солдат.

Подойдя к мятежнику, Раджа увидел его окруженного целым народом. Тот, кто передал мне рассказ о нем, говорит, что у Абу-Харба было 100 тыс. человек. Тогда Раджа не захотел вступить с ним в бой, расположился лагерем против него и стал выжидать. Когда наступило начало времени обработки и возделывания полей, когда земледельцы, находившиеся при Абу-Харбе, ушли на работы, а владельцы земель в свои именья, так что у Абу-Харба осталось немного народу, тысяча или две, тогда Раджа выступил...

...Что касается тех, которые рассказывают про восстание Абу-Харба иначе... то они утверждают, будто... Раджа сразился с ним при Дамаске, перебил около 5 тыс. приверженцев Ибн-Бейхаса и его двух соумышленников, взял в плен Ибн-Бейхаса и убил его двух товарищей. И напал Раджа на Абу-Харба в Рамле, перебил около 20 тыс. его приверженцев и взял в плен Абу-Харба. Он был привезен в Самарру и помещен в подземную тюрьму вместе с Ибн-Бейхасом...

Н А Медников. Указ соч Приложения II (1), стр 239—243

б) О выступлении Сумбада Гябра против мусульман

Приводимые ниже два отрывка из сочинения Низам ал-Мулька говорят о тенденциозности арабских феодальных историков в освещении народных движений. Это, в частности, ярко проявилось у сельджукского чиновника Низам ал-Мулька (1018—1092) в описании такого крупного восстания, как восстание Бабека, в его стремлении дать отрицательную характеристику вождю и участникам выступления.

Дело Сумбада разрослось. До того дошло, что вокруг него собралось 100 тыс. людей. Беседуя наедине с гябрами, он говорил: «Державе арабов пришел конец. Я нашел это в одной книге потомков Сасана. Не отступлюсь, пока не разрушу каабу, ведь ее установили вместо солнца. А мы снова сделаем своей киблой солнце так, как было в древности»... Джумхур собрал войска Хузистана, Парса и пришел в Исфахан. Он повел с собою ополчение Исфахана, отправился к воротам Рея, три дня жарко бился с Сумбадом. На четвертый день Сумбад был убит рукою Джумхура. Все то сборище рассеялось; каждый возвратился в свой дом... Убив Сумбада, Джумхур отправился в Рей, кого нашел из гябров — всех убил, а имущество их разграбил, женщин и детей их взял в полон и держал в рабстве.

---

[1] *Ал-Мутáсим* (833 — 842) —аббасидский халиф.

в) Восстание Бабека

...Восстал Бабек из Азербайджана ... Мутасим [халиф] снова занялся делами хуррамдинцев и назначил Афшина. Афшин взял войско для войны с Бабеком, направился на войну. Они сражались два года. У Афшина и Бабека за эти два года было убито много людей. Наконец, Афшин, не сумев ничего поделать с Бабеком силой, прибегнул к хитрости. Он приказал ночью своему войску, сняв палатки, отойти на расстояние свыше десяти фарсангов и там находиться. Афшин направил человека к Бабеку: «Пришли ко мне мужа разумного и зрелого, я скажу ему кое-что, что станет полезным для нас обоих». Бабек прислал к нему человека. Афшин сказал: «Передай Бабеку: у всякого начала имеется конец. Голова человека — не стебли лука, которые могут отрасти заново. Мои люди по большей части перебиты, из десяти человек одного не осталось. Наверное, и у тебя тоже самое. Давай заключим мир. Ты удовлетворись тем владением, которым обладаешь, сиди здесь, а я вернусь и получу для тебя от халифа еще владение, пришлю грамоту. Если ты не согласен на мой совет, выходи, дабы нам испытать сразу, кому из нас поможет счастье». Посланник ушел, а Афшин укрыл в горах и ущельях 2 тыс. всадников и 3 тыс. пехотинцев, чтобы они были в засаде наподобие отступающих. Когда посланник явился к Бабеку и объявил ему о количестве и свойствах войска Афшина, а такие же сведения принесли и лазутчики, он решил через три дня дать жестокую битву. Афшин же расставил войско в засаду справа и слева .. Итак, в день сражения Бабек вывел войско более чем в 100 тыс. человек пехотинцев. Войско Афшина, судя по тому, что они увидели, показалось им ничтожным. Они вступили в сражение. С обеих сторон яростно сражались. Было много убитых. На закате Афшин обратился в бегство. Отойдя на один фарсанг от лагеря... Афшин возвратился с войском. Бабек и его войско оказались окруженными и, как они ни старались, не нашли путь к бегству. Подоспел Афшин и захватил его. До ночи нападали и избивали, убили свыше 80 тыс... Бабека отвели в Багдад с отличительным знаком. Когда взор Мутасима упал на Бабека, он сказал: «О собака! Для чего ты поднимал смуту, убил столько мусульман?» Тот ничего не ответил. Он приказал отрезать ему руки и ноги... Халиф приказал зашить Бабека в сырую бычью кожу, чтобы оба коровьих рога пришлись к заушным впадинам. Кожа сохла, а его повесили живым, и он висел, пока не умер в мучениях.

Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал Мулька. М.-Л., 1949, стр. 206—220, 224—228

II. РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ

ГЛАВА IV.

Развитие ремесла и торговли. Рост городов в Западной Европе

•

ТЕМА

ОТДЕЛЕНИЕ РЕМЕСЛА ОТ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Изучение этой темы начинается с ознакомления с успехами в развитии хозяйства к X в., которые привели постепенно к отделению ремесла от сельского хозяйства. Документ 1 (два отрывка) иллюстрирует появление в то время новых, более совершенных орудий труда, в том числе ремесленных, а также новых способов обработки сырья и, наконец, ремесленников как особой общественной профессии.

Далее учитель переходит к описанию процесса возникновения городов. Этому вопросу посвящены документы 2 и 3. В первом имеются сведения о городах разного происхождения: в одном случае ремесленники выделялись из среды земледельцев, в другом — из среды скотоводов. Второй документ освещает правила общественной жизни в поселении, которое стало городом.

1. ТЕОФИЛ. «ЗАПИСКА О РАЗЛИЧНЫХ РЕМЕСЛАХ»

В X столетии немецкий монах Теофил, странствуя по Европе, наблюдал за работой ремесленников во многих местах, а потом написал руководство для монастырских мастерских. В нем содержатся сведения о том, как нужно изготовлять краски, делать мозаику, точить дерево, дуть стекло и обрабатывать металлы. Приводим две рекомендации Теофила.

О сооружении кузницы

Построй дом, широкий и высокий, вытянутый в длину на восток. На его южной стене сделай окна, сколько сумеешь и захочешь, но так, чтобы между каждыми двумя окнами было не менее пяти шагов. Затем отдели половину дома для литья металла и обработки меди, олова и свинца и поставь стенку до самой крыши. Оставшееся пространство снова раздели стеной на две части. В одной стороне ты будешь обрабатывать золото, в другой — серебро. Окна не должны подниматься над землей более чем на локоть. Вышина окон — 3 локтя, ширина — 2 локтя

О расцвечивании золота

Возьми купорос, помести его в чистый сосуд из огнеупорной глины, поставь сосуд на угли и держи, пока купорос не потечет, а затем пусть купорос застынет. Извлеки его из сосуда и положи прямо на угли, аккуратно прикрой и дуй на него мехами, пока он не раскалится и приобретет красный цвет. Тут, не медля, вытаскивай его из огня, дай ему остыть, истолки его в деревянной чаше железной ступкой, добавь сюда третью по объему часть соли, смешай с вином или с мочой и энергично толки его вновь, пока он не загустеет наподобие дрожжей. Пером нанеси эту массу на позолоченную поверхность так, чтобы золото было полностью покрыто, поставь на угли и держи, пока не засохнет и на всей поверхности покажется дымок. Сняв тотчас с огня, помести в воду, обмой и протри тщательно чистой щеткой из свиного волоса, снова просуши на углях, обмотай чистым полотном и держи, пока не остынет.

«Хрестоматия ..», т. I, 1961, стр 454.

2. АЛ-КАЗВИНИ. «ПАМЯТНИКИ ГОРОДОВ»

Неизвестные нам ученые X столетия, в основном монахи, а также путешествовавшие с товарами купцы описывали города, встречавшиеся им в дороге. Эти сведения переходили из книги в книгу. В XIII в. арабский ученый Закария-ибн-Мухаммед ал-Казвини составил географическую энциклопедию «Памятники городов и сообщения о подданных аллаха», для чего использовал старинные известия. Публикуемый здесь отрывок из его сочинения относится к городам X в. в Германии и Нидерландах.

Фульда — большой город в стране франков, выстроенный из камня. Населен он только монахами... Город этот — большая церковь, весьма чтимая у христиан. Утрехт — большой город у франков, с большой территорией. Страна их — соляное болото, на котором не произрастают ни злаки, ни деревья. Живут они скотоводством, от молока и шерсти. В их стране нет дров для топлива, а лишь земля[1], которая заменяет им дрова... Они вырезают ее на своих лугах в виде кирпичей.

Майнц—очень большой город. Часть его заселена, а другая—засеяна. Лежит он в стране франков на реке, называемой Рейн, и богат он пшеницей, ячменем, рожью, виноградниками и фруктами. Есть там дирхемы самаркандской чеканки 923 и 924 гг. с именем государя и годом выпуска... Далее следует отметить, что есть там пряности, которые встречаются лишь на самом дальнем Востоке, хотя сам Майнц лежит на самом дальнем Западе. Есть, например, перец, имбирь, гвоздика, лавенда, кост, галанга. Они привозятся из Индии, где растут во множестве.

Там же, стр. 479—480

---

[1] Торф.

3. ПОСЛАНИЕ О МАГДЕБУРГСКОМ ПРАВЕ

Магдебург как город ведет начало с 805 года. Он возник в месте, где немецкие ремесленники продавали свои изделия славянам из племени вендов. Позднее магдебургские порядки были записаны и широко распространились в городах Центральной и Восточной Европы. Вот начальная статья этого городского права, посланного в 1304 году шеффенами Магдебурга жителям города Гёрлиц по просьбе его патрициата.

Статья 1

Когда был основан город Магдебург, он получил право по своей доброй воле и по совету мудрейших. На совет созывали (горожан), чтобы они избрали заседателей (шеффенов) и советников (ратманов), шеффенов — на длительный срок, а советников — на один год. Они дали тогда присягу и присягают с тех пор каждый год, когда их избирают, в том, что не будут щадить своих сил, чтобы блюсти честь и добрую славу города по совету мудрейших. Ратманы собираются на городской суд, когда они пожелают, по совету мудрейших, когда объявляют призыв на помощь, и тогда они вызываются согласно их присяге... То, в чем они поклялись в городском суде, они должны всегда соблюдать. Тот, кто нарушит это, должен отвечать (перед судом). Если кто не явится на городской суд, когда звонит колокол, платит шесть пфеннигов. Если ему сообщают о городском суде (а он не явится), то уплачивает 5 шиллингов. Советники облечены властью разбирать различные дела, относящиеся к нарушению правил относительно мер и весов и продажи съестных припасов. Нарушители этих правил должны платить штраф в сумме 3-х вендских марок, т. е. 36 шиллингов.

«Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы», стр. 388.

ТЕМА.

РАЗВИТИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМЕСЛА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ

Целесообразно начать изучение темы с рассказа о достижениях средневекового ремесла. Помещенные ниже первые два документа описывают прогресс в добыче и обработке полезных ископаемых при наличии некоторых тенденций развития будущей мануфактуры (документ 1) и в производстве ремесленниками разнообразных товаров (документ 2).

Следующая группа документов позволяет осветить круг вопросов, касающихся организации ремесленных цехов и общих порядков в них (документы 3, 4, 6), а также производственных ограничений в ремес-

ле, тормозивших его развитие цехами (документ 5). Важнейшую часть темы составляет вопрос о взаимоотношениях внутри цехов. Документы 7 и 8 показывают, как мастера нанимали учеников и какими правилами обладали последние. Еще три документа освещают борьбу подмастерьев против притеснений со стороны мастеров и городских советов.

1. Ж. ДОВЭ. «СТАТУТЫ ДЛЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ РУДНИКОВ»

В 1454 г. французский королевский чиновник Жан Довэ, исполнявший обязанности советника и генерального прокурора, написал инструкцию о порядках в государственных рудниках и шахтах. Инструкцию он разделил на отдельные статьи.

5. ...Управляющий будет самым тщательным и добросовестным образом, как он только может, распоряжаться горными мастерами указанных рудников и будет требовать от них, чтобы они посещали и осматривали каждый день — один или несколько раз в зависимости от необходимости — шахты, траншеи и помещения рудников; должен знать, как горные мастера руководят работой забойщиков, в каких помещениях и как они работают и какую руду они добывают, а также, как они организуют и руководят группами подсобных рабочих, если они добывают руду вне указанного рудника, выполняют земляные, водные и прочие работы, а также, как они руководят плотниками и рабочими, занимающимися изготовлением подпорок для шахт, чтобы они должным образом укрепляли траншеи, шахты и другие помещения указанных рудников. И обо всем, что будет сделано, выработано и выполнено в рудниках в течение дня, они докладывают вечером названному управляющему...

7. Также он должен направлять в кузницы указанных рудников самых лучших и старательных кузнецов, которые должны будут без задержки ковать железные клинья, молоты и прочие железные орудия для указанных рудников таким образом, чтобы рабочие указанных рудников не бездействовали и чтобы работа их ничем не задерживалась...

9. Также он должен наилучшим образом следить за подсобными рабочими указанных рудников, как за теми, которые находятся на жалованье и содержании короля, так и за теми, которым по подряду поручено выкачивать воду, выгружать землю и руду из указанного рудника. Да будет известно, что они будут работать и извлекать то количество бочек воды, земли и руды, которое они должны извлечь...

15. Также указанный управляющий будет посещать — обычно не менее двух или трех раз в неделю — плавильни названных серебряных рудников как в Коне и Вэне, так и в Брусье и наблюдать, как мастера литейщики и обжигальщики работают над рудой, литьем и обжиганием. И если названный управляющий

там найдет какой-либо беспорядок, он примет наилучшие меры для восстановления порядка...

44. Также все рабочие ежедневно должны держаться своих смен, как в последнее время принято делать, и должны все вместе собираться незадолго до смены перед входом в рудник, где они берут свои свечи, и входить все вместе по двое внутрь указанных рудников. И если кого-либо из них не было в этот час с ними и он пришел немного позже, даже при самой незначительной задержке он не получит свечи и не спустится во внутрь указанных рудников в этот день.

45. Также когда указанные рабочие будут внутри указанных рудников, они должны ждать другую смену, которая должна прийти после них, и не покидать своих помещений до тех пор, пока следующая смена не придет и не войдет в указанные рудники...

«Хрестоматия», т. II. М., 1963, стр. 391—397

2. ТОВАРЫ НАРБОННСКОГО РЫНКА

В XIII в. Тулузское графство вело торговлю ремесленными изделиями через город Нарбонну на Средиземном море. Прибывавшие в Нарбонну корабли из других стран и французские купцы платили пошлины за продаваемые товары. Ниже перечисляется часть этих товаров, упоминаемых в перечне пошлин. Многие из них ранее отсутствовали.

Цветное и белое французское сукно... Красное сукно, окрашенное кошенилью. Фижакское, кагорское и альбийское сукно. Леридское сукно, коричневое и пурпуровое. Нарбоннское сукно. Грубые полотна и холст. Шампанские полотна. Реймсские полотна. Белая и цветная ломбардская и барселонская бумазея. Белая и крашеная барселонская бумазея. Кордовская кожа и бараньи шкуры, подбитые кордовской кожей. Оленьи шкуры. Красная кордовская кожа. Дубленые бараньи шкуры. Кроличьи и беличьи шкурки. Кроличий мех. Шкуры выдры. Шкуры козлят. Воск и головы сахару. Квасцы... римский тмин, миндаль; камедь, чернильный орешек... рис, шерсть, лен, конопля, медь, латунь... олово, железные горшки, бургундская и иная проволока. Железо. Сталь. Белила и твердое мыло. Жидкое мыло. Тортозская смола. Пюиская смола. Крупитчатая мука. Свинец. Фиги, изюм, каштаны, мед, сера, красильный желтник, деготь, солонина. Подпруги. Тетивы. Веревки. Орехи. Жир, сало и сыр. Масло. Вино. Рожь. Наконечники копий и металлические пластинки. Стремена. Шпоры. Шерстяные одеяла. Чашки. Обработанный букс. Зеркала. Ложки. Серебро. Золото. Панцыри... Бумага. Корзины. Кочерги. Сошники и мотыги. Стаканы. Сосуды.

«Средневековье в его памятниках», стр. 171—173.

3. КНИГА ОБЫЧАЕВ

«Книга обычаев» — это регламент ремесленных гильдий[1] Лондона, составленный в XIII в. Позднее она пополнилась добавлениями.

В 1345 г. лондонские ткачи приняли правила взаимоотношений с городским советом, с другими цехами и определили порядок выпуска определенных тканей. Это постановление приводится ниже.

Постановление лондонской гильдии ткачей

Да будет ведомо, что во вторник, после праздника св. Гилярия, в 28-й год царствования короля Эдуарда, Джон де К. и Вальтер Р., бейлифы гильдии ткачей в г. Лондоне и все члены гильдии были вызваны к Элиасу Русселю, мэру этого города, чтобы ответить перед Фульком из Сент-Эдмондса и Генрихом де Дж., бейлифами гильдии прядильщиков по поводу решений, установленных в незапамятные времена, но принятых в более позднее время тогдашним мэром г. Лондона, олдерменами этого же города и «добрыми людьми», избранными обеими гильдиями, как прядильщиков, так и ткачей. Вышеупомянутые же Вальтер и Джон и другие члены гильдии ткачей нарушили эти постановления к ущербу для всей общины г. Лондона и ремесленной гильдии прядильщиков. В отношении этих постановлений вышеупомянутые Вальтер и Джон и другие члены этой гильдии были привлечены к ответственности вышеупомянутым мэром; вышеозначенные и другие члены этой гильдии сознались, что они нарушили в некоторых пунктах справедливые обычаи и просили простить их за это. Далее они просили, чтобы мэром и «добрыми людьми» были составлены и утверждены навсегда некоторые постановления, которые город имеет в своем распоряжении, и если кто-нибудь нарушит их, должен быть задержан и наказан по распоряжению мэра и олдерменов г. Лондона. Для того, чтобы составить такие постановления с согласия мэра и олдерменов и с согласия обеих гильдий, были избраны (следуют имена 5 олдерменов, 4 прядильщиков и 8 ткачей).

III. Они должны всегда придерживаться нижеизложенных постановлений, т. е. по четвергам у них должно быть заседание гильдейского суда, если будет необходимо разобрать какое-нибудь дело, мэр города должен председательствовать в этом суде, если на то будет его согласие. Если же мэр не может или не хочет присутствовать на этом суде, он должен назначить четырех почтенных людей этой ремесленной гильдии, чтобы вести заседание суда; и эти четверо должны ежегодно переизбираться с согласия всех членов гильдии и каждый раз представляться мэру...

---

[1] В средние века *гильдией* называлось почти любое корпоративное объединение ремесленников, купцов, крестьян, плебса и т. д. в случае, если этот союз был образован для защиты сословных или профессиональных интересов.

VII. В тяжбах, возникающих из-за пряжи, доставляемой ткачу, истец должен подтвердить свой иск свидетельством двух правомочных людей; в противном случае ответчик может, опираясь иа существующий закон, представить шесть соприсяжников в свою пользу.

IX. И если будет обнаружена ткань, сделанная из грубой, неотделаиной пряжи с очесами и предназиачеиная для продажи, мэр должен получить полмарки, как штраф за нарушение правил.

X. И если будет обнаружена ткань, сделаниая из грубой белой шерстяной пряжи, которая предназначена на продажу, мэр получит половииу марки, как штраф за нарушение правил.

XI. И если будет обиаружена ткань, приготовленная иа продажу и сделаиная из пряжки, основа которой крашена мареной[1], а уток — вайдой[2], мэр также получит половину марки, как штраф за нарушение правил.

XII. И если кто-нибудь не из членов этой гильдии будет привлечен к суду шерифа, вышеупомянутые четверо «добрых людей» из этой ремесленной гильдии или, по крайией мере, двое из них должны прийти на суд шерифа и передать это дело в суд гильдии; и если этот самый истец подвергается штрафу со стороны их ремеслеииой гильдии, штраф получит шериф, в чьем суде разбиралась сперва эта тяжба. А если ремесленник — член гильдии — присужден к уплате штрафа по делу, связанному с другим ремеслеиником этой же гильдии, штраф получит гильдия для поддержаиия ее благосостояния.

XIII. И ни один ткач не возьмет ученика на срок меньший, чем семь лет, и при этом за определенную сумму деиег, о которой договорились мастер и учеиик; и это соглашение должно быть зарегистрировано в суде.

XIV. Никто из посторонних (негорожан) не получит права держать мастерскую, если только ои не ткач и не человек, знающий свое ремесло; и если он придет из другой местности, он должен принести от бейлифов той местиости письмо, рекомендующее его с хорошей стороны, а именно: что он хорошо и в соответствии с законом вел себя в этой местности и оставил ее по причине какого-нибудь несчастья; и тогда иикто из почтенных людей г. Лондона или ремесленников этой специальиости не могут возражать против него или обижать его каким-либо образом; и имеиа всех тех, которые держат мастерскую, должны быть зарегистрироваиы...

И так как было запрещеио ремеслеиникам этой гильдии изготовлять ткаиь в 40 локтей в срок меиьший, чем четыре дня,

[1] Т. е. в коричневый цвет.
[2] Т. е. в синий цвет.

теперь предполагается, что каждый может сделать ее в гораздо более короткий срок, если только будет хорошо и честно работать.

И если раньше запрещалось ремесленнику этой гильдии работать между праздниками пасхи и рождеством, то теперь предполагается, что каждый человек и в это время смело может делать все так же хорошо, как и в другие времена года, без препятствий и без помех, предполагая, что он работает хорошо и честно и не работает ночью.

Также предполагается, что когда умирает ткач, который имеет две мастерских, и одна после его смерти достается его жене,— жена может на законном основании держать ее до того времени, пока не выйдет замуж за человека, не занимающегося ткацким ремеслом. А когда она выйдет замуж за человека, который не является членом вышеупомянутой гильдии, она должна оставить эту мастерскую и передать ее тому, кто является членом указанной гильдии.

И так как ранее было запрещено ремесленникам-ткачам сдавать свои станки в наем в его мастерской, теперь допускается, что он может делать это в пределах города и по отношению ко всем членам ремесленной гильдии, в которой он состоит.

XVII. И предполагается, что ни один ткач не будет вырабатывать ткани по образцам французского города или ткань из грубой шерстяной пряжи с переплетом ниток по диагонали, или из пряжи ярко-зеленого цвета, или ткань с крапчатой основой... и эта ткань должна иметь в длину шесть копий и во всех частях своих — добротной и хорошо сделанной; то ткань типа «меньюет» и ткани, изготовляемые по образцу некоторых нормандских и ломбардских городов и подобные им, могут быть вытканы по образцу г. Эндли; предполагается, что ни один ткач не будет ткать полосатые ткани ни по образцу г. Эндли, ни по какому-нибудь иному образцу.

XVIII. И никакая ткань не будет изготовляться из шерстяных очесов черного цвета или из грубой пряжи; и никто не будет изготовлять ткани из смешанной испанской и английской пряжи, но каждую ткань из пряжи должно изготовлять одного какого-либо сорта.

И ни в какой ткани не должна быть обнаружена основа из пряжи, окрашенной в цвет мареной, а не вайдой; и никакая пряжа черного цвета не может быть употреблена в тканье вместо синего цвета разных оттенков.

XIX. И никакая английская шерсть не может быть окрашена в черный цвет, в какой могут окрашиваться только испанские ткани, которые должны быть изготовлены только из испанской пряжи, без смешивания ее с какой-нибудь другой, и должна весить, по крайней мере, одиннадцать фунтов, когда она выходит из рук ткача.

XX. И нитки утка не будут помещены вместо основы ни в какой ткани, как испанской, так и английской.

XXI. И каждая ткань, как вытканная по образцу г. Эндли, так и в стиле «меньюет», должна иметь в весе, по крайней мере, девять фунтов, когда она выходит из рук ткача. И что каждая ткань коричневого или черного цвета должна иметь в весе девять фунтов с половиной.

XXII. И все иноземные полосатые ткани синего и ярко-зеленого цвета размером в шесть копий в длину должны иметь в весе, по крайней мере, десять фунтов.

XXIII. И каждая ткань должна иметь шесть четвертей и один локоть ширины между кромками.

XXIV. И должны быть назначены контролеры над тканями, чтобы они были хорошими и добросовестно сделанными, когда они выходят из рук ткачей. И предполагается, что никакие иные повышенные требования не должно предъявлять к ткани, если только это не будет в результате соглашения между тем, кто заказывает ткани, и самим ткачом; предполагается, что ткань будет добросовестно сделана.

И допускается, что если мастерская ремесленника разделена между несколькими лицами из-за бедности того, кому она принадлежит, такие бедняки могут вновь владеть своими мастерскими, если уплатят то, что им полагается по праву.

И разрешается и жалуется, что ткачи будут иметь свой суд, который они должны иметь; но они не будут налагать штраф на человека, который не принадлежит к их гильдии.

«Ученые записки МГПИ имени В И Ленина», т LIX, вып. 3. «Средневековый город» М , 1949, стр. 54—59.

4. ЦЕХОВОЙ УСТАВ КЕЛЬНСКИХ ТКАЧИХ ШЕЛКОВЫХ ИЗДЕЛИЙ

Цеховые порядки фиксировались в специальных уставах.

Так, в немецком городе Кельне имелось четыре исключительно женских цеха. Кроме того, женщины могли работать наряду с мужчинами в большинстве прочих цехов. Приводим устав цеха мастериц шелковых дел, принятый в 1469 г.

Наши предки — бургомистры и совет города Кёльна... учредили женский шелкоткацкий цех, утвердили его на прочих законах и предписаниях и дали означенным ткачихам устав, приложив к нему городскую печать; в этом уставе содержалась оговорка, что если бургомистры и совет найдут его в чем-либо не соответствующим общему благу, то они вправе во всякое время по мере надобности расширить или сократить его. Устав был дан по предложению и нижайшей просьбе наших дорогих и верных

бюргерш и жительниц из числа ткачих шелковых изделий, возбужденной ими из-за того, что ремесло, которым они занимались в течение ряда лет почетным и похвальным образом, стало приходить в заметный упадок, с одной стороны, из-за некоторых новшеств, с другой — из-за отсутствия у них до сих пор писаных законов, подобных тем, какими обладают другие ремесла; сверх того, устав дан во славу всемогущего бога и нашего города, во имя общего блага и, наконец, ради того, чтобы купец, как свой, так и приезжий, не рисковал быть обманутым...

1. ...Ни одна женщина, принадлежавшая к этому цеху, не имеет права занять положение главной мастерицы по выделке шелка, не проучившись и не прослужив три года в этом цехе. Учение она должна пройти у главных мастериц цеха... Таким образом, если она не уживется у одной мастерицы, то может продолжать учение у другой, не иначе, однако, как с ведома цеха.

3. Главная мастерица имеет право держать у себя одновременно не больше 4 учениц... не считая ее собственных детей.

4. Ткачиха может обучать девушек ремеслу только у себя дома, держа их на своем иждивении под угрозой исключения из цеха навсегда. Следует, однако, оговорить, что если какой-либо бюргер или житель Кельна пожелает, чтобы дочь его дома обучалась этому ремеслу у лица, изучившего его и приобретшего права мастерицы, то это разрешается...

6. Девушка, желающая изучить ремесло, должна уплатить цеху 1 марку для осведомления властей о том, что она приступила к учению, чтобы ее могли записать...

7. Запрещается вышеупомянутым мастерицам и их мужьям производить шелковые изделия из пряжи, изготовленной не в Кельне, и отдавать их красить. Нарушившие это правило караются отобранием шелка, половина которого поступает в пользу совета и бургомистра, а другая половина — в пользу старшин цеха. К тому же означенные лица теряют право в будущем заниматься производством шелковых изделий...

9. Запрещается окрашивать шелк ... вайдой. Нарушивший это правило уплачивает 5 марок штрафа с каждого фунта шелка...

11. Если какая-либо главная мастерица нашего города уедет отсюда, то она теряет после этого право заниматься у нас своим ремеслом. Это постановлено для того, чтобы защитить интересы купца.

12. ...Ни ткачихи шелковых изделий, ни кто-либо по их поручению не имеют права изготовлять парчу, иначе как из парчового шелка; уток должен быть из золота и серебра такого качества, как это принято в нашем городе. Нарушение этого правила карается 5 марками штрафа с каждого фунта шелка.

13. Шелковые шнуры разрешается делать лишь так, чтобы уток был из парчового шелка; при желании можно примешивать хороший шнуровой шелк. Нарушивший это постановление уплачивает 5 марок штрафа.

14. Запрещается примешивать к парче или шнурам крашеную или некрашеную пряжу. Нарушивший это правило теряет право заниматься выработкой шелковых изделий, а товар, изготовленный таким образом, сжигается.

15. Запрещается кому бы то ни было прясть шелк из узлов... или продавать узлы в сыром виде; совершивший этот проступок наказывается отнятием шелка и узлов, которые подвергаются сожжению. Сверх того, он уплачивает с каждого фунта пряжи 40 марок штрафа.

16. Мастерицы, принадлежавшие к шелкоткацкому женскому цеху, не имеют права отдавать шелк для прядения или другой обработки лицам, живущим вне Кельна, а также бегинкам и духовным, проживающим в монастырях и скитах... Нарушившие это правило лишаются права заниматься своим ремеслом.

17. ...Тем, которые за заработную плату прядут шелк, делают парчу или шнуры или как-либо иначе участвуют в изготовлении шелковых изделий, следует платить по обычной норме и не иначе как деньгами, имеющими хождение в Кельне, а не каким-либо другим товаром. Нарушивший это правило уплачивает штраф в размере стоимости того товара, за производство которого была дана заработная плата...

19. Главным мастерицам разрешается красить только собственный шелк. Нарушившие это постановление лишаются права заниматься ремеслом...

20. Все лица, принадлежащие к этому цеху обязаны оказывать повиновение старшинам во время обхода, совершаемого этими последними для осмотра шелка и шелковых заведений...

21. Если старшины найдут, что работа неправильно исполнена и не является добротным товаром, то они отбирают его и представляют властям. Тот, у кого найдено это изделие, должен сам разрезать его на куски и, сверх того, уплатить с каждого лота по 2 шиллинга штрафа...

24. Если кто-либо, занимающийся этим ремеслом, будет призван властями на суд и не последует призыву, то он платит штраф в размере 3 вейспфеннигов (букв.— белых пфеннигов) за первое ослушание, 6— за второе и 2 марки — за третье.

25. Одна треть штрафов, взыскиваемых старшинами, поступает ежегодно в пользу города, вторая треть — в пользу цеха, а третья — в пользу того, кто донес и сообщил.

«Хрестоматия», т. II, 1963, стр 472—477.

5. УСТАВ ФРАНКФУРТСКИХ СУКНОДЕЛОВ

Некоторые цеховые уставы почти целиком были посвящены производственным ограничениям, тормозившим дальнейшее развитие ремесла. Таков, в частности, устав франкфуртских суконщиков, утвержденный в 1345 г.

Мы, мастера-сукноделы Франкфурта, извещаем господ шеффенов и весь совет о наших правах и обычаях, как мы их сохранили исстари:

1. Никто из членов нашего цеха не должен делать сукон с каймой, разве только по закону шеффенов, которые вместе с членами их семей могут носить такие сукна...

12. ...Если будут найдены сукна с каймою или с порезанными местами, или они окажутся сделанными из обрезков и клочков шерсти, или подправленными светлой пряжей, такие сукна должны быть отобраны у мастера, а последний вносит 1 фунт геллеров штрафа.

13. Если кто-нибудь отдаст ткань или отделывать сукно за город, а потом обнаружится, что оно с каймою, то сукно отбирается, а мастер лишается права заниматься ремеслом в течение года; по истечении срока он может просить мастеров наших о снисхождении, но обязан внести 5 марок штрафа.

14. Никто не должен окрашивать в пестрые цвета сукна с каймою...

15. Такой же штраф уплатит тот, кто работает более чем на двух ткацких станках...

24. Если будет найден у кого-нибудь спрятанный ткацкий станок, с того следует 1 марка...

29. Кто делает сукна, должен вырабатывать их длиной в 33 локтя и без каймы; кто сделает сукно длиннее, платит мастерам 1 фунт...

31. Кого застанут ночью за работой, тот платит 1 марку...

40. Никто не должен давать ткачу со дня сретения господня, когда освещают свечи, и до дня св. Михаила более 16, а в другое время более 14 геллеров поденной платы; если же он работает сдельно, то ему следует платить 5 шиллингов с куска десятимоткового сукна, если работа все время одинаковая; если же работа меняется, то он и его мастер должны договориться, и за девятимотковое сукно уплачивается $5^1/_2$ шиллингов...

47. Никто не должен сманивать у другого людей, будь то работник или работница... Штраф — полмарки.

«Немецкий город XIV—XV вв» Сб материалов. М., 1936, стр. 36—38.

6. УСТАВ ЛЮНЕБУРГСКИХ ПОРТНЫХ

Контроль за соблюдением цеховых уставов и спорные вопросы обсуждались на особых собраниях. Тип такого собрания описан в Люнебургском статуте (Западная Германия) 1552 г.

Хотя цеховые собрания, происходящие во всех цехах в доме самого пожилого старшины, назначаются как утром, так и после обеда, но из значения самого слова явствует, что в старые времена они всегда происходили утром до обеда. Следовало бы и сейчас хорошенько взвесить это обстоятельство и — поскольку это возможно и не вызывает препятствий — следовать доброму, старому обычаю, так как послеобеденное время часто приносит с собой разного рода обстоятельства, не особенно благоприятствующие цеховым собраниям.

Каждый раз, когда старшина почтенного цеха имеет намерение назначить цеховое собрание, он созывает заседателей своего цеха... так как в отсутствие последних запрещается устраивать цеховые собрания, что ясно выражено в присяге старшин...

Когда наступает время идти на цеховое собрание, то четверо самых молодых членов цеха отправляются за господами заседателями и с почетом провожают этих последних от их жилищ до дома самого пожилого старшины. Старшина следит за тем, чтобы члены цеха сидели в порядке их значения и соответственно продолжительности их пребывания в цехе. Он поручает двоим самым младшим членам цеха обойти всех подряд и посмотреть, нет ли у кого-нибудь из присутствующих длинного ножа, или брекефельдского ножа, или кинжала.

Старшина: Старшина обращается к заседателям и спрашивает, угодно ли и удобно ли их милости заседать и охранять собрание. На это заседатели отвечают: «Да». Тогда старшина вызывает кого-либо из членов цеха и говорит: «Я спрашиваю тебя, достаточно ли теперь поздний час, чтобы я мог заседать и охранять цеховое собрание?»

Ответ: «Так как вам дана власть нашим почтенным советом и присутствующими здесь заседателями, то вы — поскольку это зависит от времени дня — можете заседать и охранять цеховое собрание»...

Старшина: «Я запрещаю ссоры и брань, а также выступления от чужого имени без согласия наших заседателей и старшин. У кого есть дело, пусть выступит вперед». Тогда те, у кого есть дело, просят дать им защитника; последний обращается за разрешением... выступает и защищает нужды поручившего им это. Таким образом продолжается собрание, пока есть лица, имеющие какое-либо дело или жалобу. Когда же все вопросы исчерпаны и наступает время закрыть собрание, то старшина опять вызывает кого-либо из членов цеха и обращается к нему с вопро-

сом. «Я спрашиваю вас, можно ли будет в ближайшем цеховом собрании рассмотреть то, что нынче, быть может, было упущено мною, и будет ли тогда наше решение иметь ту же силу, что и нынче?»

Ответ: «Так как вы просите об этом, то вы сможете в ближайшем собрании наверстать упущенное, и решение будет тогда иметь ту же силу, как если бы оно было принято нынче».

После этого он садится, заседатели же встают и уходят. Если им угодно, то четверо самых младших членов цеха могут по приказанию старшин вновь проводить их домой.

Там же. стр. 48—49.

7. ДОГОВОР О НАЙМЕ УЧЕНИКА

Этот договор о найме ученика был заключен в Кельне в 1404 г.

Я, Иоганн Тойнбург, старый бюргер города Кельна, объявляю всем, что отдаю благопристойному мужу, золотых дел мастеру Айльфу Бруверу, моего законного сына Тениса, изъявившего на это свое согласие, для изучения ремесла золотых дел мастера в Кельне. Тенис обязан верою служить вышеуказанному Айльфу Бруверу 8 лет без перерыва, начиная со дня св. апостола Матвея.

... Мастер Айльф обязан кормить моего сына все вышеуказанные 8 лет. Я же, вышеназванный Иоганн, обязываюсь все 8 лет честно одевать его. Если случится, что вышеуказанный Тенис, сын мой, умрет в течение первого года этих восьми лет, то вышеназванный мастер Айльф обязан вернуть мне 8 гульденов из тех 16 гульденов, которые я дал ему теперь вперед. Но если сын мой, тот же Тенис, проживет один день больше первого года, то вышеназванный мастер Айльф не обязан вернуть ни одного геллера ни мне, ни моим наследникам.

Если случится, что я, вышеназванный Тенис, убегу от вышеуказанного Айльфа, моего мастера, и стану самостоятельно заниматься вышеуказанным ремеслом до истечения восьми лет, то я обязан уплатить мастеру Айльфу штраф в 42 гульдена. Для взыскания с меня этой суммы мастер Айльф вправе обратиться в любой суд, духовный или светский, в Кельне или вне Кельна; я же, Тенис, обязан немедленно удовлетворить Айльфа, как если бы речь шла о признанном долге и товаре, принадлежащем гостю. А сверх того я, Тенис, тем не менее остаюсь связанным договором и обязан прослужить до конца 8 лет, как это обычно принято в Кельне, в вышеуказанном цехе.

В удостоверение чего я, вышеуказанный Иоганн Тойнбург, привесил свою печать к этой грамоте, а по моей просьбе и по-

чтенный Якоб Мергейм, мой кельнский согражданин, также привесил к ней свою печать рядом с моей. Под каковой печатью я, Тенис, подтверждаю, что все приведенные выше пункты верны и что я обязываюсь исполнить их, как и все то, что выше написано обо мне.

Там же, стр 56

8. КНИГА РЕМЕСЕЛ

В 1268 г. по распоряжению французского королевского чиновника Этьена Буало были записаны обычаи 100 парижских цехов, сведенные в «Книгу ремесел». Приводим одну из этих записей.

Статуты парижских ткачей шерсти

1. Никто не может быть в Париже ткачом шерсти, если не купит ремесло у короля. И его продает от имени короля тот, кто купил его у короля, одному дороже, другому дешевле, как ему заблагорассудится.

2. Ни один ткач шерсти и никто другой не должен иметь мастерскую в пределах Парижского округа, если не умеет собственноручно заниматься ремеслом, если он не сын мастера.

3. Каждый парижский ткач шерсти может иметь в своем доме два широких станка и один узкий, а вне дома он не может иметь никакого, если он не хочет иметь его на тех же правах, на которых мог бы иметь его чужак...

5. Каждый ткач шерсти может иметь в своем доме одного из своих братьев и одного из своих племянников, и для каждого из них может иметь в своем доме два широких станка и один узкий с тем, чтобы братья и племянники работали собственноручно, и как только они перестанут работать, мастер не может держать станки. Братья и племянники не обязаны покупать ремесло у короля, ни нести ночную сторожевую службу, ни платить талью, пока они находятся под опекой своего брата и дяди.

6. Мастер — ткач шерсти — не может из-за сыновей или родного из своих братьев или племянников иметь вышеупомянутые станки вне своего дома.

7. Ни один ткач шерсти не может иметь эти станки ни для кого, кроме сыновей от законной супруги, или своих братьев, или племянников.

8. Каждый ткач шерсти в своем доме может иметь не больше одного ученика, но он не может иметь его меньше, чем на 4 года службы и за 4 парижских ливра, или на 5 лет службы за 60 парижских су, или на 6 лет службы за 20 парижских су, или на 7 лет службы без денег.

9. Мастер-ткач может взять ученика на больший срок службы и за бо́льшую плату, но за меньшую он его взять не может.

10. Ученик может выкупиться со службы, если угодно мастеру, но лишь в том случае, если он прослужил 4 года. Но мастер не может ни продать его, ни расстаться с ним, если он не прослужил четырех лет.

11. Мастер — ткач шерсти — не может иметь (другого) ученика, пока длятся четыре года, в течение которых ему может служить (первый) ученик, если этот ученик не умер или не отказался от ремесла навсегда.

12. Если ученик убежит от своего мастера по безрассудству или легкомыслию, он должен возвратить мастеру все издержки и убытки, которые тот понес вследствие его вины, с тем что он может вернуться к ремеслу этого мастера, не у другого, если мастер не хочет его покинуть.

13. Если ученик уйдет от своего мастера по вине мастера, он или его друг должны прийти к старшине ткачей и это перед ним засвидетельствовать; и старшина в течение двух недель должен призвать к себе мастера ученика, сделать ему выговор и сказать, чтобы он достойно содержал ученика, как сына уважаемого человека, одевал и обувал. И если он этого не сделает, ученику подыщут другого мастера...

17. Старшина и двое присяжных, или трое, или четверо... должны смотреть, имеет ли мастер достаточно имущества и знания, чтобы взять ученика. И если старшина и присяжные видят, что мастер, который берет ученика, не имеет нужных качеств для того, чтобы держать ученика, они могут взять с него хороший и достаточный залог, который побудил бы его выполнить все сполна по отношению к ученику, чтобы ученик не терял своего времени, а его отец своих денег...

47. Никто из вышеупомянутого цеха не должен начинать работу раньше восхода солнца под угрозой штрафа в 12 денье мастеру и в 6 денье подмастерью, если только не в силу необходимости закончить штуку сукна; в этом случае подмастерье может прийти (раньше времени), но лишь в течение одного дня...

51. Подмастерья-ткачи должны оставлять работу, как только прозвонит первый удар колокола к вечерне, в каком бы приходе они ни работали, но складывать работу они должны после звона к вечерне.

«Хрестоматия ...», т. I, 1949, стр. 384—386.

9. УСТАВ СОДРУЖЕСТВА ФРАНКФУРТСКИХ ПОДМАСТЕРЬЕВ-ПОРТНЫХ

В противовес порядкам, вводимым богатыми мастерами, подмастерья порой принимали собственные постановления. Нижеследующее относится к середине XV в., когда резко обострилась борьба в цехах.

1. Предлагаемая грамота представляет собой устав подмастерьев-портных, которые работают во Франкфурте в настоящее время или которым предстоит здесь работать, и дан во имя укрепления положения подмастерьев, чтобы они могли мирно проводить свои пирушки. Они согласовали эти статьи между собой и поручили их обсуждение четырем выборным, а именно: Гансу фон Литгейм, сыну Петра Гортмана, сыну мастера Иссенбаха, Иекелю фон Стрену и Герляху из Франкфурта, оставив при этом за нашим франкфуртским советом право увеличить, или сократить предлагаемые статьи, или совсем отменить их, по его усмотрению...

6. Подмастерье, не явившийся на торжественное собрание подмастерьев, платит штраф. .

7. Подмастерье, требующий созыва торжественного собрания, дает четверть вина. если это полное собрание...

8. Хозяин, взявший что-либо в залог у подмастерья, не имеет права дольше двух недель... задерживать этот залог... Кто взял нож из места общественного пользования, тот платит подмастерьям штраф...

9. Запрещается подмастерьям носить трехцветное платье; дерзнувший нарушить это платит штраф...

Запрещается подмастерьям носить платье с разрезами; платье должно состоять из куртки, капюшона и брюк. Нарушивший это правило платит штраф...

Запрещается подмастерьям носить обувь, сделанную из трех сортов кожи. Нарушивший это правило платит штраф...

11. Запрещается подмастерьям носить кольца на пальцах, шелковые галстуки, повязки на шее. Запрещается обвертывать четки вокруг шеи. За нарушение этих запретов полагается штраф...

13. Если подмастерье оштрафован и не платит штрафа, то он лишается своих обычных прав; восстановить их он может лишь путем соглашения с подмастерьями.

14. Хозяин, у которого имеются вещи, данные ему как залог, может в свою очередь заложить их лишь в том случае, если он заявил об этом предварительно тем, кому принадлежат эти вещи...

16. Если кто-либо из четырех выборных нарушит одну из указанных статей, то он платит такой же штраф, как и любой подмастерье...

19. Если кто-либо из четырех выборных даст взаймы деньги другому из них или соберет деньги среди подмастерьев и если затем один или двое выборных уедут, то другие оставшиеся должны отвечать за это. Они же должны следить за тем, чтобы ни один подмастерье не остался что-либо должен кому-нибудь из четырех выборных. Если он не захочет вернуть долга, по обыкновению подмастерьев, то они должны пожаловаться на него общему собранию подмастерьев. Если они поверят его честному сло-

ву и отпустят его, ничего не сообщив об этом подмастерьям, то они должны отвечать перед ними за это. И если какой-нибудь подмастерье уедет отсюда, оставив здесь долги, и жалоба на это дойдет до подмастерьев, то вдогонку за ним следует послать сообщение, что он поступил нечестно.

20. Следует сказать, что подмастерья договорились, что если четверо выборных сделают долги, то они должны будут сами заплатить их или удовлетворить подмастерьев, дав им залог. Те подмастерья, которые этого не исполнят, заплатят обычный штраф...

22. До сих пор в общем собрании старых и молодых... некоторые подмастерья без основательной причины облагались слишком высокими штрафами. Во избежание этого теперь устанавливается, что во время торжественного собрания подмастерьев четыре выборных подмастерья кооптируют еще 16 или 18 человек наиболее честных и разумных подмастерьев, которые по справедливости устанавливают штрафы.

«Немецкий город XIV—XV вв», стр 60—62

10. ПРИЗЫВ ПОДМАСТЕРЬЕВ К ЗАБАСТОВКЕ

Иногда подмастерья из разных городов заключали союз и совместно боролись против эксплуатации их мастерами. Таково по содержанию воззвание от 1470 г., хранящееся в Страсбургском городском архиве. В XI—XIII вв. подобные явления еще не наблюдались.

Призыв к забастовке, обращенный подмастерьями-скорняками Вильштета к подмастерьям-скорнякам Страсбурга

Сердечный привет, добросовестные дорогие друзья-подмастерья из цеха страсбургских скорняков! Мы просим вас, дорогие друзья-подмастерья, чтобы вы прекратили работу в Страсбурге до тех пор, пока мастера не согласятся соблюдать наши старые обычаи и грамоты, скрепленные печатями. Если же вы не сделаете того, о чем мы просим, то знайте, что все добрые подмастерья поставят вам это в вину и вам придется отвечать за это... Мы надеемся, что вы не пойдете против всех добрых подмастерьев и не дадите уговорить себя. Если бы это случилось, то подмастерья лет 10—20 не забыли бы вам этого. Упаси вас бог от этого. Делайте нам то, что вы хотели бы, чтобы мы делали вам. Порядки же, которые хотят ввести наши мастера, не существуют нигде: ни в немецких, ни в итальянских, ни в языческих странах. Мы, подмастерья, должны крепко держаться друг за друга, ибо мастера других городов поддерживают страсбургских мастеров...

Там же, стр 63.

11. ПОСЛАНИЕ КОНСТАНЦСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА

В противовес союзам подмастерьев городская знать в свою очередь вступала в сговор. Приводим послание из Южной Германии, адресованное городскому совету Страсбурга, датируемое 1410 г.

Дальновидным, мудрым, отличным, дорогим и добрым друзьям. Наперед и навсегда выражаем вам нашу готовность к оказанию любезностей и услуг. Отличные добрые друзья, доводим до вашего сведения, что с некоторых пор подмастерья-портные, работавшие у нас, начали устанавливать различные порядки, направленные против нас и мастеров-портных. Мы отменили эти порядки и заставили подмастерьев отказаться от них. Кому это не было угодно, тому предоставлялось уехать (из Констанца). Случилось так, что ушедшие от нас приехали к вам. И вот ваши подмастерья-работники налагают наказания и штрафы на тех, которые остались у нас, и снимают подмастерьев с работы. Это нам кажется несправедливым и может принести нам и всей стране большое горе. Как друзья ваши мы сердечно просим вас подумать об этом деле и приложить все старания к тому, чтобы у вас произвести изменения в этом смысле, чтобы вы и мы и ваши и наши мастера-портные были избавлены от таких новшеств и от такого дурного поведения работников...

Там же, стр. 67.

ТЕМА.

БОРЬБА ГОРОДОВ С ФЕОДАЛАМИ. ЖИЗНЬ И БЫТ ГОРОЖАН

Для характеристики данной темы прежде всего отобраны документы, иллюстрирующие борьбу горожан за свою свободу, которая часто заканчивалась провозглашением коммуны[1] и приносила городам освобождение от власти сеньоров (документы 1—5).

Документ 1 относится к тому времени, когда Страсбург подчинялся еще епископу и все должностные лица города находились под его властью. Безопасность и мир горожанам обеспечивал его сеньор, который «инвестировал своей властью» должностных лиц города (т. е. поручал им руководить городским управлением). Горожане со своей стороны обязаны были нести в пользу сеньора барщину и оказывать ему всевозможные услуги. Эти повинности мало чем отличались от повинностей крестьян. Ясно, что по мере усиления города он начинает все больше тяготиться зависимостью от сеньора и стремится от нее освободиться. В документе 2 фиксируются те права, которых добились горожане Сент-Омера, создавшие у себя коммуну. Документ 3 представляет собой хартию, дарованную горожанам Бомона в 1182 г. архиепископом Реймсским. По образцу этой хартии многие города Франции получили

[1] *Коммуна* — городская община, члены которой отвоевали или отсудили у своих феодальных сеньоров права самоуправления.

освободительные грамоты. Успех ее заключался в том, что жители города получали не только личную свободу, но и выборный орган самоуправления — присяжных, мэра.

Документ 4 рисует яркую картину борьбы горожан города Лана с сеньором-епископом Годри, типичным представителем своего класса. Из документа следует, что горожане Лана, обладая уже некоторой материальной силой, в юридическом отношении оставались в той же зависимости от своего феодала, что и раньше. Сеньор по-прежнему мог грабить и притеснять их, издеваться над их человеческим достоинством. Поэтому в городе и вспыхивает восстание, в результате которого Ланская коммуна была уничтожена. Король Франции, Людовик VI, признавший коммуну, вероломно нарушил свое обещание.

В документе 5 отражено стремление горожан Лана к свободе, которое было так велико, что, несмотря на жестокое подавление восстания королевскими войсками, волнения жителей возобновились. Поэтому в 1128 г. преемник Годри вынужден был даровать жителям Лана коммуну на прежних основаниях. Грамота была утверждена королем Людовиком Толстым. Но в документе решили не упоминать слово «коммуна», и новое самоуправление города назвали «учреждением мира». История Ланской коммуны типична для многих средневековых городов.

В трех отрывках документа 6 (а, б, в) зафиксировано известное право, по которому крепостные крестьяне, бежавшие от своего сеньора или ушедшие с его согласия в город на условиях уплаты оброка, становились через определенное время (год и один день) лично свободными. Город, таким образом, стал в средние века символом независимости, и сюда, спасаясь от феодального гнета, устремлялись тысячи крепостных. Ни один феодал не имел права схватить в городе бывшего своего крепостного, теперь уже свободного горожанина, и вновь превратить его в подневольного человека. В этом отношении интересен параграф 32 из хартии Сент-Омера, в которой выражено стремление города взять под защиту горожанина — бывшего крепостного.

Приводимые в документе 7 отрывки (первый и второй) свидетельствуют, что провозглашение в средневековом городе коммуны еще не означало установления в нем истинно демократического правления. Власть в городе принадлежала патрициату, богатой, привилегированной верхушке населения — крупному купечеству, городским землевладельцам, ростовщикам и другим лицам, эксплуатирующим трудовые массы народа. В актах XII в. эти люди упоминаются как лучшие, почетные, умнейшие. Они держали в своих руках все управление городской общиной, присвоив себе исключительное право избрания городского совета и замещения городских магистратур.

В отрывках подчеркивается, как ремесленное население города, организованное в цехи, добивалось для себя права участия в городском самоуправлении. В третьем отрывке как раз и фиксируется полученное цехами ремесленников право избрания в городской совет Аугсбурга.

В документах 8—10 говорится о жизни и быте горожан. Документ 8 (отрывки 1—4) дает яркое представление об имущественном неравенстве и социальных противоречиях в средневековом городе. Стремясь замаскировать все возраставшую разницу между богатыми горожанами и обнищавшими ремесленниками, правящая верхушка города издавала законы о роскоши, запрещавшие чрезмерные излишества в одежде, при праздновании семейных торжеств, крестин, свадеб и пр. Включенный

отрывок из устава о нищих проливает яркий свет на то, какая огромная масса обнищавших ремесленников вынуждена была жить подаянием, просить милостыню. И в это же время городская знать тратила огромные деньги на всевозможные излишества Появление этого устава было продиктовано стремлением учесть всех обездоленных, заставить их признать себя нищими, превратить в людей поднадзорных и тем самым поставить в зависимость от городской верхушки.

1. СТРАСБУРГ. ДРЕВНЕЙШЕЕ ГОРОДСКОЕ ПРАВО (КОНЕЦ XII в.)

1. По образцу других городов основан Страсбург с такою льготою, чтобы всякий человек, как чужой, так и местный уроженец, всегда и ото всех пользовался в нем миром.

2. Кто совершил преступление вне города и из страха наказания убежал в него, пусть пребывает безопасно. Никто самоуправно да не посягнет на него, он же послушно и с готовностью предстанет перед судом.

3. Никто да не приносит в город добычу или награбленное и да не осмелится хранить там, если он не готов ответствовать перед всяческим истцом...

5. Все должностные лица сего города ходят под властью епископа, так что назначает их либо он сам, либо те, кого он поставит; старшие определяют младших, как если бы они были подчинены им

6. А епископ не должен давать общественной должности иначе, как лицам из мира местной церкви.

7. Четырех должностных лиц, на которых лежит управление городом, епископ инвестирует своею властью, а именно: шультгейса, бургграфа, мытника и начальника монеты.

8. Шультгейс вправе иметь в своем распоряжении двух помощников, которых обычно зовут судьями, людей настолько почтенных, чтобы горожане могли, не роняя своего достоинства, стоять на суде перед ними...

32 Штраф платится только тому, кому он присужден.

33. ... Судье идет третья часть всякого штрафа...

44. На обязанности бургграфа лежит назначение начальников почти всех ремесел в городе, а именно: седельников, кожевников, перчаточников, башмачников, кузнецов, мельников и тех, которые приготовляют винные бочки и кружки, и тех, которые выделывают мечи, и тех, которые продают яблоки, и шинкарей. И все они подсудны ему, если в чем-либо погрешат в своем ремесле...

50. Если кто перегрузит свои товары с одного корабля на другой, уплатит по 4 денария с каждого корабля...

58. На обязанности мытника... лежит сооружение мостов, сколько их понадобится, и такой прочности, чтобы всякий мог безопасно пройти по ним с повозками и вьючным скотом...

80. Кто повредит городские стены или вал, платит бургграфу штраф в 40 солидов.

81. Кто застроит улицу, уплатит тот же штраф бургграфу. Он никому не должен давать разрешения.

82. Никто не должен вываливать навоз или отбросы перед своим домом, если только он не желает немедленно вывезти его, за исключением предназначенных для сего мест...

86. Никто не должен держать в городе свиней, если не поручает их пастуху...

93. Отдельные горожане обязаны также отбывать ежегодно пятидневную барщину, за исключением монетчиков... кожевников... седельников, четырех перчаточников, четырех из булочников и восьми из сапожников, всех кузнецов и плотников, мясников и изготовляющих винные бочки...

102. Среди кожевников двенадцать человек обязаны за счет епископа приготовлять кожи и шкурки, сколько понадобится епископу...

103. Обязанность кузнецов состоит в следующем: когда епископ отправится в императорский поход, каждый кузнец даст по четыре подковы со своими гвоздями; из них бургграф даст епископу подковы на 24 коней, остальное удержит себе...

105. Кроме того, кузнецы обязаны делать все, что понадобится епископу в его дворце, а именно по части дверей, окон и разных вещей, которые делаются из железа: при этом дается им материал и отпускается продовольствие на все время...

108. Среди сапожников восемь человек обязаны давать епископу, при его отправлении ко двору в поход государев, чехлы для подсвечников, тазов и посудин...

115. Мельники и рыболовы обязаны возить епископа по воде, куда бы он ни пожелал...

116. Рыболовы обязаны рыбачить для... епископа... ежегодно в течение трех дней и трех ночей, со всеми своими снастями...

118. Плотники обязаны каждый понедельник выходить на работу к епископу за его счет...

«Средневековье в его памятниках», стр 124—133

2. ИЗ ХАРТИИ ГОРОДА СЕНТ-ОМЕРА (1127 г.)

По просьбе жителей города Сент-Омера граф Фландрии предоставил им в 1127 г. хартию, клятвенно подтвержденную королем Франции Людовиком VI и феодалами. Согласно хартии город на вечные времена получал следующие права и обычаи.

1. Чтобы я обеспечил им мир по отношению кого бы то ни было; чтобы я поддерживал их и защищал, как моих людей, без всякой задней мысли.

2. Если кто из горожан Сент-Омера даст в долг кому-либо свои деньги и тот, кому они одолжены, добровольно изъявивши согласие перед надлежащими людьми, наследственными обитателями того же города... не заплатит денег в установленный срок, то подлежит задерживанию или сам, или его имущество, пока не вернет всего долга.

3. Если против кого-нибудь из горожан будет возбуждено кем-либо дело о нарушении христианского закона, пусть он не уходит из города Сент-Омера в другие места искать правосудия, но пусть ищет его в этом же городе перед епископом или его архидиаконом.

4. Я жалую им свободу, какой они обладали во времена моих предшественников. А именно, чтобы сент-омерцы ни в коем случае не выступали в поход за пределы своего города, за исключением того случая, когда вражеское войско сделает нападение на территорию Фландрии; тогда они должны будут защищать меня и мою землю. Всех, кто входит в их гильдию и имеет отношение к ней, проживая в стенах города, я освобождаю от пошлины...

5. Кто бы из них ни отправился в пределы империи[1] по своим торговым делам, не должен понуждаться никем из моих людей к уплате ганзы...

8. Всех, кто живет и впредь будет жить в стенах Сент-Омера, я делаю свободными от подушного оброка и от платежей фогту...

10. Я предписываю, чтобы коммуна их, которую они создали на присяге, продолжала существовать и дальше, и никому не позволю распустить ее, а также жалую им всякие права и правосудие по лучшим образцам того, как обстоит дело в моей земле, то есть во Фландрии...

17. Если какой-нибудь чужестранец нападет на кого-либо из горожан Сент-Омера, нанесет ему оскорбление, или причинит обиду, или же насильственным образом отнимет у него его имущество... сами горожане сообща покарают его за обиду их собрата...

«Хрестоматия ..», т. I, 1953, стр 384–385.

3. ХАРТИЯ БОМОНА В АРГОННЕ

1. Мы постановляем и жалуем вам на вечные времена, что горожанин, у которого в городе дом или за стенами города огород, будет платить нам ежегодно 12 денье, а именно: 6 денье в день рождества Христова и 6 денье в день св. Иоанна-крестителя; а кто не заплатит шести денье спустя три дня после указанного срока, тот должен будет заплатить два су штрафа.

[1] Т. е. Священной Римской империи.

2. Разрешается всем вам и всем прочим, там живущим, покупать и продавать все, что хотите, свободно и спокойно, не уплачивая пошлины с вина и торговой пошлины (тонлье).

3. С каждого укоса луга ежегодно, в день св. Ремигия, будете уплачивать нам 4 денье.

4. С возделанной земли мы будем получать из каждых 12 снопов два; с земли же, вновь расчищенной, будем брать из 14 снопов только два.

5. Мы также поставим печи, которые будут нам принадлежать, и вы будете приносить в силу баналитета ваши хлебы для печения и будете платить из 24 хлебов один хлеб...

8. Мы жалуем вам свободное пользование водами и лесами...

9. В этом городе, с общего согласия всех вас, будут поставлены присяжные; также мэр, который принесет нам присягу верности и будет отвечать перед нашими должностными лицами за доходы и оброки с города. Но ни мэр, ни присяжные не будут занимать свои должности больше года иначе, как с общего согласия всех...

48. Если кто-либо укроется за стенами города от какого-либо преступления, кроме воровства и убийства, он будет принят под защиту городского мира и останется там до тех пор, пока ему не будет назначено другое убежище; и если он захочет, то может оправдаться от обвинения в убийстве и грабеже...

55. Из всех штрафов, которые мы и преемники наши, архиепископы Реймсские, возьмем с города Бомона, горожане получат половину для поддержания городских укреплений, для чего они изберут двух верных присяжных, а мы назначим нашего сержанта в качестве третьего...

56. Горожане будут участвовать в военных походах архиепископа, но так, чтобы на следующий день они могли вернуться в Бомон.

Желая, чтобы все эти постановления имели законную силу и оставались нерушимы, мы подтверждаем их как содержанием этой грамоты, так и авторитетом нашей печати. Мы постановляем и под угрозой предания анафеме запрещаем кому бы то ни было противиться этим нашим постановлениям, не нарушая ни в чем церковных законов и авторитета святого престола.

Дано в год 1182 по Р. Хр.

«Социальная история средневековья», т. II, стр. 246—247.

4. ВОССТАНИЕ ГОРОЖАН ЛАНСКОЙ КОММУНЫ

Документ приводится из третьей книги автобиографии Гвиберта Ножанского «Рассказ о собственной жизни», одного из первых мемуарных произведений средневековой литературы, являющегося ценным источником для изучения западноевропейского общества XII в.

Гвиберт Ножанский (жил в XI—XII вв.) родился во французской рыцарской семье, стал монахом, получил в монастыре прекрасное для того времени литературное (частично философское) и богословское образование. Известен как богослов и историк. Особенно интересны его исторические произведения. Обладая талантом литератора, Гвиберт описывает события живо и красочно.

Защищая интересы церкви и стоя на страже феодального строя в целом, Гвиберт был враждебно настроен к восставшим горожанам. Но в то же время он открыто обнажает пороки и преступления отдельных представителей господствующего класса, с возмущением говорит о жадности феодалов и их бесчинствах.

Глава VII. Над этим городом[1] издавна тяготело такое злополучие, что в нем никто не боялся ни бога, ни властей, а каждый, сообразуясь лишь со своими силами и с своими желаниями, производил в городе грабежи и убийства... Но что я скажу о положении простого народа? Ни один земледелец не мог войти в город, ни один не мог даже приблизиться к нему, если только у него не было надлежащей охранной грамоты, не рискуя быть брошенным в тюрьму и вынужденным платить за себя выкуп, или же его тянули в суд без всякого действительного основания, под первым попавшимся предлогом...

Сеньоры и их слуги совершали открыто грабежи и разбои; ночью прохожий не пользовался безопасностью; быть задержанным, схваченным или убитым — вот единственное, что его ожидало.

Духовенство, архидиаконы и сеньоры, видя такое положение дел и изыскивая всевозможные способы, чтобы вытянуть у простонародья денег, вступили с ними в переговоры через их посредников, предлагая предоставить им право, если они заплатят достаточную сумму, образовать коммуну. Вот что разумели под этим новым и отвратительным названием. Все жители, обязанные платить поголовно определенный чинш, должны были выплачивать однажды в год своему сеньору обычные крепостные повинности и платить законно установленный штраф в тех случаях, когда они совершали какой-нибудь проступок, противный законам. На этих условиях они совершенно избавлялись от всех повинностей и взносов, которые обычно налагались на сервов. Пользуясь случаем откупиться от множества притеснений, простолюдины дали кучи денег этим сребролюбцам, руки которых подобны были бездонной яме, которую нужно было наполнить. Сделавшись сговорчивее от золотого дождя, падавшего на них, они дали обещание народу, скрепив его присягой, точно соблюдать заключенный договор.

После того как духовенство, сеньоры и народ составили меж-

---

[1] Город Лан.

ду собой таким образом союз взаимной помощи, епископ возвратился от англичан...

Однако в то время, как он говорил о своем крайнем негодовании против тех, которые заключили между собой договор, и против его зачинщиков, ему предложили большие суммы золота и серебра, и этого было достаточно, чтобы он сразу пошел на уступки. Он принес присягу в том, что будет соблюдать права коммуны... Склоненный щедрыми дарами простолюдинов, король согласился утвердить этот договор и закрепить его присягой. Боже мой! Кто бы мог рассказать о той борьбе, которая разгорелась, когда после того, как были приняты подарки от народа и дано было столько клятв, эти же самые люди стали пытаться разрушить то, что они клялись поддерживать, и пытались вернуть в прежнее состояние рабов, однажды освобожденных и избавленных от всех тягостей ярма? Необузданная зависть к горожанам снедала, в самом деле, епископа и сеньоров...

Епископ, пригласив к себе некоторых клириков и сеньоров города, постановил... сделать нападение и уничтожить коммуну... Он пригласил короля к себе... внушил королю и всей его свите нарушить присягу... Он замышлял с приближенными короля убедить его, чтобы он, уничтожив коммуну, вернул горожан в их прежнее состояние. Но горожане, боясь уничтожения коммуны, обещали королю и его приближенным 400 ливров или более, я не знаю в точности сколько; с своей стороны епископ и сеньоры убеждали монарха вступить в соглашение с ними и обязались отсчитать ему 700 ливров...

Итак, жадность короля, как я уже сказал, заставила его склониться на сторону тех, которые больше обещали; с его согласия, вопреки заповедям божьим, все его клятвы и клятвы епископа и сеньоров были нарушены и объявлены не имеющими силы, без всякого уважения к святым дням и к королевскому достоинству...

Нарушение договоров, создавших Ланскую коммуну, наполнило сердца горожан гневом и изумлением: все лица, занимавшие должности, прекратили исполнение своих обязанностей, сапожники и башмачники закрыли свои лавочки; трактирщики и харчевники не выставляли никаких товаров, и никто не надеялся, чтобы в будущем что-нибудь им оставили господа, жадные к добыче. И действительно, епископ и сеньоры тотчас начали оценивать имущество каждого горожанина и требовать, чтобы, кто сколько давал, как это можно было узнать, на учреждение коммуны, столько же дал бы и на ее уничтожение... С другой стороны, теперь уже не гнев, а ярость дикого зверя охватила людей низшего класса; они составили заговор, скрепленный взаимной клятвой, убить епископа и его единомышленников... Архидиакон Ансельм получил некоторые сведения об этом в самую святую субботу, когда начинало уже темнеть; он предупредил епископа,

когда тот готовился ложиться спать, чтобы он не ходил к заутрене, так как если он пойдет, то будет убит; но он, безрассудный свыше всякой меры, воскликнул: «Фу, чтобы я погиб от таких людей!» Однако, говоря о них с таким презрением, он все же не посмел подняться к заутрене и ступить ногой в храм...

Следующий день после моего свидания с епископом был пятый день Пасхи. После полудня епископ рассуждал с архидиаконом Готье о деньгах, которые нужно было собрать с горожан; вдруг по городу распространилась тревога, и множество людей кричали: «Коммуна, коммуна!» Многочисленные толпы горожан, вооруженные шпагами, обоюдоострыми топорами, луками, секирами, дубинами и копьями, наполнили храм пресвятой девы и устремились во дворец епископа...

[Далее в документе говорится, что рыцари, обещавшие епископу свою помощь в случае восстания, стали стекаться к нему со всех сторон, но восставший народ перебил их поодиночке.]

Дерзкая толпа не остановилась на этом и повела атаку на самого епископа, производя невообразимый шум перед стенами дворца; епископ с помощью нескольких вооруженных людей защищался как мог, осыпая камнями и бросая дротики в нападающих... Не будучи в силах, в конце концов, отразить смелые атаки народа, он оделся в платье одного из своих слуг, бежал в подвал под церковью, заперся там и спрятался в винной бочке, отверстие которой заткнул один верный слуга. Годри думал, что хорошо укрылся. Горожане сновали туда и сюда, ища, где бы он мог быть, и громко звали его, называя не епископом, а мошенником; схватили одного из его слуг, но не могли поколебать его верности и выпытать у него то, что им хотелось; они поймали другого его слугу, и вероломный наклонением головы дал им знать, где нужно искать епископа. Тогда войдя в подвал... им удалось таким образом найти свою жертву. Годри, хотя и грешник, однако же помазанник божий, был вытащен за волосы из бочки, осыпан множеством ударов и повлечен, среди бела дня, в узкий монастырский переулочек... Несчастный молил в самых жалких выражениях о милосердии, обещал принести клятву, что он никогда не будет их епископом, предлагал им большие суммы денег и обязался покинуть отечество; но все с ожесточением отвечали ему только оскорблениями; один из них, Бернар, подняв свою обоюдоострую секиру, свирепо раскроил череп этому хотя и грешному, но священному... человеку. Епископ покачнулся в руках тех, которые его держали; но прежде чем упасть, он получил от другого удар, который разрубил ему лицо поперек, и он умер... Затем, наконец, труп Годри, ограбленный донага, был брошен в угол перед домом его капеллана. Боже мой! Кто бы мог рассказать, сколько гнусных насмешек было сказано проходящими по адресу лежащего распростертым на улице тела и сколькими комьями земли, камнями и грязью они его покрыли!..

Рауль, архиепископ Реймсский, прибыл в Лан, чтобы восстановить церковь. Он отправился в монастырь св. Винцента и отслужил там торжественную литургию об упокоении душ епископа и его единомышленников, с ним погибших... Мудрый и почтенный архиепископ .. прервал богослужение, чтобы произнести проповедь на тему об учреждении этих отвратительных коммун, в которых, вопреки всякому праву и справедливости, сервы силою освобождаются от законной власти своих сеньоров. «Слуги, — сказал он, — со всяким страхом повинуйтесь господам... А чтобы слуги не ссылались на жестокость и жадность господ, пусть они выслушают еще следующие слова апостола: подчиняйтесь не только добрым и кротким, но и суровым... Поэтому каноны поражают анафемой всякого, кто под предлогом религии внушает слугам не подчиняться своим господам или даже бежать от них куда бы то ни было, а тем более противиться им силою; отсюда еще основание для того, чтобы допускать в духовное сословие, в духовные ордена, в монашеские конгрегации только людей совершенно свободных; если же случайно будут приняты сервы, их никоим образом нельзя держать вопреки воле их господ, если последние их потребуют».

«Социальная история средневековья», т II, стр 232—237, 243

5. ПОЖАЛОВАНИЕ КОММУНЫ ЛЮДОВИКОМ VI ЖИТЕЛЯМ ГОРОДА ЛАНА

1. Никто не имеет права без разрешения судьи задерживать за проступки ни свободных людей, ни крепостных.

2. Если кто-либо нанесет каким бы то ни было образом обиду клирику, рыцарю или купцу — местному или чужому, — если обидчик из этого самого города, он должен быть вызван к суду в течение четырех дней, явиться перед мэром и присяжным и либо оправдаться во взводимом на него обвинении, либо подвергнуться тому, к чему его присудят; если он не захочет исполнить последнего, он должен быть изгнан из города вместе со всеми своими домочадцами... ему не будет позволено вернуться до тех пор, пока он не возместит соответствующим образом свой проступок...

8. Прежние преступления, совершенные до разрушения города или до учреждения Мирного Постановления, прощаются вполне, за исключением тринадцати лиц... Если кто-либо, изгнанный из города за прежнее преступление, захочет вернуться, пусть отдадут ему все, что ему принадлежало и что будет доказано им как непроданная и незаложенная его собственность.

9. Постановляем также, чтобы люди податного состояния уплачивали своему сеньору оброк (ценз) без всякого излишка; если они не уплатят его к установленному сроку, пусть уплатят

штраф по тому закону, по которому живут; пусть они исполняют требования своих господ не иначе, как добровольно; но господам предоставляется право привлекать их к суду за совершенные ими преступления и взимать с них то, что будет присуждено.

10. Люди Мира, исключая слуг церкви и вельмож, живущих в пределах установленного Мира, могут брать себе жен из какого угодно сословия...

12. Мы уничтожаем вполне право мертвой руки...

15. Всякий, принятый в этот Мир, обязан будет в течение года или выстроить себе дом, или купить виноградник, или привезти в город столько движимого имущества, чтобы быть в состоянии удовлетворить правосудие, если бы он случайно подал повод к какой-нибудь против себя жалобе...

22. Итак, за эти благодеяния и еще за многие другие, дарованные нами по нашему королевскому благоволению горожанам, люди этого Мира заключили с нами следующее соглашение: что, не считая (нужд) нашего королевского двора, походов и конной службы, они будут давать нам три раза в год ночлег, если мы будем приезжать в город; или вместо того уплатят двадцать ливров, если мы не будем приезжать.

Там же, стр 253—255.

6. ГОРОДСКОЙ ВОЗДУХ ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА СВОБОДНЫМ

а) Из хартии города Сент-Омера (1168 г.)

32. Если крепостной какого-либо сеньора станет горожанином, его нельзя будет схватить в городе, и если какой-либо сеньор захотел бы взять его к себе в качестве собственного крепостного, то пусть приведет его ближайших наследников, его дядей и теток по матери для разбора этого дела; если же этого не сделает, должен отпустить его на волю.

«Хрестоматия», т. I, 1953, стр 386.

б) Из городского права, дарованного императором Фридрихом II городу Гóслару 13 июля 1219 г.

1. Если кто-либо проживал в городе Госларе и при жизни своей никем не был уличен в рабском состоянии, то после смерти его никто да не посмеет называть его рабом или низводить в рабское состояние.

2. Если же какой-либо чужак пришел жить в названный город и так оставался там в течение года и дня, причем ни разу ему не ставили на вид рабского состояния, не уличили его в этом и сам он в этом не признавался, то пусть он пользуется общею с другими гражданами свободою; и после смерти его никто да не посмеет объявлять его своим рабом.

в) Бремен: право городской черты

Императором Фридрихом I Барбароссой 28 ноября 1186 г. был издан указ об утверждении прав за городом Бременом.

1. Если какой-либо мужчина или женщина пробудет беспрепятственно в городе Бремене в пределах того, что в просторечье называется Weichbild (городская черта), в течение года и дня и если кто-либо после этого вздумает оспаривать его свободу, то, наложив молчание на жалобщика, пусть будет предоставлено тому доказать свою свободу ссылкой на вышеуказанный срок; изымаются все люди Бременской церкви и всех церквей, примыкающих к ней по правовому своему положению.

«Средневековье в его памятниках», стр. 142—143.

7. БОРЬБА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ С ПАТРИЦИЯМИ

1) Борьба бюргеров с патрициями

Мы видим немало городов, где бедные и средние люди не имеют участия в управлении, но все оно у богатых, потому что люди коммуны боятся их или вследствие их богатства, или вследствие их родства. Случается, что одни из них, пробыв год мэром, присяжным или казначеем, на следующий год делают таковыми своих братьев, племянников или других близких родственников, так что в продолжении десяти или двенадцати лет у богатых все управление в добрых городах. Когда же люди коммуны хотят от них отчета, они прикрываются указанием, что они-де отчитались одни перед другими; но в таких случаях этого нельзя терпеть, ибо в делах коммуны отчеты не должны приниматься теми, которые сами должны отчитываться.

«Хрестоматия ..», т. I, 1953, стр. 390.

2) Расправа патрициев с ткачами в Кельне (XIV в.)
(Из «Кельгофской хроники». 1499 г.)

Название «Кельгофская хроника» произошло от имени Иоанна Кельгофа, владельца типографии, где она была напечатана. Автор, имя которого осталось неизвестным, при составлении хроники Кельна (до XV в.) использовал различные материалы, в том числе воспоминания, рассказы, памфлеты, местные хроники, акты и грамоты из архива Кельна и другие источники.

«Кельгофская хроника» явно написана сторонником патрициата. Хроникер выступает против ткачей, которые свергли в городе власть патрициата и захватили в свои руки городской совет.

Ткачи... очень хотели попасть в совет, хотя это *не подобало* им *ни по происхождению, ни по положению. Устранив* из совета лучших и мудрейших, они задумали создать в Кельне новый совет...

Странно и чуждо было видеть в Кельне таких членов совета...

Этот совет был выбран в 1370 г... и просуществовал год и три месяца[1]. Ткачи же думали, что он будет существовать вечно...

Совет [старый] собрался вместе с ... братствами (т. е. с другими цехами) ... Они стали советоваться друг с другом... как им свергнуть эту власть. Совет и другие выдвинули предложение разбить цех [ткачей] в уличном бою и всецело подчинить его себе... Они столкнулись, и *произошел большой бой...*

Господа со своим знаменем и с братством ходили по улицам и хватали ткачей силой; но они нашли немногих: ткачи обратились в кротов и залегли под землей. На другой день городские власти проследовали с братствами и городским знаменем вверх по Проточной улице с трубами и флейтами и за ними следовало много благонамеренных людей, и, где только они могли схватить ткачей, они убивали их тут же на улице. Они отыскивали их и в их домах, в церквах и монастырях; они не щадили никого, ни старого, ни малого. Зазвонили в колокол у св. Марии. Тогда началось бегство: все, кто мог бежать, бежали.

Гнали жен и детей ткачей из города вон, и дума взяла себе их наследие, дом и двор и все их достояние... Большая часть вожаков, которые подняли восстание и были виноваты, бежали через ворота...

«Немецкий город XIV—XV вв.», стр. 122—126.

3) Переход власти к цехам в Аугсбурге (1368 г.)[2]
(Из «Аугсбургской хроники»)

В 1368 г... в воскресенье вечером все ремесленники вооружились, заняв ворота города, и всю ночь шествовали по улицам. На утро в понедельник все пришли на Перлах[3] с 24 знаменами. Два бургомистра... созвали совет... Члены старого и нового советов явились в ратушу, в большую залу совета, которая была заполнена до самых дверей.

Ремесленники послали к совету [своих представителей]. Держал слово... Вейс и сказал, что ремесленники желают иметь цеховое правление и что это послужит на пользу и к чести города. [Он потребовал] ключи от набатного колокола, печати и город-

---

[1] По другим данным, он существовал 1 год и 5 месяцев.

[2] До переворота 1368 г. управление городом Аугсбургом принадлежало патрициату.

[3] *Перлах* — городская площадь — место собраний и демонстраций.

скую книгу. Все это было дано. Все советы пожелали примирения. Было послано за членами всех советов, которых было 87. Все они явились и вместе с Малым советом отправились на Перлах, где находились ремесленники. Там пришедшие должны были принести с поднятыми пальцами присягу, которую граф Фегелин произнес за всех:

«Все мы единодушно пришли к решению иметь цеховое правление и все, что к этому относится, в течение 100 лет и одного дня на пользу и к чести богатых и бедных, а также уничтожить всю ту старинную вражду и ожесточение, которые были между богатыми и бедными, дабы впредь об этом никогда не вспоминать и дабы существовала доподлинная дружба». Об этом написали грамоту и скрепили ее печатью.

Было обсуждено и решено на особых совещаниях[1], что их клятва вынужденная, ибо все случившееся тайно подготовлялось и совершилось не публично по доброй воле совета, а по принуждению, а потому клятву не следует держать...

Там же, стр. 146—147.

8. БЫТ ГОРОЖАН

1) Нюрнбергские законы о роскоши (XIV—XV вв.)

Наши бюргеры, члены совета, постановили, что запрещается бюргерам, молодым и старым, носить серебряные пояса стоимостью больше чем в полмарки серебром. Запрещается им носить серебряные карманы, серебряные итальянские ножи, обувь с разрезом, сюртуки с разрезом внизу или у рукавов[2].

Запрещается также мужчинам и женщинам носить застежки, пряжки, кольца и пуговки у рукавов выше локтя. Кто в будущем нарушит это правило, платит 1 фунт геллеров штрафа.

Запрещается также бюргершам, женам, вдовам или молодым девушкам носить платье из цинделя, или шелковое платье, или платье с серебряной или золотой оторочкой.

Запрещается также бюргершам иметь больше двух цельных меховых одежд. Запрещается также женам и вдовам бюргеров и молодым девушкам носить горностаевые шубы под одеждой или в другом виде. Хозяин женщины, нарушившей это правило, уплачивает в пользу города штраф в 10 фунтов геллеров...

---

[1] Хроникер имеет в виду совещания членов патрицианского Малого совета, вынужденных публично признать новую систему управления городом, оставаясь в то же время оппозиционно настроенными по отношению к этой новой системе.

[2] Разрезы делались из щегольства, чтобы из-под платья выглядывало белье более светлого цвета или сшитое из дорогой материи.

Запрещается также женам, вдовам или дочерям бюргеров переплетать волосы золотом, серебром, жемчугом или драгоценными камнями. За нарушение этого они платят указанный выше штраф.

Запрещается также бюргерам под угрозой уплаты указанного штрафа носить венецианское сукно.

Там же, стр. 161—162.

2) Свадебный регламент (конец XIII — начало XIV в.)
(Из «Городской книги» Аугсбурга)

Ратманы совместно с Большим советом и общиной порешили отменить обычаи, до сих пор бывшие в ходу на свадьбах, и прежде всего: после того как мужчина пообещал женщину взять в жены, он приглашал ее с подругами на определенный день, и это дорого стоило, люди терпели от этого ущерб, и это не приносило ни пользы, ни благодарности, а потому этот обычай и эти смотрины отменяются, воспрещается и выносится постановление:

§ 1. Каждый, желающий увидеть свою невесту, должен сделать это в день своего бракосочетания, и помолвка должна последовать в вечер перед самой свадьбой, и на этих-то смотринах жених может принести невесте 5 фунтов или что-либо на 5 фунтов ценностью, и это у самых богатых. И никто посторонний, кроме свекора, свекрови, брата и сестры, ничего не должен приносить и давать — ни колец, ни драгоценностей, ни пфеннигов.

§ 2. Когда кто-либо женится, то и у самых богатых нельзя приглашать более 30 женщин из подруг невесты и 30 женщин со стороны жениха. Если пожелают на свадьбе иметь мужчин, их следует пригласить не более 60 человек с обеих сторон...

§ 11. Ни одна женщина во время свадьбы не должна переодеваться более двух раз в первый день и двух раз во второй день.

«Хрестоматия...», т. 1, 1953, стр. 408, 410.

3) Нюрнбергский устав о нищих (1478 г.)

После того как почтенный совет... узнал, что имеются нищие и нищенки, которые ведут себя нечестивым, неподобающим и неприличным образом, и что некоторые лица нищенствуют в Нюрнберге, совершенно не нуждаясь в этом... наши господа из совета, желая обеспечить бедным нуждающимся людям милостыню как источник их пропитания, строго предписали... соблюдение приводимого устава.

Наши господа из совета постановляют, что ни один бюргер или бюргерша, гость или гостья не имеют права просить милостыню в Нюрнберге ни днем, ни ночью, если они не получили

разрешения на это от почтенного совета. Получившие же это разрешение могут просить милостыню лишь в том случае, если они открыто носят [на одежде] знак, который им будет дан. Кто будет просить милостыню без разрешения и без знака, тот изгоняется из Нюрнберга на целый год и не имеет права приблизиться к нему на расстояние одной мили.

Прежде чем получить разрешение и знак, каждый нищий и нищенка должны рассказать члену совета всю правду о своем имущественном и телесном состоянии и о том, есть ли у них семья или они одиночки и сколько у них детей, чтобы можно было понять, точно ли они нуждаются в милостыне. Скрывающий правду в течение года удаляется на милю от города...[1]

Нищим, имеющим при себе детей, один из которых старше восьми лет и не страдает болезнью и хилостью, не разрешается просить здесь милостыню, ибо они могут заработать на жизнь.

Почтенный совет обращает особенное внимание на нищих. Если они будут вести себя неподобающим образом, то он накажет их по своему усмотрению.

Запрещается бюргерам, жителям Нюрнберга, и поварам держать у себя нищего больше трех дней без разрешения членов совета, заведующих этим делом. За каждый лишний день с каждого лица полагается штраф в 10 фунтов. Старшины по надзору за нищенством сумеют донести о таком лице...

«Немецкий город XIV—XV вв.», стр. 162—164.

4) О неблагоустроенности городов

Приходится ходить на ходулях и в деревянных башмаках; и почти все члены думы ходили в думу в деревянных башмаках. И когда сидели в зале совета, деревянные башмаки стояли за дверью: тут можно было прекрасно сосчитать, сколько человек явилось в заседание.

Н. П. Грацианский. Средние века, М., 1939, стр. 40.

9. ПИСЬМО СТРАСБУРГСКИХ СУКОНЩИКОВ К ШВЕЙНФУРТСКИМ ТКАЧАМ ШЕРСТИ (XV в.)

Наши милые друзья! Вы нас просили познакомить вас с нашими статусами, с нашей жизнью и обычаями. Мы с удовольствием исполняем вашу просьбу. Во-первых, у нас собственный двор и дом, а в доме — общая комната. Тут мы собираемся все вместе, едим и пьем и принимаем гостей. Каждый год посылаем

[1] Это наказание предусмотрено и во всех остальных случаях нарушения статей этого устава.

от себя достойного представителя в городской совет... Также каждый год наш цех выбирает мастера и к нему четырех, и они составляют совет пятерых («цеховые судьи»). Эти «пять» должны поклясться целый год отправлять правосудие и улаживать неурядицы, следить за приходом и расходом, они же клеймят сукно, проверяют его ширину и длину и т. д... Каждую ночь выходим во всеоружии и в латах на ночной дозор с представителями других цехов (по одному от каждого)... Каждый член цеха должен обещать делать взнос, ходить на ночное дежурство... оказывать помощь неимущим членам. Вступивший в цех устраивает для своих будущих товарищей пир в харчевне.

«Историческая хрестоматия». Отрывки из источников и художественных произведений Средняя история. СПб.—Киев, 1912, стр 173—174.

10. ИЗ ЖИЗНИ ОДНОГО БЮРГЕРА

[Как хранитель знамени одного из цехов бюргер Вейнсберг должен был устроить так называемый «пир знамени».]

Прежде всего на каждый стол (накрывалось два стола) ставили большую сдобную булку, четыре вазы с пирожным и четыре золотых кубка вина с пряностями... Потом подавали три раза по одиннадцати блюд зараз на каждый стол. Ставили четыре серебряных кувшина с пивом и каждому по стакану старого вина и глиняный кувшин превосходного нового вина. ... На первое подавалось в середине большое блюдо с жареной ветчиной, кругом десять блюд с говядиной, бараньей задней ногой, языком, курами, свежим суповым мясом... колбасой, кислой капустой, пирожками с мясом молодого барашка «и тому подобным». На второе: в середине большое блюдо с жареным зайцем, серной и кабаном, кругом десять блюд с кроликами, каплунами, курами, перцем... бекасами, куропатками, серыми дроздами, перепелками, уткой, маслинами... «и тому подобным». На третье: в середине большое блюдо с тремя сортами печенья, кругом десять блюд с раками, молодыми щуками, карпами, жаренными в сале, марципанами, миногами, студнем «и тому подобным», потом на каждом столе двадцать четыре горой наложенных вазы с шеффенскими пряниками и яблоками, грушами, простыми и грецкими орехами, виноградом... каштанами, кизелем, миндалем, финиками, корицей в палочках, анисом... «и тому подобным».

Г. Белов. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. М., 1912, стр. 125—126.

ТЕМА.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ

В эту тему включены документы, характеризующие средневековую торговлю в Западной Европе. В документах 1—4 говорится о тех трудных условиях, в которых приходилось торговать первым купцам. Следует подчеркнуть, что купцы встречали на своем пути различные опасности и препятствия: разбитые, часто непроходимые дороги, разрушенные мосты, разбойничьи шайки, отряды не менее разбойных рыцарей, нападающих на торговые караваны. Купцам приходилось платить феодалам всевозможные проездные, береговые, мостовые, транзитные пошлины, терпеть большие убытки от «призового права»[1] и других преград, создаваемых феодалами с одной лишь целью — ограбить купца. Но опасности не останавливали купцов, и торговые связи в средневековье расширялись и крепли.

Приводимые документы 5—8 свидетельствуют, что крупные феодалы, понимая, какую выгоду приносит торговля, оказывали купцам покровительство и способствовали их торговой деятельности. Интересно отметить, что герцоги и князья брали на себя обязательство в спорных вопросах «верить единственно клятве купца», защищая их тем самым от необоснованных обвинений. Из этих документов видно, что купцы торговали не только у себя на родине, но и совершали длительные путешествия в отдаленные города, где их называли гостями. Города, с одной стороны, были заинтересованы в привлечении гостей, так как это способствовало притоку новых товаров. Поэтому с гостей брали умеренную пошлину, ограждали их интересы от посягательств местных купцов. С другой стороны, города стремились ограничить права иногородних пришельцев, поставить их в менее благоприятные по сравнению со своими купцами условия. Так, например, гостям предоставлялось в основном право оптовой торговли, менее выгодной, чем розничная, запрещалось торговать в городе не в рыночные дни, отводилось для продажи и покупки очень короткое время и т. д. В общем, гостю препятствовали нажиться там, где могли это сделать свои купцы.

Документы 9—11 отражают стремление средневековых купцов защитить свои интересы. Они начинают создавать союзы — гильдии[2], которые ставят перед собой цель — получить торговые привилегии в своем или другом городе.

Документ 12 дает ясную картину широких торговых оборотов и свя-

---

[1] «Призовое право» феодала гласило: «Что с возу упало, то пропало». Феодал считался собственником товара, выброшенного на берег при крушении корабля или упавшего на дорогу при поломке телеги. Купцы добивались уничтожения «призового права», и третий документ как раз говорит об отмене его разновидности — «берегового права». Иногда «призовое право» выкупалось для купцов какого-либо города. Так, например, выкупил его для своих купцов город Любек.

[2] Кроме гильдий, объединения купцов чаще всего называются *ганзами*. Например, в XIII в. возникла Лондонская ганза в столице Фландрии Брюгге, которая просуществовала до XV в. В середине XIV в. была создана Немецкая ганза, занявшая руководящее положение в северной половине Европы. В Немецкую ганзу входило в разное время от 70 до 100 городов. Ганзейцы находились в более выгодном положении и пользовались бо́льшими правами на чужбине, чем другие иностранные купцы.

зей богатого в то время города Венеции. Полностью доверять этим цифрам нельзя, но тем не менее, они правильно отражают размах торговых операций Венеции.

Последний документ этой темы, 13, очень интересен. Он говорит о том, что на рынках уже устанавливались определенные правила поведения, которые горожане обязаны были выполнять.

1. ОГРАБЛЕНИЕ КУПЦОВ ФЕОДАЛАМИ (1076 г.)

Я, Ландрик Толстый... некиих купцов из Лангра, когда они шли через мою землю, захватил [в плен] и товары у них отобрал, но по увещанию епископа Лангрского и старцев Клюнийских лишь часть товаров удержал, остальное же означенным купцам возвратил... и заключил с ними условие, чтобы впредь платили мне ежегодную дань и по земле моей свободно ходили. А этот грех породил и другой грех, именно: со всех проходящих по земле моей по торговым делам или просто на богомолье стал взыскиваться побор, в простонародье называемый пошлиной...

«Хрестоматия...», т. 1. 1953, стр. 383.

2. ДОНЕСЕНИЕ ГРАФА ОБ ОГРАБЛЕНИИ КУПЦА (1149 г.)

Сугерию, божией милостью аббату С.-Дени, любезнейшему другу, от Тьебо, графа Блуа, привет и любовь. Хочу известить вас, что Рено де Куртнэ нанес великую поруху королю и вам, блюстителю земли его, ибо он захватил и ограбил государевых купцов, которые платили уже в Орлеане и в Сане[1] и внесли все пошлины королевской земли. А посему прошу вас, чтобы от королевского и вашего имени вы повелели ему освободить государевых купцов и вернуть им их имущество. Если же он этого не сделает и если вы пожелаете наказать его за это и пойти на него войной, повелите мне и я помогу вам покарать его.

«Средневековье в его памятниках», стр. 245

3. ОТМЕНА «БЕРЕГОВОГО ПРАВА» (8 СЕНТЯБРЯ 1308 г.)

§ 2. Сверх того, было прибавлено, что если люди или купцы королевства Норвежского потерпят кораблекрушение — дай бог, чтобы этого не случилось, — в графстве Фландрском, или наоборот, люди графства Фландрского в пределах королевства Норвежского, то им пусть будет предоставлены эти потерпевшие крушение поврежденные корабли со всем их имуществом мирно и свободно, самолично или с помощью других, чинить, подбирать и владеть, пока они сами не станут считать все это за брошенное;

---

[1] Пошлины «на въезд»; Орлеан и Сан — пограничные области непосредственных королевских владений.

бальи[1] же, который в данное время окажется тут или там, где и когда случится произойти кораблекрушению, должен верно защищать и охранять от набегов со стороны беспокойных и грабителей и самих потерпевших крушение, и их разбитые суда, и отдельные предметы из их имущества, иначе он да подвергнется наказанию сообразно размеру проступка или нерадения.

Там же, стр 155.

4. ИЗ ГОРОДСКОГО ПРАВА ФРИДРИХА II. РЕГЕНСБУРГ (4 сентября 1230 г.)

15. Также если какой-либо горожанин потерпит кораблекрушение и по этой причине кто-нибудь ограбит у него имущество, то сам грабитель вследствие этого проступка пусть подвергнется имперской опале.

Там же, стр 155.

5. ПРАВА РЕГЕНСБУРГСКИХ КУПЦОВ В АВСТРИИ (9 июля 1192 г.)

Леопольд, Божьею милостью герцог Австрии и Штирии... Оценив верность регенсбургских граждан, каковую они многократно оказывали нашей светлости, мы сочли достойным почтить их паче остальных, ибо преданность их по сравнению с другими мы столько раз с убедительной очевидностью испытали на деле.

1. И вот, из пошлин, которые уплачивались нам с предметов, ввозимых в нашу землю на продажу или увозимых от нас, мы с обычною щедростью часть сложили с них.

2. А против бесчинства должностных наших лиц мы им [гражданам Регенсбурга], как людям близким, даруем постоянное право, и впредь незыблемо устанавливая, что если кто-нибудь из них ранит человека так, что отсюда произойдет поражение членов, в просторечии называемое калечением, то он уплатит судье десять талантов. Если же раненый окажется без указанного членовредительства, то за пролитие крови пусть уплатит судье три таланта.

3. Далее, если кто-нибудь из них убьет кого-нибудь, мы не назначаем определенного штрафа, но пусть сообразно тому, как может, уладит с судьей. Однако мы прибавляем, что если он случайно наткнется на судью чересчур придирчивого во взыскании, то пусть войдет в соглашение с государем страны, буде пожелает...

9. Если судья кому-нибудь из них в чем-нибудь предъявит обвинение и не окажется по этому делу обвинителя или жалобщика, то обвиняемый может очиститься единоличной клятвой...

---

[1] *Бальй* — должностное лицо, ведавшее по поручению короля или сеньора управлением (главным образом, судом) какой-либо области.

14. Если кто-либо из них одному из граждан продаст какой бы то ни было товар и если покупатель не разглядит того, что покупает и увезет за пределы города, а потом станет уличать продавца перед судьей в обманной продаже, продавец не ответит за эту продажу. А если по совершении продажи горожанин усмотрит скрытый изъян и гость захочет изъян этот возместить без судьи, то судья после этого не будет иметь никакого дела к гостю по этому поводу.

15. Если гость кому-либо из горожан даст подрезанную штуку сукна и покупатель из-за этого привлечет продавца к судье, то, если гость единолично поклянется, что он не знал этого, он ровно ничего не заплатит за это судье, а только возместит убыток. Далее, если не захочет поклясться, уплатит полталанта судье да глашатаю двенадцать денариев...

17. Также за груз телеги... когда его везут из Кельна в таможней упаковке, пусть платят три таланта. Если же мытарю покажется, что сукна превышают вышеуказанный груз, то гость единоличной клятвой удостоверит, что лишка нет.

Там же, стр 155—157.

6. ИТАЛЬЯНСКИЕ КУПЦЫ ВО ФРАНЦИИ (11 февраля 1295 г.)

§ 4. [Относительно] всех и каждого в отдельности купцов из Рима, Флоренции... Генуи, Пьяченцы, Милана, Венеции... и всех остальных купцов Италии и Прованса и их служащих, какие бы то ни было их товары и имущество и их самих, при разъездах или пребывании, при проезде через страну, при купле и продаже по всей нашей стране, по большим дорогам, по проселкам, нашим и кого бы то ни было из наших подданных,—мы соглашаемся и даем обещание, оба вместе и каждый в отдельности, по-княжески и нерушимо... что если какие-либо из упомянутых купцов, или их поверенные, или служащие потерпят какую-либо обиду, или убыток, или оскорбление, как лично, так и имуществом, в наших владениях, в нашей сеньории, на дорогах и в пределах нашей юрисдикции от воров, грабителей или иных оскорбителей, то мы возместим этот ущерб, оскорбление или обиду купцу, понесшему ущерб, или его поверенному, либо удовлетворим его в течение сорока дней, после того как оскорбление, обида или ущерб будут доказаны перед лицом нашим или нашего заместителя, причем относительно отнятых или потерянных вещей мы будем верить единственно клятве купца, потерпевшего обиду или ущерб, либо его товарища или поверенного самого купца, законно им назначенного, сообразно с предварительной по закону оценкой...

§ 9. Обещаем также приказать соорудить в Ожеране «двор», приспособленный для склада тюков, а двор в Салине исправить в необходимой степени.

§ 10. Всех же купцов и проезжих в вышеуказанных местах мы будем трактовать одинаково по части означенных ввозных пошлин; а всякие иные принудительные пошлины и дурные поборы мы настоящим приказом прекращаем и отменяем, чтобы впредь никоим образом их не вводить и не налагать...

Там же, стр 160—162.

7. РАЗРЕШЕНИЕ НА ВВОЗ (22 мая 1295 г.)

Филипп, Божьею милостью король французов, возлюбленному и верному графу нашему фландрскому привет и любовь. Поручаем вам Биндо, сына Гуго, Орланди из товарищества Черных Кругов, Биндо Скорки, Бенно Бонакорси из товарищества Белых кругов, Тадео Орланди, Деффо из общества Певцов и т. д. и т. д. (следуют названия различных итальянских фирм) — и их товарищей, чтобы вы позволили им определенное количество английской шерсти, упомянутое в нашем указе, изданном по этому поводу, шерсти, которая, по их словам, находится у них в Брабанте и Голландии, извлечь из упомянутых мест и дать перевезти в пределы королевства нашего, мирно и спокойно, сообразно с содержанием дозволения, данного нами этим же купцам, относительно вышеупомянутой шерсти, не чиня в этом деле никакого препятствия и не налагая ареста вопреки вышеупомянутому разрешению.

Там же, стр 165

8. ИЗ АУГСБУРГСКОЙ КОНСТИТУЦИИ XIII в.

Каковы права сборщика пошлины в городе и у мостов

§ 1. Гость, который пожелает продавать товары здесь, в городе, должен внести пошлину в размере 4 пфеннигов с [каждого] фунта.

§ 2. Если два гостя свершат между собой сделку купли-продажи, то каждый из них должен уплатить пошлину в 4 пфеннига с фунта...

§ 4. Если в город прибудет гость и продаст свой товар за определенное число пфеннигов, а затем купит на вырученные деньги какой-либо другой товар, то сборщик пошлины имеет право взимать пошлину как с купленного, так и с проданного товара...

§ 7. Если гость уступит свой товар в долг и своевременно уведомит об этом сборщика пошлины, то он не повинен уплатить с указанного имущества.

§ 8. Если у кого-либо падет конь или рогатое животное и он принесет его кожу на рынок, — он с нее не платит пошлины.

§ 9. Если гость увезет с собой [невыплаченную] пошлину, следуемую сборщику, и сборщик его схватит, — он должен не взыскивать с него причитающейся пошлины, но должен воспользоваться имуществом гостя по своему усмотрению...

§ 11. Да будет ведомо: если бы во всех упомянутых случаях сборщику не удалось получить следуемой ему по праву пошлины и это превышало бы его силы, — ему обязан помочь фогт и востребовать следуемое по закону.

Каковы права бюргеров в городе и каждого цеха в своем ремесле

§ 1. Всякий бюргер, доставляющий товары через горы, кому бы он ни стал продавать их — гостю или бюргеру, — обязан взвешивать эти товары на господских весах [принадлежащих сеньору города], если этих товаров больше, чем на 25 фунтов, и не взвешивать их ни в каком ином месте. И это относится как к покупаемому товару, так и к идущему на продажу...

§ 4. Если бюргер доставит сюда сельди, которые он не сможет продать оптом, он имеет право без разрешения бурграфа распродавать их в своем доме по 50 штук, и не менее этого. Если же сельди сюда доставлены гостем, последний должен продать всю партию целиком, и бурграф не вправе разрешить ему продажу меньшего количества сельдей. .

§ 8. Если бюргер, не держащий ни лавки, ни погреба, доставит материю в город, он не может ее разрезать, а должен отпускать ее целым куском, что обязаны соблюдать он сам, его дети, его слуги и все, кому бы он ее [материю] ни препоручил. И если он ее [материю] отдает оптом, целым куском с необрезанными краями, он не должен при продаже никакой особой пошлины. Если же материю доставит гость и отдаст ее бюргеру, последний будет ему должен не свыше того, что один бюргер бывает должен другому при купле-продаже...

§ 10. Согласно бюргерскому праву, никто, кроме бюргеров, держащих лавки и открытые погреба, не должен торговать материей на локоть, за исключением пасхальной ярмарки, когда и бюргер, и гость могут торговать, как сочтут нужным. С первого понедельника на пасхальной неделе и в продолжение 14 последующих ночей никто не должен мешать [такой торговле]...

§ 12. Никто, кроме крамарей[1], не должен продавать в розницу ни поясов, ни перчаток; и они подлежат продаже лишь в лавке или ларьке с крышей. Если случится, что крамарь зайдет в дом к ремесленнику, он может у него купить все, что пожелает, будь то под кровлей или в ином месте...

§ 13. Ни один шляпник не должен вырабатывать шляп из чистой шерсти. Если же он пожелает производить какие-либо иные шляпы, они должны быть сделаны наполовину из шерсти, наполовину из волоса и продаваться в качестве таковых [то есть полушерстяных]. Тот, кто будет вырабатывать что-либо иное и

---

[1] *Крамарь* — разносчик или лавочник, торгующий мелочным товаром.

ему за это принесут [в качестве улики], должен быть оштрафован как за недоброкачественное изделие. Всякий шляпник, приезжающий сюда со шляпами, обязан продать их в лавку оптом. Нарушивший это [постановление] должен фогту 5 шиллингов...

§ 17. Всякий крамарь, который является настоящим крамарем, может выставлять на продажу все, что идет на вес, кроме грубой ткани и одноцветных материй. Если кто-либо пожелает стать крамарем, пусть им становится без всякой помехи, и никто его не может и не должен заставлять вести, вопреки его собственному желанию, торговлю с твердой скамьи.

«Хрестоматия», т. I, 1953, стр 395—397.

9. КУПЕЧЕСКАЯ ГИЛЬДИЯ

1. Если какой-либо купец, пребывающий в нашем городе или в пригороде, не пожелает вступить в нашу гильдию и, отправившись куда-либо, будет прогнан, или лишится своего имущества, или будет вызван на поединок, то мы никоим образом за него не заступимся.

2. Если кто-либо из негильдейских приторгует какие-либо съестные припасы или что-либо подобное и кто-либо из гильдейских вмешается, он и покупает, невзирая на него, то, к чему другой прицениваяся. Если же кто-либо из гильдейских приторгует какой-либо товар, не относящийся к съестным припасам, стоимостью в 5 больших солидов и выше, а кто-либо другой, тоже из гильдейских, вмешается, то и он, если пожелает, примет участие в этой сделке, и если при этом приторговавший станет отказывать вмешавшемуся в его доле и перед деканом при двух свидетелях из гильдии можно будет установить, что он отказывал ему в его доле, то он заплатит штраф в два солида.

3. С наступлением времени попойки полагается, чтобы деканы уведомили свой капитул в назначенный день принять участие в попойке и предписали, чтобы они мирно явились в девятом часу на свое место и чтобы никто не затевал ссоры, поминая старое или недавнее.

4. Постановлено также, что если кто привезет с собой на попойку кого-нибудь, сына, племянника или слугу своего, то за каждого заплатит 12 денариев; из этого постановления мы исключаем магистров.

5. Если же на попойку явится кто-нибудь не из гильдейских, будет пить тайком и будет накрыт при выпивании, то заплатит 5 больших солидов либо пусть тут же вступит в гильдию; отсюда исключаем клириков, рыцарей и чужеземных купцов...

8. Если кто ударит кого-нибудь кулаком, или хлебом, или камнем,— к другому оружию не прибегнет,—уплатит две унции...

15. Постановлено, что расходы на вино и все необходимое для гильдии покрываются гильдейским имуществом...

17. Если кто вступит в гильдию, молодой или старый, должен до внесения в список уплатить два денария писцу, деканам тоже два денария.

Там же, стр 398—399.

10. ГАНЗА

Постановления 1260—1264 гг.

а) Мы желаем довести до сведения вашего о решении, которое с обдуманною предусмотрительностью постановлено благоразумными и честными людьми на поддержку всех купцов, пользующихся и управляющихся Любекским правом.

1. Во-первых, пусть каждый город по силе возможности защищает море от пиратов и других злоумышленников, так, чтобы торговцы морские могли свободно справлять свою торговлю.

2. Далее, если кто-либо вследствие проступка изгнан будет одним городом, то не будет принят ни в один из других...

6. Далее, если какой-нибудь государь станет осаждать какой-нибудь город, то никакой другой город в ущерб первому ни в чем не окажет поддержки осаждающему, если только последний не сеньор его...

8. Далее, если кто-нибудь возьмет жену в каком-нибудь из этих городов, и нагрянет первая жена и потребует его, и сумеет подходящими свидетелями доказать то, что он ее законный муж, то он будет обезглавлен.

Из постановлений 1265 г.

5. Далее, если на морях соберутся пираты, все города должны, сообразно раскладке, производить затраты на уничтожение их.

«Средневековье в его памятниках», стр 183—184

11. ЛЮБЕК И ГАМБУРГ. ДОГОВОР ОБ ОХРАНЕ ТОРГОВЛИ (1241 г.)

Фогт, совет и община города Любека... Мы и возлюбленные друзья наши, горожане Гамбурга, заключили взаимное соглашение о нижеследующем:

1. В случае, если против наших или их горожан поднимутся разбойники и иные злые люди, начиная от места впадения в море реки, именуемой Травой [1], и до Гамбурга, а также по всей Эльбе до моря, и будут чинить на наших и на их горожан вражеские нападения, то мы с ними и они равным образом с нами на одинаковых началах должны будут участвовать в расходах и тратах на уничтожение и искоренение этих разбойников.

---

[1] На этой реке, впадающей в бухту Балтийского моря, был расположен город Любек. (*Ред*)

2. Далее, если кто из проживающих вне города кого-либо из горожан Гамбурга или Любека дерзким самосудом лишит жизни, ранит, изобьет палкою или каким-либо иным образом, чего да не будет, обидит, мы совместно с ними и они с нами сообща понесем расходы, какие потребуются для возмещения вреда и наказания. И если с их горожанами около их города или с нашими около нашего что-либо приключится, они со своими, а мы с нашими горожанами на общий счет накажем [виновных].

3. Кроме того, если над кем-либо из их горожан близ нашего города Любека или над нашими горожанами близ города Гамбурга будет учинено какое-либо насилие, мы их обидчика или обидчиков, а они нашего или наших на общий счет будем разыскивать для наложения на них взыскания и наказания по этому делу...

«Хрестоматия...», т. II, ч. I, 1938, стр. 107—108

12. ИЗ РЕЧИ ДОЖА ПОМАЗО МОЧЕНИГО, ПРОИЗНЕСЕННОЙ В 1420 г.

Ежегодно Венеция вывозит в Ломбардию товаров на следующую сумму: на 100 000 дук[атов] конопли, на 250 000 дук. хлопка, на 30 000 дук. бумажной пряжи, на 120 000 дук. итальянской шерсти, на 120 000 французской шерсти, на 250 000 парчи и шелковых материй, на 30 000 перцу, на 64 000 корицы, на 8000 имбирю, на 95 000 сахару, на 30 000 швейного и вышивального прикладу, на 120 000 красильного дерева, на 50 000 других красок, на 250 000 мела и на 30 000 рабов. «Я не считаю, — говорит Мочениго,— дохода от продажи соли» [1]. Согласитесь, что такая торговля очень выгодна. Посмотрите, сколько она приводит в движение кораблей, чтобы перевезти товары в Ломбардию, чтобы ехать за ними в Сирию, в Романию, в Каталонию, во Фландрию, в Кипр, в Сицилию, во все концы мира... доход купцов составляет не менее 600 000 дукатов».

А. К. Дживелегов. Торговля на Западе в средние века. СПб., 1904, стр. 151—152

13. ДОРТМУНД. ЗАПРЕЩЕНИЕ ТРОГАТЬ РУКАМИ ВЫСТАВЛЕННЫЕ НА ПРОДАЖУ ПРОДУКТЫ (XIII в.)

Если какой-нибудь горожанин наш, находясь на нашем рынке, желает купить свежее мясо или свежую рыбу, он должен сказать торговцу: переверни мне вон ту рыбу, или: переверни мне вон то мясо, но отнюдь не должен трогать собственной своей рукой. Если же тронет и уличен будет двумя очевидцами, то без всяких возражений уплатит 4 солида.

«Средневековье в его памятниках», стр. 192

---

[1] Этот доход приносил около 1 млн дукатов. Венеция снабжала солью всю Италию и отчасти соседние страны.

ГЛАВА V.

Христианская церковь в XI—XIII вв. Крестовые походы

•

ТЕМА.

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ в XI—XII вв.

Сильнейшее влияние религиозных представлений и христианской церкви на средневековую жизнь и культуру предопределило их специфику. Поэтому идеологическая нагрузка материалов, помещаемых под данной рубрикой, двойная: учителю придется возвращаться к ним, когда позднее будет изучаться другая тема — «Культура Западной Европы в XII—XV веках». Это заставляет нас дать здесь по возможности наиболее разнообразный материал. Некоторая его часть может быть использована преподавателем для расширения своего кругозора. В отдельную тему выделены Крестовые походы. Сначала приводим документы, иллюстрирующие способы, которыми церковь обогащалась: сбор различных пошлин и штрафов (1), получение десятины (2), продажа индульгенций (3 и 4), освобождение от налогов (5).

Далее следуют документы (6—8), иллюстрирующие особое место папы римского и других высших церковников в феодальном мире. Они отражают господствовавшее в средние века представление, что из трех сословий, на которые делится общество, первым является духовенство.

Упорная борьба пап с императорами Священной Римской империи за главенство привела к торжеству пап. Документы XI—XIII столетий (9—11) последовательно отражают этот факт.

Затем целесообразно перейти к изучению материалов о церковной идеологии. Церковь настойчиво прививала суеверия и религиозные верования, чтобы внушить, в частности, что только с ее помощью люди могут избавиться от «нечистой силы». В этом духе написаны приводимые здесь пять отрывков (12—16) из сочинений средневековых авторов.

Особенность средневекового мышления заключалась в стремлении людей избавиться от гнета со стороны церкви в рамках самой же религии, только «очищенной» от недостатков, присущих церкви. Поэтому почти все такие выступления принимали в то время форму еретических движений. Документ 17 описывает возникновение в 1017 г. Орлеанской ереси в Центральной Франции, документ 18 — богомильское движение в Болгарии начала XIII в., документ 19 — движение «пастушков» 1251 г. в Северной Франции, документ 20 — испанских еретиков середины XIII в., документ 21 — ересь Сегарелли и Дольчино 1260—1305 гг. в Италии.

Распространение ересей вызвало беспокойство правоверных католиков и усилило борьбу церкви с вольнолюбивыми людьми. Началась ре-

акция, была создана инквизиция. Здесь помещено три документа (22—24) о ее кровавых деяниях и два (25—26) — о преследованиях церковью живой человеческой мысли.

Враги католической церкви как учреждения в целом или лица, стремившиеся ликвидировать отдельные ее злоупотребления, выступали в разных образах. Документ 27 исходит из рядов самих церковников, два следующих — из рядов их противников. Этот вопрос о борьбе свободной человеческой мысли против церкви и ее идеологии завершает тему.

1. ЦЕРКОВНЫЕ ПОШЛИНЫ

Это грамота, дарованная французскими королями аббатству св. Ведаста. Аббатство помещалось в городе Аррасе (документ от 1036 г.).

От моста Энарда до св. Марии половину рыночной пошлины получает св. Ведаст, а другую половину — епископ; ограда же св. Марии освобождается от налога. Во всех других местах, лежащих в черте аббатства, если совершается торг, рыночная пошлина целиком идет св. Ведасту. Св. Ведаст равно имеет право взимать принадлежащую ему рыночную пошлину и задерживать товары тех, которые не желают платить ее, как в городе Аррасе, так и вне его, без суда и скабинов [1], и преследовать тех, кто воровски уносит его торговую пошлину, до Дуака, до моста Венден... И те, которые таким образом будут уличены и захвачены на воровском унесении принадлежащей св. Ведасту пошлины, уплатят св. Ведасту 60 солидов как штраф за обман, с таким условием, что если тот, кого арестуют, будет с графской земли, то граф должен получить половину этого штрафа. Если же он будет с земли св. Ведаста, то весь штраф должен достаться церкви св. Ведаста. Все те, кто приписан к св. Ведасту, свободны от торговой пошлины, а все те, кто не приписан, обязаны платить пошлину, если они купцы.

«Средневековье в его памятниках», стр. 166

2. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЛОНДОНСКОГО ЦЕРКОВНОГО СОБОРА ОТ 1175 г.

Все десятины с земли, как от злаков, так и от плодов, принадлежат господу и ему посвящаются. Но поскольку находятся довольно многие, кто не желает платить десятин, постановляем, чтобы их увещевали, согласно предписаниям папы, однажды, дважды и трижды уплачивать десятины с зерна, с вина, с плодов древесных, от приплода животных, от ягнят, от сыра, от льна и прочего, что производится ежегодно. Если же они не исправятся после увещания, пусть знают, что подвергнутся анафеме.

«Хрестоматия...», т. II, ч. I. М., 1938, стр. 241.

[1] Судебные заседатели.

3. П. АБЕЛЯР ОБ ИНДУЛЬГЕНЦИЯХ

Магистр «свободных искусств», философ Петр Абеляр (1079—1142), один из первых средневековых мыслителей, поднявших свой голос против авторитета католической церкви, является автором ряда произведений, подрывавших церковные устои. Приводимый отрывок касается злоупотреблений при отпущении грехов.

Индульгенции

Есть некоторые священники, которые не столько по заблуждению, сколько по любостяжанию обманывают прихожан, уверяя их, что за денежные приношения отменяются или ослабляются наказания, наложенные в эпитимью; думают они не столько о том, чтобы угодить господу, сколько о том, чтобы побольше получить денег. И не только священники, но и начальники священников, то есть епископы, как мы знаем, до того охвачены этим любостяжанием, что когда при освящении церквей, посвящении алтарей или благословлении кладбищ или при каких-либо других празднествах собирается простой народ, от которого они ожидают обильных приношений, то они щедры в смягчении наказаний: отпускают всем то четвертую, то третью часть наказания, разумеется, под видом какой-нибудь милости, в действительности — по крайней жадности.

Там же, стр. 243.

4. ИНДУЛЬГЕНЦИЯ

Это текст типичной индульгенции, продававшейся всем желающим на церковной площади.

Форма полнейшего оправдания и отпущения грехов при жизни[1]

Да сжалится над тобой (имя рек) господь наш Иисус Христос по своему святейшему и благочестивейшему милосердию; да освободит тебя; и властью его и блаженных Петра и Павла, апостолов его, и апостольской властью, мне данной и на тебя распространенной, отрешаю тебя от всех грехов твоих уничтоженных, исповеданных и забытых; также от всех падений, преступлений, проступков и сколько-нибудь тяжелых провинностей... а также от каких бы то ни было отлучений, суспенсаций[2], интердикта и других церковных приговоров, осуждений и наказаний, наложенных судебной и людской властью, если ты им подвергся; даем тебе полнейшее прощение и отпущение всех твоих грехов, насколько простираются в этой области полномочия святой матери церкви. Во имя отца и сына и святого духа аминь.

Там же, стр. 244.

---

[1] Официальное название индульгенции.

[2] *Суспенсация* — временное отрешение от должности.

5. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЛАТЕРАНСКОГО ЦЕРКОВНОГО СОБОРА ОТ 1215 г.

Помещаем отрывок, касающийся освобождения духовенства от налогов.

Против консулов, правителей городов и прочих, кто пытается обременять церкви и церковнослужителей налогами или поборами и другими повинностями, Латеранский собор, желая позаботиться о церковной неприкосновенности, под страхом анафемы[1] запрещает подобную дерзость. Нарушители и их покровители по предостережении подвергаются отлучению, пока не представят соответствующего удовлетворения.

Там же, стр. 241.

6. ДЕКРЕТ О ПАПСКИХ ВЫБОРАХ

В 1059 г. монах Гильдебранд, ставший позднее папой Григорием VII, добился на Латеранском церковном соборе решения о новом порядке выбора пап — только кардиналами. Этот порядок, подрывавший влияние светской власти на католическую церковь, удержался почти без изменений до нашего времени. Вот сокращенный текст декрета, оглашенного папой Николаем II.

3. Чтобы по кончине первосвященника римской вселенской церкви кардиналы-епископы первым делом, собравшись вместе, тщательно обсудили кандидатуры и, пригласив без промедления кардиналов-клириков, произвели выборы, а остальное римское духовенство и миряне выразили бы свое одобрение выбору нового папы.

4. Приняв меры предосторожности, чтобы недуг купли каким-либо воровским способом не сделал свое дело, преосвященные мужи должны избрать, а остальные признать нового первосвященника, и этот новый порядок избрания расценивается как вполне правильный и законный...

5. Избрать же они его должны из недр этой самой церкви, если найдется достойный; а если не найдется в ней, то из другой...

7. Если же развращенность порочных и враждебных людей усилится до такой степени, что безошибочный, беспристрастный и бескорыстный выбор в Риме будет невозможен, то кардиналам-епископам с монахами, клириками и мирянами-католиками в любом их количестве должно быть предоставлено право и власть избрать первосвященника апостольского престола в таком месте, где это им будет удобнее.

---

[1] Предание *анафеме* — форма отлучения от церкви. Оно сопровождалось проклятиями и запретом всем верующим иметь какое-либо общение с отлученными.

8 По окончании выбора в случае, если буря военного времени или какое-либо волнение, поднятое злокозненными людьми, воспрепятствует тому, чтобы избранный мог быть возведен официально, по установленному церемониалу, на апостольский престол, он тем не менее, как истинный папа, должен управлять святой римской церковью и распоряжаться всеми ее средствами...

9. Если кто, вопреки этому нашему декрету, обнародованному соборным приговором, будет избран, или же посвящен, или торжественно возведен на апостольский престол вследствие мятежа, козней или какой-либо хитрости, тот должен считаться всеми не папою, но сатаною, не апостольским преемником, а отступником и по отлучении от святой божией церкви, божеской и святых апостолов Петра и Павла властью должен быть предан вечной анафеме со своими помощниками, покровителями и приверженцами как антихрист, возмутитель и разрушитель всего христианства; и не только не должна быть ему предоставлена когда-либо возможность каких-либо объяснений на этот счет, но он должен быть немедленно лишен всякой церковной степени, какую бы он ни имел прежде. Всякий его сторонник или оказавший ему как первосвященнику честь или отважившийся защищать его в чем-либо подлежит такому же приговору. Всякий нарушитель этого нашего декрета, который решится возмутить спокойствие римской церкви, строя козни против этого нашего постановления, да осужден будет вечной анафемой и отлучением и сопричислен будет к нечестивым, которым не воспрянуть, на страшном суде; да испытает он на себе гнев всемогущего бога отца и сына и святого духа, и святые апостолы Петр и Павел, церковь которых он отважился возмутить, да обрушат на него свой гнев и в этой жизни и в будущей; да будет жилище его пусто, и в шатрах его да не обитает никто. Пусть будут сыновья его сиротами, а жена его вдовой. Пусть в смятении удалятся как он, так и сыновья его, и пусть будут нищими и будут изгнаны из жилищ своих. Пусть лихоимец возьмет все имущество его, и чужие люди да расхитят все труды его. Пусть весь мир обрушится на него, и пусть все стихии восстанут против него, и да смутят его заслуги всех святых усопших, и да постигнет его в этой жизни явное наказание.

10. Соблюдающих же этот наш декрет да хранит благодать всемогущего бога и властию блаженных апостолов Петра и Павла, да разрешит их от уз всякого греха.

«Хрестоматия...», т. I, 1949, стр. 271—273.

7. ДИКТАТ ПАПЫ

Папа Григорий VII (1073—1085) развернул программу теократии — верховенства духовной власти над светской. Эти идеи были изложены им в приводимом здесь «Диктате папы».

Папа начертал:

1. Римская церковь создана единым Богом.

2. Только Римский епископ по праву зовется вселенским.

3. Только он один может низлагать епископов и восстановлять их.

4. Легат его на соборах занимает первое место пред всеми епископами, даже будучи в низших степенях (священства), и может приговаривать их к низложению.

5. Папа может низлагать отсутствующих.

6. С отлученными им не должно находиться в одном и том же доме.

7. Ему одному надлежит, смотря по надобности, издавать новые уставы, учреждать новые епархии, каноникаты[1] превращать в аббатства, и наоборот, богатую епархию делить, бедные соединять.

8. Он один вправе распоряжаться знаками императорского достоинства.

9. Одному папе все князья лобызают ноги.

10. Только его имя поминается в церквах.

11. Он один в мире именуется папой.

12. Он может низлагать императоров.

13. Он может, по мере надобности, перемещать епископов с кафедры на кафедру.

14. В любую церковь, куда угодно, он может ставить клириков.

15. Поставленный папою может быть во главе какой-либо церкви, но не может быть в положении подчиненном; равно не может он принимать высшей степени от какого-либо епископа.

16. Ни один собор без его соизволения не может называться всеобщим.

17. Ни одно постановление, ни одна книга не могут быть признаны каноническими без его санкции.

18. Никто не смеет отменить его решения, а он сам отменяет чьи угодно.

19. Никто ему не судья.

20. Никто не смеет привести в исполнение приговор над взывающим к папскому престолу.

21. Важные дела любой церкви должны восходить до него.

22. Римская церковь никогда не заблуждалась и впредь, по свидетельству Писания, не будет заблуждаться.

23. Римский епископ, канонически поставленный, заслугами св. Петра непреложно получает святость...

24. По его изволению и разрешению подвластные могут быть пожалованы.

---

[1] Общежития, представляющие собой неполные, так называемые «светские» монастыри, включавшие в себя соборное духовенство (священников кафедральных соборов).

25. Без собора он может низлагать и восстановлять епископов.

26. Не считается католиком тот, кто не согласен с Римскою церковью.

27. Он может освобождать подданных от присяги плохим владыкам.

«Средневековье в его памятниках», стр. 98—99

8. ЦЕРЕМОНИАЛ ПАПСКОГО ПРИЕМА

После того как в 1123 г. папа Каликст II сумел созвать в Риме I Латеранский вселенский собор католической церкви, такие вселенские соборы стали считаться католиками за высший авторитет по делам вероучения и церковного устройства. Среди прочего был утвержден порядок приема папами посетителей.

Все смертные, а в особенности верные Христу, независимо от их достоинства и выдающегося положения, лишь только предстают они перед взором первосвященника, должны трижды преклонять на определенном расстоянии перед ним колени и в честь спасителя нашего Иисуса Христа, которого он замещает на земле, облобызать его стопы. Император, короли, крупнейшие князья, представители князей и властителей допускаются в первую очередь к поцелую в руку и в уста, прочие только к стопам. Кардиналы дважды низко кланяются, а на третий раз, подойдя близко, преклоняют колени и целуют ногу у первосвященника, управляющего святыней. Кардиналы целуют правую руку у застежки мантии, епископы только колени, императоры и крупнейшие князья — руку и ноги.

«Хрестоматия.», т. II. ч. 1, 1938, стр. 240.

9. ПОСЛАНИЕ ПАПЫ ГРИГОРИЯ VII О КАНОССЕ

Император Генрих IV, воспротивившийся папе Григорию VII, был им отлучен от церкви, после чего потерял власть в Германии. Он вынужден был явиться в 1077 г. в замок Каносса (Северная Италия) за прощением и признать папское верховенство. Григорий VII уведомил об этом всех видных феодалов империи. Помещаем часть текста сообщения.

...С искренней любовью спешим известить ваше усердие, как король в уничижении и в раскаянии достиг снятия отлучения, а также, как все это дело свершилось, начиная с прихода его в Италию и до сих пор.

Как было условлено с послами, которые к нам были присланы вами, мы прибыли в Ломбардию дней за 20 до того срока, когда на перевале должен был встретить и проводить нас кто-нибудь; мы и ждали их прихода, чтобы переправиться по ту сторону. И вот, когда уже по истечении срока нам сообщили, что в это-де время, ввиду многих затруднений (а этому мы охотно

сами верим) не могут быть нам посланы навстречу проводники, а иначе переправляться к вам мы не имели возможности, то мы охвачены были немалой заботой, как же нам лучше всего поступить.

Тем временем мы узнали наверняка, что король приближается. Еще не вступив в Италию, он отправил сперва к нам послов, с мольбою предлагая во всем удовлетворить господа, святого Петра и нас, и вновь обещал соблюсти полную покорность, чтобы исправить жизнь свою, лишь бы удостоиться от нас милости отпущения и апостольского благословения. Когда же мы вследствие долгих обсуждений откладывали это дело и через всех послов, которыми мы с ним пересылались, снова и снова горячо уличали его в его деяниях, — он, наконец, по доброй воле, не выказывая ни вражды, ни дерзости, с малым количеством людей прибыл к стенам Каноссы, где мы имели пребывание. И здесь, целых три дня, у ворот замка, отбросив все царствование, в жалком виде, разутый и в рубище, обливаясь непрестанными слезами, взывал он о помощи и утешении апостольского нашего милосердия, так что всех, кто был здесь или до кого дошла молва об этом, он довел до чувства жалостного сострадания; вступаясь за него и просьбами, и слезами, все дивились необычной жестокости нашего характера, а некоторые вопили, что мы являем не суровость грозного апостола, а лютость свирепого тирана.

Наконец, покоренные силой его раскаяния и великой мольбой всех присутствующих, мы, сняв с него узы отлучения, приняли его в лоно святой матери нашей церкви на благое с ней общение. При этом мы взяли с него нижеприведенное обещание...

Клятва короля тевтонского Генриха

Я, король Генрих, ввиду ропота и неудовольствия против меня архиепископов, епископов, герцогов, графов и прочих князей Тевтонского царства, и иных людей, которые примкнули к ним в этом — в срок, который укажет господин наш, папа Григорий, приму на себя всю правду суда его или учиню согласие по указанию его. Если же мне или ему помешает явное препятствие, то, по миновании его, я готов буду совершить вышеуказанное. Также если господин наш, папа Григорий пожелает перейти через горы или отправиться в иные земли, он будет в безопасности от покушения, членовредительства или плена, как с моей стороны, так и со стороны тех, над кем я буду властен, — и сам он, и свита его, и провожатые, равно и все, кто им посылается и кто к нему из разных краев земли приходит,— и во время пути туда, и на время пребывания там, и на обратном пути. И не будет ему, с моего ведома, никакой помехи, никакой порухи его чести; если же кто учинит подобное, я по совести и в меру своих сил окажу ему помощь.

«Средневековье в его памятниках», стр. 100—102.

10. ВОРМССКИЙ КОНКОРДАТ

Разногласия пап и императоров были смягчены Вормсским соглашением 1122 г., утвердившим право пап назначать епископов и аббатов в империи, хотя и в присутствии императора.

Во имя святой и нераздельной Троицы. Я, Генрих[1], Божиею милостию Римский священный император, из любви к богу, святой Римской церкви и владыке папе Каликсту и ради спасения души моей уступаю господу богу, и святым его апостолам Петру и Павлу, и святой вселенской церкви всякую инвеституру кольцом и посохом и предоставляю во всех церквах, находящихся в пределах королевства моего и империи, свободно совершать каноническое избрание и посвящение.

Владения же и державные права св. Петра, которые от начала этой распри и до нынешнего дня при отце моем или при мне были отняты, возвращаю святой Римской церкви, если они у меня; если же я их не имею, честно помогу вернуть их.

Владения же всех иных церквей, князей и других людей, как клириков, так и мирян, отторгнутые в этой борьбе, я, с согласия и приговора князей, верну, если они у меня; если же я их не имею, честно помогу вернуть их.

И заключаю честный мир с владыкою папой Каликстом, со святою Римской церковью и со всеми, кто был или есть на их стороне.

И если в чем-либо святая Римская церковь потребует помощи, я честно помогу и окажу должную справедливость, если на что-либо она мне пожалуется. Все это совершено с согласия и совета князей, чьи имена ниже следуют.

«Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы», стр 346.

11. ПРИВИЛЕГИЯ «ВО БЛАГО КНЯЗЕЙ ЦЕРКВИ»

Король Германии Фридрих II (1215—1250) при своем короновании императором в 1220 г. был вынужден дать церковным феодалам новые крупные льготы, закрепляющие за католической церковью ее владения.

Во имя святой и нераздельной Троицы, Фридрих II, споспешествующей божьей милостью Римский король, всегда священный и король Сицилии...

1) Во-первых, обещаем, что никогда впредь при смерти какого-либо церковного князя не будем присваивать нашему фиску его наследство и запрещаем любому мирянину присваивать его себе под каким бы то ни было предлогом, но пусть отойдет оно к

---

[1] *Генрих V* (1111—1125).

преемнику, если предшественник умер без завещания; его завещание, если сделает таковое, мы считаем действительным. Если же кто, вопреки этому постановлению, осмелится присвоить себе наследство, пусть считается опальным и вне закона и пусть навсегда лишится феода или бенефиция, если имеет таковой.

2) Также впредь не будем без их совета или против их воли вводить новые пошлины и новые монеты в их территориях или подсудных им областях, но будем крепко и неизменно сохранять и защищать старые пошлины и монетные права, уступленные их церквам, и сами не будем их нарушать и не позволим нарушать другим; ведь обычно монеты из-за сходства чекана смешиваются и обесцениваются, чему мы всячески будем препятствовать.

3) А людей, состоящих в крепостной от них зависимости того или иного рода и уклонившихся по какой-либо причине от своих к ним обязанностей, мы не станем принимать в города наши, во вред их господам. Желаем также, чтобы это вообще соблюдалось как ими самими между собой, так и светскими господами по отношению к ним.

4) Также постановляем, чтоб никто не причинял вреда какой-либо церкви в ее землях из-за фиска этих земель; а если причинит вред, то возместит вдвойне и уплатит казне 100 марок серебра.

5) Также если кто из них своего вассала, который его оскорбил, изобличит по феодальному праву и тем вернет феод, мы охраним этот феод для него. И если он по своей доброй воле и щедрости нам захочет передать феод, то мы примем его, независимо от нашей дружбы или вражды. Но если у церковного князя случится пустовать каким-либо образом феоду, даже благодаря смерти инфеодированного, то мы собственной властью, точнее, насилием, в него ни в коем случае не вступим, если не сможем получить по доброй воле и щедрой уступке, а наоборот, всемерно будем защищать феод для него.

6) Далее, как это справедливо, мы будет избегать отлученных ими, но только в том случае, если они укажут нам их устно или письменно или через добрых и надежных послов; и пока не снято будет отлучение, не позволим им участвовать в суде с тем различием, что отлучение не освобождает их от ответа обвинителям, однако же без защитников, но они лишаются права участвовать в судоговорении, давать показания и обвинять других.

7) И так как меч светский создан в помощь мечу духовному, то вслед за отлучением, если одним из вышеуказанных способов нам станет известно, что они состоят в отлучении более шести недель, — последует наша опала, и она не отменяется до снятия отлучения.

8) Вот так и всеми иными способами, а именно справедливым и грозным судом, мы накрепко обещаем помогать им и оборонять, и они в свою очередь клятвенно обещали посильно и действенно

помогать против всякого, кто насильственно воспротивился бы нам, когда мы судом своим хотим поддержать их.

9) Также постановляем, чтобы никакие постройки, именно замки и города, не воздвигались в поместьях церквей либо для фогта, либо под каким-нибудь другим предлогом. И если какие-то случайно воздвигнут против воли тех, кому принадлежат поместья, то пусть будут королевской властью разорены.

10) Также по примеру деда нашего, блаженной памяти императора Фридриха, запрещаем кому бы то ни было из королевских чинов наших присваивать себе в городах этих князей какую-либо юрисдикцию и в таможенных, и в монетных, и в иных делах, кроме как в течение недели до заседания нашей курии, там всенародно объявленной, и в течение недели после нее. Но и в течение этих дней пусть не осмеливаются они в чем-либо преступать юрисдикцию (местного) государя и обычаи города. Всякий же раз, как мы вступим в какой-либо город не ради заседаний государственной курии, они в нем не будут иметь никаких прав, но местный государь и господин пусть пользуется всей полнотой власти.

11) ...Постановляем, чтобы наследники наши и преемники во власти нерушимо сохраняли это, исполняли и всемерно принуждали светских лиц соблюдать на пользу церквей.

«Средневековье в его памятниках», стр 196—198.

12. ЦЕЗАРИЙ ГЕЙСТЕРБАХСКИЙ. «ДИАЛОГИ О ЧУДЕСАХ»

Апологет католицизма, цистерцианский монах Цезарий Гейстербахский написал в первой половине XIII в. проникнутые фантазией и суеверием повести — «Диалоги о чудесах». Вот один из его рассказов.

О птичке, освобожденной от коршуна заслугами святого епископа Фомы

Одна женщина, весьма почитавшая блаженного Фому Кентерберийского, страдала постоянными болезнями, и, когда ее беспокоили боли, она призывала этого мученика в таких словах: «Святой Фома, помоги мне». У нее была птичка, не знаю, какой породы, которая, постоянно слушая эту молитву, совершенно достаточно научилась произносить ее. Однажды коршун, видя ее на воле, похитил ее и улетел. В момент похищения, пока еще не примяли ее когти этой птицы, она вскричала: «Святой Фома, помоги мне», и ее услышали все присутствовавшие. Бог, чтобы показать драгоценные заслуги своего мученика, велел коршуну отпустить птичку, которая с большим ликованием тотчас вернулась к своей госпоже. А коршун, претерпевая наказание за грабеж, упал мертвым на землю.

«Хрестоматия..», т. II, ч. I, 1938, стр. 263.

13. ПРОПОВЕДЬ СВЯЩЕННИКА О ДЕЛАХ ВЕДЬМ

Такие проповеди священники произносили с кафедр церквей на страх и в поучение верующим.

Бес заключил с иными из людей договор и дал им слова и *знаки*. Стоит им сделать знак и произнести слово — и бес готов исполнить, чего они желают, так что бес производит колдовские деяния в угоду ведьмам. Возьми пример, и ты это поймешь. Когда ведьма хочет навести бурю или град, она берет метлу, становится в ручей и метлой перекидывает воду себе через голову: так и выходит град. Однако от перебрасывания воды через голову и от слова град пойти не может. Но бес, лишь только он завидит такой знак и заслышит слово, там, в воздухе и в ветре, принимается ведьме помогать и поднимает бурю. Да, скажет иной, а я этому вовсе не верю. Я верю, что стоит мне перекреститься, и нет мне до ведьмы дела. Не могут они этого.— Вот неразумные речи. Мы же своими глазами видим, что это в самом деле бывает. Конечно, не они это делают — это правда — делают это не они, но бес в угоду им может это производить, раз он видит знак и слышит слово, которому он их научил.

Ну вот, ты спрашиваешь меня: как должен я об этом думать? Могут ли ведьмы иссушать коров и вынимать у них молоко, так что те не дают больше молока? И могут ли они доить молоко из топорища или из шила? Я говорю: да, с помощью беса они все это могут. Как же это выходит? В природе существует известный закон, что бес может вещественные предметы переносить с одного места на другое с помощью свойственной ему силы, полученной им от всемогущего бога. Так, бес способен большую скалу перенести как перышко... Отсюда и выходит, что когда ведьма сядет на вилы, смажет их и скажет нужное слово, то она едет, куда хочет. Не в вилах тут, конечно, сила и не в мази: делает это бес, который везет ведьму на вилах, как только заприметит свое таинство и свой знак. Так же обстоит дело и с коровами. Молоко есть вещественный предмет, а, как мы сказали, бес с попущения божьего может любой вещественный предмет переправить с одного места на другое. Итак, бес может выудить молоко из коровы, извлечь его из ее тела и перенести его в другое место, раз он видит сделанный ведьмой знак. И когда ведьма воображает, будто она доит топорище, бес может в одно мгновение перенести туда молоко и лить ей в подойник. А так как он остается при этом невидим, то ведьма и думает, будто молоко бежит из дерева или топорища.

Там же, стр 268.

14. КАК ХУДОЖНИК НАПИСАЛ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДЬЯВОЛА И СВ. МАРИИ

Это дошедшая до нас рукопись одного из средневековых католических авторов

- Один художник изобразил на стене дьявола как мог более отвратительно, с рогами и острыми зубами. И в том же месте сделал изображение блаженной девы Марии такое благолепное и прекрасное, что прекраснее быть не может. Дьявол, зажегшись яростью против художника, сказал так: «Почему ты изобразил меня столь ужасным, а блаженную Марию столь прекрасной?» Ответил художник, что в действительности это так, как изображено на картине Дьявол, сразу же разгневавшись, хотел сбросить художника с возвышения, на котором тот писал образ благой девы. Но образ... протянул ему свою руку и крепко удержал художника, чтобы он не упал.

Там же, стр. 262.

15. ГЕЛЬМОЛЬД. «СЛАВЯНСКАЯ ХРОНИКА»

Немецкий священник Гельмольд участвовал в покорении германскими феодалами и крещении славянского племени вагров, живших недалеко от Дании. Поэтому в его «Славянской хронике» (ок. 1172 г.) встречаются сообщения о событиях на славяно-германо-датской границе.

Козни нечистого

В дни те случилось, что одну деву, называемую Имма, мучил демон, и ее привели к священнику Вицелину. Когда священник стал теснить демона вопросами, почему осмелился сам нечистый запятнать сей чистый сосуд, демон велеречивым голосом ответил: «Потому, что он мне трижды помешал». — «В чем же он тебе помешал?» — «Он воспрепятствовал мне в моем деле. Ибо дважды воры пытались подкопать дом, но эта дева, сидя у очага, отпугнула их своими криками. И теперь также, отправившись по поручению нашего князя в Данию, я встретил ее на дороге, и чтобы отомстить ей за то, что она в третий раз явилась мне помехой, я вселился в нее». Но когда муж божий осыпал его словами заговоров, демон сказал: «Для чего ты гонишь меня, готового выйти добровольно? Ибо я уже ухожу в ближнюю деревню, чтобы повидать моих товарищей, которые скрываются там. Ибо и это мне поручено сделать, прежде чем отправиться в Данию». «Какое имя тебе, — сказал священник, — и кто твои товарищи? Или в ком живут они?» «Я, — ответил демон, — зовусь Руфином, а товарищей моих, о которых ты спрашиваешь, здесь двое, один в Ротесте, другой в одной женщине из того же города. Поэтому

их я посещу сегодня, а завтра, прежде чем раздастся первый церковный звон, я возвращусь сюда, чтобы проститься, и затем, наконец, отправлюсь в Данию». Сказав это, демон вышел вон, а дева освободилась от страшных мучений. Тогда священник приказал ей отдохнуть и на другой день до заутрени вернуться в церковь. Когда родители ранним утром привели ее к церкви, то еще не успели они коснуться порога, как дева первая начала биться и мучиться. И любовью доброго пастора она перестала мучиться только тогда, когда дух тот, гонимый непреоборимой силой божией, вышел из нее. А то, что демон сказал относительно Ротеста, подтвердилось исходом дела: ибо в скором времени Ротест, самым жестоким образом терзаемый нечистым, удавился веревкой.

А в Дании убили (князя) Эрика, и произошло большое смятение, так что наглядно видно, что прибыл туда крупный дьявол на казнь тому народу. Ибо кто же не знает, что усердием демонов причиняются роду человеческому войны, непогоды, болезни и прочие напасти?

«Средневековье в его памятниках», стр. 290—291.

16. ФУЛЬДСКИЕ АННАЛЫ

«Фульдские анналы» составлялись разными лицами в период с 680 до 901 г. Приводимый здесь рассказ написан в Майнце между 863 и 882 гг.

Поступки дьявола

Есть некая деревня недалеко от города Бингена... где нечистый явно обнаружил свои козни. Сперва он проявил свою вражду к местным людям, бросая камни и сотрясая стены домов точно молотом; затем стал прямо говорить, выдавая кое-кому других за воров и сея этим вражду между обитателями деревни; наконец, он возбудил всех против одного человека, из-за грехов которого якобы приходилось всем терпеть. Чтобы еще более возбудить ненависть к этому человеку, нечистый немедленно спаливал всякий дом, в который тот входил. И вот тот, по необходимости, оставался с женой и с детьми за околицей в поле, так как все родственники опасались принять его под свою кровлю. Но и там он не дал ему покоя; ибо, когда тот собрал весь свой урожай и сложил его в скирды, дьявол, явившись неожиданно, все их пожег. И вот тот человек, чтобы умилостивить своих односельчан, хотевших убить его, очистился раскаленным железом от всех преступлений, какие ему приписывались. Тогда посланы были из города Майнца пресвитеры и дьяконы с мощами и крестами, чтобы изгнать нечистого из этих мест. И когда те в одном из домов, где он свирепствовал более всего, справляли службу и

кропили святою водою, древний враг, бросая камни, окровянил немало жителей той деревни, собравшихся сюда; тем не менее он угомонился на изрядное время. Когда же присланные ушли, тот же враг в присутствии многих стал вести нехорошие речи: он назвал одного из пресвитеров и признался, что сидел под его плащом в то время, когда его дьявола, кропили в этом доме святой водой. Когда же присутствующие с ужасом крестились, тот же враг сказал о том же пресвитере: «он мой, совсем мой раб, ибо кто кем побежден, тот тому и раб; а он ведь по моему наущению совершил тяжкий грех». Об этом до тех пор никто не знал, кроме тех, кто совершили его. Так и вышло по Писанию, что все тайное станет явным. Вот какими бедствиями нечистый неослабно преследовал вышеуказанную местность в течение трех лет, пока не сжег почти всех зданий.

Там же, стр. 291—292.

17. РАУЛЬ ГЛАБЕР. «ПЯТЬ КНИГ ИСТОРИЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ»

Рассказ взят из «Хроники» Рауля Глабера (ок. 985 г. — ок. 1047 г.) бургундского монаха, известного тем, что он как автор помещал в свое сочинение весьма реалистические картины тогдашней жизни наряду с описанием всяческих чудес.

Орлеанская ересь

В 1017 г. в городе Орлеане открылась грубая и неистовая ересь, которая, оставаясь долгое время потаенной и посевая гибель, успела поймать многих сетями своего ослепления. Рассказывают, что эта безумная ересь была начата в Галлии какою-то женщиною, явившеюся из Италии и преисполненною дьявола, с помощью которого она увлекала всех, кого угодно, не только глупых и бессмысленных людей, но даже и таких, которые, по-видимому, были ученейшими из духовенства. Появившись в городе Орлеане и оставаясь там некоторое время, она заразила многих ядом своего нечестия. Принявшие в себя зачатки ее учения старались распространить их всеми мерами. Такими ересиархами того развращенного учения сделались двое — о ужас, о горе! — из духовных лиц города, самые славные и родом, и своею ученостью, а именно Герберт и Лизой. Они, пока их учение распространялось втайне, снискали приверженцев между людьми, близкими к королю, и придворною знатью. Им легче было увлечь подобного рода людей, потому что умы их были менее проникнуты любовью к истинной вере. Они попытались посеять свое пагубное учение не только в вышесказанном городе, но даже и в соседних местах; так они вознамерились сделать участником своего безумия одного здравомыслящего священника в Руане и отправили к нему людей, которые изложили бы пред ним всю тайну их превратного толка. Они говорили, что в непродолжительном

времени их учение будет принято всем народом. Выслушав все это, священник поспешил к христианнейшему графу того города, Ричарду, и изложил ему дело по порядку, как слышал. В свою очередь граф отправил немедленно вестника к королю, извещая его о готовящейся погибели овец в самом стаде Христа. Разведав о том, король, а именно Роберт как муж ученейший и христианнейший, весьма опечалился, опасаясь погибели и отечества, и душ человеческих, отправившись немедленно в Орлеан, куда были созваны епископы, аббаты, монахи и некоторые светские, он начал тщательно исследовать, кто были виновниками такого превратного учения, и кто, обманутый ими, разделяет его. По испытании каждого из духовных, как кто понимает и верит в то, что католическая вера неизменно блюдет и проповедует по апостольскому учению, оказалось, что только те двое, Лизой и Гериберт, не отрицая своего образа мыслей, открыто выразили то, что до того времени было ими скрываемо. А за ними и многие признались их единомышленниками, подтверждая, что они ни в каком случае не отделяются от них. Узнав это, король и епископы, пораженные печалью, допрашивали тех двух секретно, как людей, до тех пор весьма уважаемых за чистоту своих нравов; а один из них, Лизой, живший в монастыре св. Креста, был чрезвычайно любим всею братиею; другой же, Гериберт, по прозванию Девственник, заведывал школою при церкви св. Петра. На вопрос, от кого или откуда они заимствовали свое лжеучение, они отвечали: «Мы уже давно принадлежим этой секте, о которой вы узнали только что теперь; но мы ожидаем, что и вы, и все другие, какого бы закона или ордена кто ни был, присоединитесь к ней, и до сих пор верим в то». После того они изложили сущность своей ереси, далеко превосходящей все древние своею нелепостью. Их разглагольствование тем труднее передать в приличной речи, что оно во всем противоречило истине. Так, они отрицали троичность и единичность Божества. Далее они утверждали, что земля и небо, как мы их видим, существовали всегда без того, чтобы быть кем-нибудь сотворенными. Так лаяли эти бессмысленнейшие из всех еретиков, подобно псам, и только в одном походили на последователей эпикурейской ереси: они также полагали, что не будет никакого возмездия тем, которые предаются наслаждениям страстей. Все убеждения христиан о благонравии и правде, о вечном вознаграждении за труд земной они не признали. Между тем, когда они бесстыдно утверждали такие и многие другие безумства, в числе верных поборников правды не нашлось таких, которые, заботясь об истине и спасении, могли бы хорошо отвечать на их слепое заблуждение...

Когда были употреблены все усилия, чтобы отвратить их ум от вероломства и наставить их в истинах вселенской веры, а они противились всеми мерами, тогда им было объявлено: если они не обратятся к истинной вере, то, по приказанию короля и опре-

делению всего народа, будут сожжены на костре. Но еретики в своем безумии не только не убоялись того, но еще хвастались, что выйдут из огня невредимыми, и насмехались над убеждавшими их. Король и с ним все другие, видя, что их нельзя обмануть, приказал невдалеке от города развести большой огонь, в надежде, что страх переломит их упорство. Когда их повели туда, они в одурении кричали, что сами желают того, и торопили свою стражу. Огню было предано 13 человек; когда их начало палить, они стали кричать с костра, что их обманул дьявол, что они ложно не признавали Творца вселенной, и теперь за свое несчастие подвержены временным и вечным мукам. Многие из близко стоявших, услыхав их слова и побуждаемые человеколюбием, вознамерились спасти их, хоть полуживых, но было поздно; пламень мести обратил их в пепел. После того, где бы ни отыскивались последователи этого учения, они везде подвергались той же казни. А вследствие того католическая вера, искоренив безумие безумных, во всех странах приобрела новый блеск.

М. Стасюлевич. История средних веков..», т. II, 1915, стр. 884—887.

18. БОЛГАРСКИЙ СИНОДИК XIII в.

Болгарский царь Борил (1207—1218) повелел читать во время богослужения в православных церквах нижеследующий синодик о богомилах.

Богомильское движение

... Так как вселукавый наш враг (дьявол) рассеял по всей болгарской земле манихейскую[1] ересь, смешав ее с масалианской[2], тем, кто является начинателями этой ереси, анафема

Попу Богомилу, который при болгарском царе Петре[3] воспринял эту манихейскую ересь и распространил ее в болгарской земле, добавив, что Христос-бог наш родился от святой богородицы приснодевы Марии лишь по видимости и по видимости был распят, но вознес воспринятую плоть и оставил ее в воздухе, его (попа Богомила) прошлым и существующим ныне ученикам, называемым апостолами, анафема.

Тем, которые имеют дружбу с ними, и по единодушию едят и пьют с ними, и получают дары от них как их единомышленники, анафема ..

Тем, кто называет сатану творцом всего видимого и повелителем дождя, града и всего, что произрастает на земле, анафема.

---

[1] *Манихéи* — религиозная секта (по имени ее основателя перса Мани — III в.), проповедовавшая дуалистическую систему взглядов (борьба добра — духовного начала и зла — материального) и строгий аскетизм.

[2] *Масалиáне* — религиозная секта, близкая к манихеям.

[3] 927 — 969 гг.

Тем, которые говорят, что сатана создал Адама и Еву, анафема

Тем, которые отвращаются от всякого моления в священных и божественных церквах и от самого дома божьего, каковым является церковь, и говорят, что нужно творить лишь молитву «Отче наш», где бы ни пришлось, анафема.

Тем, кто отвергает святые и священные богослужения и все святительские устроения и глумится над ними, говоря, что они— изобретение сатаны, анафема ..

Тем, которые отвергают поклонение честному и животворному кресту и святым и священным иконам, анафема...

Всем еретикам анафема.

Тем, которые называют простыми домами святые божьи церкви, в которых освящается и обновляется все христианство и славится божье имя, анафема трижды...

«Хрестоматия », т II, 1963, стр 678.

19. МАТВЕЙ ПАРИЖСКИЙ. «ВЕЛИКАЯ ХРОНИКА»

В начале XIII столетия английским королям принадлежали владения во Франции Поэтому в тогдашних английских хрониках имеются сведения и о событиях во Франции. Приводимое повествование заимствовано из «Великой хроники» английского монаха Матвея, по прозвищу Парижский, охватывающей период с 1200 г. вплоть до кончины автора в 1259 г.

Нечто чудесное о тех, которые называли себя во Франции пастухами, намеревающимися отвоевать Святую землю

В то же самое время враг рода человеческого .. попытался сбить с толку людей хитростью нового рода.

Некто, венгр по национальности... который знал французский, немецкий и латинский языки, принялся шататься то тут, то там и проповедовать без разрешения папы или покровительства какого-либо прелата, уверяя ложно, что он получил от пресвятой Марии, божьей матери, поручение собрать пастухов овец и других животных, которым, как он говорил, небом предоставлено по смирению и простоте сердец вырвать из рук неверных Святую землю и всех невольников, ибо французские рыцари были отвергнуты богом из-за своей спеси...

Итак, вышеуказанный обманщик и все те, кто за ним следовал, принимали крест. И нашлось много людей, которые оказывали им милость и помощь, говоря, что часто бог избирает слабых мира сего для того, чтобы сразить сильных .

Также и королева Бланка, которая управляла Францией, надеясь, что эти пастухи вернут ей Святую землю и отомстят за ее

делению всего народа, будут сожжены на костре. Но еретики в своем безумии не только не убоялись того, но еще хвастались, что выйдут из огня невредимыми, и насмехались над убеждавшими их. Король и с ним все другие, видя, что их нельзя обмануть, приказал невдалеке от города развести большой огонь, в надежде, что страх переломит их упорство. Когда их повели туда, они в одурении кричали, что сами желают того, и торопили свою стражу. Огню было предано 13 человек; когда их начало палить, они стали кричать с костра, что их обманул дьявол, что они ложно не признавали Творца вселенной, и теперь за свое несчастие подвержены временным и вечным мукам. Многие из близко стоявших, услыхав их слова и побуждаемые человеколюбием, вознамерились спасти их, хоть полуживых, но было поздно: пламень мести обратил их в пепел. После того, где бы ни отыскивались последователи этого учения, они везде подвергались той же казни. А вследствие того католическая вера, искоренив безумие безумных, во всех странах приобрела новый блеск.

М. Стасюлевич. История средних веков..», т. II, 1915, стр. 884—887.

18. БОЛГАРСКИЙ СИНОДИК XIII в.

Болгарский царь Борил (1207—1218) повелел читать во время богослужения в православных церквах нижеследующий синодик о богомилах.

Богомильское движение

... Так как вселукавый наш враг (дьявол) рассеял по всей болгарской земле манихейскую[1] ересь, смешав ее с масалианской[2]; тем, кто является начинателями этой ереси, анафема.

Попу Богомилу, который при болгарском царе Петре[3] воспринял эту манихейскую ересь и распространил ее в болгарской земле, добавив, что Христос-бог наш родился от святой богородицы приснодевы Марии лишь по видимости и по видимости был распят, но вознес воспринятую плоть и оставил ее в воздухе, его (попа Богомила) прошлым и существующим ныне ученикам, называемым апостолами, анафема.

Тем, которые имеют дружбу с ними, и по единодушию едят и пьют с ними, и получают дары от них как их единомышленники, анафема...

Тем, кто называет сатану творцом всего видимого и повелителем дождя, града и всего, что произрастает на земле, анафема.

---

[1] *Манихéи* — религиозная секта (по имени ее основателя перса Мани — III в.), проповедовавшая дуалистическую систему взглядов (борьба добра — духовного начала и зла — материального) и строгий аскетизм.

[2] *Масалиáне* — религиозная секта, близкая к манихеям.

[3] 927 — 969 гг.

Тем, которые говорят, что сатана создал Адама и Еву, анафема...

Тем, которые отвращаются от всякого моления в священных и божественных церквах и от самого дома божьего, каковым является церковь, и говорят, что нужно творить лишь молитву «Отче наш», где бы ни пришлось, анафема.

Тем, кто отвергает святые и священные богослужения и все святительские устроения и глумится над ними, говоря, что они — изобретение сатаны, анафема...

Тем, которые отвергают поклонение честному и животворному кресту и святым и священным иконам, анафема...

Всем еретикам анафема.

Тем, которые называют простыми домами святые божьи церкви, в которых освящается и обновляется все христианство и славится божье имя, анафема трижды...

«Хрестоматия .», т. II, 1963, стр 678.

19. МАТВЕЙ ПАРИЖСКИЙ. «ВЕЛИКАЯ ХРОНИКА»

В начале XIII столетия английским королям принадлежали владения во Франции. Поэтому в тогдашних английских хрониках имеются сведения и о событиях во Франции. Приводимое повествование заимствовано из «Великой хроники» английского монаха Матвея, по прозвищу Парижский, охватывающей период с 1200 г. вплоть до кончины автора в 1259 г.

Нечто чудесное о тех, которые называли себя во Франции пастухами, намеревающимися отвоевать Святую землю

В то же самое время враг рода человеческого ... попытался сбить с толку людей хитростью нового рода.

Некто, венгр по национальности... который знал французский, немецкий и латинский языки, принялся шататься то тут, то там и проповедовать без разрешения папы или покровительства какого-либо прелата, уверяя ложно, что он получил от пресвятой Марии, божьей матери, поручение собрать пастухов овец и других животных, которым, как он говорил, небом предоставлено по смирению и простоте сердец вырвать из рук неверных Святую землю и всех невольников, ибо французские рыцари были отвергнуты богом из-за своей спеси...

Итак, вышеуказанный обманщик и все те, кто за ним следовал, принимали крест. И нашлось много людей, которые оказывали им милость и помощь, говоря, что часто бог избирает слабых мира сего для того, чтобы сразить сильных...

Также и королева Бланка, которая управляла Францией, надеясь, что эти пастухи вернут ей Святую землю и отомстят за ее

сыновей, оказывала им милость и поддержку. Вскоре их число увеличилось столь значительно, что дошло до 100 000 и более. Они несли военные знамена, и на знамени их вождя был изображен ягненок, несущий стяг: ягненок — в знак кротости и невинности, стяг с крестом — в знак победы...

Со всех сторон к ним стекались воры, изгнанники, беглецы, отлученные — все те, которых во Франции в народе имеют обыкновение называть бродягами; таким образом они сформировали весьма многочисленную армию, которая имела уже 500 знамен, подобных стягу их учителя и вождя. Они несли мечи, обоюдоострые секиры, копья, кинжалы и ножи и выглядели приверженными скорее культу Марса, чем Христа.

Все больше и больше безрассудствуя, они разрешали заключать недозволенные браки. Их вожди и учителя хотя и были светскими, однако брались проповедовать. В своих проповедях они в огромной степени уклонялись от канонов христианской веры и правил очевидной истины. Если кто-либо им противоречил, они не пытались его убедить ни с помощью разума, ни с помощью авторитета, но набрасывались на него с оружием в руках. И когда их главный вождь проповедовал, окруженный толпой вооруженных людей, он сурово осуждал все религиозные объединения, за исключением их сборища, особенно же доминиканцев и францисканцев, называя их раскольниками и лицемерами. Он уверял, что монахи цистерцианского ордена — это жаднейшие любители стад и гордыни, каноники — наполовину светские и пожиратели мяса. Он говорил, что епископы и их прислужники знают только, как гоняться за деньгами, и утопают в излишествах всякого рода.Что касается римской курии, то он ее осыпал такими оскорблениями, которые нельзя даже повторить; таким образом, эти пастухи оказались явными схизматиками и еретиками.

Но народ в ненависти и презрении к духовенству внимательно слушал все эти поношения и радостно их одобрял, что и было самым опасным.

Там же, стр. 372—373.

20. СЕМЬ ПАРТИД

Это часть 7 «Семи партид» (пояснение о них см. выше, стр. 81), титула XXVI.

О еретиках

Еретики — это те безумцы, которые стараются извратить слова Господа нашего Иисуса Христа и дать им другой смысл... противоположный тому, который был дан им Святыми Отцами, и в который верит Святая Римская церковь, и который она велит хранить...

Откуда происходит слово «еретик», сколько их видов и какой вред они приносят людям, которые с ними общаются

«Ересь» как в латыни, так и по-романски означает разделение, и отсюда происходит слово еретик, то есть отклонившийся от католической религии христианин. Существует очень много сект и категорий еретиков, но две из них самые главные. К первой относятся те, кто верует, но его верования расходятся с подлинной верой, которую Римская церковь повелевает исповедовать и блюсти. Ко второй категории относятся те, которые вообще не веруют, и это очень негодные люди, думающие, что душа умирает вместе с телом и что ни за добро, ни за зло, которое человек делает в этом мире, он не получит ни награды, ни наказания. И те, кто думает так, хуже животных. И от еретиков, к какой бы категории они ни принадлежали, исходит большой вред на земле, так как они всегда стараются разрушить добрую волю людей и ввести их в заблуждение.

Кто может обвинить еретиков, и перед кем, и какого наказания они заслуживают после того, как доказана их ересь, и кто может наследовать их имущество

Еретики могут быть обвинены любым человеком из народа перед местным епископом или местными викариями. И они должны проверить их знание положений религии и таинств, и если откроется, что они путаются в них или в чем-либо другом, что относится к Римской церкви и что она должна хранить, то их надо обратить и изъять из них заблуждение различными доводами и добрыми словами; и если они захотят вернуться к католической религии и исповедовать ее, то их надо простить. И если случится, что будут упорствовать, то их надо судить как еретиков и передать их затем светским судьям, и те должны наказать их следующим образом: если проповедовал ересь, был закоренелым, то его надо сжечь на огне так, чтобы он умер. И такого же наказания заслуживают неверные, которые, как мы указали выше, в предыдущем законе, не верят ни в награду, ни в наказание в другом мире...

Затем постановляем, что имущество тех, кто осужден за ересь или умер в еретической вере, должно перейти к их детям или потомкам...

Какого наказания заслуживают те, кто скрывает еретиков

Некоторые люди прячут и принимают в своих домах еретиков, ходящих по земле тайком, проповедуя и совращая сердца людей и вводя их в заблуждение; и те, кто это делает, жестоко ошибаются. И потому запрещаем всем людям нашего государства ни сознательно принимать в своем доме еретика, ни соглашаться

на то, чтобы он учил или проповедовал в нем, ни чтобы еретики собирались в его доме с целью устроить между собой беседу или совещание; и если кто-нибудь сознательно поступит наоборот, постановляем, что теряет тот дом, где он принял еретиков и дал им возможность делать что-либо из вышеназванных вещей, и что дом этот переходит в собственность церкви. Ибо будет полезно, что то место, где собирались враги католической церкви, послужит церкви и что там соберутся ныне верные христиане, которые в нее веруют и ее хранят и защищают. Но если кто-нибудь охраняет чужой дом и принимает еретиков без приказания и без ведома хозяина дома, то даже если еретики и будут делать там вышеназванные вещи, хозяин не должен терять из-за этого свой дом. Ибо раз он ничего не знал, за ним нет никакой вины. И потому постановляем, и считаем это справедливым, что тот, кто принял еретиков, должен заплатить за это штраф в десять золотых фунтов в сокровищницу короля. И если у него нет чем заплатить, то его должны прямо на месте на глазах у всех наказать плетьми, и глашатай должен объявить перед ним, за что его бьют.

Какого наказания заслуживают те, кто дает еретикам приют в своих замках или на своих землях

Никакой христианин не должен давать приюта еретикам ни в своем доме, ни в своем замке, ни в каком-нибудь другом месте; и кто приютит их таким образом, тем самым обманывает бога и сеньора этой земли и дает еретикам возможность творить свои дурные дела Ибо среди них имеются такие, которые колеблются, стать ли им еретиками, так как боятся наказания, и не колеблются стать ими, если находят человека, который может защитить их; и потому постановляем, что если кто-нибудь их принимает и дает им приют на своей земле, после того как его известили о приговоре об отлучении, данном против них каким-либо прелатом Святой церкви, если он мятежник и не подчиняется приговору прелата и упорствует в течение года, то его следует предать за это позору так, чтобы никогда не мог иметь ни должности, ни почетного места. И более того, если он знатный человек, сеньор земли или какого-нибудь замка, то теряет поэтому право на владение землей и замком, которые отходят к королю; и еще более того, его нужно изгнать с этой земли; и если он подл и низок, то его самого и все, что имеет, отдать на милость короля, который должен дать ему такое наказание, какого он заслуживает за подобный проступок.

«Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы», стр 499—503

21. ИСТОРИЯ ДОЛЬЧИНО, ЕРЕСИАРХА НОВАРСКОГО

Это нарративный источник XIV в из Пьемонта (Северная Италия).

Ересь Дольчино

... Около 1260 г. появился некий Герардо Сегарелли из Пармы в Ломбардии, который выделялся злыми намерениями, как своими, так и многих своих приверженцев. Этот человек, желая казаться совершенным, выдумал новый образ жизни и прикинувшись кающимся, своими выдумками и баснями привлек на свою сторону многих, ставших его учениками и последователями. Создав с ними постепенно нечто вроде монашеского ордена и тайно влив в них заразительный яд своего учения, он стал выступать против общего статуса святой римской церкви, против прелатов и всего клира, против монахов и всех монашеских орденов, против белого духовенства, как об этом будет сказано полнее в том, что последует. Внушил своим слушателям под личиной поддельной святости, что он хочет следовать жизни и путям апостолов и, как поступали апостолы, проповедовать им покаяния и учить новой жизни, не понимая того, что более старые пути более спасительны. Поэтому он назвал своих учеников и последователей апостолами и хотел, чтобы они именно так назывались, дабы они жили не повинуясь никому, кроме бога, как и первые апостолы господа нашего Иисуса Христа Пагубную же свою секту не столько своим авторитетом, которого у него не было, сколько своею наглостью, которая у него была большая, он постановил назвать орденом апостолов, которые должны были рассеяться по всему свету, подобно монахам нищенствующих орденов, которые просят милостыню и живут ею, и должны были бы проповедовать повсюду народу: «Покайтесь, ибо приблизилось царствие божие». И многое тому подобное, что на первый взгляд казалось бы добром слушателям, особенно простым людям.

Многочисленные заблуждения, вымышленные умом его, он передал своим последователям, поучая их, чтобы они не открыто и не при всем народе, но тайно держали их и поучали других. И так с самого начала они *ходили* в *плаще*, прикрывшись наподобие монахов, иногда в сандалиях, а иногда и босыми; они отступали от обычного вида верных христиан, от их жизни и от их обычаев и делали вид, что они ведут совершенную жизнь и апостольскую, показывая народу своим внешним видом, своими жестами, своим поведением, что они следуют евангельскому учению. А на самом деле жизнь их была внутренне далеко не так совершенна и внешне постыдна, а их учение на их тайных собраниях было в такой же степени еретическое, как и безумное. Вследствие этого с самого начала под таким монашеским покро-

вом эта злокачественная болезнь приняла большие размеры отчасти потому, что никто не выступил против этих волков в овечьей шкуре. А простые люди принимали ложный образ их святости (за подлинную святость), благодетельствовали им, давали им милостыню. И таким образом в течение 20 лет они выросли численно сверх всякой меры, и дело шло все хуже...

После того как ересь была ликвидирована и Герардо-ересиарх сожжен, появился Дольчино, незаконный сын священника Новарского диоцеза, один из учеников названного выше Герардо, в качестве наставника в заблуждениях и неправильных учениях и сделался главой и знаменосцем этой секты и сообщества не апостольского, а дьявольского, прибавляя к прежним заблуждениям новые, как о том станет ясно ниже... Названный же Дольчино объединил в своей секте и ереси много тысяч людей обоего пола, особенно в Италии и Тоскане и в других соседних областях, и передавал им свое зловредное учение, и на основе своего духа, не столько пророческого, сколько фанатического и безумного, много предсказывал о будущем, уверяя и сочиняя, что он имеет откровение от бога, который даровал ему дух пророческого понимания. И во всем этом он оказался лживым и сам обманулся вместе со своей проклятой Маргаритой, своей женой и подругой в заблуждениях, как об этом повествуется дальше.

А вот заблуждения их, как это выяснилось из показаний сожженного Сегарелли и некоторых учеников Дольчино, ставших впоследствии на путь праведный.

1. ... Они тайно учили там и тогда, когда они могли сделать это возможным самым тайным образом, что весь авторитет, данный господом нашим Иисусом Христом римской церкви, отнят у нее и давно уже не пребывает в ней из-за греховности прелатов и что римская церковь, которая находится в руках папы, и кардиналов, и клириков, и монахов, не есть церковь божия, а осужденная церковь и бесплодная.

2. Что римская церковь есть та блудница, которая отошла от веры христовой и о которой пишет Иоанн в своем Апокалипсисе.

3. Что вся та власть духовная, какую дал церкви Христос вначале, перенесена на их секту, которую они сами называют сектой апостолов, или апостолическим орденом, и эту секту они называют духовной конгрегацией, посланной от бога и избранной в эти последние дни; они сами и другие такие же имеют власть, какую имел св. апостол Петр.

4. Что Герардо Сегарелли Пармский, названный выше, был началом секты и ее создателем, а он, как говорит и уверяет Дольчино, был новым древом бога, разрастающимся на корне веры, в котором бог начал приводить церковь свою к общению, совершенству, к жизни и к порядку, к бедности первоначальной церк-

ви и к тому ее положению, в каком вручил Христос церковь свою св. Петру апостолу.

5. Только они одни, которые называются апостолами названной выше секты, или конгрегации, суть церковь божия, и они находятся в состоянии такого совершенства, в каком пребывали первые апостолы Христа. И поэтому они считают, что они не обязаны никому повиноваться, даже самому папе и никому другому, ибо их правило, которое они получили от бога, есть свободное и самое совершенное.

6. Ни папа и никто другой не может им приказывать, чтобы они покинули свои порядки или столь совершенную жизнь, и не может их отлучить от церкви...

11. Никакой папа римской церкви не может кого-либо освобождать от грехов, если он только не будет таким же святым, каким был св. апостол Петр, т. е. он должен жить во всемерной бедности и не иметь собственности, быть смиренным, не поощрять войн и никого не преследовать, но каждому предлагать жить в его свободе.

12. Все прелаты церкви римской, как высшие, так и низшие, со времени св. папы Сильвестра, после того как они отклонились от образа жизни первых святых, — вероломцы и соблазнители...

13. Все ордена, монашеские и священнические, субдиаконов и прелатов, существуют во вред католической церкви.

14. Светские люди не обязаны давать десятину никакому священнику и никакому прелату римской церкви, которые бы не были столь совершенными и столь нищими, какими были первые апостолы, и поэтому они говорят, что не следует давать десятины никому, кроме них самих, которые называют себя апостолами и суть христовы нищие...

18. Они утверждают, что освященная церковь имеет для молитвы богу не большее значение, чем конюшня или помещение для свиней...

...Названный выше Дольчино, между прочим, уверял, что ему ниспослан дух пророчества и ему это открыто богом, что в 1305 г. Фридрих, король Сицилии, сын бывшего короля Петра Арагонского, станет императором и установит в Италии десять королей, а папу, кардиналов и всех прелатов церкви и всех монахов убьет, кроме тех, которые перейдут на сторону Дольчино и его последователей, и тогда Дольчино будет возведен на папский престол и будет властвовать в церкви вместе со своими последователями; все это было и есть теперь очевидно лживым.

Дольчино учил также, что церковь прошла через четыре статуса состояния.

Первый статус был хорошим и смиренным, бедным и способным к совершенству, и это было во время Христа и апостолов.

Второй статус тоже был хорошим, и почитаемым, и богатым, и это было во времена св. Сильвестра.

Третий статус был и сейчас продолжается. Он богат, жаден, прелюбодействен, честолюбив и горд, и этот статус был и сейчас продолжается

Четвертый таков же, как и первый, и ведет он свое начало от Герардо Сегарелли Пармского, который, будучи послан богом, первый после апостолов в последние времена положил начало пути совершенства. И вот прошло уже сорок лет с того времени, как названный выше Герардо говорил все это около 1300 года, и эту жизнь апостольскую соблюдают Дольчино и его последователи...

«Хрестоматия », т II, 1963, стр 517—521.

22. КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ АЛЬБИГОЙЦЕВ

Это отрывок из сочинения упоминавшегося выше Цезария Гейстербахского (см. стр. 222).

Во времена папы Иннокентия, предшественника ныне правящего Гонория [1], когда еще продолжался раскол между королями Филиппом и Оттоном, козпью дьявола альбигойские ереси стали возрастать или, вернее, созревать. Сила ереси была так велика, что пшеница веры во всей той стране, казалось, превратилась в плевелы заблуждения. Посланы были аббаты нашего ордена [2] и несколько епископов, чтобы мотыгой православной проповеди с корнем вырвать плевелы; но достигли они малого, ибо препятствовал супротивник людской, сеятель всякого зла...

И настолько усилилось заблуждение альбигойское, что вскоре заразило почти тысячу городов, и если бы не было подавлено мечом верным, то захватило бы и всю Европу.

В год господа нашего 1210-й проповедовали по всей Германии и Франции принять крест против альбигойцев, и в следующем году поднялись против них в Германии — Леопольд, герцог Австрийский, Энгильберт, тогда еще препозит, а ныне архиепископ Кельнский, брат его Адольф, граф Бергский, Вильгельм, граф Юлихский, и многие другие разного чина и звания; то же произошло во Франции, в Нормандии и в Пуату. Главой и проповедником этого похода был Арнольд, аббат в Сито, впоследствии архиепископ Нарбонны. И пришли они к большому городу, по названию Безье, в котором, говорят, было более 100 000 человек, и стали его осаждать. У них на глазах еретики осквернили книгу св. евангелия и сбросили его вниз христианам, стреляя и крича: «Вот ваш закон, несчастные!» Христос же, насадитель евангелия, не оставил без отмщения нанесенную ему обиду. Ибо некоторые воины, возгоревшись ревностью к вере... подставили лестницы и бесстрашно взошли на стены, и когда еретики,

---

[1] *Иннокентий III* (1198—1216), *Гонорий III* (1216—1227).

[2] Цистерцианского.

самим господом приведенные в смятение, отступили, они открыли ворота, и город был взят. Узнав из возгласов, что там вместе с еретиками находятся и православные, они сказали аббату: «Что нам делать, отче? Не умеем мы различить добрых и злых!» И вот аббат, а также и другие, боясь, чтобы те из страха смерти не прикинулись православными, а впоследствии опять не вернулись к своему суеверию, сказал, как говорят: «Бейте их всех, ибо господь познает своих». И перебито было великое множество в том городе...

«Средневековье в его памятниках», стр 252—253

23. ЭДИКТ ФРИДРИХА II

Эдикт императора Священной Римской империи германской нации Фридриха II был издан в 1232 г. и направлен против еретиков.

Фридрих, божией милостью император Римский, всегда священный, король Иерусалима и Сицилии, всем своим возлюбленным князьям, достопочтенным архиепископам, епископам и прочим церковным прелатам, герцогам, маркграфам, графам, баронам, наместникам, бургграфам, уполномоченным, судьям, министериалам, оффициалам и всем властям по всей империи, которые увидят настоящую грамоту, верноподданным нашим. . Постановляем и утверждаем, чтобы еретики, каким бы именем они ни обозначались и в каком бы месте империи ни были осуждены церковью и переданы светскому суду, были наказаны с надлежащим тщанием. Если же какие-либо из вышереченных, будучи схвачены, устрашенные ужасом смерти, захотели бы вернуться к единению в вере, то таковые, сообразно с каноническими постановлениями, должны быть заключены для отбывания наказания на вечные времена в темницу.

Далее, если какие сысканы будут еретики в городах, местечках или иных селениях империи инквизиторами апостольского престола или другими ревнителями православной веры, то те, кто в данном месте обладает юрисдикцией, должны схватить этих еретиков по доносу инквизиторов и других добрых католиков и, схватив, держать под строгой стражей, пока их, осужденных церковным приговором, не уничтожат смертью, их, которые отвергали таинство животворящей веры.

Такому же наказанию постановляем предавать всех, кого враг в своем коварном лукавстве соблазняет выступать на поощрение еретических заблуждений или оказывать еретикам недозволенную защиту, ибо гнусное деяние равняет всех, кого пятнает, если только вышереченные, по увещании, не отступятся и не пожелают подумать о своем спасении.

Тех же, кто, будучи в одном месте уличен в ереси, переселится в другое, чтобы тем безопаснее разливать яд своей еретической мерзости, постановляем подвергать должному возмездию, как только об этом будет налицо очевидное свидетельство лиц, обращенных к вере из того же самого заблуждения, либо других лиц, которые изобличали их в ереси, что в данном случае мы охотно допускаем.

Также считаем необходимым приговаривать к смерти тех еретиков, которые, будучи привлечены к суду, на краю гибели отрекутся от ереси, но затем окажутся виновными в ложной клятве и будут изобличены в обманной вере, или та же болезнь сама собою вторично коснется их и поразит их; пусть лживое нечестие будет тем гибельнее для самого себя, и пусть ложь не избегнет заслуженной кары.

Сверх того, жалобы и апелляции у еретиков, их последователей и их покровителей мы всецело отнимаем, желая, чтобы из пределов Алеманнии, где всегда существовала верная вера, порождения еретической мерзости были искоренены всяческими мерами...

Там же, стр 253—254.

24. НАСТАВЛЕНИЕ О ПРИЕМАХ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЕРЕТИКОВ

Это руководство было составлено одним из инквизиторов-доминиканцев Давидом в 1260 г.

Как уличается приспешник еретический

Первое. Те, которые тайно навещают их, когда они содержатся в тюрьме, и перешептываются с ними, и снабжают их пищей, берутся на подозрение как последователи их и соучастники. Второе. Те, которые сильно плачутся о задержании их или смерти, были, очевидно, особые их друзья при жизни; ибо быть долго в дружбе с еретиком и не видеть его ереси едва ли вероятно. Третье. Если кто распространяет слух, что те несправедливо осуждены, тогда как на самом деле они были явно уличены или даже сами сознались в ереси, тот, очевидно, одобряет их учение и допускает ошибку церкви, их осудившей. Четвертое. Если кто станет со скорбным лицом смотреть на преследователей еретиков и на успешных их обличителей, так что при желании можно подметить это по глазам, носу и по выражению лица, и не сможет глядеть им прямо в глаза, тот берется нарочито на подозрение, что он питает ненависть к тем, кто огорчил его сердце, настолько, что это отражается даже на лице и, значит, любит тех, о гибели коих столь скорбит. Пятое. Если кто-либо попадется в том, что тайно собирает ночью, как реликвии, кости сожженных еретиков, — ибо они, несомненно, почитают

святыми тех, чьи кости собирают, как святыню, то такие лица — еретики, как и те...

Эти признаки дают значительное право заподозрить их ереси, хотя еще и не вполне достаточны для осуждения, если не присоединяются другие доказательства, из которых совершенно явствует, что они совершали все это во славу ереси. И если будут такие, которые сумеют и захотят мудро проследить их и с благословения епископа прикинутся сторонниками и друзьями еретиков и сумеют поговорить с ними осторожно, без лжи, и которые не внушают опасения, что они заразятся от них, — такие могли бы проникать во все их тайны, узнавать обычаи и речи, устанавливать личности еретиков и их сторонников, выслеживать их притоны и сходбища и отчетливо замечать и записывать все, чем отдельные лица могут быть уличены в ереси, выведывать также, когда присутствуют их учителя или когда они собираются вместе с тем, чтобы своевременно указывать это и многое другое инквизиторам и давать их схватить и выступать по закону свидетелями против них, что много поможет церкви в искоренении еретической мерзости...

Кормят еретика впроголодь, так чтобы страх совсем его ослабил, и не допускают к нему никого из его товарищей, чтобы тот не укрепил его и не научил хитро отвечать и никого не выдавать; и вообще никого к нему не пускать, только изредка двух надежных и испытанных людей, которые осторожно, как бы сочувствуя, станут увещевать его избавиться от смерти и чистосердечно сознаться, в чем и как погрешил, и пообещают ему, что, сделав это, он может избегнуть сожжения. Ибо страх смерти и жажда жизни смягчают сердца, ничем иным не смягчаемые.

Говорить же надо вкрадчиво: не бойся и спокойно сознайся, если ты, быть может, считая их за добрых людей, которые учат тому-то и тому-то, доверился им, охотно слушал их, поддерживал их из своего имущества, порой принимал их в своем доме и даже исповедовался у них, делая это по простоте своей и из любви к ним, считая их добрыми и ничего дурного про них не зная; а обмануться в этом ведь могут и люди значительно помудрее тебя.

О том, сколь осторожно надо вести допрос

Если после этого он начнет поддаваться, размякать и захочет кое-что сказать, что он иногда от подобных учителей в укромных местах слышал об евангелии, посланиях или тому подобном, то тут же, по горячим следам, спросить его, учили ли эти учителя тому-то и тому-то, а именно, что чистилищного огня нет, что молитвы за умерших не помогают, что дурной священник, сам погрязший в грехе, не может и другим отпустить грехи, и вообще о таинствах церкви. А потом осторожно выспро-

сить, считает ли он сам учение их хорошим и истинным; если да, то он уже сознался в исповедании ереси... Если же ты прямо спросишь его, верит ли он сам всему вышеуказанному, он отвечать не будет, боясь, что ты хочешь изловить его и обвинить в еретичестве, почему и следует ловить его осторожно, иным путем, как я сказал; ибо хитрую лису надо ловить лисьей же хитростью.

Там же, стр 256—258

25. П. АБЕЛЯР. «ИСТОРИЯ МОИХ БЕДСТВИЙ»

Знаменитый философ, враг ортодоксального католицизма, Петр Абеляр между 1132 и 1136 гг. написал одно из известнейших своих сочинений — «Историю моих бедствий». Приводим отрывки из нее.

В аббатстве, в которое я вступил, вели совершенно мирскую жизнь и к тому же весьма предосудительную; сам аббат, стоявший выше всех прочих по своему сану, был ниже их по образу своей жизни и еще более — по своей дурной славе. Поскольку я часто и резко обличал их невыносимые гнусности как с глазу на глаз, так и всенародно, то я сделался в конце концов обузой и предметом ненависти для всех иных. По этой причине они были очень рады от меня отделаться и воспользовались ежедневными и настойчивыми просьбами моих учеников. Так как последние неотступно и долго меня упрашивали, в дело вмешались аббат и братия, и я удалился в одну келью, чтобы возобновить там свои обычные учебные занятия.

Ко мне в самом деле нахлынуло такое множество школяров, что не хватало места их разместить и земля не давала достаточно продуктов для их пропитания. Здесь я намеревался посвятить себя главным образом изучению священного писания, что более соответствовало моему званию, однако не совсем отказался от преподавания и светских наук, особенно для меня привычного и преимущественно от меня требовавшегося. Я сделал из этих наук приманку, так сказать, крючок, которым я мог бы привлекать людей, получивших вкус к философским занятиям, к изучению истинной философии.

Поскольку господу было, по-видимому, угодно даровать мне не меньше способностей для изучения священного писания, чем для светской философии, число слушателей моей школы как на тех, так и на других лекциях увеличивалось, тогда как во всех остальных школах оно так же быстро уменьшалось. Это обстоятельство возбудило ко мне сильную зависть и ненависть других магистров, которые нападали на меня при каждой малейшей возможности, как только могли. Они выдвигали против меня — главным образом в мое отсутствие — два положения: во-первых, то, что продолжение изучения светских книг противоречит данному мной монашескому обету; во-вторых, то, что я решил-

ся приступить к преподаванию богословия, не получив соответствующего разрешения. Таким образом, очевидно, мне могло быть запрещено всякое преподавание в школах, и именно к этому мои противники непрестанно побуждали епископов, архиепископов, аббатов и каких только могли других духовных лиц.

Тем временем у меня появилась мысль прежде всего приступить к обсуждению самих основ нашей веры путем применения уподоблений, доступных человеческому разуму, и я сочинил для моих учеников богословский трактат «О божественном единстве и троичности». Ученики мои требовали от меня человеческих и философских доводов того, что может быть понято, а не только высказано. Они утверждали при этом, что излишни слова, недоступные пониманию, что нельзя уверовать в то, чего ты предварительно не понял, что смешны проповеди о том, чего ни проповедник, ни его слушатели не могут постигнуть разумом. Сам господь жаловался, что поводырями слепых были слепцы.

Когда весьма многие увидели и прочитали мой трактат, он в общем всем очень понравился, так как, по-видимому, в одинаковой мере давал удовлетворительные ответы по всем возникавшим в связи с ним вопросам. Поскольку же эти вопросы представлялись наитруднейшими, то, чем больше в них было трудностей, тем более нравилась тонкость их разрешения. Поэтому мои соперники, чрезвычайно раздосадованные этим, решили созвать против меня собор...

В последний день собора перед открытием заседания легат и архиепископ долго совещались с моими противниками и некоторыми другими лицами о том, что же следует постановить по поводу меня и моей книги, ради чего, главным образом, они и были созваны. И так как ни в моих словах, ни в представленной моей книге они не нашли ничего такого, что могли бы вменить мне в вину, то на некоторое время воцарилось молчание, и враги мои стали нападать на меня менее яростно.

Тогда Готфрид, епископ Шартрский, выделявшийся среди остальных епископов славой своего благочестия и значением своей кафедры, начал речь таким образом: «Все вы, присутствующие здесь владыки, знаете, что учение этого человека (каким бы он ни был) и врожденный талант его, проявляющийся в изучении им любой отрасли знания, приобрели ему многочисленных сторонников и последователей и что его слава совершенно затмила славу его собственных и наших учителей; его, так сказать, виноградная лоза распростерла свои побеги от моря до моря. Если вы — чего я не думаю — обвините его на основе заранее вынесенного суждения, то знайте, этим вы оскорбите многих даже в том случае, если осудите по справедливости. Не будет недостатка во многих людях, которые пожелают его защи-

щать тем более, что в представленной здесь книге мы не можем усмотреть никакого явного нечестия. И так как у Иеронима есть такое место: «Явная сила имеет всегда завистников» — и так как известны также слова поэта:

Разит молния
Высочайшие горы,—

то смотрите, как бы вы еще больше не укрепили его добрую славу, поступив круто, и как бы мы не добились скорее против себя обвинения в зависти, чем против него обвинения по всей справедливости. Ведь как сказал только что названный учитель церкви: «Ложная молва быстро исчезает, и последующая жизнь свидетельствует о предыдущей». Если же вы предлагаете поступить с ним по каноническим правилам, то пусть его учение или книга будут представлены здесь и пусть ему будет дозволено свободно отвечать на вопросы, так, чтобы он, уличенный или вынужденный к покаянию, совсем умолк. Это будет согласно с тем суждением блаженного Никодима, который, желая освободить господа, сказал: «Осуждает ли наш закон человека прежде, чем его выслушают и узнают, что он делает?»

Выслушав это мнение, мои противники тотчас же закричали: «Вот так мудрый совет: спорить против его красноречия. Ведь весь божий свет не смог бы опровергнуть его доказательств или софизмов!» Однако же гораздо трудней, несомненно, было спорить с самим Христом, выслушать которого на основании закона требовал Никодим. Епископ, не будучи в состоянии склонить их к принятию своего предложения, попытался обуздать их ненависть другим способом: он заявил, что для суждения о столь важном вопросе собрание слишком малочисленно и такое дело требует более внимательного исследования. В конце концов епископ посоветовал, чтобы мой аббат, присутствующий на соборе, препроводил меня обратно в мое аббатство, монастырь Сен-Дени, и там был созван многочисленный собор ученейших людей для вынесения приговора после тщательного исследования данного вопроса. С этим мнением епископа согласился легат, а также и все остальные.

Затем легат встал для того, чтобы до начала заседания собора отслужить обедню, и через названного епископа передал мне приказание возвратиться в наш монастырь и там ожидать исполнения вынесенного решения. Тогда мои противники, полагая, что они ничего не добьются, если это дело будет разбираться за пределами их архиепископства, где они, разумеется, не смогут прибегнуть к насилию, и не доверяя справедливому суду, внушили архиепископу, что для него весьма оскорбительно, если это дело будет передано в другой суд, и опасно, если я таким образом избегну кары. Они сейчас же побежали к легату, заставили его изменить свое решение и против воли вы-

нудили его согласиться на осуждение моей книги без всякого рассмотрения, на немедленное и публичное ее сожжение и на вечное мое заключение в другом монастыре. Они говорили: для осуждения этой книги вполне достаточно того, что я осмелился публично читать ее без одобрения со стороны римского папы или другой церковной власти и даже сам предлагал многим ее переписывать. Будет якобы чрезвычайно полезно для христианской веры, если мой пример пресечет подобное же высокомерие и у многих других...

Призванный на собор, я немедля явился туда. Там без всякого обсуждения и расследования меня заставили своей собственною рукой бросить в огонь мою названную выше книгу, и она была таким образом сожжена...

Сатана воздвиг на меня такое гонение, что я не нахожу себе места, где бы я мог успокоиться или даже просто жить; наподобие проклятого Каина, я скитаюсь повсюду, как беглец и бродяга. Меня, как я уже сказал выше, постоянно мучат «извне нападения, внутри — страхи», беспрестанно терзают и внешний и внутренний страх и борьба. Преследования моих духовных сынов значительно опаснее, чем преследования врагов. Ведь духовные сыны всегда находятся передо мной, и я постоянно должен переносить их коварство. Телесное насилие со стороны врагов угрожает мне, когда я выхожу за пределы монастыря; внутри же его мне сплошь и рядом приходится терпеть столь же жестокие, сколь и коварные козни со стороны духовных сынов, то есть монахов, порученных мне, аббату, как их отцу.

О, сколько уже раз они пытались погубить меня отравой... Та же причина, из-за которой он покинул своих развращенных духовных сынов, могла бы побудить и меня последовать примеру столь великого отца церкви. Если бы я не выступил против этой явной опасности, то высказал бы не свою любовь к богу, а легкомысленное желание искушать его и погубить себя. Хотя я пытался, насколько мог, предотвратить ежедневные покушения на мою жизнь во время подачи мне пищи и питья, монахи старались отравить меня даже при совершении таинства причастия, а именно, влив в чашу яд. В другой раз, когда я отправился в Нант известить заболевшего графа и остановился там в доме одного из моих братьев по плоти, монахи задумали отравить меня с помощью сопровождавшего меня слуги, предполагая, что я совершенно не буду остерегаться подобного покушения. Но по промыслу божию случилось так, что, пока я еще не отведал приготовленной для меня пищи, один из прибывших со мной монахов по неведению воспользовался ею и тотчас же упал мертвым; слуга же, виновник этого, почувствовал укоры совести, а также испугавшись обнаружения улик, бежал.

Итак, после столь явного для всех доказательства их злонамеренности, я начал уже, по мере возможности, открыто бороться против их козней, перестал даже ходить на собрания капитула и пребывал в кельях с немногими монахами. Остальные же, если бы они узнали, что я намереваюсь куда-нибудь поехать, расставили бы по дорогам и тропам подкупленных разбойников, чтобы убить меня. И вот пока я претерпевал все эти опасности, рука божья нанесла мне однажды сильный удар: я выпал при езде из повозки и повредил себе шею; это падение огорчило и ослабило меня гораздо больше, чем когда-то прежняя рана. Обуздывая мятежный дух братии угрозой отлучения, я заставил некоторых из них, наиболее опасных для меня, публично обещать мне или даже дать клятву, что они совсем уйдут из аббатства и больше не будут меня ничем беспокоить. Но они открыто и бессовестнейшим образом нарушили данное слово и клятвы...

Однако и после этого они не успокоились. Недавно, когда, изгнав тех, о которых я только что сказал, я снова пошел на собрание капитула и доверился остальной братии, к которой я относился с меньшим подозрением, я обнаружил, что оставшиеся еще много хуже, чем изгнанные. И я едва успел спастись, теперь уже не от их яда, а от их меча, приставленного к моему горлу: меня укрыл от них один из местных владетелей. В столь опасных условиях я тружусь до сих пор; каждый день я вижу как бы занесенный над моей головой меч, так что не могу себя чувствовать спокойным даже за обедом.

Петр Абеляр История моих бедствий М., 1959, стр 33—34, 37—40, 57—58.

26. ПИСЬМО БЕРНАРА КЛЕРВОСКОГО ЕПИСКОПАМ И КАРДИНАЛАМ РИМСКОЙ КУРИИ

Аббат Бернар Клервоский (1091—1153) имел громадное влияние на римских пап, королей и других духовных и светских феодалов. Он пользовался этим для борьбы со всеми, кто подрывал основы церковного учения Помещенное здесь его письмо датируется 1140 г.

Владыкам и отцам, достопочтенным епископам и кардиналам курии — слуга их святости.

1. Нет сомнений, что именно вам надлежит удалять соблазны из царства божьего, подрубать под корень растущие шипы и прекращать распри... А так как... над народом божьим пребывает власть и ревность римской церкви, то мы обращаемся к ней с полным правом и не по поводу отдельных вопросов, а в связи с поношением веры, оскорблениями Христа, охаиванием отцов

пренебрежением к ним, соблазнами для современников и опасностями для потомков.

Осмеивается вера простых, раздирается сокровенное бога, безрассудно обсуждаются вопросы, касающиеся высочайшего, подвергаются поношению отцы за то, что они сочли должным об этих вопросах скорее молчать, нежели делать попытки их разрешить...

Таким образом человеческий разум захватывает себе все, не оставляя ничего для веры. Он пытается постичь то, что выше его, он исследует то, что сильнее его, он врывается в божественное и скорее оскверняет святыню, чем открывает ее, запертое и запечатленное не раскрывает, но раздирает, и все, что он находит для себя непостижимым, считает за ничто, не удостаивая веры.

2. Прочтите, если угодно, книгу Петра Абеляра, которую он называет «Теологией» (ведь она находится у вас под руками, ибо, как он похваляется, в курии ее читают многие), и посмотрите, что говорится там о святой троице, о рождении сына, об исхождении духа святого и прочее без числа, совершенно непривычное как ушам, так и умам католиков. Прочтите и другую, которую называют книгой его «Сентенций», а также ту, которая называется «Познай самого себя», и обратите внимание на то, сколь густо произрастают там посевы святотатственных заблуждений. Обратите внимание на то, как он мыслит относительно души Христа, лица Христа, нисхождения Христа в преисподнюю, таинства алтаря, власти вязать и разрешать, первородного греха, вожделения, греха наслаждения, греха бессилия, греха невежества, греховного деяния и воли к греху...

Там же, стр. 128—129

27. УСТАВ БЕНЕДИКТИНСКОГО ОРДЕНА

В VI в. возник монашеский орден бенедиктинцев. В XIII в. его сильно потеснили доминиканцы и францисканцы. Недовольство бенедиктинцев отражено в их уставе, откуда заимствуем отрывок

О различных видах монахов

Как известно, существует четыре вида монахов. Во-первых, киновиты, т. е. братия монастырская, живущая по уставу и под началом аббата. Затем второй род — анахореты, т. е. такие отшельники, которые не с пылом молодого послушника, а испытанные долгим монастырским пребыванием, научились, на утешение многим, сражаться с дьяволом и, уже добро наученные и наставленные, выступив из братского строя на единоборство, в добром уповании, одни, без поддержки кого-либо, единолично и собственноручно достойно борются с Божьею помощью против вожделения плоти и мысли.

Третий же род монахов — мерзейшие сарабаиты; они, как известно, не искушенные никаким уставом, не испытанные ничьим учительством, подобно золоту в горниле, но размягченные, подобно свинцу, хранят верность делам века сего, а бога обманывают своей тонзурой; вдвоем, втроем или в одиночку, без пастыря, живут они не в господней овчарне, а в своей собственной; закон их — веление страстей; что помыслят и пожелают, то им свято; что не по ним, то не дозволено. Четвертый род монахов — бродячие, которые всю жизнь свою кормятся в разных местах, оставаясь три ли, четыре ли дня; вечно они шатаются, нигде не оседают, служа страстям своим и поддаваясь соблазну обжорства; во всем они еще хуже сарабаитов; о всей скверностной жизни тех и других лучше умолчать, чем говорить.

«Средневековье в его памятниках», стр. 71.

28. ПРОТИВ ПОРОКОВ

Ваганты — бродячие вольнодумцы, изгнанные из клира бывшие священники либо странствующие студенты — сочиняли сатирические песни и поэмы. Приводимое ниже стихотворение «Против пороков» возникло в среде вагантов, вероятно, в Германии XII в.

Возглавлять вселенную
Призван Рим, но скверны
Полон он, и скверною
Все полно безмерной.
Ибо заразительно
Веянье порока,
И от почвы гнилостной
Быть не может прока.
Рим и всех, и каждого
Грабит безобразно;
Пресвятая курия
Это — рынок грязный!
Там права сенаторов
Продают открыто;
Там всего добьешься ты
При мошне набитой.
Есть у римлян правило,
Всем оно известно:
Бедного просителя
Просьба неуместна.
Лишь истцу дающему
В свой черед дается.
Как тобой посеяно,
Так вот и пожнется.
К папе ты направился?
Ну так знай заране:
Ты ни с чем воротишься,
Если пусты длани.
Кто пред ним с даянием
Появился малым,
Взором удостоен он
Будет очень вялым.
Писарь и привратники
В этом с папой схожи;
Свора кардинальская
Не честнее тоже.
Если мзду обильную
Ты им не предложишь,
То и дела правого
Выиграть не сможешь.

«Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков», стр 39.

29. ВСЕПЬЯНЕЙШАЯ ЛИТУРГИЯ

Анонимная пародия XIII в. «Всепьянейшая литургия» создана в Англии каким-то бывшим попом. Это гимн из нее.

Лишь аббат и приор, двое,
Пьют винцо и иедуриое,
Но с прискорбием помои
Грустно тянет братия.

Славься, сок вина блаженный,
Порожденный гроздью пеиной,
Стол, тобой благословенный,
Полон благодатию.

Языку и чреву — благо,
Где твоя излита влага,
Когда в глотку всю баклагу
Выльешь без изъятия.

Сколь во рту ты мне приятен,
Сколь горяч и ароматен,
Хоть глагол мой стал иевиятен,
Сладким скован зелием.

Молим: лейся изобильно,
Чтоб поднялся гомон сильный
И запели мы умильно
Всей толпой с веселием.

Мних давио забыл о млеке;
Все на свете человеки
Хлещут присно и вовеки
С ликоваиьем велиим

Там же, стр 42.

ТЕМА.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Отобранные по данной теме документы отражают в соответствии со школьной программой узловые вопросы движения крестоносцев. Документы 1—11 посвящены подготовке и проведению первого крестового похода. Два отрывка из документа 1 воспроизводят проповедь Урбана II на большом соборе в Клермоне в ноябре 1095 г., в которой папа обратился к народам Запада с призывом предпринять поход для освобождения гроба господня в Иерусалиме из рук неверных. Они передают и тот порыв, который охватил различные слои населения в связи с речью папы.

В приводимых отрывках (а и б) документа 2 современники характеризуют отношение различных слоев населения Европы к крестовым походам. Они пытаются объяснить, чем было вызвано стремление крестьян отправиться в неведомые страны, показывают роль церкви, которая умело использовала умственную темноту забитого нуждой земледельца, готового в бегстве искать спасение от поборов и вымогательств сеньоров, от страшного голода, от постоянных нападений разбойных банд рыцарей. Ясно, что религиозный фанатизм крестьян был тесно связан с их материальным положением.

В источниках подчеркивается воинственное настроение рыцарей, объясняемое в первую очередь не желанием защитить господа бога, а жаждой наживы, стремлением сторицей возместить все потери, связанные с крестовым походом.

Третий и четвертый документы характеризуют поход бедноты и роль Петра Пустынника[1], этого невежественного монаха, не имевше-

[1] Петр Пустыиник родился около 1050 г. в Амьене, стал монахом (пустынником). Собрав огромную армию, в основном крестьян, он направился в путь через землю веигров. Судьба этого похода плачевна. Вожди лишились влияния иа массы. Миогие участники похода погибли еще в Европе. После переправы в Азию Петр Пустыииик покинул ополчеиие, которое было уничтожеио турками. Кроме трех источииков (Альберт Аахеиский, Вильгельм Тирский и Анна Комнена), никто не приписывает Петру Пустыннику почииа крестовых походов. На севере Фраиции ои известен только как один из миогих проповедников, англичаие, немцы и итальяицы почти ннчего о нем ие знают. Есть некоторые сведения, что Петр Пустыиник присоедииился к армии Готфрида Бульонского, после взятия Иерусалима возвратился в Европу и умер в 1115 г. в Гюи, в монастыре, который сам основал.

го ни малейшего представления ни о военном деле, ни о географии, но взявшего на себя миссию возглавить поход крестьян и провести их в Палестину. Современники отмечают, что народ верил этому проповеднику и обожествлял его.

В документах 5—9 рассказывается о движении крестоносцев на Иерусалим, об осаде и взятии этого города. В источниках показан не только ход военных действий в Малой Азии, но и ярко воспроизведена картина жестокой расправы крестоносцев с мирными жителями Иерусалима. Из документов ясно видно, какими истинными мотивами руководствовались рыцари, отправляясь на «защиту гроба господня». Документ 10 подтверждает, как враждебно относилось покоренное население Палестины к крестоносцам, преследуя и убивая захватчиков и не примиряясь со своим подневольным положением крепостных.

Из документа 11 следует, что созданное крестоносцами Иерусалимское королевство в Палестине не продержалось и ста лет и в 1188 г. египетскому султану Саладину вновь удалось водрузить полумесяц над башнями Иерусалима.

Документы 12—20 освещают историю четвертого крестового похода. В первом из них (документ 12) воспроизводится картина Константинополя в начале XIII в. (по описанию современника). Документ 13 содержит отрывок из послания папы Иннокентия III (1198—1216), который был одним из самых ревностных вдохновителей четвертого крестового похода. Документ 14 дает представление о переговорах крестоносцев с венецианским дожем, в результате которых Венеция согласилась за громадную сумму перевезти «воинство Христово» на своих судах «за море», как об этом туманно упоминается в договоре.

В следующих документах (15—17) рассказывается о дальнейших событиях, связанных с захватом крестоносцами принадлежащего венгерскому королю города Зары и походом их на Константинополь.

Источники ясно показывают, как Венеция, руководствуясь исключительно своими торговыми интересами и не упуская благоприятного случая, решила использовать вооруженную силу крестоносцев для того, чтобы подорвать могущество Византии и занять ее место на Средиземном море. «Святое воинство», как следует из документов, со своей стороны стремилось прежде всего захватить богатую добычу, и для этого разбойного сброда было безразлично, где они ее найдут — у «неверных» в Палестине или же у христиан в Византии. Поэтому не удивительно, что крестоносцы вместо Иерусалима оказались под стенами Константинополя и предали его невиданному разгрому. Об этом разгроме говорится в документах 18 и 19, где приведены яркие свидетельства очевидцев этих событий. Следует отметить, что участник четвертого крестового похода (документ 18) иначе относится к оценке происходящего, радуясь победе и богатой добыче крестоносцев, чем второй свидетель событий — греческий историк (документ 19), пострадавший от этого нашествия грабителей. И как вывод следует подчеркнуть, что четвертый поход наиболее полно раскрыл всю сущность крестоносного движения, с предельной четкостью показав его истинные, захватнические цели.

Последний документ (20) отражает возмущение папы Иннокентия III поведением крестоносцев в Константинополе, забывших о по-

ходе в Палестину и разграбивших столицу Восточной Римской империи. В этом возмущении сказалась боязнь папы, что поступок крестоносцев вызовет законную ненависть византийского населения к западной католической церкви.

1. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПАПЫ УРБАНА II НА КЛЕРМОНСКОМ СОБОРЕ

Первый отрывок взят нами из «Иерусалимской истории» Роберта, состоящей из восьми книг, в которых рассказывается о событиях с 18 ноября 1095 г., когда был созван Клермонский собор, до 12 августа 1099 г., когда произошла известная битва при Аскалоне (месяц спустя после взятия Иерусалима).

Рукопись «Иерусалимской истории», как сообщает об этом в предисловии автор монах Роберт Реймский, была доставлена ему в монастырь одним аббатом и по его просьбе дописана им и переработана. Автор доводит повествование до 1099 г., ибо на этом заканчивается и полученная им рукопись. Только в заключение монах Роберт добавляет от себя краткое описание Иерусалима.

Из предисловия мы узнаем, что автор не только присутствовал на Клермонском соборе, но и впоследствии посетил Иерусалим. Несмотря на то что Роберт писал о речи Урбана II спустя почти 25 лет и, естественно, не мог дословно воспроизвести ее, он, как очевидец, верно передал содержание этой речи.

1) В год от воплощения господня *тысяча девяносто пятый*, на пределах Галлии торжествовался великий собор, а именно в Оверне, в городе именуемом Клермон. На нем присутствовал папа Урбан Второй, с епископами и кардиналами. Был же этот собор знаменит большим стечением галлов и германцев, как епископов, так и князей. Устроив предварительно церковные дела, владыка папа выступил (26 ноября) на широкую площадь, потому что не было здания, стены которого могли бы вместить в себе всех присутствующих. Обращаясь ко всем с приятною сладостью риторики, он произнес:

«Народ франков... К вам обращается моя речь, к вам несутся слова моих убеждений. Я хочу вам поведать, что привело меня в ваши пределы, какая ваша крайность и всех верных заставила меня стать пред вами. От пределов Иерусалима и из города Константинополя к нам пришла важная грамота, и прежде часто доходило до нашего слуха, что народ *персидского* царства, народ проклятый, чужеземный, далекий от бога, отродье, сердце и ум которого не верит в господа, напал на земли тех христиан, опустошив их мечами, грабежом и огнем, а жителей отвел к себе в плен или умертвил... церкви же божии или срыл до основания, или обратил на свое богослужение... Кому же может предстоять труд отметить за то и исхитить из их рук награбленное, как не вам... Вас побуждают и призывают к подвигам предков величие и слава короля Карла Великого... и других ваших властителей...

в особенности же вас должна вызывать святая гробница спасителя и господа нашего, которою владеют нынче нечестные народы... Земля, которую вы населяете, сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, и вследствие того она сделалась тесною при вашей многочисленности: богатствами она необильна, и едва дает хлеб своим обрабатывателям. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведете войны и наносите смертельные раны. Теперь же может прекратиться ваша ненависть, смолкнет вражда, стихнут войны и задремлет междоусобие. Предпримите путь ко гробу святому; исторгните ту землю у нечестного народа и подчините ее себе. Земля та... «течет медом и млеком». Иерусалим — плодоноснейший перл земли, второй рай утех...»

Когда папа Урбан... говорил все это и многое другое в этом роде, все присутствовавшие были до того проникнуты одною мыслью, что в один голос воскликнули: «Так хочет бог, так хочет бог!»

М. Стасюлевич. История средних веков..., т. III, стр. 79—81.

Второй отрывок взят из источника «Деяния франкских пилигримов, отправившихся на завоевание Иерусалима» Фулькерия Шартрского.

Фулькерий родился в 1058 г. в городе Шартре. Вместе с войском Роберта Нормандского и Стефана Блуа[1] он разделяет трудности и опасности первого крестового похода. Когда армия Готфрида[2] выступила из Никеи в Антиохию, Фулькерий оставил ее и направился с Балдуином в Эдессу как его капеллан (секретарь). Это звание он сохранил и при Балдуине II. После смерти Готфрида Фулькерий в свите Балдуина прибыл в Иерусалим.

Сочинение Фулькерия Шартрского представляет собой не просто хронику. Оно изобилует подробным изложением тех событий, очевидцем которых он был. При этом он передает свои непосредственные впечатления о происходящем. В этом — особенная ценность его повествования. «Деяния франков» охватывают период с 1095 г. по 1127 г. и являются ценным источником по истории крестовых походов.

Несмотря на то что в приводимых документах (да и вообще в документах того времени) авторы по-разному воспроизводят папскую речь, они верно отражают те цели, которые преследовали организаторы крестовых походов.

2) ... Услыхав, что турки отняли у христиан внутренние части Романьи... [папа] спустился через горы в Галлию и в Оверни, в городе Клермоне... созвал собор... И держал длинную речь... о многих потрясениях колеблющегося мира. Затем... увещал... му-

[1] *Роберт Нормандский, Стефан Блуа* — одни из предводителей первого крестового похода.

[2] *Готфрид Бульонский* — герцог Лотарингский, один из руководителей первого крестового похода.

жественно встать на борьбу с дьявольскими кознями и за возвращение святой церкви, жестоко ослабленной нечестивыми людьми.

Он сказал:

«... необходимо, чтобы вы ускоренным порядком поспешили на помощь вашим братьям, обитающим на востоке и нуждающимся в вашей, неоднократно обещанной им помощи. На них обрушились... турки и арабы... они одержали верх над ними, неоднократно разбивая их в бою, многих убили или же взяли в плен, церкви разгромили, а империю[1] опустошили...

Поэтому и обращаюсь со смиренной просьбой, и не я, а господь, чтобы вы, глашатаи христовы, почаще убеждали всех, к какому бы кто ни принадлежал сословию, как пеших, так и конных, как бедных, так и богатых, чтобы они своевременно посодействовали восточным христианам в изгнании из пределов христианского мира той негодной породы людей...

Всем идущим туда, в случае их кончины на сухом пути, или на море, или в бою с погаными, отныне да будет отпущение грехов... Пусть выступят против неверных в бой, которому надлежит начаться, в бой, который должен дать в изобилии трофеи, те люди, кои с давних пор привыкли злоупотреблять правом частной войны против своих единоверцев-христиан.

Да станут ныне воинами те, кто раньше являлся грабителем. Пусть ныне ведут справедливый бой с варварами те, кто в прежние времена сражался против братьев и соплеменников. Да получат нынче вечную награду те, кто прежде за малую мзду были наемниками. Пусть двойная честь увенчает труды тех, кто не щадил себя во вред и телу, и душе. Кто здесь горестен и беден, там будет богат, кто здесь недруг богу, там станет другом ему. Пусть идущие во святую землю не медлят, но, сдав в надежные руки свое имущество и собрав средства на путевые издержки по прошествии зимы, в ближайшую весну с богом бодро выступят в путь».

«Хрестоматия...», т. I, 1953, стр. 324—325.

2. СБОРЫ К КРЕСТОВЫМ ПОХОДАМ

а) Из воспоминаний современника

Графы еще думали о своих приготовлениях, рыцари едва начинали о них помышлять, как народ уже кинулся в движение с неудержимым пылом. Никто из бедняков не думал о недостаточности своих средств и о трудностях такого пути. Каждый покидал свой дом, виноградник, свое наследие, продавал их за дешевую цену и с радостью шел в поход. Франция страдала тогда от голода; неурожаи, следовавшие один за другим, подняли цены на хлеб до необычайной высоты. Жадные, по своему обыкновению,

---

[1] Т. е. Византийскую империю

пользовались общим бедствием. Хлеба было мало, и он был дорог. Бедные заменяли его кореньями и дикими травами. Как вдруг раздался повсюду в одно время призыв к крестовому походу, и этот призыв разбил замки и цепи, запиравшие житницы. Припасы, продававшиеся очень дорого, когда никто не двигался, страшно упали в цене, когда все поднялись и стали готовиться к походу. Вместо исчезнувшего голода явилось изобилие. Так как каждый спешил в богоугодный поход, то все торопились обратить в деньги все ненужное в пути. Предметы, нужные для похода, поднялись в цене, остальные шли за ничто. Сначала эти продажи вызывали со стороны соседей бесконечные насмешки, но скоро сами они увлеклись примером других. Еще накануне они говорили путникам: «Несчастные вы люди: если вы не погибнете от бедствий, ожидающих вас в пути, у вас не окажется ничего по возвращении». А на другой день они сами продавали свое имущество и становились спутниками тех, кого перед тем осыпали насмешками. Трудно описать толпы детей, юношей, стариков обоего пола, отправлявшихся таким образом на священную войну... Чрезвычайно трогательное зрелище представляли эти бедные крестоносцы: они подковывали быков, как лошадей, запрягали их в двухколесные тележки и помещали на них свои скудные пожитки и маленьких детей. На пути, при виде каждого замка, каждого города, дети протягивали руки и спрашивали: «Не это ли тот Иерусалим, к которому они направляются?»

«Книга для чтения по истории средних веков» Под ред П Г Виноградова, вып. II, М, 1912, стр 460

б) Из «Иерусалимской истории» Роберта Реймского

О, как были различны возраст, состояние и богатство тех людей, которые взяли крест на этом соборе и дали обет предпринять путь к св. гробу! Из Клермона весть об этом знаменитом походе разнеслась по всем землям, и его определение дошло до слуха королей и князей. Всем оно было угодно, и более 30 тысяч в мыслях решились на поход и старались то исполнить, как каждому дал бог к тому средства. Народ франков волновался толпами, проникнутый одним духом, и его доблестная ярость мысленно уже боролась с турками.

М Стасюлевич История средних веков.., т. III, СПб, 1907, стр 82.

3. ПЕТР ПУСТЫННИК

Я видел, как он проходил через города и селения, окруженный толпою, осыпаемый подарками, прославляемый всеми за святого, так что я думаю, никогда ни один смертный не был предметом такого восторга. Все приносимые ему деньги он отдавал бедным...

Все признавали его власть. Никто лучше его не умел улаживать несогласия и мирить самых жестоких врагов. Что-то божественное чувствовалось в его малейших движениях, во всех его словах. Доходило до того, что народ вырывал, как святыню, волоски у мула, на котором он ехал. Я не оправдываю такого чрезмерного восторга, но он показывает, какое впечатление производил Петр на народ.

«Книга для чтения по истории средних веков». Под ред П. Г. Виноградова, вып. II, стр 461.

4. ГИБЕЛЬ ОПОЛЧЕНИЯ ПЕТРА ПУСТЫННИКА

Документ приводится из «Деяний франков и других иерусалимцев» Анонима, даты жизни и имени которого мы не знаем. Из его хроники известно, что он был нормандским рыцарем, участвовал в первом крестовом походе в ополчении Боэмунда [1]. Оценивая этот поход как подвиг за дело веры, Аноним в то же время чужд присущего многим современникам религиозного фанатизма, не скрывает отрицательных сторон в поведении крестоносцев и отдает должное храбрости врагов своих — турок. Следует сказать, что хронисты, в том числе и Аноним, необъективно относились к участникам похода бедноты, предвзято осуждая их поведение.

Вскоре опустели дома в Галлии и галлы разделились на три части. Одна часть франков вступила в Венгрию, а именно Петр Пустынник, герцог Готфрид [2] и его брат Балдуин и (другой), Балдуин, граф Геннегау. Петр же первым прибыл в Константинополь 1 августа [3] и с ним великое племя аламаннов [4]. Здесь он нашел ломбардов и лангобардов [5] и многих других собравшихся. Император дал им право свободно покупать... и сказал им: «Не переплывайте через море [6], пока не придет главное христианское войско, так как вы недостаточно многочисленны, чтобы воевать с турками».

А сами христиане вели себя худо, ибо разрушали и поджигали дворцы в предместьях, растаскивали свинец, которым были покрыты церкви, и продавали его грекам. Вследствие этого император разгневался и велел перевезти их через пролив [7]. После переправы они не переставали совершать всевозможные дурные дела, поджигая и опустошая церкви.

Наконец они достигли Никомедии, где ломбарды, лангобарды

---

[1] *Боэмунд*, князь Тарентский (Южная Италия).
[2] *Готфрид Бульонский*.
[3] 1096 г.
[4] Под аламаннами автор подразумевает немцев.
[5] *Лангобардами* (в отличие от ломбардов) автор называет жителей не только Северной, а всей Италии.
[6] Мраморное море
[7] Босфор.

и аламанны отделились от франков, ибо франки преисполнились гордости. Ломбарды и лангобарды выбрали над собой старшего по имени Райнальда; аламанны сделали то же... и через четыре дня... встретили крепость... и захватили ее. Здесь нашли они достаточно зерна, и вина, и мяса, и изобилие всяких благ.

И вот турки, услышав, что в крепости находятся христиане, отправились осаждать ее. Перед воротами крепости находился водоем, а у подножия горы, на которой она стояла, был источник. Райнальд вышел [из крепости], чтобы около него ожидать турок... турки, пришедшие .. обнаружили Райнальда и тех, кто с ним был. И убили турки многих из них, а другие, оставшиеся в живых, бежали в крепость, которую турки немедленно осадили и лишили их воды. И до того мучились наши от жажды, что вскрывали жилы у своих лошадей и ослов и пили их кровь; другие опускали пояса и платки в ямы с грязью и выжимали из них воду себе в рот... Некоторые раскапывали сырую землю, ложились на спину и насыпали себе землю на грудь, вследствие чрезмерных мук жажды. Епископы и священники ободряли и увещевали наших не отступать. Это бедствие длилось восемь дней.

Наконец, начальник аламаннов заключил с турками соглашение о том, что он предаст им товарищей, и, прикинувшись, что он выходит для битвы, бежал к ним, и с ним бежали многие. Те же, которые не захотели отказаться от господа, были убиты; других, которых взяли живыми, отделили друг от друга, как овец, которых выставили, как мишени, и расстреливали[1] их; иных продавали и раздаривали, как животных... Потом турки, услышав, что Петр Пустынник и Вальтер Голяк находились в Цивитоде... с великой радостью отправились туда, чтобы убить их... Встретились они с Вальтером и его людьми, и турки их быстро перебили. А Петр Пустынник незадолго до этого отправился в Константинополь, так как он не мог сдерживать это разношерстное войско, которое не хотело слушать ни его самого, ни его слова.

«Хрестоматия..», т. I, 1953, стр 331—333

5. ИЗ ИСТОРИИ ИЕРУСАЛИМСКОГО ПОХОДА

Отрывки взяты из первой, второй и третьей книг «Иерусалимской хроники о священной войне» Альберта Аахенского (даты рождения и смерти неизвестны). «Хроника» состоит из 12 книг и охватывает события с 1095 до 1121 г. Альберт Аахенский не был участником первого крестового похода. Но, будучи современником описываемых событий, он решил, по его собственным словам, «передать воспоминанию потомства» все, что ему рассказывали и объясняли очевидцы завоевания Иерусалима. Труд Альберта Аахенского содержит историче-

---

[1] Из луков.

ские и географические ошибки. Но написан он живо, обстоятельно, по первым впечатлениям возвратившихся крестоносцев, передающих то, что они сами видели и испытали. Историк не пытается обелить в своей работе крестоносцев, наоборот, он показывает их подлинное поведение, их жадность, жестокость и те страдания, которые они несли мирному населению.

Движение первых крестоносцев (1095—1097)

В начале лета того же самого года (1096), когда Петр и Годескальк[1] отправились в путь со своим войском, выступили в поход и другие бесчисленные дружины христиан из различных государств и земель, а именно из Франции, Англии, Фландрии и Лотарингии. Пылая огнем божественной любви и возложив на себя знамение креста, они стекались толпами со всех сторон, неся с собою все хозяйство, съестные припасы, оружие и все, что было необходимо для их пути в Иерусалим. Эти люди, выходя из своих государств и городов отдельными партиями, соединялись потом в одно целое...

Не знаю, по воле ли божества или вследствие умственного заблуждения, они восстали с жестокостью против иудейского народа, рассеянного по всем городам, и жестокосердно избили его, особенно в Лотарингии, утверждая, что тем они полагают начало своему походу и борьбе с врагами веры христовой. Такое избиение иудеев совершили первыми граждане города Кельна, напав неожиданно на то небольшое число их, которое обитало там; они переранили и изувечили почти всех самым бесчеловечным образом, срыли их дома и синагоги и разделили между собой множество денег. Устрашенные такими жестокостями, иудеи в числе 200 бежали и ночью переплыли на судах в Нейсс; но встреченные пилигримами и крестоносцами были все умерщвлены и ограблены, так что не спаслось ни одного человека.

Встречались и другие омерзительные преступления среди того громадного сборища людей безумных и легкомысленных... Некоторые признавали *гуся* и *козу* одинаково наделенным даром духа святого и брали этих животных руководителями на пути в Иерусалим; им оказывалось почтение, и эти люди, сами подобные животным, оставались в своем заблуждении с совершенным спокойствием души. Да убоятся сердца верующих подумать, что господь Иисус желает, чтобы гроб, где лежало его святейшее тело, был посещен бессмысленными и глупыми животными и чтобы эти животные руководили христианскими душами... Но удивительно ли, что в наше время встречаются такие ужасы и такой срам среди стольких тысяч человек, на голову которых господь и обратил наказание?

---

[1] *Годескальк* — немецкий священник.

Путь крестоносцев от Никеи к Антиохии
(27 июня —21 октября 1097 г.)

На следующий день (27 июня 1097 г.) весь народ пришел в движение и, взяв с собою все необходимое, продолжал свой путь по средине *Романии* (т. е. Малой Азии), не опасаясь в будущем никаких бедствий. Пилигримы, идя два дня соединенною армиею по ущельям гор и узким проходам, решились потому подразделить свое многочисленное войско, с тем чтобы иметь более простора для расположения лагеря и чтобы легче добывать съестные припасы для самих себя и корм для лошадей. Соединившись снова между двух высоких гор, они перешли по мосту какую-то реку, и Боэмунд с своею дружиною отделился вторично от герцога Готфрида[1]... После такого разделения Боэмунд и вся армия прибыли в девятом часу в долину Догоргана... пилигримы немедленно разошлись по лугам и по берегу ручейков, чтобы раскинуть свой лагерь, отдохнуть и подкрепиться пищею и прочим необходимым.

Но едва Боэмунд и другие отважные мужи сошли с лошадей, как Солиман, собравший, после своего бегства от стен Никеи, союзные силы... быстро появился перед ними с огромною армиею. Немедленно и без малейшего отдыха он напал на войско христиан, и его люди, распространившись по всему лагерю, умерщвляли всех, встречавшихся им на пути: одни погибали от стрел, другие от меча; многих же жестокий неприятель забирал в плен. Народ был объят ужасом и поднял крики; замужние и незамужние женщины погибали вместе с мужчинами и детьми. Роберт Парижский, стремясь на помощь несчастным, был поражен стрелою и немедленно умер. Боэмунд и другие вожди... соскочили с лошадей, поспешно надели панцири и, соединив остаток армии в одно целое, защищались мужественно, несмотря на неожиданность нападения, и долгое время выдерживали борьбу с неприятелем. Вильгельм... молодой человек необыкновенной красоты, полный отваги и только еще начинавший военное поприще, храбро сопротивлялся и часто наносил туркам удары копьем, но стрела опрокинула его на глазах Боэмунда... Турки... взяв верх, устремились в лагерь, поражая своими роговыми луками и стрелами и избивая пеших людей, пилигримов... женщин, старцев и детей, не щадя никакого возраста...

XLI. Узнав о бедствии своих братьев и о дерзости турок, герцог [Готфрид] приказал трубить во все стороны, созвать всех своих спутников, схватиться за оружие, поднять знамена и лететь на помощь пилигримам, не давая себе отдыха. Немедленно... 60 тысяч рыцарей выходят из лагеря, сопровождаемые толпами пехоты. День был уже в полном блеске, солнце сияло великолепно: его лучи отражались на золотых щитах и железных панцирях;

---

[1] *Готфрид Бульонский.*

знамена и привязанные к пикам пурпуровые значки, разукрашенные драгоценными каменьями, сверкали развеваясь; всякий пришпоривал быстрого коня... Видя наших поспешавшими на помощь своим братьям и пылавшими жаждою битвы, притом в большом числе... турки обратились в бегство; пораженные ужасом и оставив убийство, одни спасались по полям, другие бросились по тропинкам, им известным...

Был четвертый день недели (т. е. в среду, 21 октября 1097 г.), когда христиане вступили на земли Антиохии и обложили ее стены...

М. Стасюлевич. История средних веков..., т. III, стр. 123—127, 179—181, 196.

6. ВОЖДИ РЫЦАРСКИХ ОПОЛЧЕНИЙ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

(Из «Деяний франкских пилигримов» Фулькерия Шартрского)

В этом году (1096) все страны земли наслаждались прочным миром и изобиловали хлебом и вином по расположению божию, дабе не ослабли в пути по недостатку хлеба те, кто решили следовать за ним со своими крестами согласно его предписаниям. И так как подобает удерживать в памяти отправившихся туда[1] князей, то назову Гуга Великого, брата Филиппа, короля франков[2], который, первый из героев, переправился через море[3] и пристал около болгарского города Дураццо. Неблагоразумно высадившись с немногочисленным войском, он был взят в плен жителями и доставлен к константинопольскому императору[4]. Здесь он оставался некоторое время, будучи не совсем свободен[5].

А после него тою же дорогою[6] прошел апулиец Боэмунд, сын Роберта Гискара[7], по национальности нормандец. Далее, Годфрид, герцог Лотарингии, с большим войском шел через Венгрию. Граф Раймунд Провансальский[8] с готами[9] и гасконцами и епископ Адемар из Пюи[10] прошли через Далмацию.

Некий Петр Пустынник с большим числом присоединившихся к нему пехотинцев[11], но с немногими рыцарями первым прошел через Венгрию. Впоследствии главою его ополчения был Валь-

---

[1] В Иерусалим.

[2] Французский король *Филипп I*.

[3] Гуг шел на Юг через Италию и переплыл Адриатическое море.

[4] Византийский император *Алексей I Комнин* (1081—1118).

[5] Император держал его в почетном плену.

[6] Через Балканский полуостров к Византии.

[7] *Роберт Гискар* (Хитрец) — нормандский герцог Сицилии.

[8] *Раймунд Тулузский*.

[9] *Готы* — жители Южной Франции, некогда населенной вестготами.

[10] *Епископ Адемар* был папским представителем (легатом) в войске крестоносцев.

[11] Пехотинцы здесь противопоставляются рыцарям как простой народ.

тер[1], прозванный «Без денег», превосходнейший рыцарь. Впоследствии он был убит турками, вместе со своими спутниками, между городами Никомидией и Никеей.

В октябре начал путь Роберт, граф Нормандии, сын Вильгельма[2], короля Англии. Он набрал себе большое войско из нормандцев, англичан и бретонцев. С ним шли также Стефан, благородный граф Блуа и Роберт, граф Фландрский. Их сопровождали многие другие знатные лица.

«Хрестоматия...», т. I, 1953, стр. 333—334.

7. ОСАДА АНТИОХИИ

Из «Истории франков, завоевавших Иерусалим» Раймунда Агильского (жил в конце XI — начале XIIв.).

Раймунд Агильский — каноник одной кафедральной церкви — сопровождал своего епископа в первом крестовом походе.

В «Истории франков» он описывает все виденное им, начиная с 1095 до 1099 г. Дальнейших сведений о нем нет; неизвестно, возвратился ли он в Европу или окончил свои дни в Палестине.

Мы отправились к Антиохии и раскинули палатки (21 октября 1097 г.) столь близко от города, что нередко неприятель с высоты своих башен наносил раны лошадям и людям в самых палатках...

Необходимо сказать несколько слов о расположении этого города...

В горах Ливана находится долина, которую пройти пешком в ширину нужно целый день, а в длину — полтора дня. С запада она окружена болотом, а с востока часть ее омывается рекою, которая течет... в Средиземное море, от которого Антиохия находится довольно близко... Город занимает в длину протяжение 2 миль и до того укреплен стенами, башнями и выступами, что не боится никаких усилий машин, ни приступа людей, хотя бы против него вооружился целый мир. Этот-то город, укрепленный таким образом, армия франков осадила с севера. Хотя она состояла из 300 тысяч людей, способных носить оружие, но тем не менее она не решилась пойти на приступ и ограничилась тем, что раскинула вблизи свой лагерь. Внутри города находилось 2000 добрых всадников, 4 или 5 тысяч наемных и 10 тысяч, или и более, пехоты. Стены и без того высокие, были еще защищаемы рвом и болотами...

Мы не можем с точностью определить, сколько пало сарацин и турок, и было бы жестоко рассказывать о всех родах смерти,

---

[1] Вальтер называется другими историками, участвовавшими в первом крестовом походе, Голяком.

[2] *Вильгельма Завоевателя.*

которыми они погибали или были свергнуты. Трудно также сказать о количестве добычи, которая была собрана внутри Антиохии; представьте себе, сколько можете, а к этому еще прибавьте... Город Антиохия был взят *третьего июня* (1098 г.), а осада его началась около *двадцать первого октября* (1097 г.).

М. Стасюлевич. История средних веков..., т. III, стр. 199—205.

8. ГОРОД ИЕРУСАЛИМ

Это город, построенный на вершине горы. Другой воды, кроме дождевой, нет. В окрестностях есть источники, но в самом городе их нет. Город окружен крепкой стеной, построенной из камня с известью, с железными воротами. Вблизи от города нет ни одного дерева, так как Иерусалим построен на скале... Базары прекрасны, здания высоки, почва вся устлана каменными плитами; все скалы и неровности почвы срезаны и сглажены, так что когда идет дождь, то вся мостовая города омывается начисто. В этом городе много ремесленников; для каждого ремесла отведен особый ряд лавок... В Иерусалиме есть прекрасная больница... Множество людей получают здесь лекарственные снадобья и питье. При этой больнице (имеются) врачи...

Н. А. Медников. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов..., Приложения II (2), стр. 854, 856.

9. ОСАДА И ВЗЯТИЕ ИЕРУСАЛИМА

Документ приводится из «Истории священной войны» архиепископа Вильгельма Тирского (даты его жизни — приблизительно — 40—90-е годы XII в.).

Родился Вильгельм Тирский, как можно заключить из его сочинений, в Палестине, изучал науки на Западе, в совершенстве знал латинский язык, на котором писал свои труды. В 1174 г. он был избран архиепископом города Тира. Труд этого замечательного историка эпохи крестовых походов охватывает события от 1100 до 1184 г. и составляет XXIII книги. Первые пятнадцать книг написаны им на основе сочинений других авторов и не являются прямым историческим источником. В последние книги (XVI—XXIII) включены события, которые Вильгельм Тирский наблюдал сам, о которых ему рассказывали очевидцы или о которых он брал сведения из документов. Поэтому вторая часть — «История Иерусалимского королевства» — является важным источником.

Город Иерусалим лежит на двух холмах...

В год... *тысяча — девяносто — девятый* (1099), в седьмой день месяца июня, наши войска расположились лагерем вблизи города. Говорят, что всего-навсе без различия пола, возраста и состояния в лагере было до 40 тысяч человек; из них лиц, способ-

ных носить оружие, едва 20 тысяч пеших и 1500 конных: остальные же все состояли из безоружной черни, больных и расслабленных. В городе, говорили, должно было находиться 40 тысяч отважного и отлично вооруженного войска, ибо из соседних городов и из окрестностей в городе собралось множество народу...

В пятый день (12 июня)... глашатаи возвестили всенародно, что все от мала до велика должны вооружиться и запастись щитом, чтобы быть готовыми к нападению на город; приказанное было исполнено. Все поднялись единодушно и окружили осажденную часть города. Жители отступили в страхе к внутренним стенам от внешних, которые были проломаны нашими, и потеряли всякую надежду на дальнейшее сопротивление.

Когда наступил день (14 июня), все войско в полном вооружении выступило из лагеря, чтобы начать приступ, как о том было возвещено. Все твердо решились или пожертвовать жизнью за Христа, или возвратить городу его христианскую свободу. В целом войске не было старика, или больного, или несовершеннолетнего юноши, которые не горели бы священною жаждою битвы; даже женщины забывали свой пол и свою слабость и хватались за оружие, принимая на себя мужской труд, превышающий их силы. Вступив с таким единодушием в битву, они старались приблизить к стенам изготовленные машины с тем, чтобы побороть тех, которые им давали отпор, стоя на стенах и башнях. Осажденные же, решившись сопротивляться до последней крайности, пускали копья с бесчисленным множеством стрел, метали камни с руки или машиною и старались отразить наших.

Когда неприятель увидел, что наши овладели стеною... то бросил башни и стены и отступил в узкие ворота города...

Большая часть народа бежала в портик Храма (т. е. храма Соломона, на горе Мориа), как потому что это место было самое отдаленное в городе, так и потому что оно было снабжено стеною, башнями и крепкими воротами... Это бегство не было, однако, для них спасением, ибо государь Танкред отправился туда немедленно с значительною частью своего войска. Он ворвался силою в Храм и избил там бесчисленное множество народу. Он, говорят, унес из Храма несметное множество золота, серебра и драгоценных камней... После и прочие князья, избив всех, кто попадался им в нижних частях города, отправились в Храм, в ограде которого, как они слышали, укрылось множество народу. Они вступили туда со множеством конных и пеших людей и, не щадя никого, перекололи всех, кого нашли, мечами, так что все было облито кровью... Страшно было смотреть, как валялись повсюду тела убитых и разбросанные члены и как вся земля была облита кровью. И не только обезображенные трупы и отрубленные головы представляли ужасное зрелище, но еще более приводило в трепет то, что сами победители были в крови с головы до ног. В черте Храма, говорят, погибло до 10 тысяч

неприятеля, сверх тех, трупы которых валялись по улицам и площадям и которые были умерщвлены рассеянно по городу; говорят, число таких было также не мало. Остальная часть войска разошлась по городу и, вытащив, как скотов, из узких и отдаленных переулков тех, которые там укрывались от смерти, избивали их на месте. Другие, разделившись на отряды, ходили по домам и извлекали оттуда отцов семейств с женами и детьми, прокалывали их мечом или сбрасывали с кровель и таким образом ломали им шею. При этом каждый, ворвавшись в дом, обращал его в свою собственность со всем находившимся в нем, ибо еще до завоевания города было условлено между ними, что по завоевании каждый присваивает себе на вечные времена все, что он успеет захватить. Ходя таким образом по городу... каждый в знак овладения домом вешал на дверях свой щит или другое оружие, чтобы чрез то объявить другим, что они должны идти дальше, ибо это место имеет уже для себя господина.

М. Стасюлевич. История средних веков.., т. III, стр. 225—235.

10. ИЕРУСАЛИМСКОЕ КОРОЛЕВСТВО В НАЧАЛЕ XII в.

(после возвращения крестоносцев на родину)

Из «Истории священной войны» Вильгельма Тирского

В это же время, когда уже почти все князья, участвовавшие в походе, вернулись на родину, так что оставался лишь герцог, которому было поручено[1] королевство, и господин Танкред[2], которого господин герцог удержал... как мужа мудрого, деятельного и удачливого. Средства наши и число воинов были так малы, что, когда созвали всех и все быстро собрались, едва сказалось налицо триста рыцарей и две тысячи пехотинцев. Города, перешедшие под нашу власть, были еще немногочисленны и перемежались местностями, подчиненными врагам, так что с большой опасностью переезжали из города в город. Все сельские местности в нашей стране были населены неверными и сарацинами; злее их не было врагов у нашего народа, и они были тем хуже, что находились в нашей стране. Они не только убивали наших, когда неосторожно ходили по дорогам, и продавали их в рабство врагам, но также и отказывались от сельских работ, чтобы низвергнуть наших с помощью голода. Они лучше готовы были сами голодать, чем оказать какую-нибудь услугу нашим, которых они считали врагами.

«Хрестоматия...», т. I, 1953, стр. 343—344.

---

[1] *Герцог Готфрид Бульонский,* которому было поручено управление Иерусалимским королевством. По религиозным соображениям он не захотел принять титул короля.

[2] *Князь Танкред,* двоюродный брат Боэмунда, князя Тарентского, участник первого крестового похода.

11. ВЗЯТИЕ ИЕРУСАЛИМА САЛАДИНОМ

(Из «Хроники» Бернарда)

Бернард, казначей императора Фридриха II Гогенштауфена, жил в конце XII — первой половине XIII в. Он автор единственной полной хроники, в которой излагается история крестовых походов почти за два столетия. Вначале Бернард переводит хронику Вильгельма Тирского (до 1184 г.), потом самостоятельно продолжает ее до 1230 г., а дальше неизвестные хронисты доводят ее до 1275 г.

Саладин отправился из Аскалона для осады Иерусалима; на следующий день он обложил город... Но до начала осадных действий он предложил жителям сдать город... если же они не согласятся, то пусть знают его клятву в случае приступа овладеть городом не иначе, как силою. Жители Иерусалима отвечали, что он может делать, что хочет, но они не уступят города. Тогда Саладин приказал изготовиться к приступу. Жители также вооружились и вступили в битву с сарацинами...

Турки дошли до рвов и, спустив туда копачей, приставили лестницы к стенам. В два дня они подкопали стены на 15 локтей. Подкопав и подперев стену бревнами, они подложили огня, и подкопанная часть стены обрушилась в ров. Христиане не могли вести контрмины, ибо опасались камней и стрел, которых они не могли выдержать...

Тогда христиане собрались для совещания, как поступить... и просили Балиана Ибелина идти к Саладину и спросить, каковы его условия. Он пошел и начал переговоры.

Балиан[1] отправился в третий раз к Саладину... Был определен выкуп для тех, которые могут его внести; все же остальное их имущество, движимое или другое какое-нибудь, они имеют право забрать с собою, и никто им в том не воспрепятствует .. Когда все было устроено, Саладин дал время для продажи и заклада имущества, чтобы внести выкуп. Срок был назначен в 50 дней, и всякий, кто к этому времени окажется в городе, будет принадлежать Саладину со всем своим имуществом. Саладин обещал, когда христиане выйдут за город, он прикажет отвести их в целости на христианскую землю...

Когда все было таким образом определено, Балиан простился с Саладином и вернулся в город... Все собрались, и Балиан рассказал им все, как было. Они одобрили образ его действия, ибо он не мог поступить лучше. Тогда отправили к Саладину ключи от города, и он, получив их, выразил великую радость... Сдача Иерусалима произошла в пятницу... что бывает во второй день октября в год от воплощения господня 1188 (1187).

М. Стасюлевич. История средних веков.... т III, стр. 469—473.

---

[1] *Балиан Ибелин* — один из главных баронов Палестины.

12. КОНСТАНТИНОПОЛЬ ПЕРЕД ЛАТИНСКИМ ЗАВОЕВАНИЕМ

Отрывок из «Хроники» византийского историка Никиты Хониата

Никита Хониат (вторая половина XII в. — 1213 г.) родился в городе Хоне, во Фригии, получил образование в Константинополе, достиг высокого положения по службе. Во время захвата Константинополя был очевидцем трагических событий и едва спасся от гибели, бежав в Никею. Здесь он провел последние годы жизни, описывая события, которые он пережил. Хониат оставил после себя большой труд — «Хронику». Разделенная на 20 книг, она охватывает важный период истории Византии, включая события 1118—1206 гг. Несмотря на некоторые неточности, она отличается достоверностью и представляет большой интерес как источник. Кроме того, Никита составил описание памятников древнего искусства, которые украшали площади Византии и погибли от рук крестоносцев в 1204 г.

Константинополь, слава Греции, город, известный своими богатствами и еще более богатый, нежели о нем говорят... Внешняя красота (Влахернского дворца) несравненна, внутренность превосходит все, что я мог бы сказать. Везде позолота и разнообразие цветов; двор превосходно выстлан мрамором... Внутри у самых стен находятся пустопорожние места, где работает плуг и заступ; они разбиты на огороды, которые доставляют городу... овощи. Подземные каналы, проведенные извне, доставляют городу в изобилии пресную воду. Впрочем, город грязен и вонюч, и во многих его местах царствует вечный мрак... Богатые занимают своими постройками городские площади, а клоаки и мрачные улицы предоставлены бедным...

В Константинополе находится большое число церквей, меньших, но таких же красивых, как св. София...

«Сборник документов по социально-экономической истории Византии», стр. 237.

13. ПОСЛАНИЕ ПАПЫ ИННОКЕНТИЯ III О КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ (1198 г.)

Горя пламенным желанием к освобождению святой земли из рук нечестивых... мы постановляем... чтобы через год от нынешнего июня... все те, которые предприняли отплыть за море, собрались в королевстве Сицилии... к тому времени и мы... располагаем прибыть туда лично, дабы христианское войско могло нашим советом и помощью спасительно устроиться и идти в поход с божественным...

Мы желаем и повелеваем... чтобы все те, которые сами лично не отправились на помощь святой земле, поставили соответственное число воинов и взяли на себя необходимые расходы на три года, каждый по мере сил своих...

Мы постановили... чтобы все клирики, как подчиненные, так и прелаты, представляли в течение трех лет для вспомоществования святой земли двадцатую часть церковных доходов...

Мы же сами и наши братья, кардиналы святой римской церкви, будем взносить десятую часть сполна; да будет ведомо, что все обязаны к тому под страхом отлучения...

Мы даем особенные преимущества крестоносцам со времени их отправления в поход; они пользуются освобождением от всех поборов, налогов и других тягостей; их лицо и имущество, по принятии креста, находятся под покровительством блаженного Петра и нашим собственным...

Так как для исполнения такого предприятия в особенности необходимо, чтобы князья и христианские народы соблюдали мир, то мы по настоянию святого вселенского собора постановили, чтобы по крайней мере в течение четырех лет сохранялся всеобщий мир на всей Земле...

М. Стасюлевич. История средних веков..., т. III, стр. 553—557.

14. НАЧАЛО ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Из мемуаров Жоффруа Виллардуэна «О завоевании Константинополя»

Жоффруа Виллардуэн (ок. 1155 г. — 1213 г.) — участник и один из организаторов четвертого крестового похода. Его мемуары, написанные на французском языке, рассказывают о событиях с 1198 по 1207 г. и являются важным источником по истории крестоносного движения. Особенно они ценны тем, что написаны светским лицом, рыцарем-крестоносцем, отразившим в мемуарах свои впечатления.

...Бароны собрали совет в Суассоне, чтобы установить, когда они соизволят выступить и в какую сторону им угодно будет направиться. На этот раз они не смогли прийти к соглашению, потому что им казалось, что еще слишком мало крестоносцев. В том же году [1], менее чем через два месяца, они собрались на совет в Компьени. Здесь были все графы и бароны, которые приняли крест... Конец совета был таков, что они избрали послов, лучших, каких они могли найти, и дали им полную власть делать все. Итак, шесть послов [2] пустились в путь... В Венеции они надеялись найти большее число судов, чем в каком-либо другом порту. И они ехали верхом целые дни, так что прибыли туда на первой неделе поста [3].

---

[1] 1200 г.
[2] Среди них и Жоффруа Виллардуэн.
[3] Февраль 1201 г.

Венецианский дож, которого звали Энрико Дандоло, очень мудрый и очень храбрый, принял их с большим почетом, как он сам, так и другие венецианцы...

Они вошли во дворец, который был очень богат и красив, и в одной из палат нашли дожа и его совет и изложили свое поручение следующим образом: «Государь, мы пришли к тебе от высоких баронов Франции, которые приняли знаменье креста, чтобы отомстить за поношение Иисуса Христа и отвоевать Иерусалим. И так как они знают, что ни у кого нет такой большой возможности помочь им, как у вас... они вас просят, чтобы... соблаговолили содействовать тому, чтобы они могли получить транспортные и военные суда».

В срок, назначенный им дожем, они снова пришли во дворец. Я не могу передать вам всех речей, которые там были произнесены, но конец совета был такой: «Господа, — сказал дож, — мы изложим вам решение, которое мы приняли, при условии, что нам удастся убедить наш Большой совет и народное собрание его утвердит, а вы посоветуйтесь, чтобы рассмотреть, можете ли вы его исполнить и утвердить. Мы построим суда для перевозки четырех с половиной тысяч лошадей и девяти тысяч оруженосцев; а на кораблях перевезем четыре с половиной тысячи рыцарей и двадцать тысяч пехотинцев; и все эти лошади и люди будут обеспечены собственным провиантом на девять месяцев. Вот что будет сделано нами с условием, что за (каждую) лошадь заплатят нам по четыре марки, а за (каждого) человека — по две. И все эти условия мы будем выполнять в течение года, считая со дня, когда мы отплывем из венецианского порта...»

После этого послы ушли и сказали, что они поговорят между собой и ответят им завтра... На утро они пришли к дожу и сказали: «Государь, мы готовы заключить этот договор»...

Было назначено составление грамот [1], и они были составлены и скопированы... На совете было разъяснено, что поход будет направлен на Вавилон [2], потому что через Вавилон можно было бы скорее разбить турок, чем из какой-нибудь другой страны. А публично было объявлено, что поход направится за море [3]. Это происходило во время поста [4], а в день святого Иоанна, через год, который был тысяча двести вторым годом от воплощения Иисуса Христа, бароны и паломники должны были быть в Венеции, а суда должны быть готовы к их прибытию...

«Хрестоматия...», т. I, 1953, стр. 355—356.

---

[1] Грамот, содержащих условия договора.

[2] Вавилоном в XIII в. европейцы называли Каир — по одному из его предместий.

[3] В официальном тексте договора значилось, что крестоносцы перевозятся «за море», и эта формулировка сразу же вызвала опасения папы Иннокентия III, заподозрившего здесь хитрую уловку дожа Дандоло.

[4] В марте 1201 г.

15. ЗАХВАТ ГОРОДА ЗАРЫ КРЕСТОНОСЦАМИ
(Из послания папы Иннокентия III)

Развернули свои знамена против города, обставили его своими палатками, обнесли его со всех сторон валом и стали подкапывать его стены. А когда жители Зары пожелали перенести свою распрю с венецианцами на суд папы, они и тут не хотели умилостивиться. И хотя заряне вывесили на стенах своих Распятие, они, оскорбляя распятого на кресте Христа, насилием принудили город к сдаче.

В. Герье. Расцвет западной теократии. т. II. ч. II. М., 1916, стр 61.

16. КРЕСТОНОСЦЫ ИДУТ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Извлечение из книги Виллардуэна «О завоевании Константинополя»

(Вот), послушайте об одном из величайших чудес и неожиданном приключении, о котором вы когда-либо слышали. В это время был в Константинополе император по имени Исаак[1], и у него был брат по имени Алексей[2], которого он выкупил из турецкого плена. Этот Алексей схватил своего брата императора, выколол ему глаза и вследствие этой измены, о которой все слышали, сделался императором. Он держал его долгое время в темнице вместе с его сыном, которого звали Алексеем[3]. Этот сын вырвался из темницы и бежал на судне в приморский город Анкону. Оттуда он уехал и направился к королю Филиппу германскому[4], который был женат на его сестре. После этого он прибыл в Верону, в Ломбардии, и поселился в (этом) городе и нашел здесь много паломников и людей, направляющихся в войско.

И те, которые помогли ему убежать (они сопровождали его), советовали ему: «Государь, вот неподалеку от нас в Венеции войско из лучших людей и лучших рыцарей в мире, которые идут за море. Попросите их, чтобы они сжалились над тобою и твоим отцом, который был столь несправедливо обездолен. И если они согласятся тебе помочь, ты сделаешь им все, чего они пожелают. Может быть, они сжалятся». И он сказал, что исполнит это весьма охотно и что совет этот хорош.

Итак, он назначил своих послов и отправил их к маркизу Бонифацию Монферратскому, который был главой войска, и к другим баронам...

(Далее говорится о договоре, на основе которого крестоносцы должны были пойти на Константинополь, чтобы восстановить в

---

[1] *Исаак II Ангел* (1185—1195).

[2] *Алексей III Ангел* (1195—1203).

[3] Впоследствии *Алексей IV*.

[4] *Филипп II Швабский*, правитель Священной Римской империи (1197—1208).

правах наследства сына свергнутого императора, а последний должен был вернуть «всю Римскую империю (т. е. Византию) к повиновению Рима» и оказать крестоносцам помощь в завоевании Заморской земли).

И крестоносцы говорили, что они это обсудят; и собрание было назначено на следующий день; и когда рыцари собрались, этот договор был им изложен.

Здесь о нем говорили по-разному. Говорил аббат Во..., а в его лице те, кто желал распадения войска; и они говорили, что они не сочувствуют этому, что это поход против христиан, и они пошли на войну не для этого, а хотят идти в Сирию.

И другая часть им отвечала: «Дорогие господа, в Сирии мы ничего не можем сделать, как то видите на тех самых, которые покинули нас и отправились из других гаваней»[1]...

Итак, в армии был раздор, как вы слышите... И вот, явился маркиз Бонифаций Монферратский и Балдуин, граф Фландрии... и Геннегау и те, которые сопровождали их. И они сказали, что они заключат этот договор... Итак, они отправились в дом дожа и вызвали послов; и они заключили договор, о котором мы слышали выше...

М. Стасюлевич История средних веков.., т. III. стр. 588—590 (с исправлениями).

17. ПОСОЛЬСТВО УЧАСТНИКОВ ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА В РИМ

(Продолжение хроники Виллардуэна «О завоевании Константинополя»)

Год 1203. По совещании друг с другом бароны решились отправить посольство в Рим к апостолу (папе), ибо он выразил им свое неудовольствие за взятие Зары...

(Послы) сказали апостолу: «Бароны умоляют вас простить за взятие Зары, к чему они были вынуждены... и теперь просят вас, как своего доброго отца, дать им свои предписания, которые они готовы исполнить». И апостол отвечал послам, что... он сжалился над ними и шлет теперь свое благословение баронам и пилигримам... и он приказал им и просил их поддержать армию, ибо знал хорошо, что без нее невозможно оказать услуг Господу...

Там же, стр. 590—591.

[1] Часть крестоносцев отправилась, вопреки договору, в Сирию, минуя Венецию.

18. ЗАХВАТ И РАЗГРОМ КОНСТАНТИНОПОЛЯ
(Продолжение рассказа Виллардуэна)

В эту ночь... не знаю кто, из боязни, чтобы греки не напали на нас, поджег квартал, отделявший нас от греков. И город начал страшно гореть и был охвачен пламенем: и горел всю эту ночь и до вечера следующего дня. Это был третий пожар в Константинополе со времени прибытия франков, и при этом сгорело домов более, чем сколько находится в трех самых больших городах королевства Франции. По прошествии ночи, когда наступило утро следующего дня, во вторник, вся армия, и конные, и пешие, вооружилась и каждый занял свое место...

(Далее говорится о бегстве императора из Константинополя и беззащитности города, которым крестоносцы овладели без боя. Вслед за этим рассказывается о захвате императорских дворцов и найденной в них добыче.)

... Другие же (кроме тех, кто был занят захватом дворцов) разошлись по городу и собирали добычу; добыча же была так велика, что вам никто не в состоянии был бы определить количество найденного золота, серебра, сосудов, драгоценных камней, бархата, шелковых материй, меховых одежд и прочих предметов. Но Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампани, свидетельствует вам по совести и по истине, что в течение многих веков никогда не находили столько добычи в одном городе.

Всякий брал себе дом, какой ему было угодно, и таких домов было достаточно для всех. Таким образом, армия пилигримов и венецианцев разместилась по домам, и все радовались чести и победе, которую даровал им бог и вследствие которой они перешли от бедности к богатству и наслаждениям.

Там же, стр. 639.

19. ОСАДА И ВЗЯТИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ЛАТИНАМИ (1204 г.)
(Из «Хроники» Никиты Хониата)

а) Ограбление храмов в Константинополе

Жители города, передавая себя в руки судьи, вышли навстречу латинянам с крестами и святыми изображениями Христа, как это делается в торжественных и праздничных случаях. Но и это зрелище не смягчило души латинян, не укротило их мрачного и яростного духа: они не пощадили не только частного имущества, но, обнажив мечи, ограбили святыни господни и звуком труб побуждали коней к нападению. Не знаю, с чего начать и чем кончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди? О ужас! Святые образа бесстыдно потоптаны! О горе! Мощи святых мучеников заброшены в места всякой мерзости!.. Неко-

торые из них разбивали драгоценные чаши, их украшения прятали за пазуху, а из них пили, как из бокалов... О разграблении главного храма нельзя и слушать равнодушно. Святые налои, затканные драгоценностями необыкновенной красоты, приводившие в изумление, были разрублены на куски и разделены между воинами вместе с другими великолепными вещами. Когда им нужно было вывезти из храма священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото... они ввели в притворы храмов мулов и лошадей с седлами.

б) Поведение крестоносцев в Константинополе

Трудно и невозможно было смягчить мольбами или преклонить какими-либо жалобами и умилостивить этот варварский народ, до того раздражительный, до того вспыльчивый решительно при каждом противном слове, что все разжигало его гнев и казалось ему нелепым и смешным. Кто попадал в беду, тот, кто не удерживал перед ним своего языка, так равным образом часто воины извлекали мечи против того, кто говорил мало или уклонялся от того, что им доставляло удовольствие. Поэтому всякий должен был опасаться за свою жизнь; на улицах плач, вопли и стенания, на перекрестках рыдания, во храмах жалобные стоны. Знатные родом бродили опозоренными, почтенные старцы плачущими, богатые — нищими. Так — на площадях; так — в закоулках; так — в открытых общественных местах; так и в тайных убежищах!

Таким-то образом... беззаконничали западные войска против населения христова, не оказывая решительно никому ни малейшего снисхождения, но всех лишая денег и имущества, жилищ и одежд и совершенно ничего не оставляя тем, кто имел что-нибудь!.. Вот эти ревнители, подъявшие на рамена крест и многократно клявшиеся им и словом божиим проходить христианские страны без кровопролития... вооружить свои руки против сарацинов и обагрить мечи кровью опустошителей Иерусалима!

...Неприятели проводили время в непотребствах, забавах, притом в забавах преимущественно бесчестных, и в посмеяниях над римскими обычаями... Каждый день они пьянствовали и объедались.

в) Никита Хониат о своей участи

Скажу несколько слов и о самом себе. Многие из моих друзей в тот злополучный день укрылись в моем доме... Не было такой святыни или укрепления, которое было бы в состоянии защитить страдальцев. Куда бы он ни убежал, его непременно вытаскивали и уводили... Был у меня в то время один близкий домашний человек, родом венецианец... он отвел нас в другое место, где жили знакомые нам венецианцы.

Мы вышли в небольшом числе. Венецианец тащил нас за руки, как будто своих пленников. Лица наши были печальны и одежды плохие.

Никита Хониат. История со времени царстаования Иоанна Комнина, т 2 (1186—1206). В кн «Византийские исторнки, переаеденные с греческого » СПб , 1862, стр. 320—323, 323—325, 349—351, 339—341.

Письмо папы Иннокентия III маркизу Монферрацкому

Вы, не имея никакого права, ни власти над Грецией, безрассудно уклонились от вашего чистого намерения, устремившись не на завоевание Иерусалима, а на завоевание Константинополя, предпочитая земные блага небесным. Но ваша вина гораздо более отягчается тем, что никому не было пощады, ни религиозному сану, ни возрасту, ни полу. И недостаточно вам было исчерпать до дна богатства императора и обирать малых и великих, вы протянули руки к имуществу церквей и, что еще хуже, к святыне их, снося с алтарей серебряные доски, разбивая ризницы, присваивая себе иконы, кресты и реликвии, для того чтобы греческая церковь отказалась возвратиться к повиновению апостольскому престолу, усматривая со стороны латинян лишь изуверства и дела дьявольские, и были бы вправе относиться к ним с отвращением, как к собакам.

В. Герье. Расцвет западной теократии, Т II, ч. II, стр. 81.

ГЛАВА VI

Образование централизованных государств в Западной Европе

•

ТЕМА

НАЧАЛО УСИЛЕНИЯ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ВО ФРАНЦИИ

Эта тема охватывает период с XI по начало XIV в. Документы, иллюстрирующие рост центральной власти, расположены в порядке вопросов, затрагиваемых школьной программой Документ 1 повествует об умиротворении королем грабивших страну баронов и наведении порядка в городах и на дорогах Документ 2 посвящен ограничению центральной властью феодальных междоусобиц Документ 3 представляет собой королевскую рекомендацию относительно поддержки городов и простых людей Документ 4 освещает права, предоставленные королями городским коммунам Документ 5 содержит указ об освобождении части крестьян от феодальной зависимости. Документ 6 — королевская грамота о созыве представителей городов на Генеральные штаты Документ 7 весьма любопытен он свидетельствует, что горожане, простолюдины и мелкие дворяне, получив от центральной власти вышеупомянутые льготы, готовы были помогать ей даже в случае притеснения и эксплуатации их этой властью. Наконец, документ 8 характеризует усиливающуюся центральную власть как итог государственного развития Франции за три названных столетия.

1. СУГЕРИЙ. «О ЖИЗНИ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА ТОЛСТОГО»

Это сочинение составлено между 1138 и 1144 гг. аббатом Сен-Денийского монастыря Сугерием (1081—1151), приближенным человеком короля Людовика VI (1108—1137).

Умиротворение баронов

Священный долг королей — мощною рукою обуздывать дерзость тиранов, которые раздирают страну бесконечными войнами, тешатся грабежами, губят бедный люд, разоряют церкви и столь предаются неистовству, что если давать ему волю, оно зажигает их все большей и большей яростью. . Пример тому — Томас Марль, человек отчаянный. Дьявол ему сопутствовал, как бывает это с безумцами, чьи успехи неизменно приводят их к гибели. В то время когда Людовик (король) был занят вышеперечисленными и другими войнами, тот, не страшась наказания

церковного, разорял и, как хищный волк, пожирал округа Ланский, Реймсский и Амьенский, не давая при этом ни малейшей пощады ни клиру, ни народу. Все истреблял, все губил, отнял также два лучших селения у монастыря святого Иоанна Ланского. Неприступные замки Креси и Ножан, как если бы они были его собственные, укрепил достойными удивления валами и высочайшими башнями и, сделавши из них как бы гнездо драконов и вертеп разбойников, немилосердно предавал всю почти округу грабежу и пожару. Измученная его неистовством, собралась церковь Галликанская на общем соборе в Бовэ, чтобы произнести здесь... постановление об осуждении. Достопочтенный святой Римской церкви легат Конон, епископ Пренесте, внявши бесчисленным и горьким жалобам церквей, бедняков и сирот, поразил этого тирана-насильника мечом блаженного Петра, т. е. общим церковным отлучением, и по единодушному приговору заочно лишил его, как гнусного злодея и врага, имени христианского, рыцарского пояса и всех феодов. По просьбе и жалобам сего великого собора король немедленно двинул против него свое войско. В сопровождении клира, к которому всегда относился он со смиренным почтением, направился король к крепчайшему замку Креси и внезапно захватил его могучей рукой своих воинов или, скорее, (рукой) божией. Приступом взявши крепкую башню, как если бы она была хижиной крестьянина, привел в расстройство преступников... и без милосердия их уничтожил.

Одержавши эту победу... направился король к другому замку — Ножан... разрушив это адское и преступное место и отпустивши невинных, подверг виновных тяжкому наказанию... а по разрушении этих прелюбодейных замков... вернулся в город Амьен и осадил башню этого города, где засел некий Ада, жестокий тиран, разорявший церкви и всю округу. Держал государь Людовик в тесной осаде эту башню без малого два года, пока не принудил защитников сдаться на его милость... Разрушивши эту башню, установил он в стране сладостный мир... Известно, что у королей длинные руки...

«Хрестоматия...», т. II, ч. I. 1938, стр 22—23.

2. СОРОК ДНЕЙ КОРОЛЯ

Это указ Филиппа III (1270—1285), *узаконяющий обязательность 40-дневного интервала между объявлением феодальной распри и фактическим ее началом.*

Исстари, а именно указами блаженной памяти Людовика Святого, короля Франции, предшественника нашего, при жизни его постановлено и повелено, чтобы всякий раз, когда возникнут между баронами нашего королевства какие-либо распри, ссоры, свалки или буйства, затеянные коварно и умышленно, от

чего нередко бывает много убийств, увечий и других тяжких обид,— кровные родственники затеявших подобное пребывали и долженствовали пребывать в своем положении (т. е. в покое) со дня помянутого нападения или злодейства в течение следующих сорока дней, исключая только лиц, (непосредственно) завраждовавших между собою, каковые за свои злодейства могут быть схвачены и задержаны как в течение сказанных сорока дней, так и после заключены в тюрьмы при судах, в ведомстве которых учинены злодейства, чтобы подвергнуться за то наказанию сообразно свойству преступлений, как повелено в уставах. И если в вышесказанный сорокадневный срок кто-либо из родных, детей, единокровных или свойственников кого-либо из главных зачинщиков дела кому-либо из родственников другой стороны нанесет каким бы то ни было образом обиду или вред в отместку ли или как иначе, то, кроме вышесказанных злодеев, которые, как уже пояснено выше, могут быть схвачены и наказаны по мере вины, эти (вмешавшиеся в ссору первых) как изменники и уличенные в злодействе и как нарушители королевских уставов и уложений должны быть осуждены и наказаны надлежащим судьей того ведомства, где совершено преступление, либо в том месте, где были в преступлении по суду уличены; каковые уставы недаром еще и поныне во многих и различных частях нашего королевства неуклонно соблюдаются, ради общего блага и защиты страны и жителей, там обитающих и оседлых, верно хранимые, как сказано выше.

Там же, стр. 28—29.

3. ЛЮДОВИК IX. «ПОУЧЕНИЕ КОРОЛЯ СВОЕМУ СЫНУ»

Рекомендации, оставленные Людовиком IX (1226—1270) наследному принцу как государственное завещание.

1. Милый сын, первое, чему тебя учу: да исполнится сердце твое любви к Господу; без этого никто не может спастись.

2. Остерегайся творить что-либо, неугодное Ему: это — грех смертный. И придется тебе тогда испытать всяческую муку, ибо ты согрешил смертно.

3. Если Господь пошлет на тебя напасть, перенеси ее безропотно и терпеливо и помни, что ты заслужил ее и что все обратится тебе во благо.

4. Если же Он даст тебе благополучие, возблагодари его со смирением, дабы то, что должно было служить к улучшению твоему, не обратилось бы, по гордыне твоей или иначе как, к ухудшению твоему, ибо тягаться с Господом за дары его не следует.

5. Исповедуйся чаще и выбирай в духовники себе людей разумных, которые сумели бы научить тебя тому, что ты должен

делать и чего остерегаться; и ты должен так вести себя и держать, чтобы духовники твои и друзья осмеливались бестрепетно порицать тебя и показывать твои недостатки.

6. Службу церковную слушай благоговейно, не развлекаясь, без шуток и оглядок; молись Богу устами и сердцем и всем помышлением своим, особливо же за обедней, когда совершается преосуществление.

7. Сердце имей доброе и жалостливое к бедным и угнетенным, поддержи их и помоги им, сколько можешь.

8. Если что-либо гнетет тебя, скорее сообщи своему духовнику или иному человеку разумному, и тебе станет легче.

9. Смотри, чтобы кругом тебя были все люди добрые, будь то духовные или миряне, и чаще беседуй с ними; избегай общества дурных.

10. С охотой слушай проповедь и на народе, и у себя, и будь прилежен в молитве и прощении.

11. Возлюби добро и ненавидь зло, в чем бы оно ни проявлялось.

12. Да не дерзнет никто в присутствии твоем на слово соблазна и греха, и сам не злословь за спиной другого во вред ему.

13. Не потерпи, чтобы в присутствии твоем кто-либо сказал неподобное о Господе Боге или святых его и оставался без немедленного возмездия...

15. В деле суда и расправы будь тверд и справедлив к своим подданным, не уклоняясь ни вправо, ни влево, иди всегда прямо. Поддерживай дело более бедного, пока не выяснится истина...

18. Прилагай все свое старание, чтобы в мире и правде жили под тобою люди твои и подданные твои, равно и монахи, и всякий церковный люд... Охраняй города и кутюмы своего королевства в том виде и в той неприкосновенности, как их хранили твои предки. А если потребуется какое исправление, исправляй и поправляй так, чтобы это делалось с любовью и расположением; ибо при силе и богатстве больших городов, и ближние и дальние, особливо же твои пэры и бароны, призадумаются затеять что-нибудь против тебя...

23. Войны и распри, как свои, так и твоих подданных, усмиряй возможно скорее...

24. Старайся иметь добрых прево и бальи и расспрашивай чаще о них и о тех, кто у тебя во дворце, как все они себя ведут.

«Средневековье в его памятниках», стр. 212—214.

4. КУТЮМЫ БОВЕЗИ

Королевский юрист Филипп де Бомануар (1247—1296) составил в 1282 г. запись обычного права «Кутюмы Бовези». Здесь взята глава 50, § 1516, 1517 и 1519.

О городских коммунах и их правах

Городские коммуны и даже города, не имеющие прав коммун, а также простой народ должны охраняться законами таким образом, чтобы никто их не обидел и чтобы они никого не смогли обидеть. Коммунальные хартии должны храниться как доказательство привилегий, которые не могут быть нарушены, так как столь же мало стоит печь, негодная к обжигу кирпича, сколь и хартия, повседневно непроводимая в жизнь.

По новым правилам во Франции ни один город не может стать коммуной без разрешения короля, ибо всякие новшества без согласия короля запрещены. Если же король пожелает предоставить какому-либо городу это право или предоставил его, это должно быть записано в хартии вольностей, выданной королем городу по этому случаю. Но это должно быть сделано без ущемления прав церкви и дворянства, так как не могут и не должны быть отягощены церкви и уменьшены владения дворян.

Каждый сеньор, имеющий в своей власти город-коммуну, должен ежегодно узнавать, в каком состоянии находится город и как им управляют мэры и те, которые поставлены его охранять и им управлять. Пусть богатые не сомневаются, что если они нарушают закон, они будут наказаны, и пусть бедняки указанных городов могут мирно зарабатывать себе на пропитание.

«Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы», стр. 595—596.

5. ОРДОНАНС ЛЮДОВИКА X ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕПОСТНЫХ

Это указ Людовика X Сварливого (1314—1316) об отмене крепостного права на землях королевского домена, принятый 3 июня 1315 г.

Людовик, милостью божией король Франции и Наварры, возлюбленным и верным нашим — господину Сэнс де Шомон и господину Николь де Брэй — привет и изъявление расположения. Так как по естественному праву каждый должен родиться свободным, но по некоторым обычаям и кутюмам, с незапамятных пор установленным и доселе в нашем королевстве хранимым, а также случайно за проступки предков множество нашего простого народа впало в крепостную зависимость и разные (другие зависимые) состояния, что весьма нам не нравится, мы, принимая во внимание, что королевство наше названо и слывет королевством франков[1], и желая, чтобы действительное положение вещей соответствовало названию и чтобы положение народа было исправлено нами с началом нашего нового царствования, по обсуждении

[1] «Франк» в буквальном переводе значит «свободный».

с нашим великим советом повелели и повелеваем, чтобы повсюду в королевстве нашем, поскольку это в нашей власти и власти преемников наших, такие состояния несвободы приведены были к свободе и чтобы всем тем, кто, либо по происхождению, либо по давности, либо вновь в силу браков или в силу проживания на несвободной земле, впали в крепостную зависимость, дана была на добрых и приличных условиях свобода. И ради того, чтобы простой народ наш не терпел более ни обид, ни вреда от сборщиков, сержантов и других служащих, которые прежде посылали по делу о мэнмортах и формарьяжах[1], как это было до сих пор, что весьма нам не нравится, а также ради того, чтобы и другие сеньоры, владеющие зависимыми людьми, по примеру нашему привели их к свободному состоянию, мы, вполне полагаясь на верность и испытанную мудрость вашу, настоящей грамотою поручаем и приказываем вам отправиться в санлисский бальяж и его ведомство, а также во все местечки, города, общины и к отдельным лицам, кто будет требовать у вас вышеназванной свободы, с тем, чтобы договариваться и уславливаться с ними относительно известных выкупов, которыми мы были достаточно вознаграждены за выгоды, что с названного крепостного состояния могли поступить нам и преемникам нашим, и давать им, насколько это касается нас и преемников наших, общую и постоянную свободу, как выше сказано и как более подробно мы вам о том устно говорили, объявляли и поручали.

«Хрестоматия...», т. II, 1950, стр. 45—46.

6. ПРИГЛАШЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТ ГОРОДОВ НА ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ

Грамота Филиппа IV Красивого (1285—1314) от 1302 г., изданная в связи с тем, что папа Бонифаций VIII (1294—1303) огласил буллу о «всемирной власти» пап римских и пришел в столкновение с французским королем.

Филипп, милостью божией король франков, сенешалу Босэра и его заместителю привет. Желая обсудить и рассмотреть совместо с прелатами, баронами и прочими нашими и нашего королевства верными подданными многие затруднительные обстоятельства, не мало затрагивающие положение и вольности наши, а также королевства нашего, церквей, духовных лиц, знати, светских людей, общин и отдельных жителей означенного королевства, предписываем вам распорядиться и приказать от нашего имени... консулам и общинам... городов и местечек Мон-

[1] *Мэнморт* (букв. «мертвая рука») — оброк, платимый за возможность наследовать имущество умершего. *Формарьяж* — оброк, платимый за возможность вступить в брак.

пелье и Босэра... чтобы означенные консулы и общины упомянутых городов и местечек выбрали по два или по три из лучших и опытных людей... которые бы явились в воскресенье перед вербной неделей в Париж для совместного с нами рассмотрения, обсуждения, принятия к сведению, исполнения и одобрения от имени консулов и означенных общин всего того... что уже нами выше постановлено.

«Хрестоматия ..», т. II, ч. I, 1938, стр. 29.

7. ПЕТИЦИЯ ДВОРЯН И ПРОСТОЛЮДИНОВ 1314 г.

Петиция восточнофранцузских мелкопоместных дворян и незнатных людей была вызвана поборами в королевскую казну.

Всем, кто увидит и услышит настоящие грамоты, мы, дворяне и простолюдины Шампани, от нас, от земель Вермандуа, Бовэзи, Понтье, де ла Ферр, Корби, и от всех дворян и простолюдинов Бургундии, и от всех наших союзников и присных, обитающих во всех краях королевства Франции, привет. Да будет ведомо всем, что доблестнейший и могущественнейший государь, наш возлюбленнейший и высокочтимый господин Филипп, божиею милостью король Франции, устанавливал и взимал различные тальи, помочи и незаконные поборы, портил монету и творил многие другие дела, от чего сказанные дворяне и простолюдины несли большую тяготу и оскудение... И не видно, чтобы они послужили к чести и пользе короля и королевства, ни к ограждению пользы общей. По поводу тех обид мы много раз смиренно и благоговейно просили и молили названного короля, чтобы таковые дела он соблаговолил отменить и оставить, но ничего этого он не сделал. И еще в текущем 1314 году сказанный наш король учредил неправильно налоги на дворян и на простой народ, а также и помочи, которые пытался взимать с них; этого мы не можем терпеть и по доброй совести допустить, ибо в таком случае лишились бы своих почетных прав, льгот и вольностей... Вследствие тех вышесказанных дел, мы, вышеназванные дворяне и простолюдины, за себя и за наших родных и присных, а также и за других, во всех краях королевства Франции, как сказано выше, поклялись и обещали под присягою, прямодушно и добросовестно, за себя и своих наследников, графствам Осер и Тоннер, дворянам и простолюдинам названных графств, их союзникам и присным, что, по случаю помочи, требуемой на текущий год, и прочих неправд и новизн, незаконно введенных и вводимых ныне и впредь, если короли Франции, наши государи или другие захотят обложить те земли, мы окажем им помощь и защиту своими собственными силами и средствами... И да будет известно, что, поступая так, мы постановили и постановляем, определили и определяем, чтобы все службы, повинности лен-

ные... и всякие другие, должные королям Франции, государям нашим и прочим нашим господам и их наследникам, оставались сохранно, нерушимо и неприкосновенно.

Там же, стр. 30—31.

8. КУТЮМЫ БОВЕЗИ

Из вышеупомянутых «Кутюм Бовези» Бомануара (пояснение см. на стр. 274) приводим главу 34, § 1043.

О суверене

Мы говорили в этой книге в ряде мест о суверене и о том, что он может и должен делать, но никто не может полагать, что если мы не называем ни графа, ни герцога, то речь идет (только) о короле; ибо во всех местах, где король не называется, мы подразумеваем тех, кто держит баронию, так как каждый барон является сувереном в своей баронии. Следует понимать, что король является сувереном над всеми и на основании своего права охраняет все свое королевство, в силу чего он может создать всякие учреждения, какие ему угодно для общей пользы, и то, что он устанавливает, должно соблюдаться. И нет над ним никого, столь великого, чтобы он мог прийти в его двор (творить суд) о правонарушениях или по жалобам на неправильное решение и по всем делам, которые касаются короля. И так как он является сувереном, стоящим выше всех, мы его называем лишь тогда, когда мы говорим о каком-либо суверенном праве, которое ему принадлежит лично.

«Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы», стр. 590.

ТЕМА.

НАЧАЛО СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ. КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ ЖАКЕРИЯ

Материал этой темы охватывает всего около 20 лет французской истории, но зато чрезвычайно насыщенных событиями. Первые три источника касаются причин Столетней войны: в документе 1 рассказывается о том, как французский король Людовик IX уступил английскому королю Генриху III (1216—1272) некоторые земли Франции; документ 2 содержит обращение английского короля Эдуарда I (1272—1307) к своим подданным с призывом отобрать у французов Гасконь; документ 3 описывает положение Фландрии, на которую притязали и Франция и Англия. Следующие два источника посвящены битве при Креси 1346 г. и битве при Пуатье 1356 г. Затем даны три документа о причинах Жакерии: о тяжелом положении феодально-зависимых крестьян, о притеснениях, чинимых сеньорами, о бесчинствах участников Столетней войны. Наконец, два источника рассказывают о ходе и исходе Жакерии.

1. ЖУЭНВИЛЬ. «КНИГА св. ЛЮДОВИКА»

Жан Жуэнвиль (1225—1317), маршал Шампани, составил посвященную королю Людовику IX «Книгу о святых речах и добрых делах св. Людовика». Приводимый из нее отрывок, написанный около 1274 г., относится к событиям 1248—1254 гг.

Мир, который он заключил с королем Англии, заключил он против желания своего Совета, который заявлял ему: «Сир, нам кажется, что вы теряете землю, которую даете королю Англии, ибо он не имеет на нее прав: ведь его отец потерял ее по суду»[1]. На это король ответил, что ему хорошо известно отсутствие прав у английского короля, но есть основательная причина дать ему землю. Ведь мы женаты на сестрах, и наши дети двоюродные братья; поэтому подобает быть миру между нами. Для меня же в мире с королем Англии великая честь, ибо он становится моим человеком, кем он не был раньше.

«Средневековье в его памятниках», стр. 211.

2. ОБРАЩЕНИЕ ЭДУАРДА I К ПОДДАННЫМ

С подобным приглашением прибыть в парламент для обсуждения важных дел английские короли стали обращаться к разным общественным сословиям с последней трети XIII столетия. Данное приглашение адресовано первому сословию, а относится к 1295 г.

Обращение к духовенству

В достаточной мере всем ведомо и уже, как мы думаем, по всем странам мира распространилась об этом весть, как король Франции обманным и хитрым способом отстранил нас от нашей страны Гасконии. Ныне же, не довольствуясь названным выше обманом и беззаконием, для завоевания королевства нашего огромный флот и громадное множество воинов собрав, с каковыми уже сделал враждебное нашествие на королевство наше и на жителей этого королевства, вознамерился совсем истребить с лица земли язык английский, если бы гнусному плану затеянного им беззакония соответствовала его сила, что да отвратит бог. Так как предусмотренные заранее удары менее опасны и так как здесь ваши интересы затронуты в сильнейшей мере, как и прочих сограждан этого королевства, то мы повелеваем вам, крепко наказывая именем верности и любви вашей к нам, чтобы в воскресенье, ближайшее после праздника св. Мартина зимнего

---

[1] В 1202 г. Иоанн Безземельный, как вассал французского короля, судом французских пэров был лишен своих французских владений.

ресенье, ближайшее после праздника св. Мартина зимнего приора и капитул церкви вашей, архидиаконов и весь клир вашего диоцеза, чтобы эти приор и архидиаконы лично, а названный капитул через посредство одного, а этот клир через посредство двух достойных представителей, имеющих полную и достаточную власть от этих капитула и клира, вместе с вами присутствовали для того, чтобы здесь тогда всеми способами вместе с нами и с остальными прелатами и магнатами и другими жителями королевства нашего обсудить, постановить и исполнить то, с помощью чего следует устранить эти опасности и злоумышления.

«Хрестоматия.. », т. II, 1963, стр. 341—342.

3. ФРУАССАР. «ХРОНИКИ»

Фруассар из Валансьенна (1337—1404) — автор «Хроник Франции, Англии, Шотландии и Испании», освещающих события с 1326 по 1399 г. Приводимый отрывок написан в 1370-е годы, а касается он положения Фландрии непосредственно перед Столетней войной.

Вы слышали перед этим рассказ о том, как король Англии запер все морские проходы и не пропускал ничего во Фландрию, а особенно шерсть и овечьи шкуры. Этим все страны Фландрии были глубоко поражены, так как суконное производство — главный предмет, которым они живут, и было уже много разорившихся благородных людей и богатых купцов. Приходилось выбираться из земель Фландрии многим честным мужчинам и женщинам, которые перед этим были обеспечены трудом по производству сукон, и они шли искать себе довольства в Генегау и другие места, где могли найти его; великие роптания по поводу этого распространились и рассеялись по стране Фландрской, и особенно в больших городах. Говорили, что тяжело и дорого обходится им любовь, которую граф, их сеньор, питал к французам, так как благодаря ему и его делам они подверглись этой опасности и ненависти английского короля и что гораздо полезнее было бы для общего блага страны Фландрской находиться в мире и любви с королем английским, чем с королем Франции.

Правда, что из Франции к ним приходит много хлеба, но так как им не на что его покупать и нечем платить, все по недостатку заработка, то в этом-то и беда их, потому что мера хлеба стоит денье, а у кого нет его, тому нехорошо. Из Англии же к ним идет шерсть и с нею вместе большие выгоды, которые позволяют им поддерживать свое благосостояние и жить в довольстве. К тому же они получают достаточно хлеба и со стороны Генегау, так как область эта в мире с ними.

«Хрестоматия...», т. II, ч. I, 1938, стр. 31

4. ФРУАССАР. «ХРОНИКИ»

Из того же источника заимствовано описание битвы при Креси 1346 г.

Когда король Филипп дошел вплоть до того места, близ которого расположились в боевом порядке англичане, и он увидел их,— кровь вскипела в нем, ибо он слишком их ненавидел. Так, он нисколько не удерживал себя от того, чтоб вступить с ними в бой, равно как и не имел надобности в том, чтоб принуждать себя к этому, а сказал своим маршалам: «Пропустите вперед наших генуэзцев и начинайте бой во имя бога и монсеньора Дениса святого!» Там было этих генуэзских стрелков из арбалета примерно 15 тысяч, которые не были в состоянии начать битву, так как сильно устали и измучились из-за длительного перехода в 6 лье в полном вооружении, неся арбалеты. И сказали они тогда ... коннетаблю, что они неспособны ни на один крупный военный подвиг. Эти слова долетели до слуха графа д'Алансон, который был ими разгневан и сказал: «Очень-то надо было обременять себя этой швалью, которая выбывает из строя в самый нужный момент!»

Одновременно с тем, как эти речи передавались, а упомянутые генуэзцы собирались вместе и медлили, пошел дождь, такой крупный и частый, что достойно удивления, с громом и молнией, пресильными и престрашными. До этого дождя над обеими армиями пролетели вороны в таком изобилии, что не было им числа, создавая при этом невероятный шум. Некоторые мудрые рыцари говорили тогда, что это было предзнаменованием великой битвы и больших потоков крови. После всего этого небо стало проясняться и засияло солнце, яркое и прекрасное: французам оно светило прямо в глаза, англичанам же в спины.

Когда генуэзцы были все собраны и выстроены и должны были начать наступление, то они принялись удивительно громко горланить; и делали они это, чтобы поразить англичан, но англичане молча стояли на месте и не обращали на это ровно никакого внимания. Во второй раз еще так же завопили и подвинулись немного вперед, но англичане продолжали молчать, не двигаясь ни на шаг. Еще и в третий раз завопили очень громко и пронзительно, прошли вперед, натянули тетивы своих арбалетов и начали стрелять. А английские стрелки из лука, когда они увидели такое положение вещей, продвинулись немного вперед и стали с большим мастерством пускать в генуэзцев свои стрелы, которые опускались и вонзались так густо, словно снег. Генуэзцам никогда еще не приходилось встречаться в бою с такими стрелками из лука, какими были английские,— и когда они почувствовали эти стрелы, пронзающие им руки, ноги и голову, то были тотчас же разбиты. И многие из них перерезали тетивы сво-

их луков, а некоторые бросали лук наземь, так они принялись отступать.

Рядом с ними и агличанами стояли плотными рядами рыцари, верхом на богато убранных конях и роскошно одетые, которые наблюдали за схваткой генуэзцев и за тем, как они сражались; так что когда они попытались повернуть назад, то не смогли этого сделать. Ибо король Франции, сильно разгневавшись при виде их жалкого строя и того, что они потерпели поражение, так повелел и сказал: «Теперь же перебейте эту шваль: они обременяют нас и без толку загораживают нам путь». И было видно там, как рыцари, зажатые между ними, стали их избивать, и многие спотыкались среди них и падали между ними, не будучи более в состоянии подняться. А англичане по-прежнему усиленно стреляли в самую гущу толпы, и ни один выстрел не пропадал даром, ибо стрелы вонзались и падали или среди державшихся рыцарей, или же среди тех, что падали там и спотыкались в самом плачевном состоянии,— и могли они быть подняты с земли не иначе, как с усиленной помощью (своих) людей. Так началась битва между Бруа и Креси.

«Хрестоматия ..», т. II, 1950, стр 25—26.

5. НОРМАНДСКАЯ ХРОНИКА

Около 1372 г. какой-то нормандский рыцарь, участвовавший во всех первых сражениях Столетней войны, написал так называемую «Нормандскую хронику». Оттуда и взят рассказ о битве при Пуатье 1356 г.

Король Иоанн собрал очень большое войско и пошел против принца Уэльсского[1], который взял Роморантенский замок, причем были взяты Бусико и многие знатные рыцари, храбро оборонявшиеся. Принц Уэльсский начал отступление, когда узнал о прибытии короля Иоанна, и король преследовал его вплоть до Пуатье. И во время этого преследования между Пуатье и Шованьи люди принца встретили графа Жуаньи и с ним более 200 воинов; французы были разбиты, а граф Жуаньи и многие другие взяты в плен. Король Иоанн так преследовал принца, что настиг его близ Пуатье, где тот расположился лагерем в лесу, и с ним все его люди... И было людей у принца свыше 8 тыс. бойцов, из которых он имел около 3 тыс. тяжело вооруженных, а остальных стрелков. Настолько войско короля Иоанна приблизилось к войску принца, что одно видело другое, и ждали на следующий день боя. Тут прибыл кардинал Перигор, посланный папой, чтобы помирить принцев. И явился этот кардинал к королю Иоанну попросить перемирия от лица принца; чтобы получить перемирие, принц соглашался вернуть королю Иоанну все замки и крепости, которые он завоевал в королевстве Французском и которые нахо-

[1] Наследник английского престола, командующий английской армией.

дились в его руках уже 3 года, и заплатить 100 тыс. флоринов; принц соглашался оставаться пленником и заложником, пока все это не будет выполнено и устроено, с тем чтобы все его люди могли уйти без боя. Эти предложения король Иоанн отклонил и сказал кардиналу, чтобы принц и все его люди сдавались ... на его милость или же он попытается взять их силой. Когда принц узнал ответ, он построил своих людей и ожидал битвы в ... страхе, потому что король Иоанн имел большое войско...

Англичане образовали два крыла из своих стрелков из лука по бокам своей боевой линии и построились в боевой порядок на большом поле, покрытом виноградником и обнесенном изгородью, в которой имелось много проломов. Король Иоанн имел до 12 тыс. тяжеловооруженных, но мало других бойцов, как-то — стрелков из лука и арбалета, и из-за этого английские стрелки попадали более верно, когда дело дошло до битвы. Король Иоанн образовал несколько боевых линий и поручил первую из них маршалам, которые так спешили схватиться с врагом, что линия короля была еще далеко позади, а маршалы прошли уже через изгородь и вошли в соприкосновение с англичанами внутри загороженного поля, где те стояли в боевом порядке. И тотчас были они разбиты, и большая часть их людей убита и взята в плен. Тут убит был маршал Клермонский, а другой маршал взят в плен. И тотчас вслед затем подошел герцог Нормандский, имевший очень густую линию тяжеловооруженных, но англичане собрались у проломов изгороди и вышли немного вперед; некоторые из людей герцога проникли за ограду, но английские стрелки принялись пускать такую тучу стрел, что линия герцога стала пятиться назад, и тогда англичане перешли в наступление на французов. Тут большое количество людей из боевой линии герцога было убито и взято в плен, многие ушли, а часть соединилась с корпусом короля, который теперь только что подходил. Бойцы герцога Орлеанского разбежались, а те, которые остались, присоединились к корпусу короля. Англичане стянули свои ряды и немного перевели дух, а король и его люди прошли большой и длинный путь, что их очень утомило. Тогда король и его корпус стали смыкаться, и тут произошла большая и жестокая битва, и многие англичане поворачивали и убегали, но французы так скучились под жестоким обстрелом лучников, попадавших им в головы, что большинство их не могло сражаться, и они падали один на другого. Тут стало ясно поражение французов. Тут были взяты в плен король Иоанн и его сын Филипп... И не столь велико было число убитых в этой битве, сколь тяжело поражение; всего-навсего было убито около 800 тяжеловооруженных французов. ...*Потом* были отведены король Иоанн и его сын Филипп и другие пленники в Бордо, а Карл, герцог Нормандский, прибыл в Париж и сделался правителем Франции...

«Хрестоматия...» т. II, ч. I, 1938, стр. 34—35.

6. ГРАМОТА О КРЕСТЬЯНСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Это грамота от 1344 г. из района, где шли весьма ожесточенные сражения между англичанами и французами. Она свидетельствует о наличии сервильных, наиболее тяжелых форм крепостной зависимости.

Да будет известно, что Фор Жан, а также Арио Жан и Фор Жан, его сыновья, прихожане Мули и Медока, по своей доброй воле... не побуждаемые ни силой, ни страхом, ни обманом, ни принуждением, признали, что они и их наследники являются и будут, так же как их предки с незапамятных времен, людьми, подчиненными произвольной талье от госпожи Моримонды де Поденсак, жены благородного барона Бернара д'Эскуссана, владельца и сеньора Лагуарана, которая, как и ее предки и потомки, располагает правом господства над ними, над их землями (виноградником, домами и жилищами) и над всем остальным имуществом, которое они держат от вышеупомянутой госпожи в приходе Мули и Медоке...

«Хрестоматия...», т. II, 1963, стр. 366.

7. Ж. ДЕ ВЕНЕТТ. «ХРОНИКА»

Монах крестьянского происхождения Жан де Венетт (1307—1371) составил «Хронику», пронизанную в общем дружественными чувствами к простому народу.

В этом 1358 г. много неукрепленных селений превратило свои церкви в настоящие замки, окопавши их рвами, установивши на башнях и колокольнях военные машины, камни и баллисты, чтобы защищаться от бригандов в случае их нападения, а это, как кажется, случалось очень часто. По ночам на вершине этих башен бодрствовали часовые. Стояли там дети, чтобы предупредить о приближении неприятеля. Заметивши их издали, они поднимали тревогу трубными звуками и колокольным звоном. При этом сигнале крестьяне, покидая свои дома и поля, возможно скорее искали убежище в церкви. Другие, по берегам Луары, проводили ночи со своими семьями и скотом вдали от своих хижин на островах реки или же в лодках, поставленных на якорь посередине ее течения.

В этом году виноградники, источник благотворной влаги, веселящей сердце человека, не возделывались; поля не обсеменялись и не вспахивались; быки и овцы не ходили по пастбищам; церкви и дома... повсюду носили следы всепожирающего пламени или представляли груды печальных, еще дымящихся развалин. Глаз не услаждался, как прежде, видом зеленых лугов и желтеющих нив, но наталкивался всюду на тернии и сорные травы. Колокола не звонили радостно, призывая верных к божественной службе, а лишь били тревогу, подавая сигнал к бегству крестьян при приближении неприятелей. Что сказать мне еще?

Самая отчаянная нищета царила повсюду, и особенно среди крестьян, ибо сеньоры усугубляли их страдания, отнимая у них и имущество, и их бедную жизнь. Хотя количество оставшегося скота — крупного и мелкого — было ничтожно, сеньоры все же требовали платежей за каждую голову: по 10 солидов за быка, по 4—5 солидов за овцу. И тем не менее они редко обременяли себя заботами о том, чтобы защищать своих вассалов от набегов и нападений неприятелей.

В это время те, которые должны были бы защищать народ, теснили его не менее, чем неприятели, и можно бы сказать, что оправдывалась басня о собаке и волке. Была некогда сильная собака, к которой питал полное доверие ее господин, так как надеялся, что она будет защищать его овец от нападений волка. Так много раз и было. Но вот со временем волк сделался близким другом собаки, которая позволяла ему безнаказанно уносить овец, а сама делала вид, что преследует его, чтобы отнять овцу и вернуть ее своему господину. Когда же волк и собака были один на один вблизи леса и вдали от глаз пастуха, они вместе лакомились овцой. Такая уловка повторялась часто, и всегда собака получала похвалы от своего господина, уверенного в том, что преследуя волка, верное животное делало для спасения овцы все от нее зависящее. Так эта проклятая собака умела скрывать свое коварство. В конце концов она вместе с товарищем пожрала... всех овец своего господина.

Там же, стр. 379—380.

8—9. ФРУАССАР. «ХРОНИКИ»

Разорение Франции бригандами

...Те (бриганды), которые находились в Гаскони, Пуату и Сентонже, как те, что сражались на стороне короля Франции, так и те, что сражались за короля Англии, никогда не придерживались твердо условий перемирия, заключенного между обоими королями, но отвоевывали часто друг у друга города и сильно укрепленные замки, захватывая их с налету или же путем осады либо ночью, либо днем. И часто случались славные приключения: то с теми, что были из английских войск, то с теми, что были из французских. *И всегда наживались нищие бриганды на* разграблении городов и замков, каковым путем приобретали такое богатство, что чуду подобно. И делались некоторые из них столь могущественными, что становились главарями и капитанами над прочими бригандами, и были среди них такие, которые обладали денежной суммой в сорок тысяч экю. По правде говоря, это были превеликие чудеса — все то, что они творили. Бывало, и очень часто,— что они выбирали для нападения какой-нибудь добрый город или крепкий замок и в течение одного

или двух дней выжидали удобного случая. И затем 20 или 30 бригандов собирались вместе и шли лесными тропинками и ночью и днем так, чтобы войти в тот город или тот замок, который наметили, прямо при восходе солнца, и поджигали один из домов. А жители города, полагая, что это целая тысяча тяжеловооруженных людей, намеревающихся сжечь их город, спасались бегством, кто как мог. Бриганды эти взламывали двери, сундуки и ларцы с драгоценностями и брали все, что находили; затем возвращались своей дорогой, нагруженные добычей. Так действовали они в городе Донзонаке и во многих других городах. И захватывали таким путем многие замки и затем перепродавали их.

«Хрестоматия...», т. II, 1950. стр. 31.

О Жакерии

Читая этот источник, следует учитывать враждебное отношение его автора к восставшим крестьянам.

Вскоре после освобождения короля Наварры случился удивительный и великий мятеж во многих областях королевства Франции, именно: в Бовэзии, Бри, на Марне, в Лаоннэ, Валуа и по всей стране до Суассона. Некие люди из деревень собрались без вождя в Бовэзи, и было их вначале не более 100 человек. Они говорили, что дворянство королевства Франции — рыцари и оруженосцы опозорили и предали королевство и что было бы великим благом их всех уничтожить. И тому, кто так говорил, каждый кричал: «Истинную правду он сказал: позор тому, кто будет помехой истреблению дворян всех до последнего!» Потом собрались и пошли в беспорядке, не имея никакого оружия, кроме палок с железными наконечниками и ножей, прежде всего к дому одного ближайшего рыцаря. Они разгромили и предали пламени дом, а рыцаря, его жену и детей — малолетних и взрослых — убили. Затем подошли к другому крепкому замку и сделали еще хуже... Так они поступали со многими замками и добрыми домами и умножились настолько, что их уже было добрых 6 тыс.; всюду, где они проходили, их число возрастало, ибо каждый из людей их звания за ними следовал; рыцари же, дамы, оруженосцы и их жены бежали, унося на своей шее малых детей, по 10 и по 20 миль до тех пор, пока не считали себя в безопасности, и бросали на произвол судьбы и свои дома, и имущество. А эти злодеи, собравшиеся без вождя и без оружия, громили и сжигали все на своем пути, убивали всех дворян... Поистине, ни христиане, ни сарацины никогда не видали таких неистовств, какими запятнали себя эти злодеи. Ибо, кто более всех творил насилий и мерзостей, о которых и помышлять-то не следовало бы человеческому созданию, те пользовались среди них наибольшим почетом и были у них самыми важными господами. Я не осмелюсь ни напи-

сать, ни рассказать о тех ужасных и непристойных поступках, которые они допускали по отношению к дамам. Между прочими мерзостями они убили одного рыцаря, насадили его на вертел и, повертывая на огне, поджарили при даме и ее детях. После того как 10 или 12 из них истязали и насиловали женщину, они накормили ее и детей этим жареным, а потом всех умертвили злой смертью. Выбрали короля из своей среды, который, как говорили, происходил из Клермона в Бовэзи, и поставили его первым над первыми. И величали его, короля, Жак Простак. Они сожгли и начисто разгромили в области Бовэзи, а также в окрестностях Корби, Амьена и Мондидье более 60 добрых домов и крепких замков, и если бы бог не пришел на помощь своей благостью, эти злодеи так бы размножились, что погибли бы все благородные воины, святая церковь и все зажиточные люди по всему королевству, ибо таким же образом действовали названные люди и в области Бри, и в Патуа. Пришлось всем дамам и девицам страны, и рыцарям, и оруженосцам, которые успели от них избавиться, бежать в Мо, в Бри поодиночке, как умели, между прочим и герцогине Нормандской. И спасались бегством все высокопоставленные дамы, как и другие, если не хотели стать жертвами истязания, изнасилования и злой смерти. Точно таким же образом поименованные люди действовали между Парижем и Нуайоном, между Парижем и Суассоном, между Суассоном и Ан, в Вермандуа и по всей стране до Куси. И тут творили они великие злодейства и разгромили в области Куси, Валуа, епископства Ланского, Суассона и Санли более 100 замков и добрых домов рыцарей и оруженосцев, а всех, кого хватали, грабили и убивали. Но бог по своей благости ниспослал спасение, за которое его надо премного благодарить, как вы сейчас увидите из нижеследующего.

Когда дворянство из Корби, Вермандуа, Валуа и (других) земель, где действовали и чинили свои неистовства эти злодеи, увидало свои дома разгромленными, а своих близких умерщвленными, оно обратилось за помощью к своим друзьям во Фландрии, Генегау, Брабанте и Ассбэне. Тогда тотчас же сошлось достаточно (людей) отовсюду. Собралось и иноземное дворянство, и местное, которое руководило им. И стали тогда ловить и обезглавливать этих злодеев без жалости и милосердия и всюду, где их встречали, вешать на деревьях. Даже король Наварры в один день положил их более 3 тыс. неподалеку от Клермона в Бовэзи, но их было такое множество, что соберись они все вместе, было бы добрых 100 тыс. Когда их спрашивали, зачем они затеяли все это, отвечали, что не знают, но что, видя поступки других, сами поступали по их примеру и что полагали своим долгом уничтожать таким образом знатных и благородных людей всего света, чтобы не осталось из них в живых ни единого...

В то время когда неистовствовали эти злодеи, возвращались из Пруссии граф де Фуа и сеньор де Буш, его двоюродный брат.

дорогой, подъезжая к границам Франции, услыхали они о той напасти и о тех ужасах, которые обрушились на дворянство. И возымели к нему оба сеньора великую жалость. Доехавши через несколько дней до Шалона в Шампани... узнали там, что герцогиня Нормандская, герцогиня Орлеанская, около трехсот дам и девиц и герцог Орлеанский укрылись в Мо (в провинции Бри) из-за великого страха перед этой Жакерией. Оба доблестных рыцаря условились тогда, что пойдут к этим дамам и окажут им посильную помощь, хотя сеньор (де Буш) и был англичанин. Но было тогда перемирие между Англией и Францией, и он мог свободно ездить повсюду, а также жаждал высказать свое благородство в сообществе с двоюродным братом графом де Фуа. Могли они выставить со своей свитой около 40 копий, не более, ибо возвращались, как я уже сказал, из паломничества. Так и торопились они ехать, пока не достигли Мо в Бри и предстали перед герцогиней Нормандской и другими дамами, которые очень обрадовались их приезду, так как им все время угрожали жаки и мужики Бри, а также и горожане, состоявшие с последними в союзе, ибо злодеи эти, узнавши, что здесь скопилось множество дам, девиц и малых детей из дворянских семейств, устроили сборище вместе с (мужиками) из Валуа и двинулись к Мо. С другой стороны, и люди из Парижа, хорошо осведомленные об этом сборище, двинулись в назначенный день в одиночку и целыми отрядами и сошлись с теми и другими. Было их всего добрых 9 тыс. злоумышленников, и все время по дороге в Мо к ним приставали люди различных селений. Так подошли к (городским) воротам; злодеи же горожане и не подумали препятствовать вступлению людей Парижа... И вот вошли в город в столь великом множестве, что заполнили все улицы вплоть до рынка...

Когда знатные дамы, укрывшиеся в рынке Мо, который был достаточно укреплен, ибо р. Марна его окружала, увидали, сколь многое стремительно идет и движется на них количество народа, они были крайне устрашены и напуганы. Но граф де Фуа и сеньор де Буш с их свитой, бывшие в полном вооружении, выстроившись на рынке, выступили за ворота и распорядились затворить их за ними. А затем ударили на этих мужиков, черных, низкорослых и плохо вооруженных... Когда злодеи увидали этих рыцарей и оруженосцев, столь хорошо вооруженных, со знаменами графа де Фуа и герцога Орлеанского и значком сеньора (де Буш), с мечами и шпагами в руках в полной готовности защищать и охранять этот рынок, неистовство их поостыло; наоборот, первые ряды стали отступать, а дворяне преследовали их, действуя своими мечами и шпагами, и избивали. И все, которые были впереди, всякий раз, как чувствовали удар или страх получить его, пятились назад и теснили друг друга. Тогда выступили из укрепления все вооруженные люди. Поспешивши на место битвы, они (со своей стороны тоже) устремились на этих зло-

деев. И стали избивать их в одиночку и целыми массами, и истреблять, как овец, и гнали их всех в полном смятении и расстройстве из города; и истребляли их до тех пор, пока сами совсем не выбились из сил, и массами сбрасывали их в р. Марну. Словом, перебили их в этот же день более 7 тыс. и ни один бы не ушел, если бы захотели преследовать далее. Когда же дворяне возвратились, они пустили в усмиренный город огонь и сожгли его дотла со всей городской чернью, которую могли там застигнуть. После этого разгрома в Мо (мятежники) больше совсем не собирались, ибо сир де Куси имел под рукой великое множество дворян, которые истребляли их без жалости и милосердия всюду, где бы ни находили.

«Хрестоматия...», т. II, 1963, стр. 381—384.

10. ХРОНИКА ПЕРВЫХ ЧЕТЫРЕХ ВАЛУА

В конце XIV в. в Руане была написана неким местным клириком «Хроника первых четырех Валуа», описывающая события 1327—1393 гг. Ниже следует отрывок из нее, посвященный Жакерии.

В то время вспыхнул бунт жаков в Бовэзи, и начался он в Сен Ле де Серан и в Клермоне, в Бовэзи. Между ними был один человек, видавший виды и хороший говорун, статного телосложения и красивый лицом. Имя ему было Гильом Шарль. Его-то жаки и выбрали своим вожаком. Но он хорошо видел, что это—люди на малые дела, почему и отказывался руководить ими. Однако жаки заставили его силой и сделали своим правителем вместе с одним человеком, бывшим госпитальером, видевшим войну. Видел войну и Гильом Шарль, и он говорил жакам, чтобы держались вместе. И когда увидали жаки, что их собралось множество, набросились они на дворян и многих из них умертвили. И еще хуже сделали они, как люди неразумные и необузданные и с малым смыслом, ибо умертвили они множество знатных женщин и детей, хотя Гильом Шарль и говорил им не один раз, что слишком многое они себе позволяют.

И увидал Гильом Шарль, что дело не может так оставаться, ибо, если бы они стали действовать порознь, дворяне легко бы их одолели. Поэтому послал наиболее благоразумных и наиболее почтенных к купеческому старшине Парижа, написавши ему, что будет его помощником, если и тот окажет ему в случае нужды подмогу и помощь. Это очень обрадовало руководителей трех сословий, и отписали они Гильому Шарлю, что окажут ему помощь с полной готовностью. И пришли эти жаки в Геллефонтен. Напуганная ими, графиня Валуа, там проживавшая, притворно оказала им радушный прием и распорядилась снабдить их съестными припасами, ибо взяли они в обычай, чтобы люди неукрепленных городов, по которым они проходили,— мужчины или жен-

щины, — выставляли на улицах столы и угощали там жаков, (которые) проходили потом дальше, сжигая дома дворянства.

Тогда дворяне, прибывшие в поисках убежища к королю Наварры, просили его, чтобы соизволил он принять меры и позаботиться о том, как бы сокрушить, поразить и уничтожить этих жаков. «Государь,— говорили они ему,— вы первый дворянин в мире, не потерпите же, чтобы дворянство погибло. Ведь если эти люди, именующие себя жаками, продержатся долго, а добрые города им помогут, дворянство ими будет совсем уничтожено». Тогда согласился Карл, король Наварры, оказать им подмогу против жаков. И обещали ему дворяне, что никогда против него не пойдут, и в том принесли свою клятву.

Когда король Наварры, взявши с дворян клятву, что в его делах не будут они ему перечить, выступил из Лонгвиля с рыцарями и английскими наемниками, всего у него было около 400 воинов; пройдя спешным маршем на жаков Бовэзи и у Клермона в Бовэзи, он стал перед ним лагерем. Было там два отряда французского дворянства: одним из них командовал он сам, а другим — сир Пекиньи и виконт де Кен. Кроме того, Роберт Серкот командовал отрядом английских наемников.

Жаки хорошо знали, что король Наварры и дворяне идут на них. И держал им речь Гильом Шарль: «Дорогие сеньоры, вы знаете, что дворяне идут на нас, а они — большие люди, опытные в военном деле. Если вы мне доверяете, пойдемте к Парижу. Там займем какое-нибудь укрепленное место и будем тогда иметь от горожан поддержку и помощь». И закричали тогда жаки, что ни в коем случае они не отступят, так как они достаточно сильны для того, чтобы разбить дворянство: видя, что их такое множество, слишком они были в себе уверены. Гильом Шарль и госпитальер выстроили жаков, образовавши два отряда по 3 тыс. человек в каждом. Тех, у кого имелись луки и арбалеты, выставили они вперед, а перед ними поставили свои повозки. Еще один отряд они образовали из своих кавалеристов, и было в нем 600 человек, из которых большинство имело оружие. И стояли они там, выстроенные в таком порядке, два дня.

Король Наварры и дворяне... всего около 1000 вооруженных людей, расположились... перед лагерем жаков, которые держались с внушительным видом, в порядке, трубили в трубы...

Король Наварры попросил перемирия у вождя жаков и выразил желание переговорить с ним. Гильом Шарль пошел к нему запросто, не потребовавши никаких заложников... Так как жаки остались без вождя, Роберт Серкот ударил на них с фланга со всеми своими людьми и сломил один из их отрядов силой мечей; да и горячие кони топтали и опрокидывали при этом натиске жаков. Тогда жаки совсем смешались, так как не было с ними их капитана; они сами стали давить друг друга, и множество их было убито англичанами. Затем вступил в дело другой отряд

дворян, ударивший на второй отряд и сокрушивший его мечами и конями. Тогда вышеназванные бароны и сеньоры стали избивать жаков почти без сопротивления. А жаки, бывшие на конях, при виде поражения своих, ударились в бегство и по большей части спаслись. Монсеньор Фрике де Фрикан и монсеньор Реньо де Бракемон преследовали их со всеми (своими) 100 копьями и истребили их около сотни.

Карл, король Наварры, со всем своим отрядом, который был очень велик, обрушился на пеших жаков и истребил их всех, за исключением очень немногих, укрывшихся в одном хлебном поле и ночью убежавших. Правда, много их было истреблено и в этом хлебном поле, но поле было очень обширно. После поражения жаков король Наварры пошел в Клермон в Бовэзи и велел там обезглавить капитана жаков. Другой отряд дворян... численностью до 300 копий, шедший на помощь королю Наварры против жаков, узнавших о их поражении, спустился к границе Бовэзи, где было несколько отрядов жаков. Там названные нормандские дворяне соединились с дворянами Амьенской области и Бри и встретили у Пуа отряд жаков, шедший к большому отряду под начальством Гильома Шарля. И истребили их названные дворяне без милосердия в количестве более 1300. Затем поспешили названные дворяне в Жерберэй, разбили между Рэй и Жерберэй другой отряд жаков и умертвили их там около 800, а в одном монастыре сожгли их около 300. Потом пришли в Геллефонтен, где проживала мадам Валуа, и долго досаждали ей за то, что она дала жакам съестные припасы, как они говорили. И убили там около 1000 крестьян. Так были сокрушены и поражены жаки и в Бовэзи, и в окрестностях. В Бри граф де Русси избил их великое множество и приказывал вешать их на их же дверях...

Там же, стр. 384—387.

ТЕМА.

БОРЬБА ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ЗАХВАТЧИКОВ. ЖАННА Д'АРК

Последний этап Столетней войны освещается здесь на материале пяти источников. Первые три документа иллюстрируют успехи англичан и бедственное положение Франции в начале XV столетия. Два следующих касаются эпопеи Жанны д'Арк: один из них характеризует ее патриотические взгляды, другой — почти весь боевой путь девушки.

1. РЕМОНСТРАЦИЯ 1413 г.

Это послание, отправленное университетом Парижа и восставшим против злоупотреблений народом (так называемое движение кабошьенов) королю Карлу VI (1380—1422) 13 февраля 1413 г.

Ремонстрация об управлении государством

2. ...Всем известно, что англичане в Вашем государстве и многие другие вооруженные отряды как Вашего королевства, так и других стран разоряют Вашу страну и приносят вред Вашим подданным: многие жалобы поступали и поступают изо дня в день и доносится ропот из различных частей Вашего государства, а средства для искоренения зла и причины его будут здесь ниже изложены.

3. Граф Арманьяк, который является Вашим подданным, не обращает внимания и не выполняет клятвы относительно упомянутого мира, но всегда поддерживает и ведет войну в Вашем государстве, как говорят...

11. Точно так же имеются большие злоупотребления в... денежной палате. Чиновники, которые занимают упомянутые должности, собирают очень большие суммы денег и используют их по другому назначению, а не для Вашей пользы: они задерживают оплату Ваших долгов, жалованья Вашим королевским чиновникам и многим добрым людям...

15. Что касается восстановления Ваших замков, мельниц, ярмарок и т. д. — все разрушается и идет к упадку.

16. Что касается королевской казны упомянутого домена, она теперь пуста, тогда как в прошлое время были сбережения, и особенно при королях Филиппе, Иоанне и Карле, когда управляли по-другому, чего не делается в настоящее время.

17. По делам финансов мы вынуждены сказать, что управление ими теперь и в течение 24-х лет было таково, что они (финансы) растрачены множеством чиновников, которые не имели попечения о благе Вашем и общественном и думали только единственно о своих доходах...

30. Необходимо, чтобы Вы знали, куда ушли и деньги Вашего королевства за последние два-три года. Кроме субсидий и сверх того, что собирают в домене, за это время собрано много тальи, десятин, займов, сверхзаймов, явных и тайных, и применено множество других способов, чтобы получить средства. И эти займы, тальи и т. п. большей частью уходят в руки прево Парижа, как это известно, который является верховным управителем финансов.

31. Также не надо забывать, что некоторые высокие чиновники, как, например, упомянутый прево Парижа и другие, которые легко получили множество больших должностей, продавали их и получали большие деньги, откладывая эти деньги в свои карманы к ущербу Вашему и общественному, нарушая постановления Ваших ордонансов; следствием этого часто было, что люди бесполезные, не умеющие управлять, назначались на эти должности...

33. Ваши упомянутые финансы расхищаются и другим способом. Очень большое число сборщиков, контролеров, их клерков и некоторых других, которые домогались получить финансовые должности, получили от Вас ежегодные грамоты на чрезмерные пожалованья, кроме (обычных) пожалований, которые имеют Ваши другие чиновники.

Установлено, что при посредстве упомянутого прево и других управляющих финансами они были хорошо оплачиваемы и очень хорошо оплачиваются к ущербу Вашему и из-за этого запаздывает оплата множества уважаемых людей...

34. Вашими военными казначеями совершено много больших подлогов по денежным делам; как говорят, они имеют обыкновение брать от Ваших начальников отрядов чистые бланки с печатью, которые они очень плохо используют; великое несчастье слышать жалобы упомянутых военных на оплату, которая всегда была так мала для большей части их; теперь стало обычным делом, что вооруженные отряды живут за счет народа, не платя ничего, говоря, что им самим не платят их жалованья, и им приходится жить на чужой счет...

61. Для того чтобы получить скоро деньги, необходимо приказать, чтобы подмога предназначалась только на войну и на дело защиты Вашего королевства, а не на другое употребление.

Там же, стр. 404—405, 407, 409—411, 415.

2. СЕН-ДЕНИЙСКАЯ ХРОНИКА

Некий монах из Сен-Дени, ориентировочно живший в 1350—1414 гг., написал «Хронику» о событиях во Франции конца XIV — начала XV столетия. В 1431—1442 гг. приближенное лицо короля Карла VII (1422—1461) Жювиналь дез Юрсен (1388—1473) перевел эту «Хронику» с латинского на французский язык, дополнил и переработал. Приводимый отрывок приходится на 1413 г.

И было решено королем и упомянутыми сеньорами (герцогом Бургундским, герцогом Беррийским и другими членами Королевского совета), что необходимо собрать три сословия. Со всей страны пришли люди и собрались в Париже — духовенство, дворянство и добрые горожане. В назначенный день выступил монсеньор Ж. де Неель, канцлер монсеньора дофина и в кратких словах указал на действия, происходившие из-за войны (с англичанами) и раздоров, и на то великое благо, которое может быть достигнуто благодаря миру и объединению сеньоров. Необходимо принять меры против англичан, старинных врагов короля и королевства Франции, но это невозможно сделать без денег. Поэтому он просил у трех сословий подмоги, которая на самом деле являлась весьма большой тальей. После того как это было сказано, Парижский университет, купеческий прево и эшевены Парижа попросили аудиенции. Они ее получили и выступил мэтр

Б. Жансьен, который темой (своей речи) взял слова «он приказал ветрам и морю и наступила великая тишина». И показал — два ветра, которые властвуют во Франции, — это мятежи и честолюбие. Потом он описал бедность народа и большие подати, которые взимаются... и чрезвычайное вымогательство денежных средств, которое имело место.

По поводу высказываний трех сословий были различные мнения. Представители Реймса очень убедительно показали, что обычных податей будет достаточно для ведения войны, не налагая тальи. Следует принять во внимание бедность народа и его ограбление вследствие раздоров (принцев), и многие присоединились к их мнению. Аббат дю-Монт-С. Жан, очень известное духовное лицо, говорил специально против чиновников финансовых учреждении и тех, которые имели чрезвычайные пожалования от короля. Он указывал, что следует отобрать у тех, кто имеет слишком много, и, сделав это, король будет иметь возможность сопротивляться врагам и иметь средства на ведение войны...

...Англичане радовались раздорам, происходившим между сеньорами Франции. И посоветовали королю Англии собрать армию и послать ее в Нормандию. И на самом деле он послал армию, которая намеревалась высадиться у Дьеппа. Но дворянство и народ той страны собрались на берегу моря и сражались так с англичанами, что разбили их наголову и им пришлось вернуться в Англию. Когда английский король узнал об этом, он был очень недоволен и приказал собрать еще большую армию, это было исполнено, и они взяли Нормандию. Туда направился де Лё-Хёз и взял с собой людей, сколько мог. И намеревался воспрепятствовать высадке десанта англичан, но он принужден был вернуться, так как много его лошадей было убито, а также взято в плен много людей. Англичане пытались завладеть Дьеппом, но потерпели поражение. И направились в Трепорт, вошли в него и сожгли аббатство и часть монахов. Множество людей убили, ранили и взяли в плен и возвратились в Англию со всей своей добычей.

«Ученые записки МГПИ имени В. И. Ленина», LIX вып. 3, стр. 104—105, 110

3. ОРДОНАНС КАРЛА VI ОТ 26 МАЯ 1413 г.

О вооруженных отрядах

...Король воспрещает военным грабить под страхом повешения, а кто это правило нарушит, должен быть насильственно схвачен и наказан, причем всем бальи, прево и чиновникам настоящим поручается выполнить это постановление под страхом увольнения и т. д.

Так как с некоторого времени наши неимущие подданные и духовенство, а также их имущество и личность, которые мы

должны охранять и защищать, были многократно ограблены вооруженными людьми и при этом более систематически и жестоко, чем подданные наших вассалов, под тем предлогом, что они уклонялись от платежей; и одновременно многие иностранные военные разных наций, как например женевские арбалетчики и др., долгое время грабили бедный народ, совершили много преступлений и проступков, как убийства, изнасилования женщин и проч., даже во время перемирий; а с ними собираются многие разбойники, бродяги и другие злоумышленники; причем вышеупомянутые вооруженные люди хвалились, что имеют от нас и от некоторых крупных сеньоров нашего королевства грамоты на право жить за счет страны. И все это делалось, к великому для нас ущербу, а также к ущербу для вышеупомянутых бедняков и духовенства, поэтому мы приказали и настоящим приказываем и воспрещаем под страхом повешения иметь в стране вооруженных людей, не призванных на службу нами или же нашими ордонансами и не имеющими известного капитана, которому они подчиняются и которых их всех знает и имеет записанными их имена и прозвища. Мы хотим и приказываем, чтобы только в этом случае и ни в каком другом они получали жалованье из сумм, получаемых от сборов. Если же они будут разбойничать и грабить или допустят какие-либо иные проступки и нарушения и их капитаны их не схватят и не передадут в руки правосудия либо сами над ними не совершат расправы и суда, в этих случаях все убытки должны быть взысканы с этих капитанов. Приказываем всем нашим сенешалам, бальи, прево и другим судьям и чиновникам, под страхом нашего гнева и лишения должностей, хватать и наказывать сообразно обстоятельствам дéла всех вышеупомянутых разбойников, грабителей и преступников. А если в этом будет нужда, пусть призовут себе на помощь столько людей, сколько необходимо для осуществления правосудия. Хотим и приказываем, чтобы вышеупомянутые чиновники и судьи приказали под определенными большими наказаниями всем нашим подданным оказывать этим судьям и чиновникам помощь и содействие, если их к этому призывают и они к этому способны. А если при производстве вышеуказанных арестов последует смерть вышеупомянутых грабителей или что-либо подобное вследствие сопротивления и непослушания этих военных, мы не хотим, чтобы те, кто были ее причиной, подвергались какой-либо ответственности или преследованию, но отныне их освобождаем и прощаем им, без какой-либо специальной грамоты о прощении, кроме настоящей.

Там же, стр. 144—145.

4. ПИСЬМО ЖАННЫ Д'АРК АНГЛИЙСКОМУ КОРОЛЮ

Письмо английскому королю было отправлено Жанной из осажденного Орлеана, вскоре освобожденного ею (8 мая 1429 г.).

Иисус Мария!

Вы, король Англии, и вы, герцог Бедфордский, именующий себя регентом Французского королевства, вы, Вильгельм Поль, граф Суффолкский, Иоанн Тальбот и вы, Томас, сир Скалский, называющий себя лейтенантом упомянутого герцога Бедфордского, окажите справедливость королю неба: отдайте деве, посланной сюда богом, небесным королем, ключи всех добрых городов, которые вы взяли и подвергли насилию во Франции. Она пришла сюда от бога, чтобы потребовать обратно королевскую кровь [1]. Она вполне готова прийти к мирному соглашению, именно: если вы желаете сделать ей должное удовлетворение, возвратите Францию и заплатите за то, что владели ею. И вы все, стрелки, военные товарищи, джентльмены и другие, находящиеся перед Орлеаном, уходите, прошу вас именем бога, в свои страны, а если не сделаете так, ждите вестей от девы, которая скоро придет к вам, к вашему великому горю. Если вы, король Англии, не сделаете так, то я беру на себя руководство войной и, где бы ни настигла ваших людей во Франции, я заставлю их уйти волею или неволею; если они не хотят повиноваться, я всех их уничтожу, если же захотят повиноваться, помилую их. Я послана сюда богом, небесным королем, как его заместительница, чтобы выгнать вас из всей Франции. И не думайте, что вы будете владеть французским королевством, принадлежавшим богу, небесному королю, сыну святой Марии, а будет владеть им король Карл [2], истинный наследник, ибо так хочет бог, небесный король, и воля его объявлена девой; король вступит в Париж со славными товарищами. Если вы не внемлете известиям от бога и девы, то, где бы мы ни нашли вас, мы будем вас бить и сделаем такую резню, какой уже не было во Франции тысячу лет, — так будет, если не окажете должного удовлетворения.

И будьте твердо уверены, что король небесный даст деве столько силы, что вы при всем своем старании не в состоянии будете отразить ее и ее добрых военных товарищей, и борьба покажет, кто более прав, небесный бог или вы, герцог Бедфордский: дева просит и даже требует не заставлять ее губить вас. Если вы удовлетворите ее, вы могли бы еще идти в ее сотовариществе [3] туда, где французы исполнят самое лучшее дело, какое когда-либо было совершено на пользу христианства. Если вы желаете прийти к миру, отвечайте в Орлеан, а если не сделаете так, я скоро напомню вам об этом на вашу гибель.

Писано во вторник на страстной неделе.

«Хрестоматия...», т. II, 1963, стр. 437—438.

---

[1] Намек на герцога Орлеанского, бывшего тогда в плену у англичан, освобождения которого Жанна д'Арк требовала во что бы то ни стало.

[2] *Карл VII.*

[3] В крестовый поход.

5. ПРОТОКОЛЫ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ЖАННЫ Д'АРК

В 1431 г. Жанна д'Арк была осуждена, но в 1456 г. реабилитирована. Протоколы обоих судебных процессов сохранились. Здесь приведены некоторые протокольные записи о первом из них.

21 февраля. Первое публичное заседание. Первое увещевание Жанны.

...Стремясь исполнить в этом процессе с милостивой помощью Иисуса Христа, дело которого защищается, долг нашего служения защите и возвеличению католической веры, мы[1] стали прежде всего милостиво убеждать часто упоминаемую Жанну, тогда сидевшую перед нами, а также требовать от нее, чтобы для ускорения настоящего дела и для очищения собственной совести она говорила только правду относительно того, о чем ее будут допрашивать по вопросу веры, не прибегая к уловкам и хитростям, которые мешают изложению истины.

Требование дать клятву

Затем, согласно нашей обязанности, мы потребовали судебным порядком от этой Жанны, чтобы она дала в должной форме, прикоснувшись к св. Евангелию, клятву, что будет говорить, как выше упомянуто, правду относительно того, о чем ее будут спрашивать.

Эта же Жанна ответила на это следующим образом: «Я не знаю, о чем вы хотите меня спрашивать. Возможно, вы будете у меня спрашивать то, о чем я вам не скажу». Когда же мы ей стали говорить: «Вы поклянетесь говорить правду относительно того, что будут у вас спрашивать касательно веры и что вам будет известно», она снова ответила, что относительно отца и матери и того, что делала, после того как направилась во Францию[2], она охотно поклянется, но что об откровениях божьих она никогда никому не говорила и не открывала их, кроме как одному Карлу[3], которого она называет своим королем; и она не открыла бы этого, даже если бы ей грозили отрубить голову, так как откровения она получила через видения, т. е. свой тайный совет, с тем чтобы она никому их не открывала; и по истечении ближайшей недели она твердо будет знать, должна ли она это открывать.

---

[1] *Пьер Кошон* — епископ Бове, руководивший процессом.

[2] Имеется в виду центральная часть Франции в противоположность ее окраине, откуда была родом Жанна д'Арк.

[3] Король Франции *Карл VII*.

И снова, и многократно мы, вышеупомянутый епископ, убеждали и требовали от той же Жанны, чтобы она соизволила дать клятву в том, что будет говорить правду по вопросам, затрагивающим нашу веру. Эта же Жанна, преклонив колени, возложив обе руки на книгу, т. е. на миссал[1], клятвой обязала себя говорить правду относительно того, что будут спрашивать у нее касательно вопроса веры и что она будет знать, не выставляя при этом ранее упомянутого условия, т. е. того, что никому не скажет и не откроет ей сделанные откровения.

Первый допрос после клятвы

Затем после такой клятвы мы у этой же Жанны спросили о ее имени и прозвище. На это она ответила, что на родине ее зовут Жаннета, а после того как пришла во Францию, прозвана Жанной. Относительно своего прозвища она сказала, что она его не знает. Далее на вопрос о месте рождения ответила, что родилась в деревне Домреми, которая сливается с деревней Грю, и что в деревне Грю находится славная церковь.

Затем на вопрос об имени отца и матери ответила, что отца зовут Жаком д'Арк, мать же — Изабеллой.

На вопрос, где ее крестили, ответила, что в деревне Домреми.

На вопрос, кто были ее крестные отцы и матери, ответила, что одну из крестных матерей зовут Агнессой, другую — Жанной, еще одну — Сивиллой; из крестных же отцов одного зовут Жаном Ленге, другого — Жаном Баррей; у нее было много и других крестных матерей, как это она слышала от матери.

На вопрос, какой священник ее крестил, ответила, что, как она думает, господин Жан Мине.

На вопрос, жив ли он, ответила, что, как она думает, да.

Далее, на вопрос, сколько ей лет, ответила, что, как ей кажется, около 19 лет. Она сказала, кроме того, что у матери выучила «Отче наш», «Богородицу», «Верую» и что приобщалась к вере только благодаря указанной своей матери.

Далее, на наше требование сказать «Отче наш» ответила, что мы можем ее выслушать на исповеди и она скажет нам охотно эту молитву. И когда снова многократно мы стали у нее требовать этого, она сказала, что не скажет «Отче наш» и прочее, если мы ее не выслушаем на исповеди. Тогда мы сказали, что охотно ей выделим одного или двух нотаблей, родным языком которых является французский язык и в присутствии которых она произнесет «Отче наш» и прочее. На это Жанна ответила, что не скажет им молитву, если они не будут ее выслушивать на исповеди.

---

[1] *Миссал* — книга с текстами богослужений.

Запрещение выходить из тюрьмы

Исполнив это таким образом, мы, упомянутый епископ, запретили той же Жанне без нашего разрешения выходить из места заключения, ей предназначенного в руанской крепости, под страхом уличения в ереси. Она же ответила, что не принимает этого запрещения, сказав далее, что, если она уйдет, никто не сможет ее укорять в несоблюдении или нарушении данного слова, так как последнее она никогда никому не давала. Затем стала жаловаться на то, что ее содержат в железных цепях и кандалах. Тогда мы ей сказали, что прежде она много раз пыталась уйти из тюрьмы и поэтому для более надежной и верной ее охраны было приказано надеть на нее железные цепи.

На это она ответила: «Это правда, что я прежде хотела и хотела бы и сейчас уйти из тюрьмы, как это позволено каждому заключенному или арестанту».

После этого мы выделили для надежной охраны Жанны благородного мужа Джона Гриса, телохранителя господина нашего короля [1], и с ним Джона Бервойта и Вильяма Тальбота, вменив им в обязанность, чтобы крепко и надежно охраняли эту Жанну, не позволяя никому с ней говорить без нашего разрешения. Эти лица, коснувшись св. Евангелия, торжественно поклялись исполнить это.

Наконец, в конце заседания, после исполнения всего предпосланного, мы назначили той же Жанне четверг, следовавший *непосредственно*, с тем чтобы она предстала перед судом в 8 часов утра в парадной зале в конце больших палат указанной руанской крепости.

22 февраля. Второе заседание

II. На следующий вопрос о возрасте, в котором она была, когда ушла из отцовского дома, она ответила, что этого она не знает.

На вопрос, научилась ли она в юном возрасте какому-нибудь ремеслу, она сказала, что научилась шить полотняное платье и прясть и не уступает в этом деле любой руанской женщине. Далее она признала, что из страха перед бургундцами она ушла из дома отца и отправилась в город Нёшато в Лотарингии к какой-то женщине, по прозванию Рыжая, у которой находилась около двух недель; она прибавила далее, что, пока была в доме отца, занималась домашними делами своей семьи и не ходила в поля с овцами и другими животными.

III. Далее Жанна созналась, что голос сказал ей, чтобы она осталась в г. Сен-Дени[2], во Франции; и сама Жанна хотела

---

[1] Т. е. английского короля *Генриха*

[2] Имеется в виду пребывание Жанны д'Арк в Сен-Дени, когда была сделана неудачная попытка изгнать англичан из Парижа. *(Ред.)*

там остаться, но против ее воли сеньоры[1] увели ее. Если бы, однако, не была ранена, она не ушла бы оттуда; она была ранена в парижских рвах, когда туда отправилась из указанного г. Сен-Дени; но в течение пяти дней она уже оправилась. Далее она призналась, что приказала устроить под Парижем стычку.

И когда ее спросили, был ли тогда праздник, она ответила, что, как она почти уверена, тогда был праздник.

На вопрос, хорош ли был этот поступок, она ответила: «Переходите к дальнейшему допросу».

24 февраля. Третье заседание

IV. На вопрос, ходила ли она в юношеском возрасте гулять в поля с другими девушками, она ответила, что, конечно, ходила иногда, но не помнит, в каком возрасте.

На вопрос, находились ли жители Домреми на стороне бургундцев или на враждебной им стороне, она ответила, что знала только одного бургундца, причем она хотела бы, чтобы ему отрубили голову, однако только по воле божьей.

На вопрос, были ли в деревне Марсей[2] бургундцы или их противники, она ответила, что были бургундцы.

На вопрос, голос ли ей сказал, когда она была уже в юношеском возрасте, чтобы она ненавидела бургундцев, она ответила, что после того как поняла, что упомянутые голоса находятся на стороне короля Франции, сама перестала любить бургундцев. Затем она сказала, что бургундцы получат войну, если не будут исполнять того, что должны исполнять; и это она знает от указанного голоса.

На вопрос, имела ли она в юном возрасте откровение от голоса в том, что англичане должны прийти во Францию, она ответила, что англичане уже были во Франции, когда голоса стали приходить к ней.

На вопрос, гуляла ли она когда-нибудь вместе с маленькими мальчиками, дравшимися за ту сторону, которой она придерживается, она ответила, что об этом не помнит, но отчетливо помнит, как некоторые из деревни Домреми, дравшиеся со своими противниками из Марсей, иногда приходили оттуда сильно побитыми и окровавленными.

На вопрос, имела ли она в юные годы серьезное намерение преследовать бургундцев, она ответила, что у нее было большое желание и стремление, чтобы ее король получил свое королевство.

На вопрос, очень ли она желала стать мужчиной, когда должна была прийти во Францию, она ответила, что прежде она уже говорила об этом.

---

[1] Т. е. военачальники Карла VII. *(Ред.)*

[2] *Марсей* — село на реке Маасе, соседнее с Домреми. *(Ред)*.

На вопрос, водила ли она стадо в поля, она сказала, что прежде уже ответила на это и что, после того как стала более взрослой и достигла зрелого возраста, обыкновенно не пасла стадо, но, несомненно, помогала гнать его на пастбища и в замок по названию Остров при угрозе нападения солдат; но она не помнит, пасла ли она в юном возрасте стадо или нет.

Далее ее спросили об одном дереве, находящемся около ее деревни. На это она ответила, что довольно близко от Домреми имеется дерево, под названием дерево Дам, а другие называют его деревом Фей, возле которого есть источник; и она слышала, что больные лихорадкой пьют из этого источника и приходят брать воду из него для получения исцеления. И это она сама видела, но не знает, получают ли они от этого исцеление или нет. Далее она сказала, что, как она слышала, больные, когда могут вставать, идут к дереву на прогулку. И есть еще одно большое дерево под названием Бук, откуда берется май[1]; и по обычаю это дерево принадлежало господину рыцарю Пьеру де Бурлемон. Далее она сказала, что иногда сама ходила туда гулять с другими девочками и делала у дерева гирлянды для иконы св. Марии Домреми. И часто она слышала от стариков (но не от своих родичей), что туда сходятся феи. Она слышала от одной женщины, по имени Жанна, жены мэра Обери из той же деревни, которая была крестной матерью самой же допрашиваемой Жанны, что она видела там упомянутых фей; но сама допрашиваемая не знает, правда это или нет. Далее она сказала, что никогда не видела упомянутых фей в деревне, в чем она вроде уверена, но не знает, видела она их в другом месте или нет. Далее она сказала, что видела, как девушки вешали гирлянды на ветвях дерева, и сама иногда там вешала их вместе с другими девушками; иногда они уносили их с собой, иногда оставляли. Далее она сказала, что после того как узнала о необходимости прийти во Францию, мало играла и гуляла и старалась совсем не думать о развлечениях. И она не знает, плясала ли возле дерева после достижения зрелого возраста; но иногда она, несомненно, там могла плясать с детьми, причем больше пела, чем плясала. Далее она сказала, что есть там одна роща, которую зовут Дубовой, которая видна с порога отцовского дома и находится от него на расстоянии менее чем пол-лье. Она не знает и никогда не слышала, чтобы там собирались упомянутые феи, но она слышала от своего брата, что в их родных местах ходит слух о том, что у дерева Фей Жанна приняла решение действовать. Но она сказала, что это не так и о том же прежде говорила брату. Далее она сказала, что когда пришла к своему королю, некоторые спрашивали у нее, есть ли у нее на родине какая-то ро-

---

[1] Под маем здесь разумеется дерево или ветвь, служащие для украшения на майский праздник. *(Ред.)*

ываемая Дубовой, так как есть пророчества о том, что этой рощи должна появиться какая-то дева, которая сотт чудеса. Но Жанна сказала, что этому она не верила.

На вопрос, хочет ли она иметь женскую одежду, она ответи: «Дайте мне ее, я ее возьму и уйду, иначе я ее не возьму. Я довольна теперешней одеждой, после того как богу стало угодно, чтобы я ее носила».

27 февраля. Четвертое заседание

V. На вопрос, что она больше почитала, свое знамя или меч, она ответила, что гораздо больше почитала, т. е. в сорок раз, знамя, чем меч.

На вопрос, кто приказал ей нарисовать на знамени[1] упомянутое изображение, она ответила: «Я уже достаточно вам говорила, что ничего не делала, кроме как по указанию бога». Она также сказала, что, когда нападала на противников, сама носила указанное знамя, с тем чтобы никого не убивать; и она сказала, что ни разу не убила человека.

На вопрос, какое войско передал ей ее король, когда поручил ей действовать, она ответила, что он дал ей 10 или 12 тысяч человек и что сначала она пошла в Орлеан к замку Сен-Лу, а затем к замку Моста[2].

На вопрос, под какой крепостью это случилось, что она приказала своим людям отступить, она ответила, что не помнит. Она сказала также, что через сделанное ей откровение была весьма уверена в снятии осады с Орлеана; и об этом же она сказала своему королю, прежде чем туда пришла.

На вопрос, говорила ли она своим людям, когда должен быть устроен штурм, что сама будет принимать на себя стрелы, дротики, камни из метательных орудий или из пушек и пр., она ответила, что нет напротив, сто человек из ее войска или более было ранено, но, несомненно, она сказала своим людям, чтобы они не колебались и сняли осаду. Она сказала также, что во время штурма замка Моста она была ранена в шею стрелой или дротиком, но получила большое утешение у св. Екатерины и поправилась в течение двух недель, однако она не прекращала из-за своей раны разъезжать верхом и действовать.

На вопрос, твердо ли она знала наперед, что будет ранена, она ответила, что это она хорошо знала и сказала об этом своему королю, но, несмотря на это, она не прекращала дальнейшие действия. И было это ей открыто благодаря голосам двух святых, т. е. св. Екатерины и св. Маргариты. Она сказала далее, что под указанным замком Моста она первая приставила лест-

---

[1] На знамени Жанны д'Арк, по ее собственным словам, было изображение вселенной, двух ангелов по краям и надпись. *(Ред.)*

[2] За́мки-крепости, построенные англичанами под Орлеаном. *(Ред.)*

ницу, чтобы взбираться вверх, и, когда она поднимала эту лестницу, была ранена, как выше указано, дротиком в шею.

На вопрос, почему она не приняла соглашение, которое ей предложил комендант Жаржо [1], она ответила, что сеньоры из ее войска ответили англичанам отказом на просьбу дать им перемирие в течение двух недель, а потребовали от них немедленного ухода на конях. Она также добавила, что со своей стороны она сказала, чтобы воины из Жаржо немедленно ушли в своих полукафтанах или плащах, сохранив при этом свою жизнь, если они этого пожелают; в противном случае они будут захвачены путем штурма.

1 марта. Пятое заседание

VI. На вопрос, получила ли она письмо от графа Арманьяка, который хотел узнать, кому из трех пап [2] он должен повиноваться, она ответила, что этот граф написал ей какое-то письмо относительно этого; на него она дала ответ, причем среди другого там было сказано, что, когда она будет в Париже или в другом месте на отдыхе, лично даст ответ. И когда она дала ему ответ, то собиралась сесть на коня.

А что касается до копии писем указанного графа и самой Жанны, которые тогда в суде мы приказали зачитать, то эту же Жанну спросили, таков ли был ее ответ, который содержится в указанной копии. Она ответила, что, как полагает, она дала такой ответ частично, а не целиком.

На вопрос, говорила ли она, что то, чего указанный граф должен был придерживаться в данном вопросе, она знает благодаря совету короля королей[3], она ответила, что об этом она ничего не помнит.

На вопрос, сомневалась ли она, кому указанный граф должен был повиноваться, она ответила, что ей невозможно было указать, кому тот должен был повиноваться, так как граф стремился узнать, кому он должен повиноваться согласно воле божьей. Но что касается до самой Жанны, то она придерживается того и верит в то, что мы должны повиноваться господину нашему папе, находящемуся в Риме. Она сказала также, что ответила и другое посланцу упомянутого графа, чего нельзя обнаружить в указанной копии письма; и если бы этот посланец тотчас не удалился, то был бы брошен в воду, однако не по указанию самой Жанны. Затем она сказала, что на желание графа узнать, кому согласно воле божьей он должен повиноваться, она ответила, что этого не знает, но она передала ему многое, что

---

[1] *Жаржо* — крепость на реке Луаре, восточнее Орлеана *(Ред.)*

[2] Раскол в католической церкви был устранен *лишь* в 1429 г. *(Ред.)*

[3] Титул французского короля. *(Ред.)*

не содержалось в письме. А что касается до нее самой, то она верит в господина папу, который находится в Риме.

На вопрос, почему она писала, что даст в другой раз ответ о причине ее веры в того папу, который находится в Риме, она ответила, что данный ею тогда ответ касался других дел, а не вопроса о существовании трех пап.

На вопрос, говорила ли она, что относительно трех пап получит совета, она ответила, что никогда не писала и не приказывала писать о трех папах. И она поклялась своей клятвой в том, что никогда сама не писала об этом и другим не приказывала писать.

VII. Далее она сказала, что не пройдет и семи лет, как англичане оставят бо́льший заклад [1], чем это было под Орлеаном, и что они потеряют все во Франции. Она сказала также, что упомянутые англичане понесут большие потери, чем когда-либо имели во Франции, и это произойдет в результате большой победы, которую бог пошлет французам.

На вопрос, откуда она это знает, она ответила: «Я хорошо это знаю через сделанное мне откровение, и это случится до истечения семи лет; и я готова сильно негодовать, что это может настолько задержаться». Она также сказала, что об изложенном она знает через откровение так же хорошо, как знает, что мы находимся перед ней.

VIII. На вопрос, какой знак она дала своему королю в подтверждение того, что она пришла от бога, она ответила: «Я всегда вам отвечала, что вы не вырвете у меня этого признания. Идите узнавать у него самого».

На вопрос, клялась ли она не рассказывать о том, о чем у нее будут спрашивать и что касается процесса, она ответила: «Я уже прежде вам говорила, что не расскажу вам об имеющем отношение к нашему королю. И того, что касается нашего короля, я и теперь не открою вам».

На вопрос, знает ли она сама тот знак, который дала своему королю, она ответила: «Вы не узнаете этого от меня». А затем, так как ей сказали, что это затрагивает процесс, она ответила: «То, что я обещала держать в полном секрете, я вам не открою». И далее сказала: «Я это обещала при таких обстоятельствах [2], что не могла бы вам сказать этого без клятвопреступления».

На вопрос, кому она это обещала, она ответила, что обещала св. Екатерине и св. Маргарите и это было указано королю. Далее сказала, что это она обещала двум упомянутым святым, хотя те от нее этого не требовали. Жанна это сделала по своему собственному побуждению, так как, если бы она не давала обе-

---

[1] «Оставлять большой заклад» — выражение взято из практики поединков; здесь употреблено образно. (*Ред.*)

[2] Т. е. в присутствии святых. (*Ред.*)

щания указанным святым, слишком много людей допытывалось бы у нее относительно этого. На вопрос, был ли еще кто-нибудь при короле из его окружения, когда она дала ему знать, она ответила, что, как она думает, другого лица там не было, хотя довольно близко было много людей.

На вопрос, видела ли она сама корону на голове своего короля, когда давала ему знать, ответила: «Я не могу вам этого сказать без клятвопреступления».

3 марта. Шестое заседание

IX. На вопрос, видела ли она или приказывала ли делать какие-нибудь свои портреты или изображения, на которых можно было бы ее узнать, она ответила, что видела в Аррасе[1] одну картину в руках какого-то шотландца; на ней было изображение Жанны в полном вооружении, передающей какую-то грамоту своему королю и преклонившей колено. И она сказала, что никогда не видела и не приказывала делать какой-либо свой портрет или изображение.

На вопрос о картине у ее хозяина[2], на которой были нарисованы три женщины с надписью: «Правосудие, мир, единение», она ответила, что об этом ничего не знает.

На вопрос, знает ли она, что ее сторонники приказывали устраивать в ее честь службу, мессу и молитвы, она ответила, что об этом ничего не знает, и если они устраивали какую-нибудь службу, то это не по ее приказанию; однако если они молились за нее, то, как ей кажется, они не делали ничего дурного.

На вопрос, твердо ли верят ее сторонники, что она послана богом, она ответила: «Я не знаю, верят ли они в это, и я оставлю это на их совести; но если они этому и не верят, я все же послана богом».

На вопрос, думает ли она, что ее сторонники придерживаются истинной веры, если верят, что она послана богом, она ответила: «Если они верят, что я послана богом, то они в этом не ошиблись».

На вопрос, знала ли она хорошо настроение своих сторонников, когда они целовали ей ноги, руки и одежду, она ответила, что многие охотно приходили к ней и они целовали ее руки и одежду, хотя она старалась этого не допускать; и бедные люди охотно приходили к ней, так как она не вызывала у них неудовольствия, а по возможности их поддерживала.

Там же, стр. 428—437.

---

[1] В Аррас Жанна д'Арк попала будучи уже в плену. *(Ред.)*

[2] Имеется в виду хозяин дома, в котором Жанна д'Арк останавливалась в Орлеане. *(Ред.)*

ТЕМА.

ЗАВЕРШЕНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ФРАНЦИИ В КОНЦЕ XV в.

Приводим два документа. Один из них характеризует личность короля Людовика XI (1461—1483), объединившего бо́льшую часть французских земель. Второй иллюстрирует усиление центральной власти в конце XV столетия — переход бывших прав местных феодалов к королю.

1. Ф. ДЕ КОММИН. «МЕМУАРЫ»

Придворный и служилое лицо бургундских герцогов и нескольких французских королей Филипп де Коммин (1447—1511) написал «Мемуары» о событиях 1464—1483 и 1494—1495 гг. В них он характеризует, в частности, ряд государственных деятелей, с которыми встречался.

По поводу некоторых недостатков и добродетелей Людовика XI

Я себе поставил эту задачу, потому что видел на этом свете много обмана; часто обманывали слуги своих господ: чаще, конечно, князей и гордых вельмож, которые и слушать не хотят людей низкого звания, чем господ простых, которые таковых охотно слушают. Из всех тех, кого я знал когда-либо, всего лучше мог выпутаться из беды и напасти король Людовик XI, наш господин, смиреннейший и в одежде и на словах. Он весьма старался подкупить всякого, кто мог послужить или повредить ему. Он нисколько не досадовал, если человек, которого он хотел расположить к себе, ему отказывал, но продолжал свои усилия, давая щедрые обещания и на самом деле жалуя ему деньги и такие отличия, какие, как он знал, тому любы. Тех же, кого он во времена мира и благополучия изгонял и отвергал, он, если нужно, снова подкупал дорогою ценой, пользовался ими и не испытывал никакой к ним вражды за прошлое. Совершенно естественно он был другом людей среднего класса и врагом всех «вельмож», которые могли обходиться без него. Никто никогда не выслушивал стольких людей, не расспрашивал о стольких вещах, как он, никто не желал узнать стольких лиц, ибо, точно подданных своих, он досконально знал всех людей значительных и сильных в Англии, Испании, Португалии, Италии, а также и земель Бургундии и Бретани. Такое обхождение и привычки, которых он придерживался и о которых я говорил выше, спасли ему корону, хотя сам же, при вступлении на престол, он приобрел себе врагов. В особенности ему помогла его великая щедрость, ибо насколько мудро он вел себя в беде, настолько, наоборот, в случае полной, как ему казалось, или временной безо-

пасности он легко раздражал людей, притом мелочами, не приносившими ему никакой пользы; с великим трудом переносил он продолжительный мир. Он зло отзывался о людях как в их присутствии, так и в их отсутствие, кроме как о тех, которых боялся; а последних было много: ведь по природе своей он был достаточно боязлив. И когда вследствие такой разговорчивости он терпел какой-нибудь ущерб или предполагал таковой, он, желая исправить дело, обыкновенно обращался к соответствующему лицу с такими словами: «Хорошо знаю, что язык мой приносил мне много вреда, но иногда и большое удовольствие, а посему мне, понятно, приходится за него расплачиваться». Не ограничиваясь такими извинениями, он делал лицу, с которым он говорил, подарки; а подарки его никогда не были малы.

«Средневековье в его памятниках», стр. 214—215.

2. ОРДОНАНС ЛЮДОВИКА XII

Этот ордонанс Людовика XII (1498—1515) издан в 1498 г. после собрания знатных лиц государства; он содержит программу борьбы с непокорными *королю феодалами, с не подчиняющимися* официальным властям низами общества и создает новый, очень суровый судебный процесс.

О суде и охране порядка в королевстве

Мы, Людовик, милостью божьей король Франции, объявляем во всеобщее сведение отныне и впредь:

...Правосудие есть первейшая и достойнейшая из важнейших добродетелей, а также главная и необходимейшая часть всех монархий, королевств и княжеств, хорошо управляемых и находящихся в порядке...

Однако... (прежние ордонансы), как дошло до нашего сведения... нередко нарушаются; притом же, в связи с происшедшими за истекшее время переменами, явилась возможность внести некоторые исправления и сокращения в названные ордонансы в интересах правосудия и наших подданных.

А потому, — стремясь превыше всего на свете обеспечить в наше время и царствование королевству и подданным нашим доброе управление и хорошие и справедливые суды и организацию по охране порядка, — мы созвали и собрали в этом нашем городе Блуа некоторых прелатов, председателей и советников наших судов — парламентов Парижа, Тулузы и Бордо, а также некоторых наших сенешалей и бальи: и они совместно с любезным и верным канцлером нашим, любезным и верным другом и советником нашим епископом Альбийским, некоторыми нашими камергерами и членами нашего великого совета, на-

значенными для этой цели по приказу нашему, решили посвятить названным выше вопросам несколько дней и проработать их с величайшим вниманием, тщательностью и усердием, некоторые пункты и статьи, постановленные и изложенные ими в письменной форме и направленные к улучшению и ускорению правосудия, на благо и на пользу королевству и подданным нашим, мы приказали затем рассмотреть в присутствии нашем и некоторых принцев и сеньоров, кровных родственников наших; по совету, заключению и мнению последних, а также названных выше советников наших, мы силою своей державной королевской власти настоящим их утвердили и утверждаем на все времена в качестве твердых и неизменных ордонансов и требуем, чтобы они всегда нерушимо и неуклонно соблюдались и выполнялись со всей точностью нашими должностными лицами и подданными без каких-либо нарушений, как по форме, так и по содержанию их...

17. Мы приказали и приказываем, что писцы комиссаров и их помощников, будь то советники наших судов, бальи, сенешали и судьи или их общие или специальные заместители и другие судьи, не вправе принимать ничего от тех, о ком поручено им их начальниками произвести названное следствие, исключая лишь (вознаграждение) за составление ими в письменной форме подлинников и копий следственных актов и протоколов, причитающееся согласно ордонансам предшественников наших и обычно получаемое ими в соответствии с таксой, установленной нашими судами, бальи, сенешалями или другими нашими судьями...

33. Наши бальи, сенешали, советники и председатели наших судов — парламентов и другие должностные лица и судьи наши не имеют права быть советниками, пенсионерами, официалами или генеральными викариями какого-либо прелата или светского сеньора под страхом отстранения их от занимаемых ими должностей и лишения жалования по решению наших судов.

34. Равным образом мы запретили и запрещаем нашим прокурорам и адвокатам выступать на суде или же консультировать участвующих в деле лиц против нас под страхом такого же наказания, а именно: отстранения от их должностей и лишения жалования; ордонансы предшественников наших, касающиеся наших прокуроров и адвокатов при наших высших судах, сохраняют свою силу и значение.

35. Под страхом такого же наказания мы запретили и запрещаем нашим бальи, сенешалям, прокурорам или их заместителям принимать какое-либо вознаграждение или пенсию от жителей наших бальяжей и сенешальств, а также запрещаем нашим бальи, сенешалям и судьям или их заместителям состоять судьями вотчинных (поместных) судов, или бальи в судах, подведомственных указанным их бальяжам, сенешальствам или судам...

70. Только нам и потомкам нашим, королям Франции, наряду с некоторыми другими особыми правами и преимуществами, присвоенными нам и потомкам нашим, королям Франции, в знак верховной власти, принадлежит право помилования и прощения. Однако некоторые наместники и губернаторы наши, а также заместители их, нами назначенные в некоторых областях нашего королевства, пытаются и стремятся, ссылаясь на какие-то якобы полученные ими от нас или от предшественников наших полномочия, давать помилование и прощение... и ведать дела как гражданские, так и уголовные между сторонами, не считаясь с правом на обжалование и с подсудностью; вместе с тем они требуют к себе дела, производящиеся у наших сенешалей и бальи и у других установленных судей, нарушая общую подсудность, установленную в нашем королевстве, ввиду этого мы аннулировали и аннулируем своим указом навсегда и нерушимо эту их власть, запрещая им впредь давать помилование и прощение... требовать дела, находящиеся в производстве в обыкновенных судах, и ведать их каким то ни было образом; предписываем названным губернаторам наблюдать за исполнением приговоров и решений наших бальи, сенешалей и других судей, а также наших судов-парламентов.

«Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы», стр. 601—604, 607.

ТЕМА.

АНГЛИЯ XI—XV вв.

Предлагаемые по истории Англии XI—XV вв. документы дают представление об основных чертах ее общественного и государственного строя. Они отражают нормандское завоевание и его последствия (документы 1—4), знакомят с политической борьбой, в ходе которой появилась Великая хартия вольностей (документ 5) и в дальнейшем парламент (документ 6), превративший Англию в сословно-представительную монархию. Часть документального материала (документы 7—9) раскрывает тяжелое положение крепостного крестьянства, сущность так называемого «рабочего законодательства» XIV в. и знакомит с восстанием Уота Тайлера 1381 г.

1. ОТПЛЫТИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА В АНГЛИЮ (1066 г.)

(Из «Деяний Вильгельма II, герцога норманнов, короля англов»)

Автор сочинения Вильгельм (жил в XI в.) был капелланом и весьма образованным человеком своего времени. Его «Деяния» являются одним из лучших исторических трудов эпохи средневековья. Следует учесть, что он был сторонником Вильгельма Завоевателя.

Внезапно узнали у нас (в Нормандии)... что Англия лишилась своего короля Эдуарда [Исповедника][1] и что Гарольд[2] овладел его короною... Вильгельм посоветовался с своими приближенными и решил отмстить оружием нанесенную ему обиду... он решился возвратить силою наследство, которого его лишили...

Тогда на престоле... в Риме находился папа Александр (II)... Герцог просил у папы его покровительства; и когда он известил его о своих приготовлениях к походу, папа дал ему... благословление св. Петра...[3]

Наконец, целый флот, собранный с такими стараниями, оставил устье р. Дивы... где он так долго ожидал попутного ветра, и . беспрепятственно вошел в порт Певенсей (близ Гастингса, 28 сент. 1066 г.).

М. Стасюлевич. История средних веков..., т. II, стр. 836—838.

2. ЗАВОЕВАНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМОМ АНГЛИИ (1066 г.)
(Из «Великой истории Англии или хроники от 1066 до 1259» Матвея Парижского)

Хроника эта принадлежит перу трех английских авторов-монахов, но в историю она вошла под именем наиболее талантливого из них — Матвея Парижского. Матвей получил образование в монастыре Св. Ольбана в Париже. Кто он по своему происхождению, неизвестно. В 1217 г. Матвей стал монахом и в основном посвятил свою жизнь литературному труду. Около 1240 г., после смерти монастырского историографа, он продолжил своим трудом хронику Вендовера «Цветы истории», позднее в свою очередь продолженную до начала XIV в.

Матвей Парижский — не только талантливый, но и беспристрастный писатель. В своем сочинении он не щадит ни священнослужителей, ни римских пап. Труд его особенно ценен подбором подлинных документов, грамот, писем и пр.

Со смертью Эдуарда пресеклась королевская линия в Англии... Гарольд... заняв трон, возложил на себя без церковного благословения корону.

Вильгельм, герцог Нормандии... отправил послов к папе Александру, прося его утвердить... задуманное им завоевание [Англии]... Вильгельм собрал... баронов и спросил у каждого... мнение касательно настоящей экспедиции. Все они обязались дей-

---

[1] *Эдуард Исповедник*, король Англии (1042—1066), не имел ни детей, ни близких родственников.

[2] Представитель англо-саксонской знати. Был выбран королем после смерти Эдуарда.

[3] Англо-саксонское духовенство не вполне еще подчинялось Риму, поэтому папа выступал против англо-саксов и поддерживал Вильгельма, чтобы укрепить свою власть в Англии.

ствовать с усердием, надавали герцогу много обещаний .. В назначенный срок они... прибыли... Все взошли на корабли и, быстро несомые ветром, пристали к Гастингсу...

Гарольд[1]... когда до него дошла весть о прибытии Вильгельма... немедленно поспешил к Гастингсу...

С обеих сторон сделаны были все... приготовления. Англы, пешие, вооруженные своими обоюдоострыми топорами и сблизив щиты... образовали непроницаемую стену... Гарольд — также пеший стоял вместе с братьями у своего знамени, чтобы .. никому не могла прийти в голову мысль о бегстве... Вильгельм вооружил свой передовой отряд, составленный из пехотинцев, луками и дротиками, всадники... шли за ними... Бились с остервенением... обе стороны... не хотели уступить... Вдруг показался Вильгельм и дал своим войскам сигнал к мнимому бегству. При виде того англы расстроили свои плотные ряды и быстро погнались за бежавшими... Между тем нормандцы, оборотившись против неприятеля, напали на него и, в свою очередь, заставили бежать англов... Впрочем, победа не склонялась решительно ни на ту, ни на другую сторону... Наконец, Гарольд, раненный стрелою в голову, пал на поле сражения и тем доставил победу нормандцам... Сражение произошло при Гастингсе... 14 октября (1066 г.).

Там же, стр 840—845.

3. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА I

Документы (а и б) отражают стремление Вильгельма I сохранить сложившийся до него в Англии аппарат государственной власти и, опираясь на него, установить свое господство. Поэтому в своих грамотах он подчеркивает, что придерживается законов Эдуарда Исповедника (т. е. тех законов англо-саксонских королей, которые действовали при Эдуарде), что он является его наследником и не собирается уничтожать старые английские порядки. Особая грамота городу Лондону, в которой король обещает ему свою защиту и подчеркивает, что пришел в Англию с мирными целями, не грабить, говорит о том, что Вильгельм I прежде всего стремился привлечь на свою сторону жителей этого сравнительно большого города. Приводимый отрывок из «Саксонской хроники» интересен тем, что он сообщает о клятве верности, т. е. присяге, которую давали Вильгельму I все английские феодалы, духовные и светские, признавая себя его вассалами («делались его людьми», как записано в источнике). Этот документ имеет большое значение для понимания самого факта укрепления королевской власти в Англии, ибо в непосредственную вассальную зависимость от короля становились не только крупные, но и все остальные феодалы. Теперь они должны были всегда быть верными королю и «служить ему против всех».

[1] Гарольд в это время отражал нападение норвежцев на севере Англии. Он разбил их и поспешил на юг, чтобы вступить в бой с нормандцами.

а) Грамота Вильгельма I городу Лондону

Вильгельм-король Вильгельму-епископу... и всем лондонским горожанам, франкам и англам дружеский привет. Желаю, чтобы вы пользовались всеми законами времени короля Эдуарда, о чем и довожу до вашего сведения. И желаю, чтобы каждый сын был наследником своего отца после его смерти. И не потерплю, чтобы кто-либо наносил вам обиду. Храни вас бог.

б) Из «Саксонской хроники» (1086 г.)

Пришел он [Вильгельм] в день св. Петра... в Сальсбери, и явились здесь к нему его уитаны[1] и земельные собственники всей Англии, кто бы они ни были, и все били ему челом и сделались его людьми и поклялись клятвой верности в том, что крепко будут служить ему против всех.

«Хрестоматия...», т. II, 1950, стр. 66.

4. КНИГА СТРАШНОГО СУДА[2]

Кроме присяги на верность королю, о которой говорится в предыдущем документе, приводим отрывки из источников, повествующих о другом очень важном мероприятии Вильгельма I — о переписи всего населения и всего имущества в Англии, произведенной в графствах королевскими чиновниками. Перепись эта вошла в историю под названием «Книги Страшного суда». По отзывам одного современника, Вильгельм «повелел произвести подробный опрос ...ни одного даже быка, ни одной коровы и ни одной свиньи он не оставил без того, чтобы не занести их в свою опись».

Перепись была произведена королем с целью собрать достоверные сведения о состоянии земель, скотоводства, лесных и других угодий и т. п., чтобы обеспечить королевские доходы. Надо иметь в виду, что Вильгельм I наряду с военной службой требовал от английских феодалов и денежных платежей. «Книга Страшного суда» должна была установить их размеры и определить, может ли поместье давать больше, чем дает теперь.

В приводимом документе нашло отражение то перераспределение земельной собственности, которое произошло при Вильгельме Завоевателе. Если о каждом поместье, как говорится в конце отрывка, собирались троекратные сведения, то становится ясным, что земля, которую Вильгельм дал, рассматривалась как его собственность, которую он имел право и отнять. Следовательно, все феодалы держали теперь землю от короля, а не являлись наследственными владельцами своих поместий. Следует добавить, что при переписи, по словам хро-

---

[1] Т. е. члены Уитенагемота, высшая земельная знать.

[2] Название «Книги Страшного суда» происходит от того, что при составлении описи все показания должны были быть так же правдивы и ясны, как все помыслы людей в день «Страшного суда».

ниста, «угнетена была земля многими бедствиями, отсюда проистекавшими», т. е. многие свободные крестьяне были записаны крепостными и феодальный гнет усилился.

а) О «Книге Страшного суда»

...Король Вильгельм разослал по всей Англии судей и дал им предписание разведать, сколько акров (десятин) земли в каждом поместье может быть обрабатываемо в год одним плугом и сколько нужно скота для запашки одного гида. Они были обязаны, сверх того, отобрать известия о годовом доходе городов, замков, селений, местечек, рек, болот, лесов и о числе вооруженных людей, находящихся в каждой местности. Эта опись была отправлена на хранение в Вестминстер в Королевскую казну...

М. Стасюлевич. История средних веков. ., т. II, стр. 847.

б) Из «Книги Страшного суда» (1086 г.)

Здесь записано обследование земель, как их королевские бароны обследовали, именно по клятве шерифа графства, всех баронов и их свободорожденных и всей сотни [1], священника, старосты, шести вилланов [2] из каждой деревни. Именно, как зовется поместье, кто держал его во время Эдуарда-короля, кто теперь держит; сколько в нем гайд, сколько плугов на господской земле, сколько у людей, сколько вилланов, сколько котариев [3], сколько рабов, сколько свободных людей, сколько сокменов [4], сколько леса, сколько луга, сколько мельниц, сколько рыбных ловлей, сколько прибавилось или убавилось; сколько давало все вместе [раньше] и сколько дает теперь; сколько там каждый свободный человек и сокмен имел [прежде] и имеет [теперь]. Все это трижды, именно во времена Эдуарда-короля, и когда король Вильгельм дал, и как оно есть теперь; и может ли давать больше, чем дает в настоящее время.

«Хрестоматия...», т. II, 1950, стр. 67.

5. ИЗ ВЕЛИКОЙ ХАРТИИ ВОЛЬНОСТЕЙ

Великая хартия вольностей была опубликована в Англии в 1215 г. Появление ее знаменует собой первый этап политической борьбы феодалов с королевской властью, приведшей к ограничению последней и

---

[1] *Сотня* — административное подразделение графства.

[2] *Вилланы* — крепостные (в Англии).

[3] *Котарии* (коттеры) — крепостные крестьяне, владеющие мелкими клочками земли в пределах поместья.

[4] *Сокмены* — свободные земледельцы, находящиеся под частной юрисдикцией, так называемой сокой.

образованию в Англии в XIII в. сословной монархии. Бароны, возглавившие борьбу, в которой приняли также участие рыцари, горожане и свободные крестьяне, предъявили королю ряд требований, изложенных в так называемых «баронских статьях». Эти статьи и легли в основу Великой хартии, подписанной королем и изданной от его имени.

Великая хартия защищала интересы класса феодалов, прежде всего интересы его верхушки — баронов, ограничивая в их пользу королевскую власть и предоставляя им различные феодальные права и вольности. Поэтому Великая хартия является феодальным документом. Естественно, что в какой-то мере она должна была защитить интересы и тех слоев английского общества, которые поддерживали крупных феодалов в борьбе с королем, т. е. рыцарей и горожан. Нельзя забывать, однако, того основного факта, что Великая хартия была составлена по принципу «исключения виллайства», т. е. распространялась только на свободных людей, оставляя основной класс Англии — крепостное крестьянство — по-прежнему в бесправном и угнетенном состоянии.

В приводимом документе отразились причины недовольства различных категорий английского населения политикой короля, их экономические и политические требования, а также административно-судебное устройство Английского государства в то время.

Великая хартия вольностей состоит из 63 статей, расположенных без определенной системы. В приводимом отрывке содержатся почти все ее основные статьи. Одни из них, так называемые конституционные, были направлены на ограничение королевской власти (например, ст. 12, 14, 39, 61). В целом они выражали интересы баронов, их стремление к господству и давали некоторые права рыцарям, а также горожанам (г. Лондон). Другие статьи отражали материальные интересы различных слоев населения (например, ст. 1, 13, 15, 16), часть статей носила судебно-административный характер (например, ст. 17 и др.) и касалась главным образом рыцарства.

Большое значение имеет статья 12 Великой хартии вольностей. Она отражает старое феодальное право, по которому сеньоры не могли облагать своих вассалов без предварительного их согласия ни щитовыми деньгами, ни каким-либо другим побором (за исключением трех указанных в статье случаев). Согласно статье 14 общий совет королевства, определяющий размеры податного обложения, состоял в основном из крупных феодалов, т. е. непосредственных вассалов короля. Рыцари же (за исключением королевских рыцарей, державших непосредственно от короля) и горожане не имели права посылать своих представителей в этот совет (за исключением г. Лондона). Таким образом, совет королевства являлся прототипом будущего парламента, но еще в неразвитой форме. Тем самым определяется место Великой хартии вольностей в подготовке английского парламента.

Интересна статья 39, защищающая от произвола личные и имущественные права свободного человека и гарантирующая ему справедливый приговор по законам страны. Хотя в статье как будто бы говорится о любом свободном человеке, из дальнейшего текста следует, что речь идет о феодалах, ибо не будет же король посылать свои войска против, например, свободного крестьянина, ремесленника или мелкого феодала. Ясно, что эта статья защищала личные и имущест-

венные права тех же баронов, гарантируя им личную неприкосновенность.

Отдельные статьи Великой хартии обеспечивали некоторые права рыцарям и горожанам. Например, в той же статье 12 говорится, что город Лондон не будет подвергаться произвольному обложению поборами, а следующая за ней статья 13 сохраняет за Лондоном и другими городами Англии все прежние вольности и свободные обычаи. Феодалы, согласно статье 15, обязуются не брать субсидий со своих вассалов без их на то согласия. А статья 20 в случае присуждения штрафа гарантирует неприкосновенность основного имущества даже крепостных крестьян (единственная статья, где о них упоминается). Правда, и здесь феодалы ограждают в первую очередь свои интересы, опасаясь, как бы разорение вилланов не помешало бы им исправно нести свои повинности. Необходимо остановиться и на статье 35, устанавливающей единство мер и весов в стране и отвечающей как интересам горожан, так и имеющей общее значение. Что касается статей судебно-административных, то они преследовали цель борьбы с злоупотреблениями королевских чиновников, с одной стороны, и должны были способствовать укреплению новой судебной системы — с другой.

Последняя статья передает контроль за соблюдением Великой хартии вольностей особому комитету из 25 баронов. Этот комитет должен был охранять те вольности и привилегии, которые были пожалованы феодалам. В случае же нарушения королем этих привилегий и неподчинения его комитету бароны имели законное право идти на короля войной, поднимая для этого «общину всей земли».

Иоанн, божьей милостью король Англии, сеньор Ирландии, герцог Нормандии и Аквитании, граф Анжу, архиепископам, епископам, аббатам, графам, баронам, юстициариям, чинам лесного ведомства, шерифам, бэйлифам, слугам и всем должностным лицам и верным своим привет. Знайте, что мы по божьему внушению и для спасения души нашей и всех предшественников и наследников наших, в честь бога и для возвышения святой церкви...

1. Во-первых, дали перед богом свое согласие и настоящей хартией нашей подтвердили за нас и за наследников наших на вечные времена, чтобы английская церковь была свободна и владела своими правами в целости и своими вольностями в неприкосновенности...

12. Ни щитовые деньги, ни [какое-либо иное] пособие не должны взиматься в королевстве нашем иначе, как по общему совету королевства нашего, если это не для выкупа нашего из плена и для возведения в рыцари перворoдного сына нашего и для выдачи первым браком замуж дочери нашей перворoдной; и для этого должно брать лишь умеренное пособие; подобным же образом надлежит поступать и относительно пособий с города Лондона.

13. И город Лондон должен иметь все древние вольности и

свободные свои обычаи как на суше, так и на воде. Кроме того, мы желаем и соизволяем, чтобы все другие города, и бурги, и местечки, и порты имели все вольности и свободные свои обычаи.

14. А для того, чтобы иметь общий совет королевства при обложении пособием в других случаях, кроме трех вышеназванных, или для обложения щитовыми деньгами, мы повелим позвать архиепископов, епископов, аббатов, графов и старших баронов нашими письмами каждого отдельно и, кроме того, повелим позвать огулом, через шерифов и бэйлифов наших, всех тех, кто держит от нас непосредственно.

15. Мы не позволим впредь никому брать пособие со своих свободных людей, кроме как для выкупа его из плена и для возведения в рыцари его первородного сына и для выдачи замуж первым браком его первородной дочери; и для этого надлежит брать лишь умеренное пособие.

16. Никто не должен быть принуждаем к несению большей службы за свой рыцарский лен или за другое свободное держание, чем та, какая следует с него.

17. Общие тяжбы не должны следовать за нашей курией, но должны разбираться в каком-нибудь определенном месте...

20. Свободный человек будет штрафоваться за малый проступок только сообразно роду проступка, а за больший проступок будет штрафоваться сообразно важности проступка, причем должно оставаться неприкосновенным его основное имущество, таким же образом [будет штрафоваться] и купец, и его товар останется неприкосновенным; и виллан таким же образом будет штрафоваться, и у него останется неприкосновенным его инвентарь, если он подвергнется штрафу с нашей стороны; и никакой из названных выше штрафов не будет наложен иначе, как на основании клятвенных показаний честных людей из соседей...

35. Одна мера вина пусть будет по всему нашему королевству, и одна мера пива, и одна мера хлеба, именно лондонская четверть, и одна ширина крашеных сукон и некрашеных и сукон для панцирей, именно два локтя между краями; то же, что о мерах, пусть относится и к весам...

39. Ни один свободный человек не будет арестован и заключен в тюрьму, или лишен имущества, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо [иным] способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны.

40. Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их.

41. Все купцы должны иметь право свободно и безопасно выезжать из Англии и въезжать в Англию, и пребывать, и ездить по Англии как по суше, так и по воде, для того чтобы покупать и продавать без всяких незаконных пошлин, уплачивая лишь старинные и справедливые обычаем установленные пошлины, за

исключением военного времени; если они будут из земли, воюющей против нас, и если такие окажутся в нашей земле в начале войны, они должны быть задержаны без ущерба для их тела и имущества, пока мы или великий юстициарий наш не узнает, как обращаются с купцами нашей земли, находящимися тогда в стране, воюющей против нас; если наши там в безопасности, то и те и другие должны быть в безопасности в нашей земле...

52. Если кто был лишен нами, без законного приговора своих пэров, земель, замков, вольностей или своего права, мы немедленно же вернем ему их; и если бы об этом возникла тяжба, пусть будет решена она по приговору двадцати пяти баронов, о которых сделано упоминание ниже, где идет речь о гарантии мира; относительно же всего того, чего кто-либо был лишен без законного приговора своих пэров королем Генрихом, отцом нашим, или королем Ричардом, братом нашим, и что находится в наших руках или чем другие владеют под нашим обеспечением, мы получим отсрочку до конца обычного срока принявших крест; исключение составляет то, о чем уже начата тяжба или начато расследование по нашему повелению перед принятием нами креста; когда же мы вернемся из нашего паломничества или если случится, что воздержимся от нашего паломничества, мы немедленно же окажем относительно этого полную справедливость...

61. После же того как мы для бога и для улучшения королевства нашего и для более успешного умиротворения раздора, родившегося между нами и баронами нашими, все это вышеозначенное пожаловали, желая, чтобы они пользовались этим прочно и нерушимо на вечные времена,— создаем и жалуем им нижеписанную гарантию, именно: чтобы бароны избрали двадцать пять баронов из королевства, кого пожелают, которые должны всеми силами блюсти и охранять и заставлять блюсти мир и вольности, какие мы им пожаловали и этой настоящей хартией нашей подтвердили, таким именно образом, чтобы если мы, или наш юстициарий, или бэйлифы наши, или кто-либо из слуг наших в чем-либо против кого-либо погрешим или какую-либо из статей мира или гарантии нарушим и нарушение это будет указано четырем баронам из вышеназванных двадцати пяти баронов, эти четыре барона явятся к нам или юстициарию нашему, если мы будем находиться за пределами королевства, указывая нам нарушение, и потребуют, чтобы мы без замедления исправили его. И если мы не исправим нарушения или если мы будем за пределами королевства, юстициарий наш не исправит [его] в течение времени сорока дней, считая с того времени, когда было указано нам или юстициарию нашему это нарушение, если мы находились за пределами королевства, то вышеназванные четыре барона докладывают об этом остальным из двадцати пяти баронов, и те двадцать пять баронов совместно с общиною всей земли

будут принуждать нас и теснить нас всеми способами, какими только могут, т. е. путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими могут, пока не будет исправлено [нарушение] согласно их решению; неприкосновенной остается при этом наша личность и личность королевы и детей наших; а когда исправление будет сделано, они опять будут повиноваться нам, как делали прежде. И кто в стране захочет, принесет клятву, что для исполнения всего вышеназванного будет повиноваться приказаниям вышеназванных двадцати пяти баронов и что будет теснить нас по мере сил своих вместе с ними, и мы открыто и свободно даем разрешение каждому давать присягу, кто пожелает дать ее, и никому никогда не препятствует дать присягу. Всех же в стране, которые сами добровольно не пожелают давать присяги двадцати пяти баронам относительно принуждения и теснения нас совместно с ними, мы заставим дать присягу, как сказано выше. И если кто-либо из двадцати пяти баронов умрет или удалится из страны или каким-либо иным образом лишится возможности выполнить вышеназванное, остальные из вышеназванных двадцати пяти баронов должны избрать по собственному решению другого на его место, который подобным же образом принесет присягу, как и прочие. Во всем же, что поручается исполнять тем двадцати пяти баронам, если случится, что сами двадцать пять будут присутствовать и между ними о чем-либо возникнет несогласие или если некоторые из них, получив приглашение, не явятся, или не будучи в состоянии явиться, или не пожелав, пусть считается решенным и твердым то, что большая часть тех, что присутствовали, постановила или повелела, так, как будто бы согласились на этом все двадцать пять; и вышеназванные двадцать пять должны принести присягу, что все вышесказанное будут исполнять верно и заставлять [других] исполнять всеми зависящими от них способами. И мы ничего ни от кого не будем домогаться как сами, так и через кого-либо другого, благодаря чему какая-либо из этих уступок или вольностей могла бы быть отменена или уменьшена; и если бы что-либо такое было достигнуто, пусть оно считается недействительным и не имеющим значения, и мы никогда не воспользуемся им ни сами, ни через посредство кого-либо другого.

«Памятники истории Англии XI—XIII вв.», М., 1936, стр. 96—116.

6. О ПАРЛАМЕНТЕ

В приведенных здесь документах последовательно говорится о социальном составе и организации парламента (документы а, б), о выборах в парламент представителей графств и городов (документы в, г), о петициях в парламент (просьба о помощи) отдельных слоев английского общества (документ д).

а) Приглашение графа в парламент (1295 г.)

Король возлюбленному родственнику и верному своему Эдмунду, графу Корнуолла, привет... Мы желаем иметь с вами и прочими королевства нашего магнатами совещание и рассуждение, то мы повелеваем вам именем верности и любви, которые вы имеете к нам, крепко наказывая, чтобы в воскресенье, ближайшее после праздника св. Мартина зимнего, Вы лично присутствовали в Уэстминстере для того, чтобы обсудить, постановить и исполнить вместе с нами и с прелатами и прочими магнатами и другими жителями королевства нашего то, с помощью чего следует устранить эти опасности. Засвидетельствовано королем в Кентербери в первый день октября.

б) Приглашение представителей графств и городов в парламент (1295 г.)

Король шерифу[1] Нортгамптоншира. Так как мы хотим иметь совещание и рассуждение с графами, баронами и прочими магнатами королевства нашего, чтобы позаботиться о мерах против опасностей, которые в эти дни угрожают этому королевству, вследствие чего повелели им, чтобы они прибыли к нам в воскресенье, ближайшее после праздника св. Мартина зимнего, в Уэстминстер, чтобы обсудить, постановить и исполнить то, с помощью чего следует устранить эту опасность, мы предписываем тебе, крепко наказывая, чтобы ты распорядился без замедления избрать и к нам в указанный выше день и место отправить от названного выше графства двух рыцарей и от каждого города этого же графства двух граждан и от каждого бурга двух горожан наиболее выдающихся и более способных к труду; так, чтобы названные рыцари полную и достаточную власть за себя и за общину названного выше графства, а названные граждане и горожане за себя и за общину названных выше городов и бургов отдельно от них здесь тогда могли делать то, что тогда будет по общему совету постановлено касательно того, о чем была речь выше, так, чтобы за отсутствием этой власти названное выше дело никоим образом не оставалось бы несделанным. И ты должен иметь здесь имена рыцарей, граждан и горожан и этот приказ. Засвидетельствовано королем в Кентербери третьего дня октября.

Там же, стр 220—222.

[1] *Шериф* — королевский чиновник, стоявший во главе графства и осуществлявший в нем всю полноту власти (судебную, полицейскую, военную).

в) Сообщение шерифа графства Девоншир о произведенных в графстве выборах рыцарей в парламент (1290 г.)

Рыцари Роберт де Водстон и Андрей Треллор избраны общиной всего графства, и им даны полномочия, согласно содержанию этого приказа[1], и Джилберт Бикербы с Алланом Дедескомб поручились за них в том, что они явятся [в парламент] в указанный в приказе день[2].

г) Сообщение шерифа Оксфордшира и Беркшира о произведенных в графстве выборах горожан в парламент (1295 г.)

В графстве Оксфорд нет ни городов, ни бургов[3], кроме города Оксфорда. И приказ, который я получил, был передан бэйлифам этого города, которые имеют право исполнять [на территории городского иммунитета] королевские приказы[4], и они мне сообщили, что с согласия общины[5] города Оксфорда, согласно форме [королевского] приказа, выбрано два... горожанина...

д) Петиции, подававшиеся на имя короля и его совета во время заседаний парламента от разных слоев населения (1305 г.)

Жалоба бедных горожан города Ньюкасл... которые просят помощи. Хотя предшественники теперешнего короля своими хартиями, которые теперешний король подтвердил, даровали всем горожанам этого города различные вольности... чтобы они могли свободно покупать и продавать всякого рода товары в разных городах Англии, богатые горожане этого города препятствуют бедным горожанам пользоваться этими и другими ... вольностями...

И они также просят, чтобы мэр и бэйлифы представили отчет о деньгах, которые они по разным поводам собирали с общины указанного города.

Ответ. Пусть казначею и баронам казначейства будет пору-

---

[1] Королевский приказ шерифу об избрании рыцарей и горожан

[2] Поручительство бралось потому, что многие депутаты уклонялись от явки в парламент.

[3] Под бургами подразумевались все прочие города, привилегии которых были более ограничены.

[4] Город Оксфорд, как и многие другие города Англии, пользовался иммунитетным правом, которое запрещало королевским должностным лицам, в том числе и шерифам, въезжать на территорию городской округи даже для выполнения королевских приказов

[5] Под общиной города здесь подразумеваются все полноправные горожане.

чено специальным приказом из канцелярии вызвать к себе и выслушать обе стороны, [с тем чтобы решить], что нужно предпринять; и пусть бедные горожане пришлют одного представителя за всех.

1290 г.

Люди манора старинного домена короны Стонлей в Ардерн, которые имели обыкновение брать все, что им нужно, в лесах этого манора и пользоваться [там] обширными пастбищами как для свиней... так и для другого скота, и собирать орехи, и держать свинарники, и пользоваться проезжей дорогой и пешеходной тропой, [ведущей] к церкви, к рынку и к деревням аббата этого места[1], жалуются на то, что [аббат] огородил вышеуказанный лес и эту заимку, как и другие пастбища, и запахал их, вследствие чего они разоряются и не могут существовать и просят в этом деле у короля помощи.

Ответ короля. Пусть идут судиться в суд, который заседает в присутствии короля[2], и представят туда протоколы судебных разбирательств, которые велись [по этому поводу] в других судах; и там им будет оказана справедливость.

«Хрестоматия...», т. II, 1963, стр. 343—353

7. ПЕСНЯ ЗЕМЛЕПАШЦА

Источник повествует о тяжелой жизни и бедственном положении крестьянства в XIII в. Рассказ об этом ведется от имени самих землепашцев. Вместе с документом 9 он может служить яркой иллюстрацией к вопросу о причинах восстания крестьян во главе с Уотом Тайлером.

Я слышал, что люди на этой земле горько жаловались, как им трудно обрабатывать землю... Люди забыли, что такое шутки, и больше не поют песен.

Теперь мы должны только работать, нам не осталось ничего другого; я не могу больше жить, собирая колосья после жатвы; но еще горше, когда приходится просить милостыню, ибо каждый четвертый пенни должен идти королю...

У нас много нахлебников, ожидающих нашего добра...

Так они грабят бедняка, который для них ничего не значит: он должен гибнуть *в поту и в труде*...

У него нет даже шапки, чтобы прикрыть голову... Вся рыцарская спесь опирается на труд бедняка.

---

1 Имеется ввиду аббат монастыря Стонлей, очевидно, лорд жалобщиков.

2 Высший королевский суд. В конце XIII в. это суд Королевского совета в отличие от обычных судов общего права, где это дело, очевидно, уже неоднократно рассматривалось раньше.

Так они грабят бедняка и полностью обчищают его [карманы]; богатые лорды делают это без всякого права... Так произвол шагает по стране, наводя на всех ужас, выкармливая обман и заставляя всех склоняться перед могуществом.

А тот, кто заставляет нищих бродить с посохом и сумой, остается безнаказанным и неумолимым...

И для тех, кто получит все мое добро, я все же останусь грязным грубияном и буду вынужден, таким образом, истратить все, что я собирал целый год.

Они преследуют нас, как собаки преследуют зайцев на холме...

Так я с холодом в сердце несу все эти заботы, с тех пор как веду хозяйство и владею своей хижиной. Чтобы уплатить налог королю, я продал зерно, предназначенное для посева, и теперь моя земля пустует и привыкает к отдыху. С тех пор как они увели из моего хлева мой лучший скот, я готов плакать, думая о своей судьбе,— так рождаются нищие... По свету бродит отчаяние и горе; насколько лучше сразу погибнуть, чем так трудиться.

Там же, стр. 318—320.

8. ОРДОНАНС О РАБОЧИХ И СЛУГАХ (1349 г.)

Ордонанс относится к тому времени, когда в Англии в результате эпидемии чумы — «черной смерти» (1348 г.) — сильно сократилось трудовое население и резко вздорожали рабочие руки. Документ этот характеризует «рабочее законодательство», представляющее собой ряд постановлений, с помощью которых государство пыталось обеспечить дешевой рабочей силой тех, кто пользовался наемными рабочими. Закон отстаивал интересы имущих классов как в деревне, так и в городе.

Ордонанс о рабочих и слугах был разослан от имени короля и его совета во все графства Англии 18 июня 1349 г. Учитывая состояние английского крестьянства после «черной смерти», закон этот не мог не обострить еще больше классовую борьбу в деревне во второй половине XIV в., приведшую к восстанию недовольного крестьянства под руководством Уота Тайлера.

Так как большая часть народа и больше всего рабочих и слуг уже умерла в эту чуму, то некоторые, видя затруднительное положение господ и малочисленность слуг, не желают служить иначе, как получая чрезмерное вознаграждение, а некоторые предпочитают, пребывая в праздности, просить милостыню, вместо того чтобы трудом снискивать средства к жизни. Поэтому мы, имея в мысли те серьезные неудобства, которые могут произойти от недостатка в особенности в пахарях и других сельских рабочих, имели об этом рассуждение с прелатами и знатью и другими сведущими людьми, с нами находившимися, и по их единодушному совету постановили: чтобы каждый мужчина и каждая жен-

щина королевства нашего Англии, какого бы состояния они ни были, свободного или крепостного, крепкие телом и в возрасте до шестидесяти лет, не живущие торговлей и не занимающиеся ремеслом и не имеющие собственности, с которой бы жили, ни собственной земли, возделыванием которой могли бы быть заняты, и не находятся на службе у другого, если его или ее позовут служить соответственно их состоянию, обязаны служить тому, кто их позовет, и брать то вознаграждение деньгами и натурой, которое в местностях, где они обязаны будут служить, обыкновенно давали... в последние пять или шесть лет...

И если такой мужчина или женщина, когда его или ее станут нанимать на службу, не захочет этого сделать, и что будет доказано двумя заслуживающими доверия людьми перед шерифом или бэйлифом короля или перед деревенским констеблем, где бы это ни произошло, они немедленно должны быть ими или кем-либо из их людей схвачены и отправлены в ближайшую тюрьму и там пребывать под строгим караулом, пока не найдут поручительства в том, что будут служить, как указано выше. И если жнец, косец или другой сельский рабочий или слуга, какого бы состояния ни был, находящийся у кого-либо на службе, раньше окончания условленного в договоре срока от названной службы без разумной причины или без позволения хозяина уйдет, то должен быть наказан заключением в тюрьму...

«Социальная история средневековья», т. II, стр. 197—198.

9. ВОССТАНИЕ 1381 г.

Из анонимной хроники аббатства св. Марии в Йорке (XIV в.)

Неизвестный автор хроники, современник, а возможно даже очевидец событий 1381 г., подробно рассказывает о ходе крестьянского восстания, программных требованиях крестьян, а также о причинах поражения восставших. Несмотря на то что хронист (имя его неизвестно) враждебно настроен по отношению к участникам движения и не пытается скрывать это, приводимый источник ценен как исторический документ, в котором сообщается много интересных и подлинных фактов. При чтении или пересказе документа необходимо, однако, иметь в виду, что документ проникнут классовой ненавистью его автора к крестьянству.

Король Ричард уговаривает восставших

Когда услышал об их [крестьян] деяниях король, он отправил к ним своих посланцев в среду, ближайшую после названного праздника троицы, чтобы узнать, почему они так поступают и по какой причине они восстали на его земле. И они отправили

через сказанных посланцев ответ, что они восстали для спасения его и для того, чтобы уничтожить изменников его и королевства. И сказанный король во второй раз послал сказать им, чтобы они перестали делать то, что они делали, из уважения к нему, чтобы он мог поговорить с ними, и что он сделает согласно их желанию резонные исправления того, что было сделано худого. И общины из чувства расположения к нему через его посланцев просили сказать ему, что они хотят видеть его и говорить с ним на Блэкгизе И король в третий раз послал сказать им, что он охотно прибудет к ним на другой день в час заутрени, чтобы услышать от них об их намерениях. В то время король был в Виндзоре. Со всей поспешностью, с какой он только мог, он отправился в Лондон; тогда мэр и уважаемые люди Лондона вышли к нему навстречу и проводили его в безопасности в цитадель [Тауэр] Лондона. Здесь собрались весь Совет и все сеньоры из окрестностей, т. е. архиепископ Кентерберийский, канцлер Англии, и епископ лондонский, и магистр госпиталя св. Иоанна в Клеркенвелле, тогдашний казначей Англии, и другие, числом 600.

Накануне дня тела христова пришла община Кента на Блэкгиз, в трех милях от Лондона, в числе 50 тыс., чтобы ждать короля, и развернули два знамени св. Георгия и сорок небольших флагов И общины Эссекса подошли с другой стороны воды в числе 60 тыс., чтобы помочь им и получить ответ от короля.. И тогда в среду король, находясь в цитадели Лондона [Тауэре] и думая, что уладит дело, приказал приготовить барку и взял с собой на свою барку архиепископа и казначея и других из своего Совета, а четыре другие барки — для своей свиты и двинулся к Гринвичу, в трех милях от Лондона. И здесь сказанный архиепископ и казначей сказали королю, что будет великим безумием отправляться к ним, потому что они люди без разума и не умеют вести себя пристойно. Но сказанные общины Кента по причине того, что король не захочет прибыть к ним благодаря увещаниям канцлера и казначея, отправили к нему петицию, требуя, чтобы он дал им головы герцога Ланкастерского и пятнадцати других лордов... На это король не хотел дать своего согласия, вследствие чего они отправили к королю одного йомена с просьбой, чтобы он прибыл к ним и переговорил с ними и он отвечал, что он и сам хотел это сделать, но сказанные канцлер и казначей посоветовали ему повернуть назад, и велел им сказать, что если они хотят прийти в ближайший понедельник в Виндзор, там они получат от него приличествующий ответ.

И сказанные общины имели между собой пароль: «Ты кого держишься?» — и ответ был: «Короля Ричарда и верных общин», и те, кто не знал или не хотел так отвечать, обезглавливались и предавались смерти... Король вернулся в Лондон как только мог скорее и прибыл в Тауэр...

Вступление повстанцев в Лондон

.. Большая толпа общин подошла к лондонской цитадели [Тауэру], чтобы поговорить с королем, и они не могли дождаться разговора с ним, вследствие чего они подвергли Тауэр осаде со стороны св. Екатерины, к югу. А другая часть общин, которые были в Сити, отправились к госпиталю св. Иоанна в Клеркенвелле и по дороге сожгли усадьбу и дома Роджера Легетта, стряпчего, который был обезглавлен в Чипсайде, и все сданные в аренду дома и владения св. Иоанна, какие только могли, а затем вошли в красивое приорство названного госпиталя и предали пламени многие дома, красивые и изящные в этом приорстве, к великому ущербу и ужасу на все будущие времена, а затем вернулись в Лондон для отдыха и для худых дел.

В это время король находился в одной из башен большого лондонского Тауэра и увидел.. дома... пылающие огнем. Он позвал всех лордов, бывших с ним, в одну комнату и просил у них совета, что делать в такой трудный час. И ни один из них не умел или не хотел дать совета, вследствие чего юный король сказал, что он велит мэру Сити сделать распоряжение шерифам и олдерменам, чтобы они в своих кварталах приказали громко оповестить, что все в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет под страхом за жизнь и члены должны завтра утром, в пятницу, быть на Майл-Энде, чтобы видеть и слышать его, так чтобы все, кто находится в Тауэре, могли в безопасности выйти, куда им будет угодно, и спастись...

Взойдя в малую башню против св. Екатерины, где расположилось большое число общин, он приказал громко объявить им, чтобы все тотчас же мирно расходились по домам и что он простит им все их проступки. И все закричали в один голос, что они не уйдут прежде, чем не получат находящихся в Тауэре изменников и хартий, которые освободят их от всякого рода рабства и дадут им и другое, чего они потребуют. И король благосклонно пожаловал им это и приказал клерку написать билль в их присутствии в таком роде: «Ричард, король Англии и Франции, премного благодарит свои добрые общины за то, что они так сильно хотели его видеть и иметь своим королем, и прощает им всякого рода проступки, оскорбления и преступления, содеянные до этого часа, и хочет и приказывает, чтобы вслед за этим каждый изложил свои жалобы на письме и прислал их ему, и он по совету верных лордов и своего доброго Совета измыслит такое средство, которое будет на пользу ему и им и всему королевству». И к этому он приложил свою печать в присутствии их и затем отправил названный билль с двумя из своих рыцарей к ним к св. Екатерине и велел прочесть его им... И когда общины выслушали билль, они сказали, что это только пустяки и издевательство. Поэтому они вернулись в Лондон и велели оповестить по Сити, что

все законоведы, и все из канцелярского суда и из Палаты шахматной доски, и все, кто умеет писать бумаги, должны быть обезглавлены, где только их найдут...

На другой день, в пятницу, общины из окрестностей и общины Лондона собрали страшные силы, числом 100 тыс. и более, кроме 80 тыс., которые оставались на холме у Тауэра, чтобы стеречь тех, которые находились в Тауэре. И некоторые отправились на Майл-Энд на Брентвудской дороге, чтобы ждать прибытия короля...

И вот около семи часов король отправился на Майл-Энд и с ним его мать в карете и графы... и много рыцарей и оруженосцев... И когда он прибыл и общины увидели его, они все склонили перед ним колена и сказали: «Добро пожаловать, наш сеньор король Ричард, и мы не хотим иметь другого короля, кроме вас».

Требования восставших крестьян

И Уот Тайлер, их предводитель и главарь, стал просить его от имени общин, чтобы он позволил им взять всех изменников против него и против закона, и король соизволил на то, чтобы они взяли по своему желанию тех, кто был изменниками и о которых можно было законным порядком доказать, что они были изменниками. И названный Уот и общины держали два знамени и флаги и флажки, когда они обращались со своей петицией к королю. И они просили, чтобы ни один человек не был больше крепостным и не приносил феодальной присяги и никакой повинности не нес никакому сеньору, но давал бы по четыре пенса за акр земли, чтобы никто не должен был никому служить иначе, как по своей доброй воле и по договору.

И в это время король велел общинам выстроиться в два ряда и оповестить их, что он хочет подтвердить и пожаловать им, чтобы они были свободны и вообще все, чего они желают, и что они могут пройти через все королевство Англии и брать всех изменников и в безопасности приводить их к нему, и он будет наказывать их, как того требует закон.

Под предлогом этого пожалования названный Уот Тайлер и некоторые общины отправились к Тауэру, чтобы взять архиепископа, а другие остались на Майл-Энде. В это время архиепископ набожно пел свою мессу в Тауэре ...и, когда он произносил «все святые, молитесь за нас», вошли общины и вытащили архиепископа из капеллы в Тауэре, грубо толкали и били и других, которые были с ним, и вывели их на холм у Тауэра и отрубили голову владыке... архиепископу Кентерберийскому...

Затем они вернулись к лондонскому мосту и здесь выставили голову архиепископа на воротах моста и восемь других голов тех, которые были обезглавлены, чтобы все могли видеть их,

кто будет проходить через мост. ... И было обезглавлено в этот день 140 или 160 человек. Затем они отправились к домам ломбардцев и других иноземцев, врывались в их дома и грабили их, забирая все имущество, какое только могли найти, в течение всего дня и наступившей ночи с отвратительными криками и страшным шумом.

И на следующий день, в субботу... король велел оповестить среди всех общин окрестностей, которые были в Сити, чтобы они отправились на Смисфилд, чтобы встретиться там с ним, и так они и сделали... И в это [время] подъехал мэр Лондона Уильям Уолуорс, и король велел ему отправиться к общинам и сказать, чтобы их предводитель явился к нему. И когда он, по имени Уот Тайлер из Мэдстона, был позван мэром, он подъехал к королю с большой учтивостью, сидя на небольшой лошади, чтобы его могли видеть общины. И он сошел с лошади, держа в руке кинжал, который он взял у другого человека. И когда он сошел, он взял короля за руку, наполовину согнул колено и крепко и сильно потряс кисть руки, говоря: «Будь спокоен и весел, брат. Через какие-нибудь две недели общины будут хвалить тебя еще больше, чем теперь, и мы будем добрыми товарищами». А король сказал названному Уоту: «Почему вы не хотите отправляться в ваши места?» Тот отвечал с большой клятвой, что ни он, ни его товарищи не уйдут до тех пор, пока не получат грамоту такую, какую они хотят получить, и пока не будут выслушаны и включены в грамоту такие пункты, какие они хотят потребовать, угрожая, что лорды королевства будут раскаиваться, если они [общины] не получат пунктов, какие они хотят. Тогда король спросил его, какие это пункты, которые они хотят, и он охотно и без прекословий прикажет написать их и приложить к ним печать. И тогда названный Уот прочел вслух пункты, которые они требовали, и потребовал, чтобы не было никакого другого закона, кроме Уинчестерского закона, и что впредь ни в каком судебном процессе не будет объявления вне закона и что ни один сеньор не будет иметь сеньории, и все они будут справедливо разделены между всеми, и только один сеньор король будет иметь их, и что имущество святой церкви не должно находиться в руках монахов, приходских священников и викариев, ни других из святой церкви, но те, кто владеет им, будут получать достаточное для жизни содержание, а все остальные имущества должны быть разделены между прихожанами; епископов не будет в Англии, кроме одного, и прелатов, кроме одного; и все земли и держания, находящиеся у этих властителей, будут взяты у них и разделены между общинами, с оставлением им умеренного содержания, и что в Англии не будет ни одного крепостного, ни крепостничества, ни холопства, но все должны быть свободны и одного состояния. На это король спокойно ответил и сказал, что все, что он может, он честно им пожалует, оставляя за собой регалию своей короны, и

велел ему отправляться в свой дом без дальнейшего промедления.

Все это время, когда король говорил, ни один лорд и ни один из его советников не осмеливался и не хотел давать ответ общинам ни в одном месте, кроме самого короля..

Убийство Уота Тайлера

...Мэр Лондона, по имени Уильям Уолуорс, стал укорять названного Уота за... насилие и неуважительное поведение в присутствии короля и арестовал его. И за этот арест названный Уот с большим раздражением ударил мэра кинжалом в живот. Но, как было угодно богу, названный мэр носил кольчугу и не потерпел никакого вреда, но, как человек смелый и мужественный, извлек свой меч и ответил названному Уоту сильным ударом в шею и еще раз сильным ударом в голову. Во время столкновения один слуга королевского двора извлек свою шпагу и ударил его два или три раза в живот и ранил его насмерть И названный Уот пришпорил лошадь, крича общинам, чтобы они отомстили за него; и лошадь понесла его каких-нибудь восемьдесят шагов, и тут он свалился на землю полумертвый. И когда общины увидели, что он свалился и не знали наверное, что с ним случилось, они стали натягивать свои луки и стрелять, вследствие чего сам король пришпорил своего коня и поехал к ним и велел им, чтобы все они шли к нему на поле св. Иоанна Клеркенвельского.

Расправа с восставшими

Тем временем лондонский мэр со своей поспешностью, с какой только мог, поскакал в Лондон и сделал распоряжение, чтобы все те, кто стоял во главе двадцати четырех кварталов Сити, сделали оповещение по своим кварталам, чтобы все вооружились как только могли скорее и отправились к королю на поле св. Иоанна...

И сюда прибыли олдермены, ведя с собой начальников кварталов во главе выстроенных в военном порядке людей их кварталов, прекрасный отряд хорошо вооруженных людей большой силы. И они окружили общины, как овец в загоне. И после того как мэр отправил начальников городских кварталов к королю, он вернулся с отрядом копейщиков на Смисфилд, чтобы покончить с вышеназванным предводителем общин. Когда он прибыл в Смисфилд, он не нашел названного предводителя Уота Тайлера и этому он очень удивился и спросил, куда девался изменник. И ему сказали, что он был отнесен частью общин в госпиталь для бедных возле св. Варфоломея и положен в комнату начальника названного госпиталя. И мэр вошел туда и нашел его и приказал вынести его на Смисфилд в присутствии его товарищей и велел

обезглавить его и так окончил его преступную жизнь. И велел мэр насадить его голову на кол и нести перед собой к королю, который находился в поле... И когда общины увидели, что их предводитель Уот Тайлер умер таким образом, они пали на землю среди пшеницы, как люди обескураженные, громко умоляли короля о прощении им их преступлений. И король благосклонно даровал им прощение, и многие из них бросились бежать...

После этого король разослал своих посланцев по разным местам хватать злоумышленников и предавать их смерти. И многие были схвачены и повешены в Лондоне. И много виселиц было поставлено тогда вокруг лондонского Сити и в других городах и деревнях в южной части страны. Наконец, с божьего соизволения король увидел, что слишком много из его подданных погибло и много крови пролито, сердце его охватила жалость, и он даровал им прощение под условием, что впредь они никогда не будут восставать под страхом потери жизни и что каждый из них возьмет грамоту о помиловании и заплатит королю пошлины за его печать двадцать шиллингов, чтобы сделать его богатым. Так кончилась эта несчастная война.

«Социальная история средневековья», т. II, стр 204—214.

СОДЕРЖАНИЕ

Вера Ефимовна Степанова

Анатолий Яковлевич Шевеленко

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ (V—XV ВЕКА)

Хрестоматия

Редактор *В. И. Слуянов*
Переплет *М. В. Серегина*
Художественный редактор *В. И. Рывчин*
Технический редактор *Е. К. Полукарова*
Корректор *Л. П. Михеева*

●

Сдано в набор 27/VI 1968 г. Подписано к печати 8/VII 1969 г. $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага типогр. № 2 Печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 22,13 Тираж 100 тыс. экз. (Тем. пл. 1968 г. № 215) А 04144. Заказ 267.

Издательство «Просвещение» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР Москва, 3 й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано с матриц Саратовского полиграфического комбината на Калининском полиграфкомбинате детской литературы Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Зак. 208

Цена без переплета 60 коп., переплет 18 коп.